

ЯН
РАЙНИС

ЯН РАЙНИС

БИБЛИОТЕКА
ЛОБНА

Бібліотека
Лобна

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

Ф. Я. Прийма (главный редактор)

И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, А. Н. Болдырев,

А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, А. В. Западов,

К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов,

С. А. Рустам, А. А. Сурков

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Я Н Р А Й Н И С

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Вступительная статья,
составление и примечания*

С. Р. Виесе

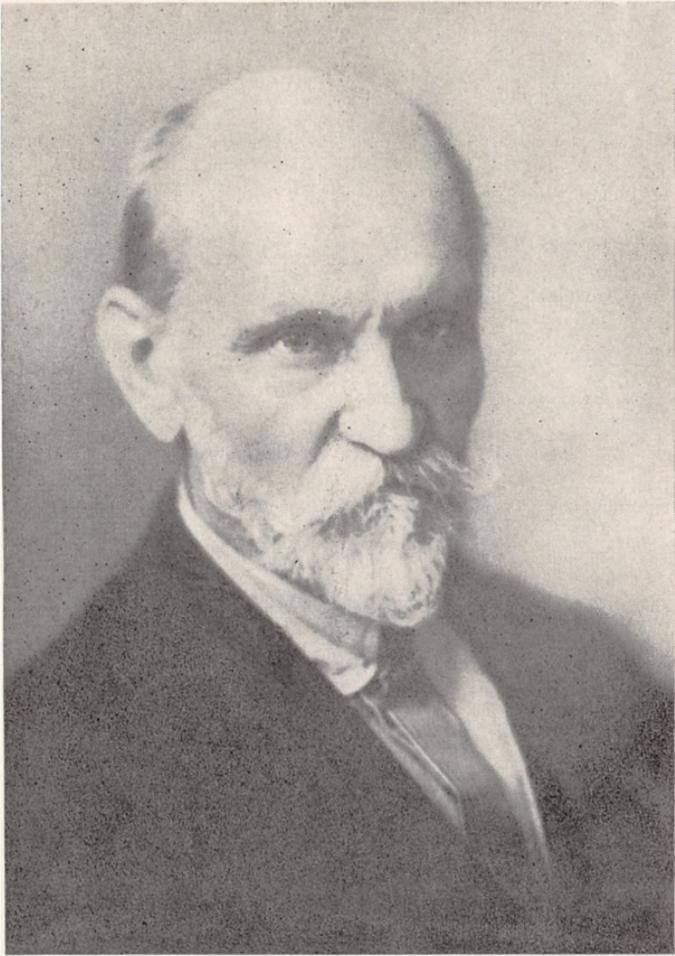
Редакция стихотворных переводов

А. А. Щербакова

Творческое наследие великого латышского поэта Яна Райниса (1865—1929) велико и разнообразно. В настоящее издание включены его избранные стихотворения, поэмы, «народная песня в пяти действиях» «Вей, ветерок!» и отрывки из «романа в стихотворениях» «Пять черновых тетрадей Дагды».

Жизненный путь и творческая деятельность Райниса неразрывно связаны с революционным движением. «Ощущение борьбы, героизма, воли — для меня все, исходя из этого и надо понимать меня...», — писал поэт. Его творчество впитало в себя латышские народные песни, белорусские, польские и русские предания, высочайшие достижения мировой литературы.

Произведения Райниса переводили В. Брюсов, А. Ахматова, Вс. Рождественский, А. Тарковский и многие другие. В книгу включены также стихотворения и поэмы Я. Райниса, впервые переведенные на русский язык специально для настоящего издания.

ПОЭЗИЯ ЯНА РАЙНИСА

Латышский народ прошел большой и богатый событиями путь культурного развития. Он взрастил сотни талантливых художников, известных далеко за пределами своей земли. Среди них особо выделяется имя Яна Райниса (1865—1929), чье творчество оказало значительное воздействие на духовное развитие латышского народа.

Творчество Яна Райниса — это живой мост, соединивший богатства латышской культуры с многовековой сокровищницей культуры мировой. Латышской поэзии и драматургии он дал новое современное содержание, открыл ей новые пути, нашел новые поэтические формы.

По сей день Ян Райнис остается наиболее ярким представителем поэзии, в которой сильно звучали социальные мотивы. Разрешение проблем не только своего времени, но и всего человечества в его историческом развитии Райнис видел в демократии и социализме. Начало его творчества теснейшим образом связано с культурно-политической подготовкой латышского пролетариата к первым великим революционным боям. Выступления рабочих начались в Латвии еще в 70—80-х годах XIX века. Рабочее движение развивалось здесь под влиянием и в тесной связи с рабочим движением Петербурга и других промышленных центров России. Между латышским и русским пролетариатом установилось тесное содружество. Огромное воздействие на развитие революционного рабочего движения оказала ленинская «Искра». События 1905 года стали для Райниса главным политическим и идейным центром, без которого его поэзия немыслима, точно так же как борьба латышского пролетариата и крестьянства в Латвии той поры немыслима вне пафоса и духовного величия, увиденного и воплощенного в ярком и взволнованном слове поэта.

Слово Яна Райниса неразрывно связано с этикой социализма. Он не только воспитатель героизма, самоотверженности и энтузиазма в своих современниках, его взгляд проникает в далекое будущее, его мысли обращены к рождению нового человека, всесторонне и гар-

монически развитого, сильного нравственно и физически, обладающего богатым миром чувств и мыслей.

Слово Райниса неразрывно связано с развитием латышского литературного языка, с развитием изобразительного языка латышского искусства вообще. Лаконичный, ясный и энергичный стиль Райниса, сочетающий потрясающую личную человеческую чуткость и философское понимание мира, — это образец, до сих пор не превзойденный в латышской литературе и вообще в латышском художественном творчестве. Сам Райнис назвал свою поэзию интимным дневником. Интимность эта тоже была богатым источником удивительной силы его поэзии. С полным правом мы можем сказать, что Райнис — уникальное явление в мировой культуре. Уникальное как гениальный художник, как глубокий мыслитель, философ, теоретик искусства; и сегодня он актуальнее, чем был для своего времени.

В предлагаемом сборнике поэтические произведения Райниса впервые представлены в хронологическом порядке. На латышском языке творческое наследие поэта, за исключением нескольких небольших по размеру сборников избранных стихотворений, преследовавших определенную цель — дать образцы его лирики, всегда издавалось с учетом структуры и состава авторских сборников. При этом неукоснительно соблюдался принцип органического единства, принцип построения симфонии: противоборство мотивов отдельных частей, поступательное движение к определенному решению, к синтезу ощущений, настроений, идей. Начиная с третьего и четвертого сборников лирические совокупности — «песни» народного поэта обретают взаимозависимый характер: с разных точек зрения и в развитии раскрываются в них социальные, этические, психологические проблемы и весь спектр переживаний личности, вызванных происходящим в мире и в сердце поэта.

Вся жизнь Райниса была посвящена поискам «новой поэзии», которая могла бы убедительно выразить не только историческую миссию современника, сущность его характера, но и наметить героя нового, социалистического общества, нравственный кодекс Человека будущего. Цели этой служит не только содержание поэзии Райниса, выраженное в новаторской, глубоко народной, кристально прозрачной и органичной форме. Достижению этой цели способствует и композиция его поэтических сборников: составляющие их стихи подобны каменным плитам, из которых возводится архитектурный ансамбль.

И тем не менее, если попытаться разобрать это здание, проследить, в каком порядке оно складывалось, то даже на первый взгляд такая попытка дает очень много.

Книга, составленная по хронологическому принципу, открывает возможность глубоко понять жизнь поэта, проследить за ходом

развития его творчества, подчеркнуть тесную связь личности с эпохой, народом, пролетариатом — «основным классом», с социальной и духовной жизнью человечества.

Расшифрованные исследователями творческого наследия Райниса дневники, наброски, планы позволяют четче определить основу, на которой выросла его поэзия и драматургия.

Узловой момент в жизни Райниса, расцвет его сил приходится на 1905 год. До того — накопление сил, подготовка личности к этому величайшему моменту. После того — защита и дальнейшее развитие, уточнение, углубление опыта, осуществляемое во имя преобразования общества и индивида. «Ощущение борьбы, героизма, воли — для меня все, исходя из этого и надо понимать меня...» — писал Райнис.¹

Таковы были основы его жизненного и творческого подвига.

1

Каковы же важнейшие этапы жизни народного поэта Яна Райниса, настоящее имя которого Янис Пликшанс?

1865 год, 11 сентября — родился в небольшом имении Таденава в семье арендатора Кришьяниса Пликшана.

1880—1883 — учеба в Рижской городской гимназии.

1884—1888 — изучение юриспруденции в Петербургском университете.

1889—1891 — работа юристом в Вильне и Елгаве.

1891—1895 — ответственный редактор газеты «новотеченцев» «Диенас лапа» («Ежедневный листок»).

1896—1897 — литературный труд, работа юристом в Елгаве, Берлине, Паневежисе.

1897, 31 мая — 21 декабря — тюрьмы Паневежиса, Лиепай и Риги.

1897, конец декабря — 1899, июнь — ссылка в Псков.

1899, июнь — 1903, май — ссылка в Вятскую губернию, в город Слободской.

1903, май — 1905, декабрь — литературная работа на родине, участие в революционных событиях.

1905, декабрь — 1920, апрель — годы эмиграции в Швейцарии.

1920, апрель — 1929, сентябрь — литературная и культурная деятельность в буржуазной Латвии.

1929, 12 сентября — смерть.

11 декабря 1940 года был обнародован декрет Президиума Верховного Совета Латвийской ССР о присвоении Яну Райнису звания народного поэта.

¹ «Лит. наследство» I. Ян Райнис, Рига, 1957, с. 273 (на лат. яз.).

За этими скучными датами — одна из самых социально и интеллектуально насыщенных биографий деятелей культуры Латвии, одна из самых сложных и ярких эпох в истории латышского народа.

Детство и юность Райниса приходится на 60—70-е годы прошлого столетия — время мощного пробуждения национального самосознания. Огромную роль сыграло здесь общероссийское революционное движение. Латышский крестьянин, почти семьсот лет находившийся в полной зависимости от немецких помещиков (в их руках до середины прошлого столетия практически были сосредоточены все земельные владения в Видземе и Курземе),¹ начинает сознавать и отстаивать свои человеческие права. Выходят первые латышские газеты, раздаются голоса первых общественных деятелей, первых поэтов. Наиболее активная часть общества свято верит во всемогущество просвещения, народного единства, труда. Стремительное развитие капитализма в России и чрезвычайно выгодное экономическое положение Латвии предоставляют некоторым сыновьям бывших крепостных возможность «выбиться в люди». И Кришьянис Плиекшанс довольно быстро смог улучшить свое материальное положение. После рождения сына он арендовал в одном из окранных районов Латвии² у местного графа семь крестьянских дворов и объединил их в небольшое имение. Спустя пять лет на более выгодных условиях он арендует имение Рандене недалеко от Даугавпилса (бывшего Динабурга), а затем и ближнее имение Биркенеле. В 1881 году Плиекшаны переселяются в Латгалию (бывшую Витебскую губернию), где около десяти лет, вплоть до смерти главы семьи, арендуют Василево и Ясмуйжу.

И хотя Плиекшаны живут и трудятся в одном из окранных районов, так как условия аренды здесь легче, чем под Ригой, они тесно связаны с центром народного пробуждения и его видными деятелями. Кришьянис Плиекшанс лично знаком с ведущим идеологом младолатышского движения Кришьянисом Валдемаром, со многими литераторами. Мать и старшая сестра Элиза — признанные рукодельницы, получают награды за свои тканые и вязаные изделия. Судя по семейной переписке, Элиза, на которую с годами легла почти вся тяжесть хозяйственных забот, коллекционирует фотографии композиторов, военачальников, артистов и всегда в курсе событий культурной жизни Риги. Младшие дети — Янис и Дора получают не только среднее, но и высшее образование. Дора Плиекшане, позднее участница революционного движения и литератор, в 90-е годы изучает за границей медицину. Будущий поэт едва ли не с колыбели приобщается к искусству. Сначала это латышские народные

¹ Исторически сложившиеся области Латвии, составляющие 2/3 ее территории.

² Ныне Екабпилсский район.

песни, петье ему матерью, потом литовские, белорусские, польские, русские мелодии, предания, сказки. В родительский дом это духовное богатство приносят плотовщики, батраки, прохожие — Плиекшаны жили в местах, граничивших с литовскими, польскими, русскими, белорусскими землями. С детства доступной становится юному Райнису и мировая классическая литература.

Естественно, что духовные интересы юноши пробуждаются рано и бурно. Наблюдения за жизнью в родной стороне, и особенно в отсталой, полной противоречий Латгалии, формируют его интерес к социальным проблемам. Вера в великую освободительную и воспитательную миссию искусства рождает горячее желание как можно быстрее познакомить свой народ с величайшими образцами мировой культуры. Еще в гимназические годы возникает у Райниса проект антологии, которая должна была включать произведения Пушкина, Гете, Байрона, Шиллера, Беранже, Петрарки, Лессинга, Кольцова, Шевченко и других, фольклор народов Европы и т. д. Частично замысел был реализован в сборнике сатиры и юмора «Маленькие оводы» (1888), составленном вместе со школьным и университетским другом поэта Петром Стучкой. В книге представлены образцы поэзии и прозы Овидия, Катулла, Анакреонта, Лукиана, Бернса, Гейне, Твена и других авторов. В нее вошли и первые поэтические опыты самих юных составителей. В период между окончанием гимназии и поступлением в университет Райнис интенсивно работает над переводом пушкинского «Бориса Годунова».

Так же рано и бурно, осваивая классическое наследие, органически соединяя его с собственными открытиями, собственными мыслями, формируется дарование будущего поэта.

Чуть успел понять, что существуешь, —
Сразу выразить себя стремишься,
Ощупью бредешь во тьме рассветной.

Сердце мучится тоской по слову,
Каждой боли хочет дать название,
Каждому цветку определенье.

И слова медлительно-тягуче —
Сладость меда с горечью печали —
Темным золотом тяжелым льются.

Спят еще в том золоте все формы,
И душа, раскрывшись, выраженье
Лишь в немой поэзии находит.

(«Волплощающаяся душа»)

Такие гармонические, озаренные подлинной поэзией строки писал Райнис уже в зрелые годы, имея в виду свои первые литературные опыты. Но глубокое знакомство с дневниками гимназических и студенческих лет дает нам право сказать, что уже в это время «горечь печали» существенно преобладает над «сладостью меда». Формирующаяся душа предстает перед нами словно бушующее море — в приливах и отливах сил, мятущаяся под грузом сомнений и упреков.

Духу ни вперед, ни ввысь
Не увлечь усталой плоти.
Рвется дух, клянет он тела
Устрашающую слабость.

(«Духу ни вперед, ни ввысь. . .»)

Период созревания, формирования, рождения таланта. Сам поэт измеряет его пятнадцатью годами. Не следует думать, что это поэтическая гипербола. Если учесть, что первые дневники относятся к 1882 году и в то же время, вероятно, возникает целый ряд литературных замыслов, если помнить, что в «Маленьких оводах» и в вышедшем годом позже сборнике сатирических стихотворений «Опевальные песни к третьему всеобщему латышскому празднику песни» Райнис как лирик себя не проявляет, то никакого преувеличения здесь не окажется. Имя Райниса приобретает известность во второй половине 90-х годов, хотя и в это время Райнис прежде всего уверовал в себя как в переводчика, но не как в поэта. Первый большой сборник лирики Райниса «Далекie отзвуки в синем вечере» выходит в 1903 году, когда автору уже 38 лет.

Что же является доминантой ранних стихотворений Райниса? Составленный самим поэтом, но не изданный при жизни сборник юношеских стихотворений «Утренние песни», безусловно, несет на себе отпечаток эпохи народного пробуждения. Есть в нем и любовная лирика. Но прежде всего поэта занимает совсем другое. Поиски смысла жизни. Поиски этического идеала своего времени, осознанное противоречие между «духом и плотью», между окружающим бытом и идеалами. Шестнадцатилетний юноша размышляет над предназначением поэта; тема эта, варьируясь, пронизывает все творчество Райниса. Он набрасывает иронический портрет среднего человека, «почтенного гражданина», который никогда не обгонит время, не создаст ничего своего. К портрету этого «филистера» молодой Райнис возвращается неоднократно. Характеристики становятся все беспощаднее: «Он равнодушен, не испытывает восторга, не способен глубоко чувствовать, ограничен в своих взглядах. А значит, он не может

помочь другим, в состоянии прожить лишь свою жизнь». И дальше пылкое, полное юношеской горячности утверждение: «Ведь надо жить ради других, не только для себя» (Дневники 1882/1883 годов).¹

С юных лет выкристаллизовался идеал человека, подлинного героя, поиски которого определяют произведения всех последующих лет. Именно на него пытается равняться зреющий художник. Важнейшие качества этого человека — активность, духовная сила, отвага, большие цели:

Юноши, будьте
Смелы, задорны.
...Где б ни прошли вы,
Искры пусть тлеют...

В бой за свободу
Смело, рядами!
Люди за вами
Выйдут сражаться.

(«Юношам»)

Юноше, которого взрастило мировое классическое искусство, идеальной в первую очередь представляется личность поэта, а создатели и герои мировой классики ассоциируются с высокими принципами гуманизма, с носителями идеалов, героизм духа которых сочетается с душевной чуткостью и чистотой.

Осознанное стремление к идеалу становится в то же время одной из субъективных причин нарастания внутренних противоречий в душе молодого автора. Он хотел бы возложить на себя миссию художника, в которой слились бы воедино благородство характера, сила таланта и великая цель. С ранней юности в нем живет присущее классическому романтизму стремление к возвышенному. Но Янис не принадлежит к тем молодым людям, которые могут обмануть себя несуществующим единством реального и идеального. Он остро воспринимает контрасты, пожалуй даже болезненно остро. Он слишком чутко воспринимает искусство, чтобы считать написанное им достойным творений великих художников. Он слишком самокритичен, чтобы претендовать на роль героя в современном ему обществе. Во всех дневниках юношеской поры и в большинстве поэтических строф мы находим беспощадное осуждение себя за беспомощность, бездеятель-

¹ Архив Райниса. Государственный музей литературы и искусства им. Я. Райниса. В дальнейшем материалы этого архива цитируются без ссылок.

ность; порой звучит и отчаяние, которое приводит к мысли о самобуийстве.

Корни внутреннего разлада надо искать гораздо глубже — в объективных условиях. Талант Райниса зрел в 80-е годы — эпоху глубочайшего кризиса в сознании общества. Стремительно развивается капиталистическое производство в городе, происходит резкая социальная дифференциация в деревне. Если раньше все зло связывали с господством прибалтийско-немецких баронов, то ныне стало ясно, что классовые противоречия резко обострились и среди латышей. Таким образом, рухнул миф о единстве и сплоченности латышского народа, на которые в предыдущие десятилетия возлагались огромные надежды. Оказалось, что «хорошие люди» чахнут, хиреют, «злые» богатеют; в обществе росло чувство неуверенности, разочарования, сознание несправедливости жизни. В лирике молодого Райниса они нашли отражение в стихотворениях «Он это знал», и «Господи боже...». Через полтора десятилетия, размышляя над романом о юности, Райнис заметил: «Вокруг лень, покой, неподвижность, смерть. Я тоже ленив, бессилён. Сам ли я виноват? Нет, на меня же давят, я хочу это изменить. Хочу дать жизни законы, движение. В одиночку нельзя. ...Виновато время. Не могу ничего делать, потому что дела нет никакого».

Сила молодого Райниса именно в том, что порой принимают за слабость — постоянно терзающие его внутренние противоречия, исполненный боли пессимизм. На вопросы, выдвигаемые жизнью и искусством, он не находит пока своего ответа («Сердце изгрызла горечь сомнений...»). Все выводы впереди. Его мир еще не родился.

Годы, проведенные в Петербурге, помогают разобраться во многих политических и социальных проблемах. С каким восторгом молодой студент, изучающий юриспруденцию, пишет 24 октября 1884 года своим родителям о том, что настал черед «не только перечислять» законы, но и учиться понимать, «как возник суд, каков он, за что он, где, кому, откуда, где начало, где конец!» Знания эти нужны для того, чтобы можно было «изменить сам суд и законы».¹ Янис Пликшанс изучает не только специальные предметы, его привлекают естественные науки, история, литература, он активно интересуется языкознанием, вопросами этнографии. Зарождаются связи с революционно настроенными студентами, происходит первое знакомство с работами русских революционных демократов и с марксистской литературой.

В конце 80-х годов в Латвии начинает формироваться так называемое «Новое течение». Вокруг газеты «Диенас лапа», которая начинает выходить в 1886 году, все теснее сплачивается демократически

¹ Ежегодник Райниса 1976, Рига, 1976, с. 16 (на лат. яз.).

и революционно настроенная интеллигенция. Недовольная политикой национальной буржуазии, существующим строем, молодежь горячо интересуется социализмом, естественными науками, философией, искусством. Левые «новотеченцы» изучают марксизм, завязывают контакты с рабочими кружками, организуют ввоз в Латвию нелегальной литературы.

И в студенческие годы, и в годы работы в Вильне и Елгаве Янис Плиекшанс публикует в газете «Диенас лапа» ряд статей. В 1891 году его приглашают на должность ответственного редактора. Годы работы Райниса в редакции газеты становятся годами наивысшего идейного подъема в ее деятельности и в то же время наиболее серьезными и бурными годами деятельности «Нового течения», годами становления латышской социал-демократической партии.

«Девиз Гуттена «Ich hab's gewagt!» (Я отважился!)¹ был и моим девизом в это время, и девизом всего „Нового течения“»,² — вспоминал впоследствии поэт.

В газете работали будущие основатели латышской социал-демократии: Петр Стучка, Паул Дауге, Фрицис Розинь-Азис, Янис Янсон-Браун. Для того чтобы глубже изучить опыт рабочего движения, Райнис в 1893 году приезжает в Цюрих, где в то время учится его сестра. Благодаря Доре ему удается прослушать доклады на последних заседаниях III съезда II Интернационала, встретиться с Августом Бебелем.

«Диенас лапа» большое внимание уделяет художественной литературе, литературной критике, фольклору, этнографии. В эти годы громче и убедительней всех звучат голоса поэтов Эдуарда Вейденбаума (1867—1892), рукописи которого уже после его смерти публикует газета, и Аспазии. Революционный призыв Вейденбаума: «Проснись, проснись, свободный дух!» и энергичный призыв Аспазии: «Дайте же мне мысль великана!» стали девизом пронизанного духом беспокойства латышского искусства 90-х годов.

Редактирование газеты отнимает много времени, и литературная работа остается на втором плане. В этом, очевидно, повинны застарелые сомнения в собственном таланте. Сомнения эти подкрепляются еще и тем, что в 1891 году некий издатель отверг первый лирический сборник Яниса Плиекшана, назвав его никуда не годным. Отвергнутым оказался и перевод «Бориса Годунова», позднее изданный без серьезных поправок.

¹ Ульрих фон Гуттен (1488—1523) — немецкий гуманист и политический деятель.

² Я. Райнис. Собр. соч. в 14-ти т., т. 14, Рига, 1951, с. 577 (на лат. яз.).

Поэтому столь важной в жизни Райниса стала его встреча с Аспазией (настоящее имя Эльза Розенберг, 1865—1943) в 1894 году.

Произошло это в канун постановки романтически тревожной, пронизанной мечтой о гармонической личности пьесы Аспазии «Вайделоте». Внезапно вспыхивает любовь, в которой слились долго копившееся пламя чувств и мечта о совместной работе с человеком творческой мысли. Примерно через год после знакомства еще никому не известный поэт показывает свои стихи Аспазии. Она мгновенно оценила глубокий, зрелый талант и сумела убедить Райниса, что подлинное его призвание — литературный труд.

Вторая половина 90-х годов — новая проверка сил, уяснение задач искусства, выработка эстетической платформы. Не публиковавшиеся до сих пор заметки поэта свидетельствуют: Райнис не только осознал теснейшую связь поэзии с эпохой и ее активную роль в формировании сознания человека, — он остро чувствует потребность в новом содержании и новой образной системе искусства, которые опирались бы на глубокое современное научное мировоззрение, понимание общества, природы и личности: «Поэзия устарела, все сравнения пришли к нам из христианства, рыцарских времен, старой философии, преданий. Новейшая наука, которая в своем величественном движении распространяется все глубже и шире, не дала поэзии ничего — ни образов, ни тем. . . Поэзия нового времени должна возвыситься до философии, и она-таки станет в жизни значительной силой».

В заметках, относящихся к 1896 году, поэт говорит о замысле работы, посвященной человеку будущего и искусству будущего. В это же время он обсуждает с Аспазией замысел большого социального романа, где бы нашла отражение экономическая и культурная жизнь Латвии в годы, предшествовавшие «Новому течению». Стержнем романа, по мнению поэта, должна стать личность, которая ищет свою цель и смысл жизни, которая отваживается на борьбу за свои права, за преобразование общества, за рождение нового человека.

2

С 1895 года в периодике начинают появляться стихи и переводы за подписью «Райнис». В выборе псевдонима сыграли роль воспоминания молодости. Этот звучный диалектизм (точное значение его пока не установлено) поэт, как рассказал он позднее, прочел на придорожном столбе (им, по обыкновению, отмечали участок дороги, содержать в порядке который обязан был крестьянин). В Латгалии Райнис позаимствовал еще одно красивое имя, со временем он назовет им своего героя из «Пяти черновых тетрадей» — Янис Дагда.

Талант, долгие годы зревший в мучительных сомнениях, наконец расцветает, жизнелюбивый, целенаправленный. Недаром

Райнис неоднократно сравнивал себя с героем латышских преданий Илинем, многие годы неподвижно пролежавшим на печи, накопившим силы и в бурном порыве поворотившим землю востоком на запад.

Дальнейшие события, которые возникали словно бы только для того, чтобы сломить, поставить на колени каждого, кто недостаточно верит в себя, во всей полноте раскрывают силы, таившиеся в личности Райниса. Летом 1897 года арестованы видные «новотеченцы», им предъявлено обвинение в пропаганде социал-демократических идей. Райнис на этом процессе фигурирует как один из основных обвиняемых. Это был первый крупный политический процесс в Латвии, исходом которого могло стать самое худшее: долговременное заключение, ссылка, а может быть, и смертный приговор. Поэта изнуряет болезнь, вынужденная разлука с любимым человеком, одиночество в тюремной камере.

Но тем, кто верен до конца отчизне,
Чья грудь как сталь под молотом-судьбой,
Боль родины — мученье целой жизни.

Их обрекают на позор и муки,
К стене их ставят, связывая руки.

(«Любящие отечество»)

И все же — разве можно сделать больше, чем сделал Райнис в тюрьмах Паневежиса, Лиепая и Риги, в тюремной больнице? Закончен перевод гетевского «Фауста». Труд этот имел большое значение прежде всего для дальнейшего развития и обогащения латышского литературного языка. Написано около ста стихотворений, среди них такие жемчужины райнисовской лирики, как «Сиреневатые искры», «Золотая дымка», «Любящие отечество». Ежедневно пишет он письма Аспазии. В общей сложности эти, главным образом переправляемые тайком, записки составляют целый том. Идет работа над проектами книги о Человеке будущего, в связи с чем накапливаются заметки философского характера, конспекты прочитанных в тюрьмах книг, мысли об Ибсене, Зудермане, Ницше, Фейербахе, древнеиндийской поэзии и т. п. Формируется мировоззрение, идет упорный процесс самовоспитания, потому что «грусть бесплодна, это лишь обличье нетребовательности, и подрывает духовные силы. Я предпочитаю здоровый фанатизм».

В понятие «здоровый фанатизм» Райнис вкладывает требование осознанной, ясной жизненной цели, требование права личности на независимость и внутреннюю свободу. Художник, одним из первых в Латвии постигший значение социалистических идей, и в искусстве

первый по-настоящему глубоко осмысливает и разрабатывает сложнейший вопрос о роли личности в великой борьбе и ее задачах в деле преобразования общества. Личность — элементарная частица массы. Ценностью ее и определяется ценность, активность, сила массы. Особенно важна личность творца, самобытность в искусстве, где единственно она предоставляет возможность изобразить людей и понять их в совокупности.

В момент, когда вокруг процесса «новотеченцев» поднялась самая высокая волна общественного возмущения (всем, казалось, грозила смерть или каторга), Райнис получает от Аспазии отчаянное письмо, в котором темпераментная, импульсивная поэтесса, словно хватаясь за соломинку, обращается к богу. Одна эта фраза вызывает у поэта бурю протеста, отголоски которой в письмах и заметках слышны еще очень долго. Райнис меньше всего говорит о существовании бога. Для него важна этическая сторона вопроса. Уповать на бога — означает добровольно подчинить себя силе, которая, давая защиту и «радостный, полный удовольствий, блаженства мир, исполненный мирного труда»,¹ в то же время отнимает право на самоопределение, развитие, лишает творческой гордости и мужества. Источником силы должна быть не вера в авторитет, воплотившийся у христиан в образе бога, а вера в доброе начало в себе, вера в Человека будущего в себе. А это значит: надо формировать, закалять личность, которой предстоит стать «элементарной частицей великой борьбы». Здесь и надо искать ключ к внутренней гармонии, которую поэт спустя года четыре сформулирует в стихотворении «Сам»:

Дари свой труд, но сил приумножением
Сам ведай, каждый миг живя борьбою.
Тогда ты сам — владыка поля боя,
Хозяин своего вооружения.

...Сам бейся, сам суди и сам твори,
Сам дверь себе для счастья отвори.

Годы ссылки, проведенные в Слободском и Пскове, не многим легче месяцев, проведенных в тюрьме. Большую часть энергии отнимает «забота о презренных, глупых и грязных копейках». Работу, мало-мальски соответствующую полученному образованию, выполнять не разрешают. Единственный источник существования — литературное творчество и переводы, которые публикуются благодаря Аспазии: вначале она отправляется вслед за мужем в Псков, а затем

¹ «Лит. наследство» I. Ян Райнис, Рига, 1957, с. 68 (на лат. яз.).

возвращается в Ригу на редакционную работу. Позже у нее появляется возможность одну половину года жить в Слободском, вторую — работать в редакции газеты «Диенас лапа». В годы разлуки в Ригу ежедневно уходит письмо из ссылки — поэт пишет о своих буднях, о проделанной работе, делится замыслами. Аспазия каждый день отправляет письмо из Риги. И день, когда она получает от Райниса стихотворение, становится праздником; но таких дней не много: главное сейчас для него — переводы, ведь только они могут обеспечить минимальный уровень существования. И хотя Райнис переводит шедевры мировой классической литературы: Лермонтова, Гейне, Лессинга, Ибсена, Горького, — его угнетает титанический объем работы и необходимость сдавать переводы строго в установленный срок — ведь публикуются они в периодической печати. Во время работы над «Вильгельмом Теллем» Шиллера Райнис пишет Аспазии: «Он мне надоел по горло, этот добрый Телль, особенно с тех пор, как под моим окном уложили весь булыжник: пока мостили, я сидел в комнате, смотрел на работающих и с чувством подлинной коллегиальности подгонял строфу к строфе, как они булыжник к булыжнику. Я сложил уже столько строф по образцам, предложенным другими авторами, что сам себе кажусь мостильщиком улиц латышского Парнаса; говорят, это очень болотистая местность» (20 февраля 1901 года).

И все-таки: «Перед нами грандиозное будущее, великие задачи. Будь готова всю себя, Инынь, отдать нашему великому делу», — пишет поэт Аспазии 25 марта 1902 года. В Слободском, куда были высланы около тридцати политических ссыльных из Риги, Москвы, Еревана, Киева, ни на мгновение не ослабевает боевой дух 90-х годов. На родине же, в Латвии, после ареста «новотеченцев» наблюдается спад в общественной жизни. И в этот сложный период Райнис стремится показать в своем творчестве неотвратимость борьбы и правоту мерность поступательного развития общества.

Из произведений крупного жанра в Слободском создано лишь одно — комедия «Полуидеалист» (1901), в которой автор восстает против псевдонародности и буржуазного национализма. Пьеса не совсем удовлетворяет Райниса; она прежде всего доказала ему самому возможность творчески трудиться, но до уровня осуществления больших замыслов не поднялась.

В Слободском Райнис опять обращается к мысли о романе, но в то же время чувствует, что роман на основе реалистического бытового материала — наименее приемлемая для него форма самовыражения. Темперамент поэта и переизбыток идей влекут к поискам жанра, который помог бы полнее раскрыть гармоничный, возвышенный героический образ, с вдохновением и пафосом призвать к преобразованию жизни. В ссылке много времени Райнис уделил работе

над уже упоминавшейся драмой-легендой «Илинь». Ее герой выходит на борьбу с силами природы, социальной несправедливостью и самим богом, который трактуется Райнисом как воплощенная в художественном образе догма. Черновые наброски к пьесе раскрывают одну существенную деталь: именно здесь Райнис сознательно пытается найти диалектический подход к изображению человечества, судеб народа, сил природы и внутреннего мира человека в их единстве. Именно это произведение Райниса дает основание говорить о том, что в начале 900-х годов он стоял на пути создания искусства нового типа. В набросках к драме выкристаллизовались два основных символа творчества Райниса: Солнце (или Огонь) и Ночь. Два элемента природы, две стороны человеческого бытия. Одна — радость созидания, самоотверженность, материнская доброта, героизм; другая — недвижимая, фатальная, эгоистичная власть тьмы, сконцентрировавшая в себе все враждебное жизни. Жизнь в понимании Райниса неотделима от развития, гармонии, радости, «жизнь стремится все объять, втянуть в движение, а противоположности примирить...»

Драма так и осталась в черновиках и набросках, хотя над отдельными ее фрагментами Райнис работал до последних лет жизни. Как признавался сам поэт, приготовленные для «Илиня» глыбы послужили материалом для других произведений, прежде всего для поэмы «Ave soll!», работу над которой Райнис продолжил в Швейцарии. В 1904 году из материалов «Илиня» на одном дыхании родилась первая философская драма Райниса «Огонь и ночь».

В 1901—1902 годах Райнис приступает к составлению лирического сборника «Дальние отзвуки в синем вечере». К этому же периоду относятся и многочисленные заметки о том, каковы будут характер, художественная форма и настроение этого сборника: «Зрелая, мужественная поэзия (...) из мрачных времен угнетения, зной перед грозой, воздух, полный молний и сдержанной силы. Основной мотив — глубокая, завуалированная боль неудержимого стремления к свету, силе и утонченности, к воплощению зарождающихся чувств. Таинственное — это бесконечно далекое и глубокое, еще неосознанное, летний полдень, (а) не ночная тайна: обожествление жизни».

Из всего лирического материала, созданного до 1902 года, Райнис и Аспазия отбирают стихотворения, наиболее полно характеризующие духовную атмосферу, царившую в латышском прогрессивном обществе на рубеже столетий. Все сведено к переживаниям индивида — боль, радость, любовь, протест, и все пережитое индивидом в свою очередь вырастает из противоречий общества. Протест против давящей будничности выражен в стихотворениях «Люди и боль»,

«Глубочайшие думы», «Рано утром». Сатирически острые, проникнутые глубокой горечью стихотворения «Обыватель», «Пессимист», «Любящие отечество» намечают основную линию раздела «Смрадный воздух», резко критикуют мещанство, продажность имущих классов, нищих духом. «Трехцветное солнышко» включает написанную в духе баллады «Королеву», стихотворения «Былое», с как бы эскизно намеченными картинами борьбы за свободу, и «Размышления в ночь накануне нового века», где дана политически острая характеристика эпохи. Затаенную боль по свету выражают стихи, написанные в тюрьме и ссылке, сгруппированные в разделах «Под темно-зелеными крыльями одиночества» и «Ночные тени». От этих теней, от душевного холода спасают любовь и нежность, выраженные в стихотворениях раздела «Золотая дымка». Они не только воспевают волшебную силу женской души, ее животворящее начало, — «Жаждающая земля», «Моя тоска» изображают любовь как титаническую движущую силу труда и борьбы. От стихотворения к стихотворению зреет долго сдерживаемая, подавляемая сила, чтобы вырваться свободным потоком, гордым и ликующим, в разделе «Канун весны» — в динамических строфах «Сломанных сосен», «Весенних дней». В 1903 году к читателю приходит книга, которая, зафиксировав ощущения прошедших лет, стала предвестником еще неизвестных, но близких событий. «Дальние отзвуки в синем вечере» возвестили о приближении революции 1905 года.

3

Выход книги в свет совпадает с возвращением Райниса и Аспазии из ссылки. Родина встречает поэта как провозвестника новой эпохи, духовного учителя народа. Поэзия Райниса звучит со сцены, на его стихи пишется музыка, они распространяются в рукописных списках. Само время нуждается в искусстве Райниса. И само время дает стимулы для новой поэзии. В Российской империи ширится рабочее движение. Латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали, как отмечал В. И. Ленин, «одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя». ¹ Наблюдается подъем и в культурной жизни Латвии. Появляется новое поколение художников, жизнелюбивое, беспокойное, исполненное симпатии к предстоящим переменам. Имя Райниса становится для них путеводной звездой. «Назрел миг, и все мы жили в предчувствии чего-то удивительного и готовили великий 1905 год», ² — пишет поэт в своих воспоминаниях.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 305.

² Я. Райнис, Жизнь и труды в 11-ти т., т. 1, Рига, 1925, с. 367 (на лат. яз.).

Начиная с лета и до конца 1905 года Райнис напряженно и плодотворно работает. Поэт активно участвует в деятельности социал-демократической партии, выступает на конспиративных сходках, на митингах и собраниях. В 1905 году он участвует в работе съезда учителей Латвии, едет в Москву как делегат съезда представителей земств и городов. В доме поэта собираются учителя, художники, писатели, члены социал-демократической партии.

В этот период он испытывает и огромный творческий подъем. Спустя годы Райнис напишет, просматривая работы тех лет: «Когда я теперь перечитываю старые стихотворения, меня поражает их веселый, радостный настрой. Просто удивительно, как может человек быть таким радостным; но быть таким и есть его долг».¹

Уже говорилось о том, что в 1904 году была завершена драма «Огонь и ночь». Она имеет принципиальное значение и для понимания основных элементов поэзии Райниса. Материал для «старой песни на новый лад» почерпнут из эпоса выдающегося поэта эпохи народного пробуждения Андрея Пумпура «Лачплесис» (1888). В эпос в свою очередь включены народные сказания о борьбе латышей с немецкими поработителями в XIII веке. Но произведение Райниса было задумано не как драматургический вариант эпоса и не как воплощение современных событий в фольклорных образах. В центре внимания поэта — великие закономерности, которые побуждают меняться людей, классы, общества и эпохи на всем пути развития человечества. Герои пьесы Лаймдота, Спидола, Лачплесис, Кангар — это символы, причем представление Райниса о символах резко отличается от бытовавшего на рубеже столетий. Для Райниса символ — способ художественного постижения явлений жизни в их диалектическом развитии, во всей их противоречивости. Постоянно изменяется жизнь — и символы райнисовской драматургии постоянно изменяются, развиваются.

«Идеи я тоже хотел показать в их развитии, диалектически... как Маркс первый описал и пытался понять общество диалектически»,² — замечает поэт в 1908 году, размышляя над образами драмы «Огонь и ночь».

В своей поэзии Райнис создает символику движущих сил, ускоряющих или замедляющих ход развития человечества. В 1908 году он следующим образом расшифровывает символы «Огня и ночи»: «Лаймдота каждый раз идеал, в каждом круге ее развития, когда возвышаются до нее, устанавливается мир и довольство. Конечно, в каждом круге Лаймдота иная, однако тенденции ее движения неиз-

¹ Я. Райнис, Жизнь и труды, т. 1, Рига, 1925, с. 367 (на лат. яз.).

² «Лит. наследство» I. Ян Райнис, Рига, 1957, с. 272 (на лат. яз.).

менны. . . Спидола — противодействующая сила, толкающая дальше идеала (Лаймдоты). Борьба Лаймдоты и Спидолы ведет к идеалу в следующем круге. . . Лачплесис — сила, проходящая через все круги, как будто бы идущая назад, в круг, но более высокий». ¹

Для Райниса поэтический труд — «живая материя со своей жизнью», активная сила, не только отображающая, но и созидающая, формирующая. Этот принцип вновь и вновь подчеркивается в набросках, дневниковых записях, в поэзии последующих лет.

В 1904 и 1905 годах написано большинство стихотворений, вошедших в следующий сборник «Посев бури» (1905). Это «весенняя песня» Райниса. Латышская критика довольно много писала о том, что в этом сборнике мастерски использованы образы природы, символически отображающие революционные события на родине, открыто говорить о которых по цензурным соображениям было просто невозможно. Однако такую точку зрения можно принять с оговорками.

На самом деле, с тех пор минули десятки лет, в латышской поэзии появились и другие не менее значительные лирические сборники, и тем не менее второй книги, характер которой столь широко и всеобъемлюще определило бы одно время года, нет. В поэзии Райниса — сама весна, с ее сырыми ветрами первых оттепелей, нагретым солнцем пляжем, стройными соснами на морском побережье, на которые нисходит исполненный сил покой раннего лета. Нет больше в латышской литературе таких стихов, в которых изображение природы было бы так далеко от идиллии. Весна Райниса — вихрь контрастов. Водоворот разрушающих, преобразующих, наполняющих жизнью сил, арена борьбы. И над грозowymi вихрями, над раскатами грома во вступлении к «Посеву бури», словно звон меча, звучат чеканные слова Вергилия: «*Agna virosque sapo*» («Воспеваю мужей и оружие»). Эти стихи о весне и борьбе увековечили события 1905 года, тот светлый пламенный героизм, который увлек веками угнетаемые массы на дерзновенные подвиги. Но тема революции еще не исчерпывает содержания «Посева бури».

В условиях развивающихся революционных событий убедительную трактовку получают у Райниса многие, ранее лишь теоретически обсуждавшиеся или подсказанные интуицией вопросы, проблемы этики и философии: одиночка и масса, радость и гармония, смысл жизни и смерть, миг и вечность.

Поэзия Райниса революционных лет исполнена удивительного оптимизма, героическое «я отважился» слышится и тогда, когда художник рисует мрачные картины. Жизнестойкость героя поэзии Райниса столь велика, что пессимизм тает, словно утренний туман,

¹ Там же, с. 276.

«опустошенные души» наполняются новым содержанием, «дети сумерек» готовятся к встрече солнца.

Не отделяя жизни природы от жизни общественной, Райнис видит неизбежность революционного взрыва. Не только в общественной жизни, где революция зреет медленно и мучительно, но и там, где она каждый год разражается заново. Весной реки взламывают лед — революция. Пробивается новый росток, разрывая оболочку, — революция. Возвещает в крике младенца о своем появлении жизнь — революция. Природа царит в поэзии Райниса — величественная и прекрасная — не затем, чтобы придать четверостишиям большую образность и живописными картинками усыпить бдительность цензора. Процесс, происходящий в творческом сознании, гораздо сложнее. Начатое в студенческие годы изучение диалектики, биологии, физики, физиологии продолжается, идут поиски тех аспектов, где природа и человек выступают как единое целое, живут по тем же законам превращений и изменений. Даже самое крохотное существо не живет обособленной жизнью. Все подвержено переменам. Революция — это элемент жизни, неотъемлемый, неизбежный, как неизбежен приход нового. Это убеждение, сформировавшееся на основе глубочайшего понимания природы, побуждает и в ней самой искать проявление величайших законов диалектики и то прекрасное начало, которое несет в себе зарождающееся, изменяющееся, новое.

Размышляя в лирике Пятого года над личностью своего героя, Райнис выделяет стихотворение «В вечном созвучии», обозначив его как «основное ощущение» этой эпохи, исходя из которой можно «объяснить» и все остальное:

На всё смотрю без страха,
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я!

С широким шумом моря,
С симфонией лесной,
С медноголосой бурей
Сливаю голос свой.

Для лирического героя Райниса счастье определяется прежде всего тем, насколько органично сумеет он слиться с великим потоком, несущим с собой новую жизнь, — потоком, меняющим ход истории человечества. Революция поднимает личность на более высокую ступень, где взаимодействуют индивидуальное и общественное. В «Посеве бури», как и в других стихотворениях Пятого года, линии эти сливаются, удваивая силы героя. Сознвая свою связь с обще-

ством, «я» Райниса в то же время берет на себя ответственность за общество. Чувство ответственности рождает героизм — с 1905 года тема эта в его творчестве обретает особое значение.

Те, кому посвящены стихотворения «Могилы наших героев», «Первые жертвы», «Тюремные стены», становятся прообразом грядущих поколений, утверждающим внутреннюю силу и благородство души человека, становятся моделью Человека будущего. Воспитывать в народе героизм, воспитывать человека, который, сражаясь за свою цель, может пожертвовать ради нее всем, — эта мысль становится основополагающей в дальнейшем творчестве Райниса. В 1906 году, размышляя над будущими, посвященными революции произведениями, поэт подчеркивает: «Пробуждать и развивать в народе героизм способны лишь поистине героические люди. Ты, народ, должен стать великим, духовно великим, первым народом социализма. Все духовное оружие, всю науку сосредоточь в своих руках, возвращай более духовную, более героическую юность, перерастающего самого себя».

В годы наступившей реакции последнее произнесенное Райнисом слово, завершающее «Посев бури», — стихотворение «Все-таки», пронизанное убеждением в своей правоте:

Присловье «все-таки»
Помните в час,
Когда сочтете
Мертвыми нас.

Нет, не дождетесь
Во веки веков,
Чтоб нас задавила
Тяжесть оков.

«Все-таки» — это вера сеятеля в то, что зерно подо льдом и снегом дождет своего часа и прорастет. «Все-таки» — вера жизни в новую жизнь. Поэзия Райниса — гимн революции — звучит и в гораздо более широком смысле — как гимн торжествующей жизни. Она предвещает новые перемены, формирует новую, более сильную личность, которая разрушит опоры старого мира.

4

В конце 1905 года, в период разгула реакции, Райнис и Аспазия покидают родину и отправляются в Швейцарию. Эмигрируют многие участники революции. Знаменательна встреча поэта с другим политическим беженцем — профессиональным революционером Фердинан-

дом Гриньшес. Гриньшес уже собирается на родину, где через несколько месяцев умирает в тюрьме. Описывая их краткую встречу, поэт в книге воспоминаний «Кастаньола» как бы расшифровывает содержание своего творчества, сущность героя лирики и драматургии: «Эта тонко чувствующая, прекрасная душа была душой героя и страдальца во имя великой идеи, она внушила юноше бесстрашие, сделала его закаленным борцом за Латвию и социализм. Он был типом такого героя, которого я старался воплотить в своих драмах, — тонкая духовная сила, которая побеждает и в реальной жестокой борьбе... Я счастлив, что в жизни увидел то, что представлялось только в мечтах».¹

Поэты поселяются в Швейцарии — в небольшом поселке Кастаньола на берегу озера Лугано. Швейцарию Райнис называет и своей второй ссылкой, и своей второй родиной. Природа Швейцарии все пятнадцать лет радует его своей красотой, она обогащает лирику новыми образами и необычными для латышской литературы деталями. Озеро, скала Гандрии, под сенью которой родилось не одно стихотворение Райниса, старое кладбище, итальянцы, живущие в поселке, — все это находит отражение в стихотворных строках. В поэзии швейцарского периода гораздо чаще, чем раньше, природа выступает как носитель покоя, гармонии, внутреннего равновесия. Но как бы долго ни жил поэт на чужбине, ежедневно, ежечасно, ежесекундно он испытывает шемящую боль при воспоминании о родине. Особенно тяжелы первые годы эмиграции, когда газеты, письма друзей, редкие гости из Латвии приносят вести об убитых и замученных борцах революции, сожженных домах и продолжающихся политических процессах. А когда жизнь несколько нормализуется, разражается первая мировая война. И снова вести о поруганной земле, беженцах, о павших в бессмысленных кровопролитиях. В швейцарском одиночестве поэзия Райниса — живая совесть, память народа, вера в будущее.

«Многие могут забыть; многих могут забыть: друг — друга, брат — брата, более того, мать — дитя, муж — свой долг, более того, родина — себя, своих детей и свое будущее, — с глубокой горечью пишет поэт в годы столыпинской реакции, — стачивается и железо, человеческий мозг не железо. Но если железо закалить, получится сталь. Всегда были и будут те, кто не забывает. Это живая история, которая жжет память. Когда родина забывает свое будущее, они его не забудут — это живое будущее, которое жжет память. И они же были и всегда будут теми, кого родина отторгает от себя, потому что они — носители духовной жизни, жить которой родина еще не

¹ Я. Райнис, Собр. соч. в 14-ти т., т. 14, Рига, 1951, с. 599 (на лат. яз.).

может, но без которой тем не менее у нее нет будущего. Это те, кто теряет родину и обретает мир, теряет себя и обретает человечество». ¹

В первые же дни пребывания в Кастаньоле начинается интенсивный, напряженный литературный труд. Предстоит осуществить немало замыслов, почти все они прямо или косвенно касаются революционных событий. «Мы сбережем те драгоценные капли крови, которые вы даже отцам и матерям запретили подобрать, — пишет Райнис в дневнике, — сохраним в песнях и рассказах, а если запретят и их, то в душе народа».

В 1906 году Райнис пишет первые песни «Эпоса „1905 год“». Накапливаются размышления о событиях, происходящих в Латвии и России, которые, по мнению поэта, полнее всего выражают драматизм минувших дней. Хотя эпос, замечает поэт, должен описывать совершенно конкретные события, он в первую очередь должен быть эпосом «о будущем и минувшем». Поэтому Райнис не называет по имени конкретных людей. В его эпосе действуют герои, возведенные до символов. Таковы Земля, извечный фольклорный образ, символ многострадального народа, Мать — заступница, благословляющая на бой, Мститель — юный революционер. Райнис подчеркивает: «Пою песню о человечестве, не об индивидуе; т. е. пою о народе, но в этом народе теперь воплотилось все человечество».

В первые годы ссылки рождаются стихотворения, которые через сокровенное, интимное передают страдания, выпавшие на долю поэта на родине и чужбине, на основе услышанного и увиденного формируются выводы. Некоторое время Райнис не может решить — издавать все написанное в одной книге или распределить по сборникам: для него чрезвычайно важно, чтобы поэзия как можно полнее раскрыла богатую духовно, негибемую личность и в самые драматические моменты жизни, и в те мгновения, когда открытые борьба и сопротивление невозможны. Формируются три эмоциональных центра, три этапа развития, взаимосвязанные, предначертанные самой историей: от пережитых ужасов карательных экспедиций на родине — к годам скитаний и ссылок и, наконец, — к подготовке грядущих сражений и выработке новых идеалов.

В 1909 году выходит «Тихая книга», названная Райнисом «книгой, страницы которой черны». Отправляя ее на родину, поэт во вступлении пишет: «Посылая вам, друзья мои, эту книжку, я словно пускаю странички ее по ветру: сколько их попадет в ваши руки — не знаю! Сколько в тех, что вы получите, будет вымаранных мест? Может быть, вместо мыслей моих, чувств и восторгов вы найдете лишь прочерки и длинные ряды точек, напоминающие дорожки слез?

¹ Я. Райнис, Собр. соч. в 30-ти т., т. 2, Рига, 1977, с. 64, 65 (на лат. яз.).

А может, и их не будет, и только найвернейшие мои последователи среди редких строчек уловят исчезнувший их дух?»¹

Происходит и того хуже. Тотчас же после выхода в свет книга была конфискована, и Судебная палата издала приказ уничтожить ее «путем разрывания в клочки».² Всего около 200 экземпляров удалось сохранить типографским рабочим. Главное острие обвинений было направлено против стихотворений, в которых автор выражал сочувствие «рабочему классу, выступившему против существующего строя», и «призывал к восстанию» — «Путь к новому», «О величии», «Новый дом», «Опять ночь» и т. д.

Если «Тихая книга» прозвучала как книга боли, как реквием павшим народным героям, то следующий лирический сборник — «осенняя песня», «Те, которые не забывают» (1911) — составлен из стихотворений, в которых доминирует тема эмиграции. Гул борьбы слышен издали, родина потеряна, бой проигран. Книгу пронизывает щемящая боль и грусть. И все-таки трагическое настроение — фон, на котором подчеркнута сурово звучат новые истины, выкристаллизовавшиеся после потерь. В этом сборнике Райнис предстает как интернационалист, для которого борьба его народа — частица великой борьбы человечества. Место маленькой затерянной родины должна занять «великая родина», надо искать поддержку в единстве и солидарности народов. Такие стихотворения, как «Просторная родина», «Переключка», «Все и один», становятся динамическим зарядом сборника, утверждением грандиозных идей эпохи. И если эти стихи звучат столь органично, столь искренне и взволнованно, то в первую очередь потому, что вырастают из лично пережитого, из собственной боли, из мечты. Райниса занимают все новые и новые социальные, моральные и философские проблемы, все шире раздвигаются горизонты его духовного мира.

Наиболее полно внутренний мир автора раскрывает пятая книга стихов «Конец и начало» (1912). В ней говорит человек, познавший благословенную красоту родины и любви, радость борьбы и труда, горечь поражений и тяжесть одиночества. Он был и остался бойцом «основного класса». Когда утихла борьба, когда обозримы стали не только начало жизни, но и конец, все чаще терзают раздумья о смысле жизни, о смысле борьбы и труда, о смерти и бессмертии. «Это моя самая интимная, самая личная поэзия», — говорит Райнис в примечаниях к сборнику. Но интимность эта обретает широкое значение. Если в первых частях трилогии лирическое «я» выступает на фоне социальной среды, на фоне борьбы, то здесь, пройдя через эту соци-

¹ Я. Райнис, Собр. соч. в 30-ти т., т. 1, Рига, 1977, с. 303 (на лат. яз.).

² Там же, с. 509.

альную школу, духовная жизнь личности воссоздается на фоне еще более широкой панорамы — всей истории Земли, исчисляющейся миллионами лет, Вселенной, бесконечности. Поэзия Райниса — это сгусток духовной энергии; человек начала столетия ищет равновесие между собой и миром, пытается воспринять то новое и существенно важное, что предоставляет ему цивилизация, развитие культуры, наука. Формируется духовный мир «современного Фауста», о котором Райнис пишет в дневнике 1907 года: «Новая жизнь: развитая техника, философия, изысканные чувства — я мечтаю о ней, я жажду ее всеми фибрами души на протяжении всей своей жизни, но я боюсь — достанет ли сил все это охватить, отыскать истоки, воспринять всю громаду знаний, преодолеть трепет перед техникой, сосредоточить внимание до предела, все в себе принять, преобразовать и победить. Надо обновиться самому, чтобы одолеть это».

«Маленькое «я» с великой Вселенной поладят», — замечает поэт. Как? Как познает еще непознанное, как отыщет гармонию в необъятном, как устоит, чтобы не затеряться в бесконечности? Как выживет там, где все гибнет? Над некоторыми стихотворениями, развивающими эти мысли, Райнис работает годами. Так, стихотворение «Конец и начало», которое должно было стать итогом исканий, начато еще в 1904 году, возможно даже в Слободском, но доработка его продолжалась вплоть до 1912 года. Но для Райниса важен не только ответ на вопрос о месте человека во Вселенной, вопрос для XX столетия животрепещущий, сложный. Райнис ищет точку опоры для новой деятельности в грядущем, когда человек, преобразивший социальную жизнь, сможет предстать как творец и в космических масштабах. Наивысшее достижение человечества на земле — объединение творческого духа и Вселенной:

- а) душа, объединяясь с космосом, обретает бесконечность;
- б) наделяет его стремлениями, разумом и чувством;
- в) развивает в себе мысль и волю, которые преобразуют ее самое и космос.¹

И небо подьмет,
И даль раздвигает
Средь звезд и созвездий
Мыслью наш дух.

(«Конец и начало»)

Важной для поэзии этого периода стала поэма «Ave sol!» (1910), начатая еще в Слободском. Это итог многолетних размышлений, поисков и переживаний.

¹ Я. Райнис, Собр. соч. в 30-ти т., т. 2, Рига, 1977, с. 446 (на лат. яз.).

Трудно назвать другое произведение латышской литературы, в котором традиционные фольклорные образы столь органично, естественно вписались бы в образный строй современной поэзии. В поэме наглядно воплотился замысел Райниса: в одном произведении слить воедино драму природы, социальную драму и личную драму, общим для которых является «или закон, или ход развития, или течение жизни»¹ — расцвет сил, зрелость, поражение как результат борьбы внутренних и внешних противоречий и возрождение, обязательное обновление на новом витке развития. Отсюда блестящая полемичность поэмы — поэт не согласен с теми, кто после Пятого года считал, что революция подавлена навсегда, что борьба бесполезна. Ночь, зима, наступление реакции — только этап на пути к новому дню, весне, к новой революции. Солнце в восприятии Райниса — величайшая живительная сила, стимул развития всего живого на земле: «Солнце высвобождает все силы земли, пробуждает дремлющую в ней энергию, пестует ее ростки, таившиеся внутри, не сеет, но возвращает семена, побуждает к самостоятельной деятельности», — пишет Райнис в одном из набросков к поэме. Он видит в солнце силу, которая совершает диалектическую перестройку в обществе и мышлении: «Духовное солнце — обновление, перерождение жизни и новая культура — идеальный дух, социализм, т. е. гуманизм, он словно солнце пробуждает все к новой жизни, к пахоте, севу, цветению, сбору плодов».²

В дневниках и набросках Райнис не раз называет веру в солнце научной верой в развитие жизни, верой в высокое предназначение человека. Поэма завершается величественной картиной: солнце мчит-ся в бесконечные космические просторы, увлекая за собой планеты, лучами своими согревая людей, которые, как и Вселенная, подчинены закону преображения. Именно в образе Солнца ярче всего воплощается столкновение «маленького „я“» с великой Вселенной. Ни на миг не лишая Солнца его звездного облика, поэт рассматривает его как персонифицированное, живое существо. На пути, где Солнце выходит на борьбу с ночью и холодом, побеждает, слабеет, отступает и возвращается обновленным, чтобы продолжать свой путь, наиболее отчетливо вырисовывается образ Человека будущего, личность, сформировавшаяся в ходе революции и развития гуманистической культуры, — личность, которую Райнис стремится воплотить в своем творчестве.

«Солнце показывает, что и само оно не всемогуще, само под-

¹ Я. Райнис, Собр. соч. в 30-ти т., т. 2, Рига, 1977, с. 413 (на лат. яз.).

² Там же, с. 411.

властно, само крупинка, как и я, и становится великим только потому, что возвышает всех — вокруг себя, раздает себя, свое тепло и силу мировому пространству, раскрывает другим глаза, сливается с другими, помогает возвыситься себе и другим, испытывает притяжение сверхсолнца, увлекает всех за собой и всех озаряет», — утверждает поэт.

В эмиграции Райнис активно работает как драматург. В 1910 году была написана пьеса «Золотой конь». Используя сюжет сказки о третьем сыне, который освободил принцессу стеклянной горы, вернул ее людям, поэт создает идеал человека и для младшего поколения борцов — бескорыстного героя, способного ради великой цели «пожертвовать собой, своей жизнью, своим желанием».

В 1911 году закончена трагедия «Индулис и Ария». В основе сюжета — сказание XIII столетия о куршском вожде Индулисе и дочери немецкого комтура Арии. Их любовь вспыхивает в то суровое время, когда разрозненные, наполовину разбитые латышские племена ведут борьбу с немецкими поработителями. Однако для Райниса «история — сосуд, который мы наполняем своими взглядами на будущее». Фабула трагедии дает возможность открыто говорить об идеалах гуманизма, показать великую силу, пробуждаемую в людях любовью, и воспеть дружбу народов, ход времени, который

ведет, сияя, в царство для народа —
он море белое объемлет хороводом'
и руку братства миру подает.

Вторая драма, в которой внимание акцентируется на борьбе добра и зла и конечной победе возвышенной и светлой духовной силы человека, — это «народная песня в пяти действиях» «Вей, ветерок!» (1913). Она стала одной из популярнейших и наиболее часто играемых пьес Райниса не только в Латвии, но и за ее пределами.

Самой личной пьесой Райниса латышская критика не без основания назвала трагедию «Иосиф и его братья», которая в главных сюжетных линиях была написана до 1914 года, однако завершена только в 1919 году. В ней затронуты многое — от поисков смысла жизни и разработки нового этического идеала до пережитых самим поэтом в эмиграции настроений горечи, вызванной непониманием его творчества, тупой ненавистью, направленной против него самого. Используя библейское сказание о вражде братьев, в котором мы видим отражение конфликта смены исторических эпох, поэт в образе Иосифа воплощает судьбу гения, носителя нового, судьбу человека, вынужденного жить в среде, верной старым традициям. Родовой конфликт перерастает в конфликт двух правд. 26 февраля 1913 года

Райнис пишет: «Правда братьев в том, что жизнь основана на эгоизме и ни на чем больше, все сглаживает мелкий компромисс. Все сглаживает только время. Правда Иосифа в том, что такая жизнь не может продолжаться, ее надо менять. Правда и в судьбе Иосифа, в его гибели: преобразуя, должно отдать свою жизнь; око за око, жизнь за жизнь».

Окончательный ответ Райниса — нужна новая правда, нужна жизнь, основанная на гуманизме, любви, новых, чистых человеческих отношениях.

С началом первой мировой войны в творчестве Райниса сильнее зазвучала тема народных страданий. Большая часть Латвии была оккупирована германскими войсками. Тысячи семей лишились крова. Напрасно льется кровь, уничтожены величайшие духовные и материальные богатства, народы натравлены друг на друга.

«Латыши, как пшеничные зерна, разбросаны по всему свету. Птицы их клюют, и звери их топчут. Но отчего смеетесь вы, чужие народы? А если зазеленеет пшеница и на чужой земле? Если не умерла наша Мать счастья? Если наша истинная мать не покинет своих детей? детей солнца и счастья? Давайте же взглянем, кто мы, можем ли мы исчезнуть, как счастье и солнце? Не станут ли мир и человечество без нас беднее, не станет ли без нас меньше счастья и солнца?» Эта дневниковая запись сделана поэтом в декабре 1915 года. Тревога и боль за народ как величайшую ценность, за будущее народа как составной части грядущего человечества звучат в пьесах «Вороненок» (1917, опубликована в 1920 году) и «Играл я, плясал» (1915, опубликована в 1919 году). Основой для первой пьесы послужил сюжет народной песни о том, как увезли сестру невесты сваты. Но произведение Райниса отнюдь не описание свадебных ритуалов, богатых весельями, озорными эпизодами, а печальный рассказ о девушке, которую похитил злой Чужеземец. Страдания, выпавшие на долю трудового народа во время долгой, семисотлетней ночи рабства, определяют колорит пьесы «Играл я, плясал». В основу положена сказка о Бароне-кровопийце. В свадебную ночь он выпивает у невесты три капли крови; невеста гибнет. Чтобы оживить Лельде-Латвию, главный герой пьесы музыкант Тот должен пройти все круги ада, все испытания. В образе главного героя Райнис воплотил подлинного певца народа, мечтателя и борца, который жертвует собой во имя великого идеала.

В сложнейшей ситуации военных лет Райнис резко выступал против любого проявления шовинизма, решительно осуждает переход немецкой социал-демократии в лагерь империализма. В одном из писем, датированных концом 1914 года, он отмечает, что носителем прогресса будет «не победоносный германский милитаризм, а русская революция, которая справится и с победоносным русским

милитаризмом, ослабленным и подорванным еще в 1905 году». ¹ Когда латышские буржуазные националисты в ходе первой мировой войны выдвигают проект о присоединении Балтийского края к Германии, Райнис, протестуя, пишет: «Свободная Латвия в свободной России!» ²

В Швейцарии Райнис узнает о величайших событиях, происшедших в России. Он поддерживает тесную связь с латышскими большевиками, которые активно участвуют в создании нового советского государства; среди них первый глава правительства Советской Латвии в 1919 году, друг юности поэта и муж его сестры Петр Стучка, Паул Дауге — один из самых тонких ценителей творчества Райниса в Советской России, и близкий соратник В. И. Ленина Я. Берзинь-Зиемелис. Поэт с благодарностью принимает звание члена Социалистической академии, дает согласие на публикацию своих работ в новой социалистической республике, испытывает чувство удовлетворения от сознания того, что пролетариат ценит искусство, что «содержание поэзии соответствует духу времени, которое возвращает будущее в чувствах через прошлое и настоящее». ³

Новое наступление Антанты, ландсвера и белой гвардии задерживает возвращение Райниса и Аспазии на родину. Эмиграция затягивается, а поэт полон замыслов, которые надеется осуществить после войны. Разработаны проекты практической организации культурной жизни народа, демократизации искусства, увековечения памяти борцов за свободу. Еще больше замыслов художественных произведений, которые должны вобрать в себя пережитое и утвердить новые политические, социальные и этические идеалы. В этот период Райнис размышляет над всеобъемлющим, эпическим и в то же время символическим показом жизни в циклах произведений, где судьбы народа и человечества предстали бы в диалектическом развитии. С 1916 по 1919 год он интенсивно работает над планами так называемой «большой книги», которая свела бы воедино и все написанное и еще не осуществленное им, — грандиозного документа, фиксирующего эпохи развития человечества. «Объединить всю историю человечества... Возникновение и развитие народов... Слияние народов в человечество». В своих записях Райнис неоднократно останавливается на «Илиаде», «Божественной комедии» и «Фаусте» как на образцах, которые с потрясающей масштабностью разрабатывают главные линии своей эпохи, — образцах, исходя из которых и надо искать пути обогащения искусства: «У Данте — осуждение всей исто-

¹ «Лит. наследство» I. Ян Райнис, Рига, 1957, с. 328 (на лат. яз.).

² Там же, с. 351.

³ Там же, с. 346.

рии, у Фауста — поиски знаний, в конечном счете поиски настоящего дела, своего места под солнцем. У меня — созидание мира, поиски мировых закономерностей; познать мир и преобразовать его».

Восприятие мира, изучение исторических закономерностей, поиски путей преобразования мира становятся стержнем поэтической пенталогии «Пять черновых тетрадей Дагды», составленной не только по тематическому, но впервые у Райниса и по сюжетному принципу, объединившей лирические впечатления разных лет.

«Стихи возникли сами собой, как из земли пробивается трава, без художественного выбора садовника. В стихах, словно в дневнике, отразились череда дней и душевных переживаний. Не по воле они соединялись вместе и двигались дальше»,¹ — пишет Райнис в предисловии к «Черновым тетрадам» в 1925 году.

В 1920 году, уезжая на родину, Райнис везет с собой три почти законченные «тетради» — «Addio bella!», «Слова змей» и «Домой». Взаимосвязанность их подчеркивает и общее заглавие «Три круга».

Во всех сборниках представлены стихи, написанные в годы эмиграции, а порой и гораздо раньше. «Addio bella!» стала выражением любви поэта к Итальянской Швейцарии, которая давала ему приют все эти долгие и трудные годы. Включенные в сборник стихотворения прежде всего воспевают природу Лугано, картины народной жизни, красоту простого человека. Широко используются формы итальянской народной поэзии. Сюжетную линию образует рассказ изгнанника о любви к итальянской девушке Оливии. Трагическое звучание рассказа еще больше подчеркивает мечту поэта о человечности, тоску по родине и в то же время — желание теснее приобщиться к культуре народов Европы. Из стихотворений, дополняющих друг друга, вырисовывается нежный и одухотворенный образ женщины — символ гуманизма, счастья, жизни:

Давно бы жизни ношу сбросил я,
Когда бы не был связан красотой:
Цветком земным, небесною звездой
И женщиной, вершиной бытия. . .

(«Пять черновых тетрадей Дагды»)

«Слова змей» объединяют философскую лирику и затрагивают тематику, эскизно намеченную в сборнике «Конец и начало». Только теперь в центре внимания — чисто интимные проблемы: счастье, горе, одиночество, вечное в жизни человека. В сборнике прорывается горечь поэта, оторванного в годы эмиграции от практического дела

¹ Я. Райнис, Собр. соч. в 30-ти т., т. 3, Рига, 1978, с. 555 (на лат. яз.).

и борьбы, от единомышленников, которым он необходим; ощущается недовольство собственной жизнью, вершина которой уже позади, а мечты и замыслы не исполнились. Существенным элементом структуры сборника является скрытый в стихах диалог поэта со своим двойником. В этом диалоге звучат и обвинение судьбе, и жажда равновесия, и синтез идей. Главное его содержание — в истине: осознавая жизнь такой, какова она есть, делать ее такой, какой она должна быть. В набросках к сборнику акцентируется вера в победу трудового народа: «Основной класс спасет. Не говорить специально, упомянуть вообще».

Одну из важнейших линий этой «тетради» образует мотив обновления, возрождения, вера в то, что, собрав воедино волю, накопленный опыт, любовь к жизни, можно обновить и свои собственные силы, и жизненные силы своего народа. Так родилось название поэтического цикла, в котором змея — древний символ жизни и обновления.

В феврале 1919 года Райнис начинает третий стихотворный цикл «Трех кругов» стихотворением «Домой! Домой!». Тема эта вынашивалась давно — впервые она появляется в стихах в 1903 году, когда поэт, возвратившись из Слободского, создает цикл путевых заметок и воспоминаний о местах ссылки, «где товарищи гордо голову поднимают. Где отвага есть, где дружба расцветает».

В 1906 году стихи, посвященные этой тематике, пополняются работами, которые, очевидно, написаны на основе воспоминаний об отъезде с родины в 1905 году. Именно тогда Райнис и Аспазия переходят польско-русскую границу недалеко от мест, где прошло детство поэта. Но чем ближе момент возвращения из эмиграции, тем явственней слышится в стихах сомнение: увидят ли они родину свободной и счастливой, не станет ли «поездка домой» поездкой «мимо дома»? Колорит всей книги определяется динамичным и в то же время тяжелым перестуком вагонных колес, который влечет в даль, в неизвестное будущее, ни на миг не давая отдыха.

Оснований для беспокойства у поэта достаточно: Латвия стала буржуазной республикой, и с зовущей домой родины приходят вести о внутренних противоречиях, раздирающих общество, приходят вести об открытых публичных нападках на поэта.

Незадолго до отъезда в Ригу, 29 февраля 1920 года, словно бы взвешивая возможности и перспективы дальнейшей работы, Райнис записывает в дневнике: «Я не могу сказать, как другие, равнодушные и хладнокровные, что не переживаю болезненно обиды и тем более нападки, даже и сейчас, хотя за долгие годы борьбы пора привыкнуть к глумлениям и яду. Это, вероятно, потому, что я не утратил человечности, хоть всю жизнь боролся и страдал... Но если

в душе моей исчезнет нетерпение, мне останется тихая работа: выразить себя и мир. Это тоже борьба, потому что побеждает дух, т. е. мысли и чувства, а не грубая сила, власть кулака. Медленно, но побеждает. И революционны только этот дух и новое мировоззрение, а не грубая власть: войны, тюрьмы и убийство, угнетение духа и печати. Грубая сила всюду одинакова, всюду ветха и реакционна: время ею пользуется, свободный, ищущий дух всюду молод, и дух этот — и есть то, что мы называем революцией, именно та сила, что преобразует старые порядки. Это мое оружие, и оно со мною всегда... Я только рупор времени, но времени еще не наступившего, отсюда непонимание меня, обиды, наносимые мне, преследования, отсюда наградой мне боль, а не почести и деньги». ¹

5

Возвращение Райниса на родину 10 апреля 1920 года вылилось в небывалый народный праздник — искренний, всеобщий восторг трудовых масс и демократической интеллигенции. На время это заставило забыть о сомнениях — «домой» или «мимо дома», и еще в 1921 году Райнис пишет в дневнике: «Моя жизнь в Кастаньоле была подготовкой, сейчас я должен быть готов к великому делу. Возвратиться сюда и заниматься той же работой нельзя. Не замыкаться, идти вширь, родина должна стать выходом в широкий мир».

Райнис надеется, что в условиях парламентарного режима ему удастся защищать идеи демократии и социализма. Некоторое время он активно сотрудничает в департаменте искусств, является директором Национального театра, в 1927 году становится даже министром просвещения. Он — председатель Общества культурных связей с СССР. При посредничестве поэта осуществляется широкий обмен культурными ценностями, латышское искусство становится достоянием других народов. Именно по его разрешению в это время в Латвии демонстрируется знаменитый фильм С. Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“»; реакция обрушивается на Райниса с резкими нападениями и клеветой. Огромное внимание уделяет поэт воспитанию молодежи, созданию предпосылок для развития культуры с тем, чтобы и в самых отсталых, в самых угнетенных слоях народа развивались думающие, духовно свободные люди.

«Плохо боремся: мало ратовать только за изменение политического и экономического строя, даже вкладывая в эту борьбу все силы. Мы забываем о духовном преображении, а необновленная

¹ «Лит. наследство» I. Ян Райнис, Рига, 1957, с. 256, 257 (на лат. яз.).

душа не будет нацелена на изменение внешнего порядка»,¹ — пишет он.

Однако вскоре после возвращения Райнис понимает, что борьба с реакцией будет гораздо сложнее и длительнее, чем казалось в первые дни радостной встречи. «Как заведено в истории, реакция наступает, — замечает поэт в дневнике 18 июля 1923 года. — Я не смог надолго остановить реакцию. Другой на моем месте приноровился бы и прекратил свою деятельность, но я не имею права так рано остановиться и умереть. Я должен жить для тех времен, когда человечество вновь двинется вперед. . .»²

В 1925 году из-за интриг, затеянных правящими политическими партиями, Райнису пришлось уйти с поста руководителя Национального театра. По этой же причине он оставляет пост министра просвещения, хотя до последних дней остается самым близким другом и защитником латышских учителей, настроенных демократически и революционно.

Первым проведенным на родине годам Райнис посвящает следующую «тетрадь Дагды» — «Серебристый свет» (1922). Книге предпослан подзаголовок — «год миража на родине». Название подчеркивает испытанные поэтом после возвращения из эмиграции волнение и ощущение счастья, но в подзаголовке слышны сомнения и горечь, вызванные жизнью в буржуазной Латвии. Сразу же после возвращения, в состоянии радостного подъема, написаны «Ты снова в бой пойдешь. . .» (23 сентября 1920), «Я всех любил вас. . .» (10 августа 1921), «Я голубем вернулся раньше срока. . .» (1921) и т. д.

Как и в «Addio bella!», символом красоты жизни, будущего торжества высоких этических идеалов и духовной силы родины стал в сборнике образ женщины. Она творит и воплощает «светлую веру» — как мать, как возлюбленная, как сама Родина.

Гармония детства, гармония солнца воспеты в оставшемся незавершенным «детском эпосе» «Годы солнца» (1924, 1925). В поэтической форме Райнис рассказывает о своем детстве. Но поэтическую ткань пронизывает мысль: ребенок неразрывно связан с большими кругами жизни и эпох, с великими законами природы, солнце провожает его в жизнь, солнце освещает его путь, помогая выбрать правильное направление. В начале 20-х годов поэт интенсивно пишет для детей, детская поэзия представлена в сборниках: «Золотое ситечко» (1920), «Окошко в цветах» (1924), «Летние принцы и принцессы» (1924), «Куколка Лоллите» (1924), «Птенчик на ветке» (1925), «Солнышко в больнице» (1927).

¹ Я. Райнис, В горную высь. Афоризмы, Рига, 1962, с. 27 (на лат. яз.).

² «Лит. наследство» II. Ян Райнис, Рига, 1961, с. 75, 76 (на лат. яз.).

Трагизм жизни современного Райнису поколения наиболее полно отразился в драме «Илья Муромец» (1923). Илья в трактовке Райниса — один из племени русских богатырей, пришедший после первых и самых сильных — Святогора, Микулы. Но в то же время Илья — выразитель душевных мук тех, кто не сумел разрубить узлы социальных противоречий, «поднять суму тяжести земной». Это «второе поколение» остановится на полпути, раздираемое на склоне лет внутренними противоречиями. Но за ними уже слышна поступь победителей, третьего поколения богатырей, силы у них меньше, но зато их много. Они поведут борьбу до конца.

Последний сборник, составленный Райнисом в период буржуазной Латвии, — «Месяцовна» (1925). Протест против духовно ограниченной жизни на родине прорывается здесь еще острее. Красота, любовь, богатство чувств показаны в противоречивых нюансах, духовно они уже не насыщают. От стихотворения к стихотворению растет желание «задуматься, опомниться, познать себя, весь мир глубже, и путь для этого — бежать, чтобы вернуться».

И хотя «Месяцовна» завершает «цикл Дагды», в набросках существует его продолжение. Жизнь Дагды — это «уход», обличение эпохи, которая губит мечты, обличение общества, которое не способно возвыситься до понимания, обличение, наконец, любви, которая хоть и дает силы, но не заполняет жизни. В черновиках есть много указаний на то, что Райнис пытается вокруг «эскизов» сгруппировать ранние юношеские стихотворения из «Утренних песен» и стихи последнего задуманного им сборника «Песни души». «Песни души», по словам поэта, должны создать образ «нового физического человека», новую этику и новое понимание мира, основанное на изучении Земли, на подготовке «к вземному, к Марсу», новую социологию, которая зиждилась бы «на политическом и социальном единении всех народов, всего человечества!».

Замысел «Песен души» так и остался неосуществленным. Сохранились наброски эпоса «Современный Фауст», над которым поэт работает именно в 20-е годы, предполагая показать в нем человека начала XX столетия, борца, мыслителя и творца. Смерть Райниса 12 сентября 1929 года прервала дело всей жизни, которое разветвилось, пустило глубокие корни, словно столетний дуб-великан, — дело, которое затронуло самые широкие слои культуры и общества.

«Сломай скрипку — ничто не исчезнет; все лишь распадется на первоначальные элементы: дерево, металл, струны, — писал Райнис в 1922 году, размышляя о бессмертии художника. — Только нет больше звуков, и мы плачем. Но звук не исчезает, он становится колебанием эфира, и это нас утешает, гасит нашу печаль. Радость мело-

дни становится памятью сердца. Но нам мало. Мы преобразуем звук в письмена, повторяем, и, преображенный, он живет — не плачь, сердце! И, повторенный, он вызывает новые, неслыханные дотоле звуки — радуйся, сердце!»¹

Нет такого направления в латышском искусстве, которое не испытало бы на себе влияния творчества Райниса. Оно в основе всей той культуры, которая на рубеже двух общественных эпох находит контакт с грядущим.

«Латышскому рабочему классу монументальный образ Райниса всегда напоминает о первых шагах борьбы в девятьсот пятом году. И латышская литература вправе гордиться тем, что она может назвать своим одного из величайших поэтов трудового народа»,² — говорит народный писатель Андрей Упит.

Недостаточно назвать писателей, актеров, художников, композиторов, режиссеров, солистов, хоровые коллективы, высочайшие достижения в творчестве которых связаны с образом Райниса или интерпретацией того или иного его произведения. Недостаточно искать продолжения тем Райниса и его средств художественной выразительности в латышской поэзии и драматургии. «Единственный и неповторимый», — назвал Райниса народный поэт Ян Судрабали и подчеркнул, что корни бессмертия Райниса гораздо глубже: «Райнис расширяет горизонты, вдохновляет на райнисовский, героический стиль каждого художника, наделенного подлинным талантом... Райнисовскими могут быть, должны быть размах, широта, глубина, райнисовский жар должен гореть в сердце писателя».³

Этой масштабностью, всеохватностью, глубиной поэт живет в сердцах старых и молодых поколений. И в зрелые годы почти у каждого творческого человека наступает мгновение, когда он соприкасается с многогранным миром Райниса в поисках смысла и оправдания своего труда.

Народный поэт Имант Зиедонис пишет:

«Мы не идем к смерти, мы не идем к старости. Мы идем на встречу все большим и важным ценностям в себе. Мы растем. Мы непрерывно растем... В произведениях Райниса нет слова *старость*. В произведениях Райниса попросту нет такого мироощущения. Сквозь

¹ Я. Райнис, В горную высь. Афоризмы, Рига, 1962, с. 122, 123 (на лат. яз.).

² Цит. по кн.: Я. Райнис, Собр. соч. в 14-ти т., т. 1, Рига, 1947, с. XVI (на лат. яз.).

³ Я. Судрабали, Собр. соч. в 6-ти т., т. 3, Рига, 1959, с. 374 (на лат. яз.).

годы победно пробивается мыслящая, чувствующая, возносящая сила. Ее принцип — принцип самосозидания: обретать давая. То, что дал, то получил ты. Юность твоя вечна. Для того, кто это поймет... Каждый человек, каждый творящий себя человек уходит из жизни, оставаясь юношей (не прожив и полжизни). Мы не знаем, когда он состарится, и возможна ли вообще старость.

Нет слова *старость*.

Есть великое чудо обновления».¹

Саулцерите Виесе

¹ И. Зиедонис, Воскурение при варке зелья, Рига, 1976, с. 179, 180 (на лат. яз.).

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

1. МИНУТКА ВЫДАСТЯ — Я САЖУСЬ...

Минутка выдастся — я сажусь,
Сижу один и думаю, думаю.
Так весело мне, так хорошо,
Я занят собой, я замкнут в себе;
Сидеть и сидеть бы так, не вставать —
И думать, вдумываться —
Одному.

Гимназические годы

2. КРЕСТЬЯНИН

Тяжело идет по земле крестьянин,
И когда, трудясь, над сохой потеет,
И когда досуг коротает в праздник.
Ни к чему ему торопиться в завтра,
Делает он всё не спеша, с оглядкой,
Накрепко прирос он к родной земле,
Не летать ему в синем поднебесье,
Но зато его мать-земля вскормила.
Как он неуклюж — отпрыск исполина.
Но поднимет бунт — разорвет медведя.

Гимназические годы

3. ХВАТИТ УЖ СПЯЧКИ

Хватит уж спячки,
Хватит уж вздора,
Время подняться,
Взяться за дело.

В мускулах — сила,
В жилах — горенье,
В черепе — разум,
В сердце — пыланье.

Руки готовы
Рушить чертоги,
Молнии-мысли —
Тьму опрокинуть!

Могут ли руки,
Может ли разум
Быть пустоцветом,
Ржаветь от лени?

Ржаветь от лени,
Гнаться за ветром,
Гнаться за бредом
В чаянье счастья?

Гимназические годы

4. НЕ ОТЧАИВАТЬСЯ!

Пленник любви,
Горю и пылаю;
Клялся, божился
Звездами неба.

«Ты мне не веришь,
Ты всё хохочешь —
Сердце готово
Лопнуть от боли!»

— «Ах, не пугай!»
— «Почти разорился
На порошках
Из ближней аптеки!»

Сто раз стучался —
Не отворяла,
Но отворяла
Сто раз без стука.

Гимназические годы

5

Духу ни вперед, ни ввысь
 Не увлечь усталой плоти.
 Рвется дух, клянет он тела
 Устрашающую слабость.

Духу только остается
 С ним расстаться — или сдаться:
 Век он жаждет расстаться с телом.

Дух устал, смертельно болен,
 Дух борьбой измучен долгой:
 Ни вперед ему, ни ввысь
 Не увлечь усталой плоти,

Гимназические годы

6

Сердце изгрызла
 Горечь сомнений,
 Разум смущен
 Бурлением мыслей.

Я за соломинку
 Рад бы схватиться —
 Хрустнет в ладонях
 Эта соломинка.

Что же мне делать?
 Мыслимо ль выплыть,
 Мыслимо ль верить,
 Мыслимо ль. . . Верь!

Гимназические годы

7

Снова и вечно то же, то же —
 Снова и вечно томит беспокойство,
 Мучает, гонит к работе, к работе:
 Поиски, поиски, нету находок,

Сотни путей, а движенья не видно.
Жду — и не верю, хвалюсь — и терзаюсь;
Жизнь между тем утекает бесследно,
Труд между тем, как всегда, неокончен.

1886

8. ЮНОШАМ

Юноши, будьте
Смелы, зазорны.
Люди на улицах
Смотрят, дивятся.

Где б ни прошли вы,
Искры пусть тлеют:
Боя в испуге
Все сторонятся.

Громче зовите,
Срывайте покровы!
Людам всё ново:
Смотрят, дивятся.

Ткните в глаза им
Пламенный факел —
Пусть у них мысли
Вдруг прояснятся!

В бой за свободу
Смело, рядами!
Люди за вами
Выйдут сражаться.

Студенческие годы

9. ОН ЭТО ЗНАЛ

Знал он всё время,
Лежа в постели,
Что лихорадка
Его доконает.

Чувствовал каждым
Биением сердца,
Что скоро с жизнью
Придется расстаться.

И всё он видел,
И всё он понял:
И то, что было,
И то, что будет...

.....
.....

Вокруг постели
Стояли дети
И рукавами
Носы утирали.

С сухими глазами
Дрожащей рукою
Жена подала
Еще раз напиток.

И видел он ясно,
Как в ясный полдень,
Какая доля
Семью ожидает.

Вся беспокойная
Жизнь человека,
Труды и заботы
Прошли напрасно...

Что он оставит
Жене и детям?
И нищим больше
Дают в богадельне...

.....
.....

Он видел многое...
И, умирая,
Тощий тюфяк
Закусил зубами.

И перед смертью
В полном сознание
Он до последнего
Был мгновенья.

Студенческие годы

10. СЕРДЦЕ ХОЛОДНОЕ, СЕРДЦЕ ГОРДОЕ...

Сердце гордое, сердце холодное,
Нет в нем любви, и нету в нем веры,
Только свобода и одиночество,
И ни порыва, ни звезд, ни желаний.
Но лишь оно удержать меня может
В этой вселенной, под этим солнцем,
Сердце твое, холодное, гордое,
Чуждое всякой любви и веры,

* * *

Сердце холодное, сердце гордое,
Неустршимое, одинокое,
Мало ему самого себя.
Сердце холодное, сердце гордое
Само сотворяет себе звезду,
И ей поклоняется в прахе и в страхе
Сердце холодное, сердце гордое.

Студенческие годы

11

«Господи боже,
Выслушай бедных,
Выслушай наши
Слезные просьбы».

Денно и ночью
Бедные люди —
Где у них совесть? —
К богу взывают.

Писарь-апостол
В изнеможенье.
Мыслимо ль сладить
С прорвою жалоб!

«Цыц, попрошайки!
Цыц, оборванцы!
Я не сторукий.
Завтра зайдете».

«Да, но богатых
Слушают сразу:
Этому — деньги,
Этим — именье.

Нам же, несчастным,
«Ждите!» да «Ждите!».
Черного хлеба
Не допроситься».

«Подлые дурни!
Вас легионы,
Вы саранчею
Лезете всюду.

Где тут упомнить!
Где разбираться!
Мало богатых.
Слушать их проще.

Этот обычай
В каждой управе.
В царстве небесном,
Стало быть, тоже».

1889

12. ПЛОТЬ И ДУХ

Дух вместе с плотью —
Словно супруги,
С вечной любовью,
С вечной враждою.

Плоть распекает:
«Ты не хозяин,
Шляешься, тратишь
Всё, что добуду:

Хлеб и одежду,
Кров и дровишки.
Ты без меня бы
С голоду помер!

Маяться дурью,
Бредить, слоняться,
Пить мои силы —
Это ты можешь. . .»

Плоть распекает —
Что возразишь ей?
Дух безответен,
Слов не нашарит. . .

Слов не нашарит —
Врет да болтает,
Вроде придурка
Или поэта:

Мол, не нужны
Бессмертному духу
Хлеб и одежда,
Кров и дровишки.

Он, мол, не бродит —
Думает думы,
Не чепуха ведь
Поиски правды. . .

Многое мелет
В этом же роде,
Жаждете слышать —
Вирши читайте.

1889

Комнатка с железной
 Маленькой печуркой;
 Я легко в печурку
 Пять полешек ставлю.

Поутру печурка,
 Раскалившись, рдеет:
 Упаси к ней боже
 Пальцем прикоснуться!

Час-другой проходит —
 Мы опять с ней в мире:
 У нее под боком
 Я влюбленно греюсь.

Час еще — и с нею
 Мы дрожим, обнявшись:
 Лязгаю зубами,
 А печурка — дверцей. . .

Так вот с нею вместе
 День-деньской дрожим мы. . .
 Ах, нас разлучает
 Только ночь-злодейка!

Я дрожу в постели,
 А она в сторонке
 Обо мне, я слышу,
 Так печально воет. . .

Утром — рдеет снова
 В гневе справедливом:
 Упаси к ней боже
 Пальцем прикоснуться!

Ах, ее люблю я
 Оттого, что сердце
 Изнывало в песнях
 У нее под боком.

1889

14. РАНО УТРОМ

Утром раскинут
Передо мною
Город, наполненный
Грязью и паром.

Вниз, в этот город
Тошно спускаться —
Мигом обдаст он
Грязью и паром.

Здесь, на вершине
Шестиэтажья,
Небо — распахнуто,
Сердце — свободно.

В небе душа моя
Вольно витает,
Но поутру ей
Тело прикажет —

Тело прикажет
В город спускаться,
В город, захлестнутый
Грязью и паром.

Требует тело
Пищи, одежды,
Гонит травиться
Грязью и паром.

1889

15. ВЕЧНОСТЬ

Смотрел я долго
С нагорных высей
За дали далей,
В хаос надзвездный,

Покуда взор мой
Не потерялся

Средь гор, что скрыты
За далью горной,

Средь звезд, что скрыты
За высью звездной, —
Покуда разум
Не впал в смятенье. . .

Между 1889 и 1891

16. БЫВШИЙ ДРУГ

Он вышел в море. Шквал сбивал с пути,
На мели гнал. И он сказал со вздохом:
«Вернусь. На берегу живут неплохо
И счастье ближе — лишь умей найти».

Между 1891 и 1895

17. ЛЮДИ И БОЛЬ

Души людские, бедные души,
Где вам равняться с вечной природой?
Болью, борьбою или сомненьем
Вас истерзало, бедные души.

Вся — совершенство, вся — безучастность,
Наших страданий не видит природа,
Вечно прекрасный, вечно холодный
Складень-картина из жизни нездешней.

Написано в Швейцарии у Фирвальд-штетского озера в 1893 году

18. ГЛУБОЧАЙШИЕ ДУМЫ

Думы глубокие
Стоном рождаются,
Бредом бесформенным,
Жгучим предчувствием.

Думы безгранные,
Сердце когтящие

Словно железными
Рока ударами.

Нет в думах радости...
Ах, убежал бы я!
Но они ласково
Жгут, мучат, следуют...

(1895)

19. ЛЮБЯЩИЕ ОТЕЧЕСТВО

Кто любит свой уют и тихий дом,
Что от беды и от дождя укроет,
Те жаждут только хлеба и покоя,
Им дела нет, что ночь стоит кругом.

Но тем, кто верен до конца отчизне,
Чья грудь как сталь под молотом-судьбой,
Боль родины — мученье целой жизни.

Их обрекают на позор и муки,
К стене их ставят, связывая руки.

1897

20. ПОНЕМНОГУ

Вы мои тянули жилы
Понемногу, день за днем,
Крали всякий раз тайком
Чувства, помыслы и силы

И твердили: «Как он худ!
Бедный! Краше в гроб кладут!»

1897

21. НА ПОРОГЕ ВЕЧНОСТИ

И мне вдруг умереть?!
Я трусом не был. В жгучей боли
Я выковал в себе несокрушимость воли,

Чтоб в небытие нырнуть, чтоб смерть узреть!
И мне вдруг умереть?!

И всё же — мерзко мне, меня знобит,
Когда в мои глаза убийцей смерть глядит;
Зрачки мне ширит страх, дрожь в волосах бежит.
Ужель нить жизни вдруг должна перегореть?
И мне вдруг умереть?!

И мне вдруг умереть,
Когда жизнь ясная мне вольный путь простерла?!
О, неоконченный мой труд! . . Сжимает горло!
Мне вновь на атомы распасться? Мне — истлеть?
Мне умереть?!

1897

22. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Еще зеленые сияют дали.
Горит закат в тумане золотом.
Кой-где росинки в травах засверкали,
И веет воздух влагой и теплом.

Но краски блекнут, тают, угасают,
Холодный ветерок взлетел тайком,
И сумерки на землю упадают.

Всё стало вдруг ничем. . . И ноет грудь. . .
Озноб и пустота. Окончен путь.

1897

23. СЛОВА

Скорбь поэтичная и ликование,
Чувств поток, души изливанье —
Всё это лишь бессилья слова,
Нет всемогущего в них колдовства!
Даль приблизить не могут они,
К цели продвинуть наши дни.

1897

24. ИДУЩИЙ В ГОРУ

Всё больше, больше будешь одинок,
Друзья, отстав, тебя покинут втайне,
Случайный в скалах встретится цветок,
А люди по душе — еще случайней.

Потом один ты будешь в пустоте,
Навалится безмолвья мир бескрайний;
Покоя нет на снежной высоте.

Тебя всего броней лед покроет,
Но пламени в груди не успокоит.

1897

25. ПЕРВЫЕ ВЕСТНИКИ

Снег не стаял на полях,
А уже вернулись птицы
До того, как озарила
Землю солнечная сила.

Только птичьи голоса
И заглохли и затихли. . .
Эти птицы до земли
Песнь весны не донесли.

Но понятно стало всем,
Как грядущее прекрасно.
Лишь замолкли — началось:
Половодье разлилось!

1897

26. СТОНЫ МОРЯ

Давно и неизменно
Со мною гул морской
И шум ударов пенных
О скат береговой.

Всё слышу, слышу море,
Как будто чей-то стон,
Стон вечный, полный горя...
Когда ж прервется он?

1897

27. ЖАЖДУЩАЯ ЗЕМЛЯ

В небе плавала туча,
Черна и влаги полна,
Вздохнула земля могуче,
Жадно вздохнула она.

«Не солнца хочу — прохлады!
Всё сгинь, под потоп попав,
А мне — мне свежести надо
Для обновления трав!»

Вздохнула земля могуче,
О травах вздохнула она,
Когда пролетала туча,
Нежна и влаги полна.

1897

28. КОРОЛЕВНА

В грозную годину
Кровь лилась рекою.
Скрылся в недрах замок с королевой.

Солнце-королевна
В том подземном замке
Шесть веков сидит, склонясь над пряжей.

Замок весь янтарный,
Пол из меди — зелен,
Свод жемчужный, а столбы стальные.

Солнце-королевна
Вертит прялку грома,
На алмазном простне — нити молний.

И сидит над пряжей
На златом престоле.
Взор сверкает. Черный пес у трона.

Черный пес безмолвен,
Вдруг подымет морду
И ворчит: он чует запах крови. . .

В грозную годину
Кровь рекой прольется,
Вывется из тьмы подземный замок.

Снова королевне
Ткать полотна света
Из лучей, из радуг и из молний,

Чтобы этой новой
Солнечную тканью
Потеплей детей земли укутать.

Юношеские годы, 1898

29. ТЕПЛАЯ ВОЛНА ДЫХАНЬЯ

Бескрайнее море сверкает. . .
В лесу избушка видна.
На землю, где всё замерзает,
Льется тепла волна.

Волна твоего дыханья
Наполняет душу мою,
И, с жизнью сливаясь бескрайней,
Пробуждаюсь и песню пою.

И жизнь, как море, сверкает,
Не покорное воле ничьей,
И в сердце, где всё замерзает,
Струит тепло лучей!

1897, (1899)

30. СВЕТЛОЕ СЧАСТЬЕ

Река течет, как водится,
За горы, за леса,
Туда, где вечно сходятся
С землею небеса.

И где они встречаются,
Где кончен путь воды,
Там счастье, счастье чается,
Там нет невзгод, там ты.

(1899)

31. ПОЛЕВЫЕ ЛИЛИИ

Не знаете житейских вы забот,
Тревоги о питье и пище, —
Из вас любой всегда найдет
Одежду в холод, теплое жилище.
Беспечны вы, как птицы в высях неба, —
Они не сеют, и не жнут,
И в житницах не копят. Что вам труд?
Вы никогда не будете без хлеба!

Питает вас всевышний в небесах
Да это поле, черный прах
Под вашими ногами. . .

Подобие вы лилий полевых!
Как царственен багрянец их!
Красой их пышной взор пленен. . .
Не жнут и не прядут они, —
А сам великий Соломон
В свои счастливейшие дни,
В блестящих ризах с головы до ног,
Сравниться с ними бы не мог.

Но знает прах, что суетный цветок
Сегодня цвел, а завтра изнемог,
Увял и черным прахом стал,
Таким, какой его питал, —
Прахом под ногами.

1898 или 1899

32. ЗА НОЧЬ

Мгновенно — за́ ночь — не стало их:
Рассвет забрезжил, и был он тих,
Рассвет явился, а тень лесов
Молчит без соек и без дроздов.

Всё те же травы, и в тот же час
Сквозь ветви солнце глядит на нас,
А сердце сжалось, в нем страх и тишь,
И ты «прощайте» лесам твердишь.

1899

33. ДЫМ ПАРОВОЗА

(Детское воспоминание)

Клубящийся дым паровоза
Наваливался тяжело
На всё, что в час расставанья
Проститься с нами пришло.

Визгливый свисток паровоза,
Как нож, мое сердце пробил
И словно отсек навеки
Всё, что я в мире любил.

И столько лет понапрасну
Себе я забыть велю
Свисток и дым, застеливший
Всех тех, кого я люблю! . .

1899

34. САМ

Дари свой труд, но сил приумножением
Сам ведай, каждый миг живя борьбою.
Тогда ты сам — владыка поля боя,
Хозяин своего вооружения,

Не будь как те, что волею чужою
В восторге вовлекаются в движение, —
Они падут, затоптаны толпою.

Сам бейся, сам суди и сам твори,
Сам дверь себе для счастья отвори.

(1900)

35. БЛУДНЫЙ СЫН

Ветрами окружен, дождем и тьмой,
Босой, в тряпье бредет он еле-еле.
Вы думали: с повинною домой
Вернется сын? Вы этого хотели?

Всё тот же гордый вид и взгляд прямой.
Смотрите же: на этом чахлам теле
Не рубище, а пурпур огневой!

Не под ярмо он шел сюда упрямо —
Пришел судья, чтоб вас изгнать из храма.

Между 1897 и 1900

36. РАЗМЫШЛЕНИЯ В НОЧЬ НАКАНУНЕ НОВОГО ВЕКА

1

Пустыня ссылки. Холод и покой.
Здесь некуда спешить. Из этой дали
Ясней и раньше всех могу я видеть
Черты и нрав идущего к нам века.
Передо мной раскинулась отчизна,
Покрытая белейшим одеялом
С голубенькой каемкою морей.
Под свежим снегом свежие могилы,
От свежей крови пар встает над ними,
И впрямь для века прошлого та кровь
Не в меру пламенную оказалась.
Теперь, быть может, будет по-иному.

Неслышными шагами новый век,
 Таясь, подкрался, словно тать в ночи.
 Дверь хлопает, и, молнии мгновенней,
 Быстрей, чем взмах меча, он успевает
 Порог переступить, и вот уже
 Горит, как Севера сполох багряный;
 Он, тяжкою громадой навалясь,
 Заполнил всё, лишь слышен за дверьми
 Свист времени, летящего стремглав.
 Век новый веет стужей ледяной,
 У ног его клубятся испаренья,
 А за спиною мгла встает, — и страшно
 Сверкает из-под маски пламень глаз.

И длань его железную на шее
 Вы чувствуете, даже не успев
 Достоинно встретить нового владыку,
 Что, появившись, прежнего поверг.
 Вы, торжествуя, подняли бокалы,
 В них, искрясь, пенился эксцельсиор.
 Но выбил он из ваших рук хрусталь,
 Напиток сладкий вытек, прилипая
 К подошвам вашим. Был и у него
 В одной руке фиал с багровой влагой,
 Студеной, липкой, а другой рукою
 Он сеял ветер, вам смеясь в лицо, —
 Ведь бурю пожинать придется вам,
 Вам, мирным людям.

Но по какому праву мертвой хваткой
 Он душит нас? Как взял над нами власть?
 Кто он таков? — Бродяга, вот и всё.
 Откуда он возник? — Из пустоты.
 Куда идет? — Во тьму, в небытие.
 Откуда он возник, туда и канет.
 Пред вечностью, владыкой всемогущим,
 Он только миг, число, смиренный раб.

Лишь захотеть — и покорим его,
Пусть тот, кто властвовал, согнется сам.
Согнуть его? Но мы в его руках. . .
Доколе же?

5

Сын весь в отца; и даже не понять,
Когда пришел он старику на смену.
Кто говорит, что с год назад уже
Он тайно воцарился, и тогда
На двух девятках (словно вал девятый
Унес его) скончался старый век.
Иные спорят: сын отцу дозволил
Год протянуть и кончить жизнь нулем,
Тем доказав, что старое столетье,
Столь много обещавшее, ничем
Окончилось, что нуль дал нуль в итоге.

6, 7

Кто ж матерью его был, кто отцом?
«Дух, Вечность», — говорят! . . Слова пустые.
Отец его был веком буржуа,
А мать звалась Свободой. Ею бредил
Отец, покуда пылким был юнцом,
Да разлучился с ней, хотя подчас
Судачат — не осталась без последствий
Запретная любовь, но в жены всё ж,
Как бюргеру почтенному пристало,
Взял Обыдённость — тучную мещанку,
И сам стал постепенно торгашом,
Забыв порывы юности мятежной.

8, 9

Отец под старость бил вас батогами —
Сын будет скорпионами язвить.
В крови по самый локоть, как мясник,
Сын входит к вам.
Витийствуя о мире, в то же время
Во имя просвещения и культуры
Уничтожает целые народы,
А жертве, застонавшей под ножом,

Он зажимает рот: резня — ведь это
Обычные, домашние дела.
Так что ж кричать? А если кто кричит —
Тот бунтовщик. . .

10

Громами войн он путь свой начинает,
Вдали раскаты первые гремят,
И «длинный Том», как новый божий бич,
Нет-нет да грохает. Снаряды воют,
И сыплются свинцовые бобы.
«Концерт Европы» этот гул зовется:
В нем пушек гром, в нем тонкий визг «дум-дум»,
Зубов железный скрежет, стон глухой
И лязг брони. . . Зато над этим всем,
То вкрадчиво, то словно издеваясь,
Небесный голос флейт поет, поет
О счастье, безмятежной тишине,
Добытых острым лезвием. . . Те песни
Зовутся дипломатией. . .

11

Век хочет, чтоб царила тишь да гладь!
Чтоб не разила сталь, не били пушки
(Иль в крайнем случае пусть бьют беззвучно),
Чтоб смолкли крики, стихли стоны, — если ж
Кому невоготу, пусть за зубами
Язык свой держит. Сладу нет с болтливым,
Держи его под страхом, чтобы он
Не смел грешить. . . И крикуны тогда
Притихнут живо, изрыгать проклятья
На новый век не будут. Мир настанет —
Благоволение во человецех;
Тогда лишь при движенье резком могут
Оковы звякнуть, да и то чуть слышно,
Как бубенцы, обернутые в войлок;
Ведь так мягкосердечен судия,
Так сокрушается палач, рубя
Нам головы

Так какова ж Лейпутрия — страна,
 Где век минувший (в сновиденьях, что ли?)
 Нам райское блаженство уготовил?
 Мала она была. . . Не многим в ней
 Попиршествовать вдосталь довелось.
 Растаяла гора из каши быстро,
 Исчезли чудом — озеро вина,
 Заборы из колбас, мясные стены.
 Пошло хозяйство прахом, и остались
 От вожделенных издавна богатств
 Лишь вытоптанные поля да кости
 Обглоданные.

13, 14

Попасть бы нам в Лейпутрию, в которой
 Для всех нашлось бы место, а не только
 Для избранных, для сотни объедал:
 В страну, где все мечтанья стали б явью,
 Где спину мог бы каждый распрямить,
 Где б каждый мог на хлеб намазать масло
 И мясо в супе что ни день найти,
 Да к этому всему еще имел
 Табак для трубки, сапоги, костюм
 И по воскресным дням билет в театр;
 Где досыта все пили бы и ели,
 Как на толоке, поровну трудясь.

15, 16, 17

Измучены тоской непреходящей,
 Мы, люди, испокон веков томимся
 По счастью, солнцу, воле и по хлебу,
 Особенно по хлебу, да, по хлебу
 Пшеничному — грош ломаный за фунт.
 Ведь вместе с ним придет всё остальное,
 Что делает прекрасным Дух и Разум.
 Пойми одно — нам имя Легион!
 Мы поколение молодости вечной,
 И мы тебя, Владыка-Век, согнем,
 Рабом ты будешь нашим. Nos vincemus!¹

¹ Мы победим! (лат.) — *Ред.*

И дети Солнца будут жить тогда
На белоснежной праздничной земле,
Жить, неизбывным счастьем наслаждаться,
Тем счастьем, что для них в кровавых муках
Мы добыли по тюрьмам и по ссылкам.
Поры не выжидаем, — смело мы
Вцепились в космы Времени седые.

1900

37. СУДНЫЙ ДЕНЬ

Dies irae, dies illa
Solvat urbem in favilla. ¹

Литые всходы
Не раз сожнут,
Младые души
Не раз сомнут,

И не однажды
Ночам наглеть,
И тьмы той искрам
Не одолеть,

Не раз покроют
Костями поля
И реки крови
Вберет земля,

Не раз сплоченьям
Сутулых плеч,
Не распрямившись,
Придется лечь.

Но будут волны
Скалу глодать,
Но будут бури
Их вновь рождать.

¹ День гнева, этот день,
Превратит город в пепел (лат.) — *Ред.*

Умрут сто сотен,
Но, вечно нов,
Сто тысяч смены
Поманит зов,

Его подавит
Разящий бич,
Но десять новых
Подхватят клич,

Пока равнины
Не затрещат,
Пока песчинки
Не запищат.

И рухнет разом
Ваш прочный дом,
Стальные балки
Корежа в лом,

И ваш надежный
Кирпичный кров
Падет, чтоб выжать
Из вас всю кровь,

И, ваши замки
Роняя в грязь,
Встряхнутся скалы,
Освободясь.

Куда вам деться,
Что вас спасет,
Коль след ваш каждый
Отмщенья ждет!

Что за пучина
Вам даст приют,
Когда вас воды,
Ярься, снесут!

И в черных толях
Не скряться вам:
Стократ чернее
Оплел вас срам.

Лишь твердь немая,
В огонь осев,
Для вас разверзнет
Свой серный зев.

1900 (?)

38. ПРЕДГРОЗЬЕ

1

Где рассыпалось солнечное пламя,
Совсем как пряди золотых волос,
На небе туча залегла вразброс,
Распространяясь черными клубами.

Мрак наползает, душу устрашает,
Полнеба взял в полон, к душе прирос
И давит, угнетает, окружает.

И грудь переполняется тоской
По солнечной земле в дали морской.

2

А туча — ближе, ближе. Тьма растет,
Весь белый свет сдавила в мертвой хватке,
К земле в полете тянутся касатки,
Поля молчат, но стонет небосвод.

Вихрь налетел негладным порывом,
Деревья рвет, лакает пену вод
И, завывая, бегаёт по нивам.

Он хлещет землю, словно шалый кнут,
Его удары жизнь вот-вот сомнут.

3

Весь горизонт во мраке утонул,
Лишь дальних молний блеск пустой ярится.
Закапало. Вот-вот гроза свершится,
Мир будто смертью взят под караул.

Душа устала, онемели руки,
Пыланье сердца пепел затынул.
К чему мечтать? Ведь это — снова муки.

Продрогла плоть, и дрожь такая бьет,
Как будто стонет кто среди болот.

1897, (1901)

39. ВПЕРЕД!

Вслед за собой ты сам разрушил мост,
Что мог вернуть домой после разлуки,
Где обняли б тебя, любимый гость,
Дыханьем теплым обогрели руки.

Но сломан мост, ладья в пучине тонет.
Навстречу падают лавины с гор,
Над берегом пустынным чайка стонет.

Кровь на ладонях, рушится упор. . .
Вперед! Там виден солнечный простор!

(1901)
Слободской

40. СЛОМАННЫЕ СОСНЫ

Сгибаются сосны под бурей злой
На дюнах у моря в стране родной.
Их взоры летели до края земли,
Скрываться и гнуться они не могли.

«Ты, злобная сила, сломила нас,
Но битвы с тобою не кончен час.
Томясь перед смертью по далям морским,
Мы каждую веткой о мщенье шумим».

И сосны, хоть ветром сломило их,
Плывут кораблями средь волн морских.
Всем бурям навстречу вздымая грудь,
Всем бурям навстречу направив путь.

«Враждебная сила, волну вздымай —
Еще мы увидим заветный край!
Пусть нас сломают, в щепы разобьет —
Достигнем мы дали, где солнце встает!»

(1901)
Слободской

41. РУКОВОДСТВО ДЛЯ БЕРЕЖЛИВЫХ

1

Каждый грош сберечь старайся,
Сколотить надеясь сотни,
Пусть недоедать придется
И в подвале век ютиться:
Ты добьешься, несомненно,
Коль не денег... то могилы.

2

Каждый грош сберечь старайся...
А насчет недоедания —
Ближний пусть недоедает,
Ты ж выгадывай на этом.
Глянь — и деньги в преизбытке...
И грехов того не меньше.

(1896), (1902)

42. ПАЛИ РОСЫ

Солнце за леса клонилось,
И на землю пали росы,
И заря на них искрилась.

Ночью встал туман бесплотный
И седые пали росы,
Как шитье, на трав полотна.

Солнце встало над лесами,
Увидало — пали росы,
Лик земли омыв слезами.

(1902)
Слободской

43. СТАРЫЕ НЕДУГИ

Снова пошлость вековая
Из норы своей выходит...

Горе! Будни заглушили
Солнца смех в душе твоей,
И заботы тусклых дней
Сердце обручем сдавили.

Победи заботы те:
Им, что гадам, крыться в норы,
Не взнестись за нами в горы,
Не подняться к высоте!

Между 1897 и 1902

44. ПЕРЕД БУРЕЙ

То синь, то серость — моря даль
Блестит, блестит под небосклоном,
Который нем и тверд, как сталь,
В однообразье монотонном.

Залив, как зеркало, лежит,
Но в отдаленье темно-синей
Полоской дрожь бежит, бежит,
Виляет ветер, гладь морщина.

То причитая, то страха,
Мелькает чайка над водою,
Мечась и клича, как душа,
Навек лишенная покоя.

Между 1899 и 1902
Слободской

45. В СЕРДЦЕ СМУТА

Мать полей
Вздыхает скорбно,
Даль продута.

На покосы
Ткань прохлады
Пала круто.

Шелк тумана
Нитью жемчуга
Опутан.

Край наряда
Волочится —
Смята рута.

Вянет рута,
Вянет астра —
В сердце смута.

*Между 1899 и 1902
Слободской*

46. ВЕЧЕРНИЙ ПОКОЙ

На горизонте,
Тонкой полоской горя,
Тучами сжатая,
Алая гаснет заря.

Где-то мигает
Луч огонька золотой,
Перепел плачет.
Ведом ли сердцу покой?

Тихо спускаясь,
Сумрак вступает в права,
Бродит прохлада,
В ладонях горит голова.

*Между 1899 и 1902
Слободской*

47. ЭЛЕГИЯ ¹

Памяти юноши

1

«Мне этого не вынести, отец.
Всё видеть — и спокойно, молчаливо,
Как будто сердце у тебя вконец
Окаменело, — улыбаться криво;

Взирать, как правду топчут сапогом,
Как палачи глумятся нечестиво
Над тем, что мы святынею зовем. . .

Трепещет плоть, и кровь моя как пламя,
И руки тянутся к оружию сами.

.....

2

.....
«Ну разве мог тебя я удержать?
И ты ушел. Ушел в сражение смело.
Теперь лежишь, и на устах печать,
Лик холоден, окоченело тело.

Как речь твоя когда-то сердце жгла!
Теперь молчишь, и там, где мысль горела, —
Такой покой на холоде чела! . .

Но на губах безмолвный возглас: к бою!
Немой призыв. . . И мы идем с тобою!»

*Между 1899 и 1902
Слободской*

¹ В ссылке, на смерть товарища по борьбе, павшего жертвой царизма.

48. РАВНОДУШНЫЕ

Он к вам пришел с душой открытой, светлой,
Подобной солнцу утренней порой,
И вам в лицо пахнуло свежим ветром.

Вы по уши укрылись одеялом,
Дрожа как бы от стужи ледяной.
«Наш сладкий сон нарушить? Небывало!!

Его слова сердец не задевают.
В далекий край зовет он за собой.
Но надо ли туда идти? Бог знает. . .

Неужто мы за тем пойдем послушно,
Кто Красоту провозгласил земной?
Она ж должна быть призрачно-воздушной!

Кротки сердца, и души полны мира.
Нас убаюкал сладостный покой
Среди цветов, среди нежных волн эфира.

Кто Красоту в припадке дерзновенья,
В грязи бродя, желает за собой
Вести, — да примет вечные мученья!»

Рядя убогость в пышные наряды,
Вот так они болтают день-деньской,
За треском фраз позор свой спрятать рады.

А он ушел с душой открытой, светлой,
Подобной солнцу утренней порой,
Стремясь вперед за свежим, вольным ветром. . .

*Между 1899 и 1902
Слободской*

49. ПЕСНЯ ФАБРИЧНОЙ ДЕВУШКИ

Не пой, соловушка, не пой
У моего окна с тоской,
Ведь завтра мне вставать чуть свет,
А в сердце и просвета нет, —

Пока поешь и песнь течет,
Печалью сердце изойдет.

Ведь завтра мне вставать чуть свет,
Идти туда, где солнца нет.
Шестнадцать медленных часов
Работать надо средь станков,
Там копоть ламп и пыль кругом. . .
Не пой так грустно под окном!

Ты будешь так же распевать,
А мне с зарей уже вставать.
Тебе росу лесную пить,
А мне ярмо свое влачить.
Не пой, соловушка, не пой
У моего окна с тоской!

Между 1899 и 1902
Слябодской

50. ОЗАРЕННЫЕ ЛИСТЬЯ

Словно в тяжелый
Свинец обута,
Ночь ковыляла.

Жизни биенье,
Как перед смертью,
Вдруг замирало.

К лону земному
Сонные травы
Вяло припали.

Трепетно солнца
Ждали деревья,
Птицы и дали.

.

Что загрустила
Юная зелень
В алых просветах?

Утренний ветер
Первых коснулся
Тоненьких веток.

Глянь, золотятся
Листья березок
С легким дрожаньем,

Как засияли
В отблесках зорьки,
В зареве раннем!

Вынесли холод,
День возвещают,
Высясь над склоном.

Им до заката
С солнцем шептаться,
Листьям зеленым.

*Между 1899 и 1902
Слободской*

51. ВЕСЕННИЕ ДНИ

Прочь жалобы и стон тоски!
Сбивай оковы и замки!
Круши ограды и — вперед!
Река взбухает, взломан лед.

Всё выше солнце, даль синей,
Всё тоньше лед весенних дней,
Всё тоньше — тает под лучом,
Ручей сливается с ручьем.

Ревет разбухшая вода,
Уносит прочь обломки льда
И заливаёт всё и вся,
Устои ветхие снося.

Воды восставшей круговерть
Крушит стены столетней твердь,
Ломаёт тысячи преград,
И бастион, и каземат.

Оковы льда упали с нас.
Вокруг, насколько видит глаз,
Вода. Течет через края
Огромной чаши бытия.

*Между 1899 и 1902
Слободской*

52. FIAT JUSTITIA! ¹

Одно лишь существует правосудье,
Себе равно, извечно, неизменно,
Оно возникло испокон веков,
Чтоб на земле поддерживать порядок.
И если б даже рухнул весь наш мир,
Пребудет нерушимым правосудье.
Fiat justitia, guat mundus! ¹

Над миром поднят трон его высокий,
Чело его окутано туманом,
Глаза закрыты темною повязкой.
На камне и железе трон стоит,
На пирамиде трупов и костей.
Стволы победных пушек перелиты
На ножки трона. Сплетено сиденье
Из тех цепей, в которые народы
Закованы, виновные лишь в том,
Что не могли сопротивляться силе.
В руках весы. Огромный меч на чаше.
Кровь праведная на другой. К земле
Склонилась чаша под мечом тяжелым.
Оно одето в золото и пурпур,
Атласный плащ алеет на плечах,
Стан обвивает плотный медный пояс,
А на ногах сандалии стальные,
У пояса топор, скрижали, кнут.
Оно сидит, сквозь стиснутые зубы
Слова роняя скупю, с неохотой.
И каждое — как лезвие ножа.
И все его веленья, приговоры,
Свистящие, как взмахи топора,
Приводятся тотчас же в исполнение.
И кровью полнится земля, — встает,

¹ Пусть торжествует правосудие, хотя бы рушился мир! (Лат.).—
Ред.

Как зарево, кровавый в небе отблеск.
Fiat justitia, ruat mundus!

Вот трон свой оставляет правосудье,
Чтоб утвердить свою повсюду власть
И всех равно заставить подчиняться.
Оно идет с повязкой на глазах,
Не отличая доброго от злого,
Не видя ни деяний, ни причин,
Ни слез, ни лиц, нуждою изнуренных,
Ни рук, что столько раз вздымались в муке
Пред тем, как преступленье совершить.
Да, одряхлело, видно, правосудье!
От вечно неснимаемой повязки
Померк его когда-то острый взор,
И, кажется мне, стало глуховато
Иль клочья шерсти положило в уши:
Оно проходит безучастно мимо
Взывающих к нему нестройным хором.
Пускай кричат. Не могут изменить
Его решений крики подлой черни —
Fiat justitia, ruat mundus!

И стан согнулся. Медленно бредет
Оно, качаясь. Нелегко гоняться
За виноватым — так рукой костлявой
Невинного хватает невзначай.
Лишь нюх его по-прежнему остер:
Издали почуяв смрад лачуг,
Торопится их обойти стороной.
А если всё ж приходится зайти,
Оно смиренно рядом со смиренным,
С ним вежливо и даже трусовато.
Старается не привлекать вниманья,
И гордости заносчивой в нем нет.
Когда же деньги говорят — молчит.
С ним можно пошутить, поторговаться,
Настроив на возню по мелочам.
Но рядом с сильным — сильно и оно,
Уж тут оно всю мощь свою покажет,
Уж тут оно не пожелает сесть
В одном ряду с никчемным милосердьем,
Уж тут оно не терпит возражений.
Пускай весь мир погибнет в лютой мгле,

Пускай гудит прибой людских стенаний,
Пусть кулаки с угрозой поднимают,
Пусть шлют проклятья, скрежеща зубами,
Но правосудие должно свершиться.
Готово все преграды сокрушить,
Чтоб, сорняки с корнями вырывая,
Изречь и услышать себе в ответ:
Fiat justitia, ruat mundus!

Да, одряхлело, видно, правосудье
И на глазах становится слабей.
Дни сочтены его, и с каждым часом
Всё меньше остается сил, лишь злоба
Еще кипит и тайное коварство.
Гримаса низкой зависти у губ,
Рот искривлен улыбкою зловещей,
Не держат ноги, в высохших костях
Уже нет мозга; лишь один костыль
Скелету служит шаткою опорой.
И всё ж порой споткнувшегося топчет
И на лицо просящему наступит.
Fiat justitia, ruat mundus!

Час правосудья старого пробил,
На волоске его существованье.
И скоро рухнет с грохотом колосс
Под звон костей и черепа пустого.
И черным облаком взвоется пыль
От высохших потоков алой крови,
Что пролита была его веленьем,
От ядовитых струй его слюны,
От всех обломков мертвого былого,
От куч навозных, долгие века
Копившихся и отравлявших воздух
Миазмами зловонных испарений,
Что давят грудь, дыхание стесняют
И губят всё живое. Но сквозь прах
Ростки живые путь находят к свету,
Над старым миром возникает новый.
Ruat justitia, fiat mundus!

1899—1902

¹ Пусть рухнет правосудие, но восторжествует мир! (Лат.). —
Ред.

53. ЕДИНСТВЕННАЯ ЗВЕЗДА

Запомни свойство высших идей:
Они безучастны к судьбе людей.

И тот, кто огнем идеи горит,
О смерти не думает, не говорит;

Сжигая себя, не щадя друзей,
Он всем, что дорого, жертвует ей;

Идет он к цели неколебим,
Бессильна хула и смех перед ним;

Во мраке, нависшем со всех сторон,
К звезде единственной он устремлен.

*1901 или 1902
Слободской*

54. БЫЛОЕ

Там сказочным светом наполнены дали,
Там звуки простые созвучьями стали;

Там девы в лесной распевают тени,
Ивановой ночью блуждают огни;

Там бор молчаливый, овейный тайной,
Там замок подводный с горою хрустальной;

Там всплески русалок в осоке слышны,
Там лаймы танцуют в сиянье луны;

Там поеле заката, работая в поле,
Поют подневольные песню неволи. . .

Но мелет муку на погибель дракон
Тому, кто поставил неправый закон;

Но скачет воитель, зарею объятый,
Отточен сверкающий меч для расплаты.

Вновь замок подыметя из глубины,
Развеяв туман и столетние сны,

И солнце закружится над головою,
Зеленое, красное и голубое.

1901 или 1902
Слободской

55

Зимой ушел я,
Зимой суровой,
В страну чужую,
К чужому крову.

«Мир на земле,
Мир, люди, с вами!» —
Гудело небо
Колоколами.

Слепящий ветер
Смежал мне вежды,
Сорвать пытался
Мои одежды.

Метель закрыла
Завесой дали.
Под снегом ели,
Дрожа, стояли.

О, мир над миром
И сон покоя! . .
От боли сердце
Сжималось, ноя.

Весну я в сердце
Нес на чужбину.
А вам, уснувшим,
В сугробах стынуть.

Весну с собою
Я взял в дорогу, —

80

Вы не в ладах с ней,
Вам с ней не в ногу!

Ее вернул бы
Я вам охотно,
Когда б не спали
Вы беззаботно.

Всё ли зима
Томится снами?
Всё ли земля
Спит под снегами?

Всё ль мир вещает
Звон колокольный?
Всё ль еще людям
Сна не довольно?

Жду, не услышу ль,
Считая годы,
Что миновали
Зим непогоды.

Мечты уносят
К родному краю,
С тоской к отчизне
Взор обращаю.

*22 июля 1902
Слободской*

56. БОЛЬШИЕ ГЛАЗА

Марии А. Р.

Страшно мне встречаться с вами, —
Столько в вас тоски-тумана,
Голубые и пустые
Два родные океана!

А они: «Душа — как море,
Но она пуста, бесплодна. . .
Ах, когда б на дне открылся
Ключ воды живой, свободный!

Ветра, брызг и волн хочу я,
Чтоб рассеялась истома,
Чтоб вошла мне в душу буря
В буйстве грянувшего грома!»

*1902 (?)
Слободской*

57. ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

В желтоватом и неярком блеске
Солнце в зимних сумерках уходит
День за днем всё тою же дорогой.
Ночи вяло тянутся, зевая,
И не мне ускорить их движенье,
Солнце удержать в небесной тверди,
Землю повернуть навстречу солнцу.
Я хочу томить тоской по солнцу,
Чтоб разжечь в груди пыланье гнева,
Незаживших ран перстом касаться,
Чтоб вы к этой тьме не привыкали
И не верили бы в силу ночи!

(1903)

58. КЛЕЙМЕННЫЕ СМЕРТЬЮ

Кругом застыли в ненависти лица,
На всех неумолимый смерти след —
Так маска зубы скалит и кривится —
Ни проблеска, ни искры жизни нет.

Не сотворить огня в крови их пресной,
Как изо льда не выкрасать огня,
Как зиму не избыть весенней песней;

И солнцу неподвластна их броня:
Лишь в новой поросли оно воскреснет.

(1903)

59. ПЕЧАЛЬНАЯ БЕРЕЗА

Туман белесый
Окутал нив простор,
Покрыл покосы
И ближний бор.

Кустов задев вершинки,
Стелется средь полей,
Где блещут в траве росинки
От солнечных лучей.

Береза из топи болотной
Встала, тонка, стройна.
От мглы, седой и плотной,
В тоске отвернулась она.

(1904)

60. ТЯГОТА

В твоём незрячем сердце
Есть тягота одна,
Она поработает,
Лишает сна.

И вот твой шаг неровен,
Неровен сердца стук,
И в душу проникает
Тайный испуг.

Дай сердцу свет и зренье,
Испуг с него спадёт:
Та тягота есть вечность,
Жизнь из нее растёт.

Май 1904

61. РАДОСТИ

Радости,
Как случилось,
Что ваша цепь распалась?

Радости,
Где скворушка?
Туман окутал полюшко. . .

Радости,
Где солнца луч?
Трясет ветрище град из туч.

Радости,
Где сена дух?
Покос, как камень, гол и сух.

Ах, радости,
Где лето-то?
— На колосе уехало,
Как на возу.

Соломинки — оси,
Колеса — колосья,
Зернышко к зернышку,
Блещут, как солнышки.
Сели радости рядком,
Посветили нам глазком
И умчались.

1904

62. ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Рыданья давят горло, грудь теснят,
И сердце от печали онемело.
О тех, кто в битве пал, сердца скорбят,
О тех, чье ныне бездыханно тело.

Скорбь и священный гнев в груди горят,
Возмездье на полях боев созрело,
И капли крови песнями звенят.

Как грозно глаз потухших выраженье, —
Читаешь в них грядущее отмщенье.

1904

63. ШАГИ СОЛНЦА

Солнце шло усталыми шагами
На борьбу и труд, как накануне:
Нелегко на гребень крыши неба
Взгромождаться огненному шару.

Воздух плотен, труднопроницаем:
Дым, угар, миазмы — слой за слоем,
Пыль дорог и тяжкий смрад болотный,
Запах будней, козней злую мелочь,
Клубы черных выдыхов планеты —
Всё пройдет, ссутулившись, светило. . .

Утомив противоборством солнце,
День поник. . . Пора снижаться к морю —
В бесконечность лечь душою вечной,
В беспредельность — пламенем великим,
Скрыться там, откуда встать придется. . .

В этот час сползаются туманы —
В балахонах, серы и безлики,
Облака толпятся в небе мгlistом,
Тьма глядит сгоревшими глазами. . .

Тонет солнце в мареве лиловом:
Жаркий шар, едва воды коснувшись,
Вкруг себя подьёмлет клубы пара;
Облака слоятся в алом жаре —
Чередуясь, тлеют, стынут в небе
Красные и синие волокна.

Скоро, скоро воды скроют солнце,
Сгинет шар в спокойной чаше моря,
Желтизну оставив горизонту. . .

В небе мгла густеет, тяжелеет,
Жерновом прессует сгусток света,
Превращает в плоскую лепешку,
С силой в гладь алмазную вгоняет.

Чаша моря в этот миг бледнеет,
Покрываясь рябью, остывает,
Сходит мрак, и вспыхивают волны,
И горят в ночи алмазной крошкой.

Нет, еще не всё погасло в небе!
Дотлевают черных туч вершины,
Блекнет даль, желтеет, зеленеет;
Голубеет гребень крыши неба,
Синим паром ввысь струится утро.

Смотрят люди, затаив дыханье:
Их сердцам звезда рассвета светит.

1904

64. ЧТО Я ЗНАЮ

Я знаю голод, знаю и хлад,
Бессилие, слабость, усталость.
Всего не расскажешь, что знаю я, брат.
Всё отдано, мало осталось.

Но это не всё, что я изучил,
Здесь только лишь сказа начало,
Пусть голос страданья силен и уныл —
Душа его перекричала.

Она еще помнит солнце, весну,
Цветы, соловьиную россыпь,
Просторы лугов и лесов тишину,
Плывущий серебряный остров.

И знает, что есть человеческий дух,
Есть разум, и пламень еще не потух.
И я с ними вместе воспряну,
И это твердить не устану.

1904

65. У ДЕРЕВА В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Сюда не доходит сумрачный бег.
Ну вот наконец и я — человек!

Ни тайн у меня, ни гонки, ни драм,
И можно себя распахнуть ветрам.

Вон в поле стоит одинокий вяз
И тянется ввысь, свободно ветвясь.

Лишь поле вокруг, да небо над ним
С живительным облаком дождевым.

Он корни продел меж подземных глыб,
Хотел бы — макушкой бы солнце сшиб.

Стоит и ждет — пусть буря придет:
Давай, мол, померимся — чья возьмет!

1904

66. ЗАМОК СВЕТА

Из тьмы зловещей,
Из адских трещин
Заре навстречу
Встал Замок Света.

Разбив оковы,
Из тьмы суровой
Для жизни новой
Встал, в блеск одетый.

Теперь он с нами,
И над сердцами —
Свободы пламень,
Сиянье жизни.

Дыша весной,
Нам жить в покое
Одной семьею
В одной отчизне!

1904

67. ИЗ ОКНА ВАГОНА

Светлые березки,
Луга зеленые,
Оврагов бороздки,
Холмы скругленные.

Ключья пажитей настланы,
Там и сям хуторки,
И горят еще астрами
Кое-где цветники.

А дорога пустынна,
Поезда не режут,
А штрихи паутины
Над полями плывут.

Очи ловят всё это,
Прячут в сердце улов.
Ты прощай, мое лето!
Где зима? Я готов.

1904 (?)

68. ЗАКРЫТИЕ ВРАТ

Багряное солнце
Плывет за леса,
А следом уходят
И свет, и краса.

И свет, и краса,
Ах, свет и краса
Уйдут и закроют
Врата в небеса.

1904 (?)

69

Солнце землю нашу
Медным плугом пашет,
Поднимает елой глубинный,
Зарывает бред старинный.

Буря семена бросала,
Туча всходы поливала:
Время — жатву бури убирать,
Время — битву грозную начать.

(1905)

70. МЕХИ ВЕТРА

Раздули мы мехи большие ветра,
Ногами нажимая рычаги,
И раскалилось пламя добела
В горниле солнца.
Клубился жар, и зной пылал слепящий,
Кругом вилось дыхание огня.
И вот — растоплен снег, и взломан лед,
Освобожденные текут потоки.

Вихрь, знойно дышащий, валит с разбегу
Громады туч, сшибает лбами их
И увлекает за собою вдаль
Все веянья, все грозы, всё ненастье.
Вытягивает всходы из земли,
Зверей из нор и с силой нас самих
Могучими руками поднимает.
Ногам не удержаться — их с собой
Течение увлекает
Вперед, вперед.

Шум будит всё живое.
Вот голову торопится подснежник
Просунуть из-под снежного покрова,
Вот лопаются почки
От буйного броженья соков,
И стаи птиц из дальних стран сюда
Слетелись, любознательные, снова.
Пришла весна, конец поре суровой,
Синеют небеса,
Вверх замок света поднялся.

(1905)

71. ЗЕЛЕНАЯ ВЛАСТЬ ВЕСНЫ

Даже чахлые березки
В зелень яркую оделись,
И вороны расшумелись,
Каркают о нежных чувствах.

Да, те самые вороны,
Слуги смерти и разбоя,

Взяты в плен живой весною,
Следуют ее указам.

Минет время, и вороны
Своего дождутся часа,
Поедят живого мяса,
Проводив весну со славой.

И березки устыдятся
Яркой зелени на ветках,
Станет желтой, станет редкой
Их листва, и очень грустной.

Но сейчас березкам чахлым
Нравится наряд зеленый,
А разумные вороны
Не вдаются в спор с весною.

(1905)

72. ВЕСТНИЦА-СИНИЧКА

На столбе ворот синичка
Заливается-звонит...

Крошка-синичка — чуть потеплело —
Вестницей солнца к нам прилетела
И, заливаясь, поет:
«Всё расцветет!
Всё расцветет!
Против зимы всё восстает!»

Поет синичка, на ветке качаясь:
«Уходят морозы, с зимой кончаясь!»
С ветки на ветку синичка снует
И только одно и то же поет:
«Всё восстанет, всё восстанет!
Всё воспрянет, всё воспрянет!
Всё и вся, всё и вся, всё и вся!»

(1905)

73. ВЫХОДИТЕ!

Вы, крошки-вербочки,
Вы, листья нежные,
Выходите! Выходите!

Тонких веток ростки,
Иголки хвои,
Ландыши белые —
Майская поросль,
Птицы-скворушки,
Светлячки,
Люди из недр земных,
Из немых глубин,
Выходите! Выходите!

Вереск, вставай!
Листою, береза,
Тихо шуми,
Мглу развевай.
Зажгитесь, глазки,
Пламенем ярким!
Выходите! Выходите!

Из праха ада,
Из черного дыма,
Из недр подземных
Черные люди
Гордо выходят,
Зовут с собой.
Багровый пламень
Их путь освещает.

Всё, что мечталось,
Свершается ныне.
Муки, терзанья
Уснут в покое.
Ярче радостный день,
Скрылась темная туча, —
Выходите! Выходите!

{1905}

74. ДЕТИ СУМЕРЕК

Луч глянул из-за сосен,
Скользнул на землю он;
Сквозь ветки смотрит солнце,
Полей недвижим сон.

Мороз и снег повсюду,
На всем тумана след,
Но вскоре заискрится
Во мгле сокрытый свет.

Приди скорее, солнце,
Спешу подняться ввысь,
Больные дети мрака
Рассвета заждались.

Ах, полно, маловеры!
Лес золотом горит,
Пусть солнце ваши лица
Весельем озарит!

(1905)

75. К МОРЮ!

Про себя тихонько
Речушки смеются,
Все в одну сторонку
Льются, вьются.

Нивами росистыми,
Травкой вытканными,
Вьются серебристою
Пряжей-нитками.

Перепрыгивают речушку
Тропки лесные в гонке,
Жмутся друг к дружке,
Как девчонки.

Лепечут, резвясь,
Нет конца их шуткам,

Сон стряхнули с глаз
Незабудкам.

К Даугаве родной
По лугам и нивам,
Воды несет весной
Бурным порывом.

В море мчит река
Груз драгоценный,
Белит ему берега
Мутной пеной.

А над ширью морской —
Туч громада
Чашу влаги дождевой
Вылить рада.

(1905)

76. ЧЕСТНЫЙ ЛИБЕРАЛ

Когда-то с нами вместе он шагал;
Теперь — туда, откуда начинал,
На три восьмых он семенит потешно
В толпе подобных, большаком, поспешно.

Он снова мелет прежнюю муку:
Кто в силах, мол, с тельцом златым бороться?
Ехидно над заблудшими смеется,
О мире и спокойствии печется...

А в сердце носит горечь и тоску.

(1905)

77. ЧТО СЕЯТЕЛЮ ТУЖИТЬ!..

Вновь нет спасенья
От непогоды:
В полях — болота,
Замокли всходы.

Вновь нет спасенья:
Ветра взъярились,
Рвут с поля всходы,
Что чуть пробились.

Но тот, кто сеял,
Не тужит снова:
Ведь снег, морозы
И льда оковы —

Не смерть, а спячка,
Чтоб крепла сила,
Чтобы надолго
Ее хватило.

Чуть зубы солнца
За лед возьмутся,
Так всходы сами
К нему взметнутся.

(1905)

78. ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

«Так уныло
Нынче длится
Дней печальных
Вереница.

И мрак ночной теснит нам грудь.

Грустных песен
Звук щемящий,
Ужас вечный,
Леденящий, —
Как трудно их с души стряхнуть.

Только будни
Всюду в силе,
В божество их
Превратили,
Чтоб спину перед ними гнуть!»

«Как ничтожны
Вы сердцами!

Скоро грянет
Гром над вами:
Героев время вышло в путь!»
(1905)

79. МЕЛЬКАЮЩИЕ ОГНИ

По улицам там и тут
Вдруг пробегает свет,
Сверкнет полоса огня,
Померкнет и вспыхнет вновь.
Во тьме колеса гремят,
На лицах застыл испуг:
«Случилось? Когда и как?
Неужто сюда идут?»

Зарево в небе, крик
Чей-то возник вдали,
Мимо бежит толпа.
Снова тихо вокруг.
Ужас сковал сердца,
Души наполнил страх.

Ближе и ближе огни,
Стало светло, как днем,
Уже горит небосвод,
Там, у края земли,
Светятся в темноте
Пламени языки.

Всюду, везде, кругом
Уже занялась земля.

Искры взлетают ввысь
И падают вниз дождем;
Огни бегут и бегут,
Призрачный хоровод
Двигается, как во сне,
Что-то сулят они...

Смотри, роятся вдали
Мелькающие огни.

(1905)

80. ЧЕРЕЗ КРАЙ

Пусть сердце пылает,
Пусть кровь закипает
И чувства, как волны
Прибоя, играют —
Что их успокоит,
Смирит, обуздает?

И мечется слово,
И сердце готово
Привычной неволи
Разрушить оковы,
Обнять беспредельность
Простора земного, —

На улицу, к людям
С отверстою грудью
Спеши — и не бойся:
Поймут, не осудят,
И сердце горящее
Счастливо будет!

(1905)

81. НАРЫВ

В сердцах — страданья
Напев возник,
Вражды и злобы
Набух гнойник;

Любовь ли, нежность —
Кромешный ад,
В источник жизни
Подмешан яд.

Эй, вы! Дрожите
До той поры,
Когда прорвется,
Как взрыв, нарыв!

(1905)

82. ЧТО БЫ НИ БЫЛО

Величие этих дней — залог,
Что ты уже в поле не одинок.

Где только одна березка была —
Там роща зеленая подросла.

На вырубках снова поднялся лес,
Дыханьем свежим веет окрест.

И видно сверху березе той,
Что всё окрест — в листве густой.

Нет, не солгали тебе мечты!
Недаром страдал и томился ты!

Полной грудью можешь дышать
И, что бы ни было, — не отступать!

(1905)

83. В ВЕЧНОМ СОЗВУЧИИ

На всё смотрю без страха,
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я!

С широким шумом моря,
С симфонией лесной,
С медногосой бурей
Сливаю голос свой.

Я с тучами, с грозой
Звучу одной струной,
С потоком, что о берег
Бьет пеной снеговой.

Когда с востока ветер
Встает заре вослед,
Я вам с его дыханьем
Шлю утренний привет.

Когда же гаснет солнце
И затихает дом,
Заря меня скрывает
Померкнувшим плащом.

На всё смотрю без страха,
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я!

(1905)

84. ТЮРЕМНЫЕ СТЕНЫ

Лица скрылись в сумраке,— значит,
Не кивнет никто, не заплачет,
Не улыбнется приветливо впредь.
Всё затянула тумана сеть.

Как будто поезд промчался мимо,
Махнули платочком сквозь клубы дыма...
Слышно — шум затихает, далек...
Сердце пора замкнуть на замок.

«Но разве это не ветра шум,
Не листьями ропщут ветки?..»
Гул долетел, короток, угрюм...
Захлопнулись двери клетки.

Нет, ты не в лесу, то не ветра шум,
Не ропщут дрожащие ветки...
Тюремные стены, каменный свод, —
Тебе прозябать тут за годом год.

(1905)

85. СТАНЬ ТВЕРДОЙ, МЫСЛЬ!

Стань твердой, мысль!
Стань зычным, слово!
Стань наковальной, мысль!
Стань колоколом, слово!

Тьмы кузнецов тебя куют века;
Ковач великий, беспощадный голод,
Всей тяжестью обрушивает молот,
И скромным сонмом бьют исподтишка
Со стороны, и сгорблены и седы,
Старухи-сестры — маленькие беды.

Стань твердой, мысль!
Стань зычным, слово!
В горниле мук белей раскалено,
Закалено огнем и сожжено!
Мехи вздувают пламя неуклонно,
Тебя палят неистовым огнем,
Толкают в самый жар, сжимают в нем
Давленьем атмосферы раскаленной.
Стань рассекающим мечом!

Стань острой, мысль!
Стань грозным, слово!
Стань чуждым ржавчине клинком из стали,
Чтоб гражданин мог смело взять тебя,
Чтоб ты сверкало, камни стен дробя,
Чтоб цепи пред тобой и брони пали!
Стань острой, мысль!
Стань грозным, слово!

(1905)

86. ДУРНОЙ СОН

Черная туча
День омрачала,
Тоненький лучик
Вдоль стен, над валом
Крадется, дрожащий.
А в темных углах,
Угрюмых, молчащих,
Гнездится страх.

В комнате тесной
С окном закопченным
Грудь давит плесень,
Бахромою повиснув зеленой.

В той комнате посередине
Стол под сукном красным,
А за ним пять морд звериных,
Пять чудовищ сидят ужасных.
Две лисы, два волка, медведь, а за дверью
Другие беснуются звери.

Одни из них хрипло рычат,
Другие гнусно пищат:
«Твой грех велик,
Ты знаешь сам,
Во всем велим
Признаться нам!»

И за дверьми зверье
Злобно воет, не скрывая
бешенство свое:

«Он не дает кусать,
Жертвы от нас посмел отнять,
К бунту народ призывает,
Нас оскорбляет!
Нашу колеблет власть,
Так она может пасть!»

Твой грех велик,
Ты знаешь сам,
Во всем велим
Признаться нам!
Тяжка вина,
Кара страшна!»

«Да, против вас я прегрешал,
Грабеж ваш преступным я называл,
Считаю, что обирать брата
Нечестно даже для богатых.

И в большей вине признаюсь я сейчас:
Чужое добро защищал от вас.
Что честен ваш труд, вы все уверяли,
А я призывал, чтоб вас к черту прогнали.

Народ я от вас защищаться учил,
Надежду и сердце его окрылил,
Твержу я, что в доме у вас всё гнилое,
Хоть вы и кричите о прочности строя.

Еще о себе рассказать я готов,
Что проклял вас всех на веки веков,
Что словом будил я гнев народа,
Но вам удалось задушить свободу.

Так что ж, судите, коль ваша власть
И есть у вас право убить и украсть.
Но я не один — от края до края
Повсюду растет здесь жизнь молодая.

Казните — не стану пощады просить,
Но вы беззащитных не смейте губить,
Не смейте вторгаться с повадкой звериной
В жизнь людей угнетенных, невинных!»

Но тут всё смешалось вдруг
В клубящемся гуле вокруг:
Радость и вздохи печальные
Послышались — близкие, дальние.
Пламя взметнулось могучее,
Солнце открылось за тучею,
И свет его меня пробудил.
Иль, может, явью сон этот был?

Так сердце давит тяжесть сна.
Нет! Воздух свеж, и даль ясна!

(1905)

87. КРАСНЫЙ СПОЛОХ

«Сполох среди ночи
Алеет всё шире,
Войну, и разруху, и смерть пророча!»

Эх вы, пустомели,
Не видите — в мире
Давно уже войны грозой загремели!

Сполох? Да над вами
Огонь полыхает,
Вот-вот ваши крыши охватит пламя,

Вы спите, уткнувшись,
А ветер крепчает;
И воду лишь в ступе толчете, проснувшись.

Пора собираться,
На бой подниматься,
Пусть сталь засверкает!

(1905)

88. ТАК НЕ ОСТАНЕТСЯ

Что было прежде, так не останется,
Зря предрекают потокам стариться,
Ждут обмеленья потопу ярому —
Мол, всё уймется, пойдет по-старому.

Будь лед крепчайшим, сияй алмазами,
Весны мы жаждем душой и разумом,
Что было прежде, так не останется —
Преобразится или растает всё.

(1905)

89. МОГИЛЫ НАШИХ ГЕРОЕВ

От нас скрывают их имена.
Швырнули в землю, грудь пронзена,
Но пальцы сжаты, развернуты плечи,
И взор сверкает врагам навстречу.

Зарыли их без надгробных речей,
Песок притоптали, чтоб лег ровней,
И тешатся мыслью, что эта могила
Борцов за свободу навеки укрыла.

Но встанут они — их порыв не остыл:
И каждый, коснувшийся этих могил,
Исполнится силы для подвигов новых
И ринется в битву, хоть руки в оковах.

Так помните вечно могил этих ряд,
Где наши герои бессмертные спят!
В минуты усталости и сомненья
Героев своих вспоминайте мученья!

(1905)

90. ВСЕ-ТАКИ

Присловье «все-таки»
Помните в час,
Когда сочтете
Мертвыми нас.

Нет, не дождетесь
Во веки веков,
Чтоб нас задавила
Тяжесть оков.

Нет, руки бессильно
Не упадут,
Хоть жажда и голод
Утробу жгут.

Сердца наши стойки —
Дави их, тесни,
И все-таки дышат,
Живут они.

Заветное «все-таки»
Есть у нас,
Оно омрачит вам
Торжественный час.

Пусть молния блещет,
Грохочет гром,
Но мы на колени
Не упадем.

Не склоним плечи
Под вашу власть,
Хоть горы грозили б
На нас упасть!

Помните «все-таки»
Даже в тот час,
Когда мертвецами
Сочтете нас.

(1905)

91. НА ПЕСЧАНОМ ВЗМОРЬЕ

Никто тебе не нужен,
Один идти ты должен.

Один, как солнце на́ небе,
Один, как ветер на́ море.

Песок, что ветром взвьюжен,
Один идти ты должен.

Июль 1905

92. МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК И СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Дорогою проселочной
Несся зайчик солнечный,
А следом гнался мальчик:
«Не увернешься, зайчик!
Ох, не уйдешь!»

Пришлось побегать мальчику
За зайчиком, за зайчиком.
Глядь — в руке мелькнул, глядь —
зрачок кольнул,
И вдруг тихонько к сердцу прильнул
И — не ушел.

1 сентября 1905

93. ДАЛЬНИЕ ОТЗВУКИ

Отзвуки дальние
В мраке синеющем
Плыли, печальные,
С ветром, чуть веющим.

Плыли и таяли
В смутном блуждании. . .
Ночь, не внимая им,
Длила молчание.

«Все ли вы слышали
Тихое пение?»
— «Как же!» Но в души им
Кралось сомнение.

*

Вечер покров теней
Стелет среди полян.
Парни пасти коней
Едут в ночной туман.

Утро придет в свой срок,
Росы сверкнут вокруг.
Выгонит пастушок
Стадо с зарей на луг.

И босиком к реке
Люди пойдут тропой,
Отзвуки вдалеке
Слушая всей душой.

Звуки, что, так грустны,
Плыли вдали от нас,
Радостно в дни весны
Льются вблизи сейчас.

Катится шум времен
К сердцу полей родных.
Скоро и гул и звон
Громом наполнят их!

1905

94. ПЕРВЫЕ ПЛОТНИКИ

Покуда сил хватало нам,
Мы плотничали тут.
Теперь пора и по домам,
Закончили мы труд.

По нашим бревнам, по венцам
Вам ясен план работ.
Мы начертали дома план,
Работать — ваш черед!

Мы в дело первыми впряглись,
Лиха беда — начать.
Вы стены ввысь ведите, ввысь,
Чтоб дело увенчать!

Смелей достраивайте дом,
Как совесть вам велит.
Наш честный труд заложен в нем —
Он долго простоит!

1905

95. ВЕЛИКИЙ ПОКОЙ

Лишь в самой жаркой битве
Покой я обрету,
Боль сгинет, счастье снова
Зажжет мою звезду.

Плыву в потоке вешнем
С толпой таких, как я;
Меня, как ветвь, уносит
Весенняя струя.

Плыву — и знать не знаю,
Куда струя влечет.
Мои бывлые муки
И горести — не в счет!

Во тьме пробить дорогу
Один бы я не смог!

Летит к свободе сердце,
И к морю мчит поток.

Как в праздничное утро,
Душа в покой плывет,
И облачком лучистым
Сквозь синь я рвусь вперед.

1905

96. ЖЕСТКИЕ РУКИ

Прильнуть! Рукою жесткой
Ласкать и ласкать!
Из муки злой и острой
Счастье соткать!

Как ткать?
Зову я счастьем
Не то, что все зовут.
Как льнуть?
Ведь я не мастер
Речей, что нежно льнут.

1905

На гору меня вы отнесите,
Уложите под корнями сосен
В белую песчаную могилу.
Корни заскорузлыми руками
Пусть меня обнимут, обогреют.
Пусть меня укроет дерн зеленый,
Так легко под ним дышать мне будет,
Встать легко, трубы слышав звуки.

На крутой горе лежать хочу я,
Чтобы издали мне было видно,
Как в горячей, дымной бане братья
Обливаются кровавым потом,
Ветры горные туман развеют,
И победу братьев я увижу.
В чистом поле соберите части
Моего изрубленного тела,
Чтобы в должный час со мною были:
У плеча — рука, меж ребер — сердце,
И во рту чтобы сверкали зубы.

На гору меня несите, братья.
Больше мне служить не хочет тело,
Значит, надо отдохнуть немного.
Сосны осенят меня ветвями,
Тихим шелестом навеют дрему,
Раны исцелят, для новой битвы
Плотью новою меня оденут:
В прежних битвах старая сносилась,
Словно обветшалая одежда.
Вытекшие очи будут видеть,

Вырванный язык — греметь словами,
Двигаться — отрубленные руки,
Грудь простреленная — подниматься,
Сердце — словно пламя ввысь взметнется.

Бережно несите по тропинкам
На гору истерзанное тело.
Где росы кровавой капнет капля —
Лютики распустятся, укажут,
Как добраться до моей могилы.
Девушки по ним меня отыщут:
На ресницах — горькие слезинки,
На устах — слова любви, которых
Я при жизни так и не услышал.

Дорогие девушки, не плачьте!
Сладко спит сраженный в битве воин.
Плачьте лучше, девушки, о слабых,
Тем, кто в бой идет, цветы отдайте,
Тем, кто бьется, — ласковые речи.
А слова погибшего героя
В глубине души своей запрячьте,
Чтобы враг не вырвал их оттуда,
Чтоб доносчик тайный не подслушал.
В памяти мое храните имя,
Вздохами легчайшими окутав,
Пусть оно там поживает мирно
До поры, пока зальются трубы.
А душа сраженного героя
Будет спать под холмиком песчаным,
Осененная ветвями сосен.
В теплый полдень, солнцем осиянный,
Из могилы выпорхнет на волю,
На песке усядется погреться;
Вон пастух, в лесу оставив стадо,
Видит сны с открытыми глазами;
Вон смеются батраки на ниве —
Те, что век смеяться не умели;
Вон домой идут на отдых ранний
В белоснежных праздничных одеждах
Те, что отдыха вовек не знали,
Те, что век скитались безнадежно,
По миру гонимые судьбою,
А теперь нашли покой желанный.

Сосны, вскинув гордые вершины,
Взоры устремят в простор широкий
Через нивы, и леса, и горы
До полоски голубой тумана.
Вместе с горною сосной высокой
И душа моя, в ветвях качаясь,
Взоры устремит в простор бескрайний
До полоски голубого моря,
О котором мне без слез не вспомнить.
Теплый воздух будет подниматься,
И, на маковку сосны высокой
Вместе с ним взлетев, душа увидит
Даль, которую не видят сосны.
В полночь солнце сказочное встанет,
Разольется над моим народом
Нерушимое сиянье счастья,
За него боролись мы отважно,
За него легли в могилу рано,
И душа сквозь время и пространство
Яркий свет грядущего увидит.

18, 19 мая 1906

98. СИЛЬНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

— Поведай правду всю!
«Борясь за счастье народа,
Мы гибли, пылкие умы,
Наш клич «Да здравствует свобода!»
Сверкал звездою в царстве тьмы!»
— Звездою в царстве тьмы!

— Но дальше, дальше!
«Другие с пылкими сердцами
Пойдут по нашему пути.
Да, будут тысячи за нами
По хвое настланной идти».
— По хвое им идти.

— Но дальше что ж?
«И хвойный ветер благоухает
Над грустным шествием людей,
И долго сердце сохраняет

Печальный запах тех ветвей».

— Печальных тех ветвей.

— Но дальше, дальше!

«Мы будем хвоей похоронной,

Пока народ не победит,

Тогда толпа с листвою зеленой,

О хвое вспомнив, загрустит».

— И вас почтит!

28 июня 1906

99. ДАЛЬНИЕ КРУГИ

Обойдя поля и горы,
Путь я кончил там, где начал.
Отправлялся в путь — один
И пришел назад — один.
Уходил я с полным сердцем
Радостной живой воды,
Напоил я каждый куст,
И мое иссякло сердце.

Ты, душа моя, бездонна,
Я иду к тебе, уставший,
Сердце пусто у меня,
Я, как прежде, одинок.
Ты, душа моя, бездонна,
Ты в меня вливала силу,
Снова сердце мне наполни —
Я задумал новый путь.

29 июня 1906

100

Я сам себе творец и создатель,
Я сад своей души растил
С тех пор, как вытянулся тростинкой
Из раннего детства.

112

Еще ребенком слабеньким, часто
Бывал я один
И вел беседу со своей душой.
По воле собственной
Я строил мир,
В котором жить хотелось.

И то был мир прекрасный и легкий,
Построенный из мечтаний, —
Под голубым шатром небес,
Под сенью зеленой, —
И свет вокруг казался мне плетнем
Из солнечных лучей.

Так в мире обособленном своем
Немало молчаливых дней
Провел я в мечтах,
Хоть мне и угрожали
Давящий гнет
И скука серых дней.

Я сам сумел сберечь свою душу,
Я вел ее по своим дорогам,
По горным тропинкам и по лесам,
По берегу моря, где воздух чист, —
И стала сильной она и бодрой,
Не задохнулась в уличной пыли.

Я сам, сотворив себя,
Себе окружение создал,
Я сам сгибал свою судьбу
По собственному разумению,
Как мне хотелось.

Смогу ли так и впредь?
И всё ль имею?
Я одинок.

Себя, сотворенного мною,
Куда мне девать?
Я тех, кто юн, позову
В прекрасный и легкий мир,

Мечтой рожденный и окруженный
Плетнем из лучей.

В мой мир войдет иное поколение —
Пить свежий воздух моря,
Бродить по лесам, по горным тропинкам, —
И будет сильным оно и бодрым,
Его не задушит уличная пыль.

1905—5 июля 1906

101. ПЕСНЯ УХОДЯЩЕЙ ДЕВУШКИ

Оглянусь назад,
Отвернусь я прочь.
На родимый сад
Мне глядеть невмочь.

Там полынь растет,
Всходит лебеда,
По моим цветам
Топчется беда.

Ах, повял цветник,
Гаснут лепестки.
А куда уйти
От своей тоски?

1905, 2 августа 1906

102. ПОЛДЕНЬ

Сияет солнце, летний день
Взошел на небосклон.
Полдневная косая тень
Вплелась в мой тихий сон.

И дремлют дерево и луг,
И замер звон косы.
Остановилось время вдруг,
Не движутся часы.

И небо надо мной кругом
Раскинулось, томясь...
Как перед вечностью, лицом
Светлею в этот час.

5 августа 1906

103. ХОРОШЕЕ ПОУЧЕНИЕ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Барин — добряк, никого не обидит,
Шаг замедляет, как нищего видит,
Молвит: «Копейку возьми в подаяние,
Предупреждаю, однако, заранее:
Счастье — не в деньгах, прими во внимание!»

24 августа 1906

104. ТРИ ПРИМЕТЫ

Вера в святость дальней цели,
И на труд дневной надежда,
И любовь ко всем живущим —
Вот в природе их приметы:
Синь небес, и зелень луга,
И кровавый пурпур жизни.

26 августа 1906

105. ПЕРВОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Я знаю слово, что тверже всех руд:
Коль духом ты надломился в борьбе,
Коль сам себе в тягость, коль оробел,
Тогда одно лишь поможет тебе —
Труд.

4 сентября 1906

106. ПЫЛИНКА И ВРЕМЯ

Пылинки меньше — звездочка вдали,
Но если в суть ее проникнет разум —
Она стократ огромнее Земли,
Преображенная, предстанет разом.

Порою слабой кажется душа,
Но если в глубь ее проникнет время,
Она, величьем подвига дыша,
Кометой вспыхнет высоко над всеми.

5 сентября 1906

107. UNA BARCA ¹

Море у ног шумит, набегаю,
Мокрый песок лежит тяжело.
Ветер — как весть из отчего края,
И сердцу тепло, сердцу тепло.

— Le piace una barca, signore? ²
— О да. Но где я? И где мне быть?
Порыв бесплоден, безмерно горе.
Напрасно плыть.

12 сентября 1906

108. ЗАЛОГ ВЕЧНОСТИ

Бережно с детства хранимое,
Я тебе отдал последнее:
Радость души одинокой,
Жизни упрямый росток.

Это залог нашей вечности,
Вырастет он — возврати:
Кто-то из нас в одиночку
Дальше его понесет.

13 сентября 1906

¹ Лодка (итал.). — *Ред.*

² Не угодно ли синьору лодку? (Итал.) — *Ред.*

109. ВОСХОД

Нет, я не верю древнему сказанью;
Что счастье к нам вовеки не придет.
Нет, нет, неправда!.. Близится восход.
Мы окна открываем в ожиданье...

И день — хоть кровью брызнет, может быть, —
Он всё же — день... Нет, мы не смеем ныть!

1905, 27 сентября 1906

110. ПОСТУПЬ ГЕРОЕВ

«Быль — беспокойна,
Даль — безответна.
Я в неизвестность
Рвусь беззаветно.

Миг настает
Роковой красоты —
Рушится в бездну
Поток с высоты».

29 сентября 1906

111

Мать-земля потрясена виденьем,
Странный сон ей в забытии приснился;
Задрожав от радости и жути,
Хочет сбросить цепи сна, очнуться, —
Рот немой напрасно ловит слово.

Долго в недрах корневищ таился
Будущий цветок — и вдруг пробился,
Притаясь в налившемся бутоне,
Излучая свет зеленый листьев,
Сладкий аромат надежд даруя,
Поднимаясь с утренней зарею
И готовясь к чудесам цветенья.

А рассвет горит всё ярче. Солнце
Через миг начнет свой путь к зениту,

И бутон в цветок преобразится,
Ликованье света беспредельно.

Всё живое ощущеньем счастья
Обнимает аромат пьянящий.
Вот и вышло молодое солнце,
Вышло, как цветок, из недр глубоких.

Скоро еще жарче запылает
Пламя дня лучами золотыми,
Пламенем златой цветок алеет,
Каплет пот багровый с лепесточков,
Листья корчатся, горят и гибнут,
Свет им обернулся смертным мраком,
Ужас вскрикивает над планетой
В судорогах и в поту холодном.

Мать-земля от радости и жути
Задрожала в забытьи глубоком,
Хочет сбросить цепи сна, очнуться, —
Рот немой напрасно ловит слово.

— Кто покой мой дерзко нарушает?
Ночью — сном кошмарным, днем —

томленьем?

Небывало сладким чувством мая?
Разве вещей вестник появился?
Разве близок века звон весенний?
Что поется мне в извечных песнях,
Что предсказано в седых сказаньях?
Возрожденье при возврате солнца?
Что так сразу все кошмары взвились,
Словно ночь, к рассвету прилипая?

Задрожав от радости и жути,
Мать-земля в раздумье погрузилась.

Разве, Мать-земля, ты не познала:
Цвет с плодом не встретятся на ветви,
Должен цвет опасть, чтоб плод налился;
Вещий сон твой весь еще не сбылся,
Сон, воспетый в допотопных песнях,
Годы ждать пока еще ты можешь
Возрожденья и возврата солнца, —

Для тебя наш год короче часа,
А столетье наше дня короче.
Только нам ждать некогда, мы жаждем
Возрождения и возврата солнца.

18 декабря 1906

112. УЖЕЛИ МЕСТА НЕТ?

Где б роща ни была на родине моей —
Приют пастуший средь густых ветвей —
Там засыхает
Пролитая кровь.

Не столько, чтоб песок был залит весь, —
Лишь сколько в человеке есть.
И если пошарить в траве,
Лишь каплю найдешь или две
Пролитой крови.

*

Где б ни был луг на родине моей —
Раздолье для играющих детей —
Там засыхает
Пролитая кровь.

Не так-то уж много ее,
Чтоб текла она в десять ручьев,
Кровь одного, пяти, десятерых. . .
Отцов и братьев, близких, дорогих
То пролитая кровь.

Где б ни был клочок земли на родине моей,
Которым пахарь шел с сохой своей, —
Там засыхает
Пролитая кровь.

Не так уж много ее, не река, —
Расстреляли всего одного батрака, —
Но конь шарахается в борозде
И рвется в сторону, чуя и здесь
Пролитую кровь.

*

Ах, есть ли пядь на родине моей,
Чтоб не терзала душу кровь на ней?
Ужели места нет,
Где б не был виден след
Засохшей крови?

*

Нет, не только засохшая кровь, —
Там льется свежая вновь и вновь.
И всё еще мало. Я слышу: «Лейте!
Лейте больше ее! Не жалейте!»

*

О, сколько жертв на родине моей!
О, сколько там глумящихся зверей!
И всюду сохнет
Пролитая кровь.

Но, заглушая тот звериный рев,
Всё ж раздаётся непреклонный зов:
«Борьба не кончена! . . .» Пусть сотни **погибают**,
Но, погибая, к нам зывают,
Взывает пролитая кровь.

31 декабря 1906

113. РУКИ

Рука моя груба,
И нечувствительны кончики пальцев.
Взор мой неласков,
Не гладко лицо, черты не прекрасны.
Цветисто я говорить не умею.
Не изощрен я в таком, в изящном —
Не было в том нужды!
Мало имел я дела с искусством. . .
Врагам, однако,
Прямо смотрел я в глаза, —
Видел в их лицах последнюю низость,

Глубочайший позор человека,
Непостижимую злобу зверя,
Жестокость веков первобытных,
Давно позабытую, хитрость и жажду крови,
Подлость, что волку и то омерзительна,
И ко всему высокому зависть.

Я не видел в них человечности,
Способной жалеть и сочувствовать,
Не видал лица человеческого,
Где не прочел бы в складках глубоких морщин:
«Я — зверь!»

Вот когда огрубела рука моя,
Стали нечуткими кончики пальцев...
Зверя ли гладить рукой в шелковистой перчатке?
Как ласкать его нежными взорами,
Если терзает он жертвы свои
И сородичей
Трупы сжирает?
Мне надо еще всмотреться в людей,
Я должен людей уважать,
Чтоб полюбить их снова.
А ныне лишь братьев своих люблю,
Что в отчаянье рвутся на волю
И в яростной жажде освобожденья
Из когтей своих злобных тиранов
Обагранные кровью встают
Для решительной битвы.
Кто может быть ласков,
Кто может петь прекрасные песни,
Следуя мимо и роз аромат разливая,
Когда на глазах его зверь
Жертву когтит?
Кто тут не бросится в первом порыве на помощь!
И пусть оборвется песня, осыплются розы!
Кто, человеческим чувством вконец

обездоленный?

Есть такие?.. Так это вы!
В стороне стоите испуганно,
Насмешка в вашем вопросе:
«Кто прав? Кто ссору затеял?»
Да где же тут ссора? Не ссора терзать беззащитного!

Время ли тут разбирать, кто прав!
Мне надо еще всмотреться в людей...
Но зверь останется зверем,
Лишь когти еще заострятся.
Человек человеком не станет
И проповедь мягких сердец не впрок,
Пока существуют рабы, под бременем гнущие
спину,

И те, кто бременем спину им гнет;
Пока существует власть,
Которой опора — богатство.
Нежность одну лишь знаю: братьев жалеть,
На ноги ставить упавших, скорбь успокаивать,
Утешать утомленных сердца,
Исцелять, утолять красотою
И в мечте открывать им грядущего блеск.

Когда же настанет то время!
Люди сами его приведут.
Низость тогда отойдет от людей,
В жертву не будут вонзаться острые когти,
Пальцы чутки станут и ласковы,
Нежно-сочувственны будут глаза,
Лица — прекрасны и чисты,
Душевно-вкрадчива речь.
Буду я петь вам тогда свои нежные песни —
Когда настанет срок.

1903, 1906

114—128. <ИЗ ЦИКЛА «ЭПОС „1905 ГОД“»>

1

Звери, звери, не отдам вам сына,
Плоть мою, мою живую душу,
Я ль не родила его в страданиях.
Голову его к груди прижала,
Обвила седыми волосами,
Защищаю слабыми руками,
Прячу в материнскую утробу —
Отступитесь, это место свято.

Порубите сморщенные руки,
Растерзайте волосы седые,
Истопчите плоть мою святую —
Лишь тогда отнимете вы сына,
Он един со мной душой и телом,
Кровью сердца в наших общих жилах.
Ломят мои сморщенные руки,
Топором кромсают беспощадно
И от плеч их отсекают напрочь,
А они всё держатся за сына,
Грудь его от смерти закрывают.
Сын, пускай они тебе помогут,
Победи своими и моими.
Что ж ты, лютый зверь, теперь бледнеешь,
Глядя, как отрубленные руки
Судорожно защищают сына?
Это ль не их истинное дело!

11 мая 1906

2

ПАСХА

Звонкий голос колокольный
Возвещает светлый праздник,
Всю округу в храм сзывая:

«К нам! Христос воскрес сегодня,
Смертью смерть поправ навеки.
Свой великий день встречайте,
Пасху праздновать идите
И молитесь благодарно:
Искупил грехи он ваши!»

Храм наполнен до отказа.
Упадая на колени,
Люди «Отче наш» читают
Да псалмы уныло тянут,
Благодарны, что спаситель
В год мятежный уберег их.
Молят боженьку, чтоб снова
Всё по-старому направил,

Пусть воистину воскреснет
Он — величие и сила,
Всё вернет, как древле было,
Всё греховное — отринет,
Всё дурное — с корнем вырвет,
Чтоб покаяться, кто грешен,
Чтоб трудились в послушанье:
За полтину в день — поденщик,
За двугривенный — батрачка
И за гривенник — подпасок,
Так, со святостью на лицах,
Ожиревшие и злые,
С мертвой высохшей душою
Воскресение встречают —
Не свое, а Иисуса.
А природа на погосте
Просыпается лениво.
Ветви голые чернеют, —
Голы ветви, словно души.
Песнопения смиренно
Льются в воздухе весеннем.
Светлый праздник воскресенья
Заслонен вечерней мглою.

За церковною оградой,
Где ни кустика, ни травки,
На земле песчаной, белой,
На земле *неосвященной*,
От других могил в сторонке,
Есть два холмика недавних,
Еле видны в полумраке.

Из могил же *освященных*
Ночью мертвецы выходят,
Скаля зубы, в ряд садятся
На кладбищенской ограде.

«Посмотрите, за оградой
Там две грешные могилы!
Те, кто лег в них, призывали:
«Смело, люди, поднимайтесь!» —
А самих скосили пули.
Ну так что ж вы? Поднимайтесь,
Как других поднять хотели!

Что же ваших громких, властных
Голосов не слышно нынче?»

Так злословили, покуда
Их шаги не разогнали
И не сдул с ограды ветер.

Спозаранку солнце встало.
На погосте за оградой
В голых сучьях ветер свищет.

За кладбищенской оградой
Чудо ночью совершилось:
Обе скромные могилы
Свежей зеленью покрылись.
Ярко пламенеют розы.
Неужели же природа
За одну лишь ночь воскресла?

Нет! Воскресла не природа —
У людей сердца воскресли!
С трепетом еще и робко
(Так цветы порой холодной
Не решаются раскрыться)
Ночью люди к тем могилам
Шли украсить их цветами.
Голос грешников, который
Поднимал, будил, тревожил,
Был из-под земли услышан:
«Люди, смело поднимайтесь
К новой жизни, к счастью, к свету!
Вместе с этим новым солнцем
Воскресенья день заблещет».

10—12 мая 1906

3

Мой народ, грядущего создатель,
Ты уже разбил свои оковы,
На куски кроша их, отрывая
Вместе с кожей от живого тела.
Еще руки острыми краями

Кандалов изрезаны до крови,
Тело всё твое — в глубоких ранах,
На груди они алеют ярко,
Словно лепестки огромной розы.

Язвами, сочащимися гноем, —
О позор! — твои покрыты плечи.
Вся спина — в рубцах и шрамах, точно
Борозды на каменистом поле.
Эти язвы — след кровоточащий
Семь столетий длившегося рабства,
Подживут — их снова растравляют.

Их скрывал ты от людского взора,
Покрывал их пеленой забвенья.
Если бы увидели их люди,
В ужасе они б оцепенели,
А потом... забыли бы, наверно!
Такова природа человека:
Ведь людей волнует не безмерный,
А лишь вновь их поразивший ужас.
Много ужасов земля видала,
Оттого она и постарела
И покоя жаждет, повторяя:
«Видывала я и не такое!
А теперь пора уж отдохнуть мне,
Насладиться всем, что накопила!»
Ты, народ, скрывал свой гнет и цепи
За веселой, за разгульной песней,
За печалью тихой, сиротливой.
Мелкие вседневные заботы,
Бедности покорное смиренье,
«Мудрая» умеренность мещанства,
Согнутые спины подхалимов,
Самохвальство наглости крикливой
Заслонить могли лишь от незрячих
Мук твоих терзающую горечь,
Грустные глаза твои, в которых —
Оттого, что опустил ты руки, —
Стыд порою вспыхнет, а порою —
Ярый гнев, и сила, и отвага.

14 мая 1906

Тихо солнце осени спускалось,
 Подбирая огненное платье,
 Синих туч закрывшись покрывалом,
 Исчезая в темном подземелье.
 «Солнце милое, зачем уходишь
 В глубь подвалов, в подземелье смерти?
 Как ты выйдешь вновь из царства страха?»
 У окна в раздумье мать поникла.
 «Сын мой, солнышко, зачем ушел ты?
 Двери тьмы закрылись за тобою,
 И шаги твои вдали заглохли,
 И, почуяв твой уход, вплотную
 Подползает ночь ко мне. . . Когда же
 Взор твой, ясный, словно звезды утра,
 Эту тьму зловещую прогонит?»

17 мая 1906

Дули день и ночь четыре ветра,
 В одиночку уносясь и вместе
 На четыре стороны по свету,
 Дождевые тучи угоняя,
 Осушая топь, лесные тропы,
 Легкий путь везде готовя смелым.
 Солнце смелых щедро согревало.
 Шли весь день они до темной ночи.
 Яркий месяц, блещущие звезды
 Их вели во тьме дорогой верной,
 Ни на миг очей не закрывая.
 Лес густыми прятал их ветвями,
 Шепотком рассказывал им вести.
 Где они по нивам проходили,
 Рожь примятая вдруг поднималась,
 Провожая, кланялась им в пояс. . .
 С дальних мест, со всех концов округи
 Собирались и вперед стремились —
 По три, по четыре, по десятку,
 Разделяясь и сливаясь в сотни,
 И несли блестящие на солнце
 Вилы, ружья, топоры и косы.

Кто же это? Призраки могилы
Или же обманчивые тени?
Чуть мелькнут — и в поле их уносит.
Вот еще... еще... куда ни взглянешь...
Так ручьи в лугах текут весною
И, журча, спешат всё дальше, дальше.

22 мая 1906

6

Слагаю песню о слезах и крови,
О вопле битвы и о смертном хрипе,
О времени скорбей и причитаний,
О кратком бое, кратком блеске солнца
И вновь о крови, о страстях кровавых
Борьбы отчаянной и небывалой,
Неторопливой всенародной бойни.
Все нежные слова потопом смыло,
Сухие листья кружит вихрь осенний,
Разносит буря ледяные звуки,
Не раздаётся больше птичий щебет,
Вдали исчезли стаи журавлей.

От страшных криков и от смертных стонов
Одна лишь даль оберегает уши,
Но кровь из ран свирепо проступает
На светлой поэтической фате,
Простертой к солнцу, греющему прах,
Простертой к далям, скрытым синей мглою.
Не устоит, не выдержит фата!

6—25 мая 1906

7

Вместо рощицы — пустырь унылый.
Вырублено всё. Зола и пепел.
Для чего же пни здесь корчевали?
Обернулся — тоже не узнаешь.
Где ж лесок? Взойду-ка на пригорок.
Ничего не вижу. Дом-то где же?
Ведь отсюда он как на ладони.

Иль сошел с ума я, что не вижу?
Или дым, туман глаза мне застят?
Иль я у соседей заблудился,
Не узнал жилья отцов и дедов?
А всего три месяца скитался,
Укрываясь от убийц проклятых,
По следам гонявшихся за мною.
Нет, я не ошибся. Здесь был дом мой.
Что ж мутит мне разум злым виденьем?
Нет его! .. Иль взор туманит радость?
Аромат родной земли вдыхаю,
Той, где я родился и где буду
Отдыхать, в ее вернувшись лоно.
Ну, расчувствовался! .. Дом-то где же?
Подхожу. Там хлев был, там сарай...
Где же сад? Где яблоньки родные?
Что виднеется там черной кучей?
Подбѣгаю ближе, задыхаясь...
Гарь и уголь... Только пепелище.
Жалобно сверчки одни стрекочут.
И к земле припал я и заплакал.
Голосок привычный, серебристый,
Одинокой грустью исходящий,
Раздается здесь, на поле смерти.
Иль самой земли он порожденье,
Голос пережитой ею скорби?
Но куда девались все родные?
Выйдя из земли, в нее вернулись?
Где сынок, где мой малыш кудрявый?
Ни дома, ни поля,
Ни жены, ни сына — их убили, их бросили
в тюрьму,
Где только ждут, чтоб я пришел за ними!

Где был сад, торчат обрубки яблонь,
Где был хлев — сгоревшие скелеты,
Где стоял амбар — гадючья свадьба,
Где был дом, теперь там пепелище,
А в углу, где колыбель висела,
Жабы ползают по пятнам крови.

23—25 мая 1906

Ветры-духи ночью застонали,
 Зарычали глотки: «Ты умрешь!»
 Заскрипели перья: «Ты умрешь!»
 Засвистела сабля: «Ты умрешь!»
 Зашипели змеи пуль: «Умрешь!»
 Кандалы запели, вторя дружно:
 «Ты умрешь, погибнешь ты наверно!
 Тщетно рвешься ты из стен тюремных,
 Тщетно хочешь сбросить путы рабства»,
 Все они от радости скрежещут:
 «Где теперь твой вольный дух, мятежник?
 Рухнул ты, придавлен, неподвижен!
 Латвию убитые покрыли,
 Курземе, и Видземе, и земли
 Малиене, Латгалии — в потоках
 Пролитой мятежной алой крови;
 Этой кровью всё зальется пламя
 Подоженных мятежом поместий».

25 мая 1906

Для чего свои ты прячешь раны,
 Если сквозь повязки кровь сочится?
 Ложь речей и власти славословье,
 Вымученное твое веселье,
 Позолота звезд и пожеланий
 И врагу угрозы и проклятья —
 Нет, ничто на свете
 Скрыть не в силах той глубокой раны,
 Что сочится тихо кровью сердца.

Ведь она не заживет вовеки,
 Болью будет мучить в непогоду
 И, когда придет победы радость,
 Выдаст всем тебя гримасой боли.
 А настанет час с врагом сразиться,
 Чтоб борьбу закончить вековую, —
 В самый грозный миг рука ослабнет.

Мал твой рост и слишком хрупко тело,
Средь больших народов ты — ребенок,
Маленькая девочка-крестьянка.
Пахарь ты, народ миролюбивый,
Дома у себя художник тихий,
От трудов войны давно отвыкший.

Сотни лет ты не рождал героя,
Что спасти бы мог тебя в сражение,
Что позвал бы в яростную битву,
Как зовет костер на праздник Лиго,
Что прогнал бы мрак ночной, как факел,
Стал бы высоко и светлым взором
Будущее всей страны окинул.

Где герой твой, истинно великий,
А не волк лесной, что зубы щерит,
Отбиваясь от собак насевших?
Кто разгонит лютую облаву,
Кто против вампира ополчится?
Это он велел начать охоту,
Это он спокоен в крепком замке
За стеною пик и смертоносных
Механизмов в человеческих масках.

Наступают времена героев.
Где же у тебя герой великий,
Что великой смелостью горел бы,
Что великой думой всё постиг бы,
Что великим чувством был бы полон?

26 мая 1906

10

УПОВАНИЯ ВОРОНА

К прибытию Орлова

Мудрый пращур всех пород вороньих
Семисотый годик доживает,
Как же он сумел прожить так долго?
А кормясь одной лишь мертвечиной,
Что в избытке в крае заповедном.

Собирает пращур род вороний:
Все его клювастые потомки,
Вся порода галочья, воронья,
Вся сорочья, а при них синичья, —
Всё подряд ворье и лиходейство

На укромный бережок слетелось,
Село на ветвях комками сажу:
Все на радостях крылами машут,
Все вострят-вострят о камень клювы,
Все поведут крепкими когтями.

И сказал вороний мудрый пращур
Слово развеселому собранью:
«Непременно в этот год случится
Мор великий в заповедном крае,
Так что никуда не разлетайтесь.

Мертвечиной берега завалит,
И не всякой мелочью лесною,
А завидной белою добычей,
А людьми, а мертвыми телами
Взрослых и детей, мужчин и женщин».

Ворон-пращур не пустое молвит,
Чует стая сладковатый запах,
Все на радостях крылами машут,
Все вострят-вострят о камень клювы.
Край ты заповедный, край наш отчий!

26 мая 1906

11

Бодро шел ты за победой светлой,
Грусть мою врачую ярким словом:
«Новые порядки будут в мире!
Прочь враги трусливо убегают,
Кто еще остался — к нам приходит,
Вороны и те к весне зывают.
Солнце в нашу сторону стремится,
И великий день не за горами.
Будут нами править мир и счастье,
Что везем мы в пышной колеснице».

Бодро уходил ты, сын мой милый,
Но когда вернешься, ненаглядный,
Чтоб одна я долго не грустила,
Чтобы утром вышла на дорогу
И с улыбкой на лице счастливом
Встретила, как будущее, сына?
Чую я ликующую силу,
Молодость твоя ее взрастила,
Не умрет она, хотя б ты умер, —
Солнечное счастье предо мною.
В горести тебя я воспитала,
Руки оттянул ты мне младенцем,
Нарезая хлеб тебе, согнулась,
Сгорбилась, когда ходить учила.
А теперь ты жизнь мне возвращаешь!
Ты когда вернешься, ненаглядный,—
Помощь и поддержка мне, старухе?
Не хочу теперь тебя тревожить,
С радостной душой к победе шествуй.
Всем, кто чах годами в злой темнице,
Солнечные отвори ворота.
Мать твоя с веселою надеждой
Гордо ждет тебя одна во мраке.
Волосы твои поцеловать бы!
Прядь хотя бы завяжи в платочек
И пришли мне из чужого края,
Чтобы сердце матери утешить.

27 мая 1906

12

«Отчего сугробы стали таять, —
Ведь зима не повернула к лету?
Отчего снега в полях алеют, —
Ведь заря багряная не встала?
Отчего так стелются туманы, —
Ведь поля лучами не согреты?
Лес еще от инея седеет,
И река еще лежит в оковах,
И глаза озер синеют сонно —
Далеко еще до пробужденья,
Что придет весеннею порою.

133

Почему ж я вздрогнула нежданно
И теплом в мое лицо пахнуло?»
Матушка-земля моя родная,
Далеко еще до пробужденья,
Что придет весеннею порою.
Ты зимою вздрогнула, в ненастье:
Теплая на грудь твою упала
Кровь твоих детей, земля родная,
Умерщвленных вражеской рукою.
Таяли снега от этой крови,
Поднялся туман от этой крови.
Мать-земля, скорей проснись сегодня,
Скинь снегов кровавых покрывало
И зеленым одевайся шелком,
Наряди поля и рощи в бархат,
Разожги скорей горнило солнца!
Выдают сынов следы по снегу,
Голые леса укрыть не могут,
Им в мороз без крова не согреться,
От врага жестокого скрываясь.

10 мая — 1 июня 1906

13

ПО ПОЛЯМ РОДИНЫ

Ветер, ветер западный, — в дорогу!
Что дрожишь в углу своем, одетый
В плащ дождя и в шапке из тумана?
Мы со свистом полетим над нивой —
Мгла, как за телегой пыль, оседет
И запляшут дождевые капли.

*

Ветер, ветер западный, — в дорогу!
Полетим, посмотрим, что там люди
Делают, с осенней кончив жатвой,
Застелив посев покровом новым,
Животы наполнив до отказа.

*

«Ты куда с такой повозкой сена?
Конь твой от натуги еле дышит».
— «Это сено лошадям драгунским.
Своему Гнедку — солома с крыши».
Ветер, ветер, понесемся дальше!

*

«Ты порожняком откуда едешь?
Понабив сарай, спешишь ты к дому?»
— «Гонят нас с подводами в именье,
А своя стоит работа в поле. . .»
Ветер, ветер, понесемся дальше!

*

«Что ж ты, человек, коня так гонишь?
Или ты торопишься на свадьбу?»
— «Я гоню во весь опор в именье,
Догонять «воров» приказ мне дали.
Не задерживай! В именье пули,
И меня те пули ожидают».
Ветер, ветер, понесемся дальше!

*

«С вилами, дубинами куда вы?
Иль охотитесь на жирных зайцев?»
— «Не к чему смеяться, незнакомец!
За «лесными братьями» в погоню
Гонят нас. Отстанешь — двести палок!
Так подбадривает нас хозяин».
Ветер, ветер, понесемся дальше!

*

Старики идут и молодые
По приказу барскому в именье
На невыносимую работу.

Платят барщину они, оброки,
Предают родных своих и братьев.
Пот течет с них, слезы жгут им щеки...
Ветер, ветер, понесемся дальше!

*

А навстречу едут из именья:
«Снова на повинность гнать подводы!
Уплатить долги! Стоять в охране!
Подати собирать с людей и штрафы!
Розгами пороть батрачье племя!
Запалить пяток дворов мятежных!
Шестерых по жребию — к расстрелу!»
Ветер, ветер, понесемся дальше!

*

А навстречу едут из именья.
Человек в телеге, рядом мальчик.
«Что везешь ты, мальчик? Не отца ли,
В кабаке опившегося пивом?»
— «В кабаке отец мой не пил пива,
Пили кровь его сейчас в именье.
Лижут жадно псы ее в конюшне,
Там, где получил он двести палок».
Ветер западный, хоть и устал ты,
Охлади бедняге эти раны.
И лети проведать люд крестьянский!

*

Нивы залиты, луга чернеют,
Хлеб в полях стоит, еще не убран, —
Даже птицы не склевали зерен,
В плесени неубранное сено.
Даже звери травок не помяли,
Не молочен сноп, надел не пахан.
Молотить кому, коль молотильщик
Измолочен тяжкими цепами?
И пахать кому, когда сам пахарь
Барской плетью до крови распахан?
И кому смотреть за домом, если
За хозяином в остроге смотрят?

И кому косить лужайку, если
Сам косарь во рву лежит, подкошен?

*

На опушке сосны почернели,
Кирпичей обломки, сруб горелый,
Груды щебня, ржавый лом и пепел.
Здесь хозяйство было, с ригой, с клетью...

*

Стой же, ветер, ветер! Путь наш кончен.
Молоти снопы, смотри за домом,
Подмети получше пепелище,
А золу снеси в большую кучу.
Над хозяином, лежащим в яме,
Намети, насыпь песку сухого,
Чтоб костей не растащили волки!

*

Стой же, ветер западный, тяжелый...
Я хочу с другим лететь, с восточным!

22—24 ноября 1906

14

Матери-земли душа пылает.
Как немой ей в жалобе излиться?
«Где же это жизни обновленье,
Что обещано в сказаньях древних,
В песнях, распевавшихся от века, —
Новое рождение и солнце?
Сладкой я давно полна истомой,
Тайну я живую чую в жилах,
Я давно уж в праздничных одеждах —
Только новой жизни всё не вижу...
В клочья мне одежду разодрали,
Травяной ковер мой весь истоптан,
Нивы мои год от года гложут,
Новой жизни я нигде не вижу.

Кто же разодрал мои одежды?
Разорил тучнеющие нивы?
Кто бесплодным сделал это лоно?
Рожь, пшеница и ячмень усатый
Морем шелестящим расстилались,
Что ни год мне радовали сердце
Буйным половодьем урожая.
А теперь куда ни глянь — не поле,
А сухие голые пригорки!
Лишь зима — она ведь милосердна —
Саваном их снежным покрывает.
Где теперь луга те заливные,
Что пестрели яркими цветами?
Высохли, свалялись и пожухли,
Желтою топорщатся осокой.
Где теперь зеленые лужайки?
Лишь былинка шелестит сухая,
Мелкий вереск выгоревших просек.
Высосано поле сорняками,
Порослью и цепкой и колючей.
Жадная сурепица повсюду
Расползлась кричащей желтизною.
Лознячок, который прежде жался
На межах и по краям оврагов,
С сорняками заползает в поле...
Говори, кричи о том повсюду —
Я же бессловесна, я — немая.
Отчего ж так люди разленились?
Почему не могут хлебопашцы
Злые сорняки убрать с посевов,
Ржи, пшенице дать почет и место?
Волосы мои косою не снимут,
Щеки-нивы нежно не поглядят...»
— «Мать-земля, напрасно их винишь ты.
Пахари твои не разленились,
И спины они не разгибали,
И костям покоя не давали.
С той поры, как рабство отменили,
Стала вдвое их трудней работа,
Вдвое тягостней ярмо на шее.
Пот на их спине не высыхает,
На ладонях множатся мозоли».
Матери-земли душа пылает,
Но о скорби рассказать не в силах.

— «Или дерн стал вдвое тяжелее?
Или травы стали вдвое жестче?
Вдвое глубже режьте грудь мне плугом —
Вдвое больший урожай рожу я.
Что ж выходит пахарь невеселым
И пастух без песен гонит стадо?
Косы блещут, а певцов не слышно.
Разве я весной не наряжалась,
В солнечных лучах смеясь, играя?
Почему не весел пахарь в поле?
За меня спроси! Уста немые
Жалобы — и той излить не в силах».
— «Мать-земля, напрасно упрекаешь.
Пахари с корыстью незнакомы.
Вся их жизнь — тяжелый труд да песня».
— «Отчего ж тогда поля пустеют,
И куда все пахари девались?
Тишина вокруг подобна смерти.
Чем детей своих я обижаю?
Я нема, я упрекать не в силах.
Говори же за меня — да громче!»
— «Мать-земля, рыдай и плачь, родная!
Убежали, скрылись твои дети
В темный лес, в неведомые дали,
В край чужой копить добро чужое,
Убежали, скрылись твои дети
В дымный город, в душные строенья,
В рабстве умножать добро чужое».
Матери-земли душа пылает.
«Чем своих детей я обижаю,
Что бегут от материнской груди?»
— «Мать-земля, рыдай и плачь, родная!
Ты своих детей не обижала,
Но дела большие совершились.
У тебя нет пахарей свободных —
Есть батрак голодный и хозяин.
Бедняки, лишённые надела,
Кто куда давно поразбежались».
— «Кто же от моей их гонит груди?
Иль война их увела в неволю?
Почему ж не слышно гула пушек?»
— «Не было ни войн, ни гула пушек.
Злое дело совершилось тихо.
Старое ярмо с тебя не снято,

А уж новая ложится тяжесть.
Под суровым гнетом двух хозяев
Вдвое тяжелей работа станет.
У твоих детей ярмо двойное. . .
Мать-земля, рыдай и плачь, родная!»
— «Замолчи! Слова твои ужасны.
Где же обещанье новой жизни?»
Мать-земля молчит в глубокой скорби.

12—15 декабря 1906

15

РАСПРАВА В ТАЛСАХ

Выли ветры — духи преисподней,
Жалким стоном лето провожая.
Тихо раскрывались тьмы ворота,
Что ведут в обитель ночи, смерти.
Отдыха не знают и под праздник
Старые тюремные ворота.
Жалобно скрипя, они впускают
Пятерых в цепях — и с ними стражу.
Пятерым бойцам тюрьма подарит
Тайную недолгую вечерю,
Поздний сон, а завтра, на рассвете,
К сну другому скорбный путь их ляжет.
Воют ветры — духи преисподней.

В ту же ночь весть облетела Талсы —
Приговор суда о смертной казни.
Люди бродят, шепчутся в тревоге:
— «Слышал? Главарей сюда пригнали!»
— «Седлинь, братья Тимм, Штейнбок и
Клиппман. . .»
— «Тот, что был секретарем Управы?»
— «Справедлив, но резок с господами. . .»
— «Говорил я, говорил об этом. . .»
— «Что ж, мы все бессильны перед властью. . .»
— «Но начальству ты ведь сам их выдал. . .»
— «Выдал, да. . . Иль пули не боишься?»
Выли ветры — духи преисподней.
В ту же ночь уже оповестили
Десять жителей, «им в долг вменяя

Лично быть при совершенье казни
Над приговоренными к расстрелу»,
За попом и пастором послали,
Проповеднички любви Христовой
Освятить должны кровопролитье.

Поздно, нехотя вставало солнце,
Кутаясь покрывами тумана,
Рано, до зари, в тюрьму спешили
Пастор, поп и ассистенты смерти, —
Раньше, чем на рабство люд рабочий,
Чем ребята в школу, где их учат
Слушаться господ и верить в бога.

У попов причастие святое,
Чтобы узников спасти от ада.
Пусть в грехах покаются смиренно!
«Каяться? Нам? Палачам на радость?
Дескать, каются, и суд был правым?
То не суд, а грубое насилие!
Нет, во век веков мы не погибнем,
Будем жить делами мы в народе,
Из любви к нему на смерть идем мы.
В смертный час оставьте нас в покое!»

Так попы и не добились толку,
Узники не приняли причастья.
Час попы старались — и впустую.

Дело завершить пора солдатам.
И уже идут к порогу смерти
Юноши в одежде арестантской.
Щеки их бледны, покой и гордость
Ясным светом озаряют лица.
На челе властительная дума,
Самая прекрасная на свете:
Через их кончину возрожденье
Человечества свершится в мире.
Полномочие на смерть дано им,
Провозвестникам, борцам за правду,
Отдающим жизнь за дело правды,
Говорящим не словами только,
А от всей души — горячей кровью.

Кровью их искупится свобода
Сотен тысяч, сотен миллионов.
Жертвовать собой — их долг священный
Мученикам юным так понятны
Вековые чаянья народов,
Древности глубокой боль, обиды,
Попранные дерзновенно чувства,
Горькие страдания и слезы,
Боли угнетаемого сердца.
С твердой непреклонною душою,
С новою надеждою на счастье
Мученики юные любовью
На пути и первом и последнем
Утверждают жизнь, а горе мира
Унести с собой хотят в могилу.

Мученики юные спокойны:
Все они достигли цели жизни
И вкусили до предела счастье
В полноте его и завершенье.
Медленная жизнь с ее простором
Большего им дать была б не в силах.
С гордостью, лишенной себялюбья,
Каждый может это дело делать,
Как себя бы мало ни ценил он.
Дело это дел других прекрасней:
Жертвуя собой, себя возвысить,
Во всеобщем личном раствориться.

Мученики в путь идут великий,
Позади их, развалясь в коляске,
Едут палачи и слуги смерти,
Самые презренные лакеи,
И не от стыда красны их лица,
Громкий разговор — не от отваги.
Все они дрожат как в лихорадке.
От вина в них краснота и смелость.
Равнодушно лошади шагают,
Равнодушны так же и солдаты,
Что ведут на казнь своих же братьев.
Ум их в тяжкие закован цепи,
Что оков героев тяжелее.
«Дай лишь срок, спадут с них эти цепи!»

Смерть идет по улице Тукумской. . .
В слове «тукумс» — слава и победа.
А народ на улицах безмолвен.
Бледные, встревоженные лица
Смотрят на идущих. Неотступна
Мысль, преследующая, как совесть.
Взгляд героев в горький час прощанья
Их сердца и жжет и потрясает.
Лишь друзья, величье видя смерти,
Пламень взгляда этого выносят.
«Вы — сегодня, завтра нам — на гибель.
Разожжем мы ваш огонь священный!»

Смерти некогда идти далёко. . .
Сотни две шагов, туда, за Талсы,
Где две диких яблоньки склонились,
Обагранные героев кровью,
И стоят, оцепенев от страха.
На поляне этой место казни.
Суется палачей начальник:
«Стой! Мы все теперь уже на месте.
Вбейте столб, к нему мы их поставим.
Публику подальше, а поближе
Врач, свидетели и духовенство!»

«Ну, еще, попы, потормошите,
Может быть, и слоим дух бунтарский!
Крестится один? Ну, слава богу!
А теперь к столбу их! Вся пятерку!»
— «И того, кто всё ж перекрестился?»
— «И того! Окажем милость трупу».
Барабан рычит, как зверь, который
Рад, что можно растерзать добычу.
Твердым шагом юные герои
Подошли к столбу и грудь раскрыли
Перед дулами винтовок. Дух в них
Не сразить и пулею свинцовой!

Стало тихо. Щелкнули затворы.
Смерти тишина легла над полем.
Юноши прощаются друг с другом,
Шапки сняв. «Да здравствует свобода!»
— «Пли!» — команды возглас, Грохот залпа,

Пять героев падают на землю.
Люди, как от пуль, назад подались.

Солнце свет холодный разливает.
«Пли!» Еще раз: «Пли!» — три залпа кряду.
«Эй, быть может, кто в живых остался?
Доктор Блазе! За тобою дело.
Проверяй скорее, как стреляли!»

«Кровь из трупов льет без остановки.
Все достаточно мертвы, ручаюсь!» —
Доктор говорит, а сам считает,
Сколько за осмотр ему заплатят.
Неглубокую уж роют яму.
Четырех сложили на солому
И, прикрыв рогожей, закопали.
Палачи вздохнуть свободно могут.
Пятого родным приказ есть выдать.
Верно! Трупу оказали милость —
Пусть в земле он освященной ляжет!
Тем же, четверем, лишь поруганье.

Малый холмик вырос на полянке.
И расходятся в молчанье люди.
Но героев юных смерть священна,
Но палач еще заплатит смертью.
Будь же проклят ты, барон фон Раден!
Яблони здесь каждую весною
Будут белый цвет ронять, как слезы,
Будут каждой осенью здесь ветры
Причитать над холмиком могильным.
А к чему те слезы-причитанья?
Жизнь героев будет вечно длиться,
Смерть их породит героев новых!

29 ноября 1906—10 июля 1914

129. ЧЕРНИЛА И КРОВЬ

Когда впервые всыхнуло восстание,
То обвинять чернила в этом стали вы:
Мол, ими звали в бой писаки скверные,
Вокруг умы смущая легковерные.

Но вновь повсюду началось движение.
Кто ж, господа, теперь зовет в сражение?
Не кровь ли, из которой вам не вылезти
И льют которую по вашей милости?

3 января 1907

130. СРЕДСТВО ОТ ОГНЯ

Да, первое восстание погашено
И залито обильно кровью нашею.
Но так ли уж навек пожар кончается?
А вдруг он вырвется и разгуляется?

Не кончится ли он тогда решением,
Что ваша кровь сподручней для гашения?

3 января 1907

131. РЖАВАЯ ЦВЕЛЬ

Где с песнями люди
Косили травы,
Всё цвелью подернулось
Рдяной, ржавой.

Мальчонка приходит туда
К рассвету...
Всё ищет и кличет он:
«Тятя, где ты? ..»

Расстрелян твой тятя,
И след кровавый
Стал цвелью, стал порослью
Рдяной, ржавой.

4 января 1907

132. ОПЯТЬ НОЧЬ

Кругом лежала ночь.
Дремали все недвижно, одиноко,
Объаты страхом; тягостный, глубокий
Сон охраняла ночь.

И если где звенел
Вдруг голос, он звучал так бесприютно...
Лишь тени белые вздыхали смутно:
«О ночь! Где ж твой предел?»

Вновь, как когда-то, ночь...
Кровавый дождь, и буря в бездне черной...
Но молотами бьют бойцы упорно
И не отступят прочь.

«Нам новый голос прозвенел, —
Поет их молот, — день сиял, хоть краток.
Не дрогнем мы, наш шаг не будет шаток.
Мы видим тьмы предел».

4 января 1907

133. БЕДНЫЙ БРАТ

Где мать? Где отец? Где товарищи?
Один я стою на пожарище,
Всё отнято, милый мой брат!
— Да, всё они могут отнять.
Но только не в силах заставить тебя застонать!
Твое это, бедный мой брат!

А руки мои окровавлены,
Веревками крепкими сдавлены,
Свободы лишился я, брат!
— Да, всё они могут отнять.
Но только не в силах заставить тебя застонать!
Твое это, бедный мой брат!

В тюрьму меня бросить намерены,
И там я погибну затерянный.
Мне солнца не видеть, мой брат!

— Да, всё они могут отнять.
Но только не в силах заставить тебя застонать!
Твое это, бедный мой брат!

Иль в степи угонят холодные,
Голодные степи, бесплодные. . .
Без хлеба томиться мне, брат!
— Да, всё они могут отнять.
Но только не в силах заставить тебя застонать!
Твое это, бедный мой брат!

Под пули, быть может, поставленный,
Лежать буду всеми оставленный,
В могиле безвестной, мой брат!
— И жизнь они могут отнять.
Но всё же не в силах заставить тебя застонать!
Как гром то молчанье раскатится,
Другими твой подвиг подхватится:
Твое это, бедный мой брат!

14 января 1907

134. ВСЕСИЛЬНЫМ НЕМЕЦКИМ БАРОНАМ

Судить и казнить — вот оно, ваше право,
Один только жест — и творится расправа.
У вас и сила и власть сейчас, —
А я всё равно презираю вас!

Ведь вы же тайком трясетесь от страха,
Жертвы свои терзая,
Ведь вы же бледнеете с перепугу,
Тысячи убивая,
Ведь вы же зубами стучите невольно,
В латышской крови купаясь,
Ведь вы же расплаты ждете за это,
Над девушками ругаясь,
Ведь вы ж, обливаясь холодным потом,
Кровь непрерывно льете,
Ведь сердце у вас еле слышно бьется,
Хотя вы без устали пьете.

Упованье у вас лишь на панцирь надежный,
Ваши смелые речи звучат так тревожно,
Вам силы пока что лишь винный угар придает,
Но рано иль поздно, а час похмелья придет!
Придет!

15 января 1907

135. ЗАПРЕТНОЕ СЛОВО

Кровь отворенная,
Плоти лишенная,
Не постижимая
Сердцем и разумом.

Страшно бегущая,
Страшно смердящая,
Души неробкие
В трепет повергшая.

Выпей ее, земля!
Спрячь в себя, скрой в себе
Кровь отворенную,
Плоти лишенную.

16 января 1907

136. ТАЕТ С ЗАПАХОМ ЦВЕТОВ

Жар сердечный, что дарит
Счастьем,
Словно свечка на ветру
Гаснет.

Песнь любовная твоя
Поутру
Тает с запахом цветов
Вечеру.

17 января 1907

137. НЕИСЧЕЗАЮЩЕЕ ВИДЕНЬЕ

Земля в крови дымится, как зола.
Тяжелый запах поднялся парами.
Еще не все лежат в могильной яме,
Куда ни ступишь — мертвые тела.

Сомкнешь ли ты или поднимешь веки,
Кровавое виденье пред тобой.
Сливается оно с твоей судьбой,
И от него ты не уйдешь вовеки.

Земля в крови дымится, как зола.
Идешь туда, гонимый мукой страстной.
Туда стремится сердце с силой властной,
Где дорогая сердцу кровь текла.

Еще отравлен воздух крови чадом,
Тебя он гонит в бой за твой народ,
Пока не сгинет тьма, не рассветет
И псы кровавые не будут взяты адом!

1902—19 января 1907

138. УМЕРЕННОМУ

Ты чтишь свободу, виселицу — тоже;
Народу служишь, служишь и вельможе;
Всегда быть хочешь осторожней, строже,
Меж крайних — ищешь средний путь
без гнева, —
Зато и бьют тебя как справа, так и слева.

5 февраля 1907

139. ЛЮДИ СКАЗАНИЙ

Романс

Лишь радостно встретиться
Взглядами —
И нас не удержишь
Преградами:

Огня не пугаясь
Ревущего,
Дойдем мы до Замка
Грядущего.

Сквозь топи — до края
Желанного,
До берега
Обетованного.

Нас множество: выйдем мы
Сотнями,
А станем в дороге
Бессчетными...

Лавиною, скалы
Сметающей,
Толпой, через павших
Шагающей.

Мосты из костей своих
Выстроим,
Рвы сами заполним —
Но выстоим!

Плечами — повергнем
Препоны мы,
Телам нашим стать
Бастионами;

Сердцам — головнями
Горящими
Лететь над врагами
Дрожащими!

Их крепости вспыхнут,
Товарищи,
И вздох наш раздует
Пожарища...

Свинцовые стены
Расплавятся —
Нам Замок Грядущего
Явится!

Лишь радостно встретиться
Взглядами —
И нас не удержишь
Преградами.

Сквозь топи — до края
Желанного,
До берега
Обетованного!

15 января — 6 февраля 1907

140. ПОСТОЯНСТВО ДНЕЙ

Неторопливою рекой
Дней постоянство протекает,
Стрекозы легкие порхают,
Я по волнам плыву, безвольный.

Я по волнам плыву, безвольный,
Цветам прибрежным улыбаюсь,
К стрекозам взором устремляюсь
И в даль небесную гляжу.

И в даль небесную гляжу,
Меня влекут мечты послушно,
Но травы клонит ветер душный,
И волны синие встают,

И волны синие встают,
На спины скользкие вздымают,
И вот уж на берег швыряют,
И убегают прочь, смеясь.

И убегают прочь, смеясь,
Туда, в лазурную безбрежность,
А я один, и безнадежность —
Бесплодный, неживой песок.

Бесплодный, неживой песок.
Но небо светит надо мною,

К нему стремлюсь я всей душою:
Бесплоден неживой песок.

1902, март — 8 апреля 1907

141. СКИТАЛЕЦ И ГОРА

Так быстролетна, так легка,
Тень облака скользит вдоль склона.
Сокрылось солнце в облака
И вновь сияет с небосклона.

Что ж помрачнела ты, гора?
Что стала сумрака чернее?
Какая темная пора!
В кустах как будто ночь и змеи!

«Но сам ты мрачен что ни день?
Не бойся ужаса и боли.
Пусть жизнь твоя мелькнет, как тень,
Мир всё равно добьется воли!»

24 апреля 1907

142. ПАСТУШОНОК

Светит солнце над полями,
Травка мягкая в тени:

Полденечка я проспал,
Полденечка промечтал:
Я овец небесных пас —
Овцы те белым-белы.

5 мая 1907

143. ВИШНЯ И ЛУГ

Нагибая бусы ягод,
Вишня к лугу гнется кроной,
Соблазнительно, с улыбкой

Зыбля сладкий дар склоненный;
Луг поймать его стремится
В фартук шелково-зеленый.

27 июня 1907

144. ВЬЮНОК

1

Ты, вьюнок-вьюночек,
Беленький цветок,
Я тебя встречаю
Возле всех дорог.

Где б ни проходил я —
По земле отцов,
На Литве, в России,
Посреди лугов, —

Всюду у дороги
В душный летний зной
Ты белеешь скромно,
Цветик мой родной.

2

И теперь далёко,
В чуждой стороне,
Вновь ты у дороги
Улыбнулся мне.

Что же ты, вьюночек,
Дома не сидишь?
Кто тебя обидел?
Почему молчишь?

Оба мы скитальцы,
Старые друзья,
И тайм обиду
Вместе — ты и я.

Сожжены селенья,
И в крови лежат,
Пулею убиты,
И отец и брат.

А кто жив остался,
Тот в тюрьме сырой
Иль в далекой тундре
С нищенской сумой.

Путь — отец. Он водит
По чужбине нас.
Мать — трава обочин,
Отдых в трудный час.

С нами вместе — братец,
Маленький вьюнок,
Стали мне друзьями
Все, чей путь далек.

28 июня 1907

145. СТАЛЬ

Сталь боевая,
Вскрикнув, сломалась,
Гневаясь, мечет
Синие искры:

«Жизнь моя — битва,
Смерть моя — пламя,
Вспышками молний
Душа моя
Полчища вражьи
Испепелит».

Мы — это сталь!

3 июля 1907

146. АЛМАЗ

Прекрасен в перстне твой алмаз!
Погасший уголь, из тысячелетней
Подземной тьмы он блеск донес до нас.
Еще прекрасней, тверже, многоцветней
Всё претерпевшее, изведавшее всё
Сердце твое!

6 июля 1907

147. У ЯБЛОНИ

Там яблонька склонилась,
Опершись на плетень.
Над ним плоды свисают,
Ветвей трепещет сень.

Склони на плечо мне головку,
Чтоб выдержать гнет беды.
Дерево, вытерпев бурю,
Всё же приносит плоды.

7 июля 1907

148. ДУМА ГОРЫ

Вкруг горы тяжелоглавой
Тучи — черным платом,
На лице мохнатом —
Резкие морщины.

И гора рокочет громом,
Молниями блещет,
Словно вся трепещет
От тяжелой думы.

Испокон веков терзает
Гору эта дума,
И ручьи угрюмо,
Словно пот, струятся,

Не поймет, не одолеет —
Что ж ее тревожит?
И уйти не может
От своей тревоги.

8 июля 1907

149. ЖИВОТВОРНЫЙ СВЕТ

Солнце животворный свет
Посылает всей природе:
Поколенья с давних лет
В мир приходят и уходят,
Но стремление к свободе
В них горит, как солнца свет.

13 июля 1907

150. ДАЛЕКИЕ ОКНА

Точно далекое пламя
Окон светится ряд.
Вечернего красного солнца
В них отразился закат.

Горят они за рекою,
Как же до них дойти?!
В них солнце любит глядеться
В начале дневного пути.

В них солнце любит глядеться,
Когда идет на покой.
Повсюду печальные тени,
Лишь окна горят за рекой.

31 июля 1907

151. СОГЛАШАТЕЛИ

При виде волка матерого
Отара бросилась в сторону.

«Бараны, овцы! Куда вы?!
Сейчас не до вас мне, право!»

Глядят, а волк-то — израненный.
Такому — не надо баранины!

Бормочет серый проклятья:
«Мол, избили «лесные братья»!..»

Отара пошла помедленней,
Заблеяли овцы: «Бедненький!»

Бараны мекают хором:
«Мерзавцы!.. Мы их!.. Позор-ом!..»

А волк за отарой тянется:
«И вам, дуракам, достанется!

Порежут они всё стадо!..
Держаться нам вместе надо!»

Носами бараны зашмыгали,
Кругами овечки запрыгали,

На волка смотрят умильно:
«Ах, волк!.. Ах, мудрый!.. Ах, сильный!»

А волк вокруг отары кружится:
«Пора нам вступать в содружество!»

Овечки блеют невинно:
«Мы — плоть и душа едина!»

У волка глаза как свечки:
«Доверьтесь волкам, овечки!

За нами ступайте в чащобы!..
Согласны?..» — «О, да!.. Еще бы!..»

Но волк ответа не слушает,
Овцу он выбрал и кушает:

«Вот так, баранье отродье,
Мы станем единой плотью!»

6 августа 1907

Горы, поля и долины
 Пыль покрывала седая.
 Красное солнце пылало,
 Тучные нивы сжигая.

Пламенем солнце могучим
 Душу мою иссушило.
 Пыль задушила дыханье —
 Всё мне на свете немило.

Спи, мое сердце больное,
 Ты уже так исстрадалось.
 Здесь, средь камней, твое место.
 Что тебе в жизни осталось?

28 августа 1907

153. БРАТ МОЙ

Свесившись через плечо вершины,
 В озеро долго глядится облак.
 Видит, как в зеркале, грустный облик,
 Видит тоски своей отображенье.

Мчаться, скитаться над морем и сушей,
 По небу плавать зиму и лето,
 Видеть красу белого света
 И никогда не сыскать себе места.

Мчаться, нигде следа не оставив,
 Плавать, нигде не являясь дважды...
 И, на земле утоляя жажду,
 В жгучих слезах самому растаять.

31 августа 1907

154. ГВОЗДИКА

Вот гвоздика милая,
 Головка алая,
 Венчик — пять лепестков,
 Посреди — колечко,

Вкруг цветка — поляна,
На поляне — серый мох,
И сухая травка
Роется в песочке.

Стройная гвоздика
На ветру качается,
Стала — и руки в боки:
«Вот я какова!

Для чего мне венчик?
Для чего колечко?
Всё пушу я по ветру,
Пусть летит на счастье
По лугу да по полю,
По зеленой чаще».

20 сентября 1907

155

Берег озера седого.
Облака над ним пустые.
Скалы синие, смыкаясь,
Закрывают выход в дали.

Напоен недвижный воздух
Тихой скорбью и туманом
От подножья скал сплоченных
До бесплодных туч багровых.

Скалы выход закрывают.

26 сентября 1907

156

Он затмил нам очи,
Пламенный закат,
Полутень от полусвета
Те не отличат.

Он лишил нас слуха,
Громовой раскат,

159

Хоры тихих рош вечерних
Не для нас звучат.

Пусть же слух вернется,
Зренье отдохнет,
И покой вечерний сердца
На тебя сойдет.

28 сентября 1907

157. СЛОВА ОВРАГА

С горы сползая вниз, овраг звенит,
Несет он, как в переднике широком,
Зеленые леса и свежий шелест,
С журчаньем пенистым его смешав,
Лучами пересыпав над ручьями.

Так мне овраг зеленый говорит:
«Чтоб всё вобрать, раскрой пошире сердце,
Здесь растворятся все твои страданья,
И дни твои здесь потекут в покое,
Здесь ты и в одиночестве с друзьями».

10 октября 1907

158. РАННИЙ ПУТЬ

Памяти товарища

Так рано пела птица! Ранней ранью,
Едва рассвет в лесной забрезжил сени...
Ночную грусть баюкало молчанье,
И по лугам еще блуждали тени.

Так рано вышел он на поле брани!..
Бежала тьма и пряталась в смятенье,
Увидев на его челе сиянье.

Часов закатных не дождались оба:
Убили рано их — мороз и злоба!..

1 ноября 1907

159. РОСА И ЯГОДЫ

Осенний голый кустик при дороге,
В багряных каплях, в светлых каплях весь, —
Цвет слез и крови. Грудь полна тревоги:
Не путники ль их проливали здесь?

Нет, это лишь роса и россыпь ягод —
Дар осени, что птицы будут есть.
Так пусть на сердце тени мук не лягут!

Боль уврачуй, к природе дух склоня,
Забудь о прошлом. Верь приходу дня!

2 ноября 1907

160. НА ВЫСОТЕ

Я слышал: там, вдали, ветра гудели,
Ломалось что-то, падало, тряслось,
И хлопало окно, и выло в щели.
Вдруг тишиною всё заволоклось.

Пространство вокруг меня светло и немо,
Теплом лучей пронизано насквозь,
И, затаив дыханье, смотрит небо.

А сердце смолкло в страхе: здесь оно
Само с собою встретиться должно.¹

14 ноября 1907

161. ПИР И ПРИЗРАК

Спешат на пир богатые и праздные.
Кареты, экипажей вереницы. . .
Выходят дамы, и толпа дивится,
Как блещет шелк и серьги их алмазные. . .

¹ Этим стихотворением вновь начинается «Конец и начало».

Литавры загремели в пышном зале,
И пляшут сытые, победу празднуя...
Всем воздано, и призрака изгнали.

«Но он вернется, — шепчутся с опаской, —
Лишь стоит толпам вновь затеять пляску».

18 декабря 1907

162. ПАТЕТ JANUA, EXI!¹

Ты жить устал? Устал от муки века?
Что ж, путь свободен, двери широки.
Но презри те, что указал Сенека,
Где примешь смерть от собственной руки,
Иди в другие, чужд привычки ложной,
Где жизнь свою отдать за братьев можно,
Где миги смерти — светлы и легки!

19 декабря 1907

163. СУХАЯ СОСНА

Мысль дорогу ищет,
Круг — и снова круг.
В дерево сухое
Дятел тук да тук.

Мысль, остановившись,
Сушит болью ум.
Дерево сухое
Жук всё хрум да хрум.

Мысли лад плетеный,
Раскрошась, ослаб.
С дерева сухого
Хвоя кап да кап.

21 декабря 1907

¹ «Двери открыты, выходи!» — последние слова Сенеки, говорящие о том, что человеку всегда остается возможность избежать страдания путем самоубийства.

164. КРАСНАЯ НИТЬ

В беседы и чувства,
В дела и события
Вплетаются с шелестом
Красною нитью

И наши потери,
И наши открытия,
И кровь, вытекавшая
Красною нитью.

Над этим не властны
Ни дни, ни события,
За солнцем бегущие
Красною нитью.

22 декабря 1907

165. РОДИНЕ

...За тысячи верст, в глухой дали,
За холмами, за лесами,
Полуденный сон родной земли
Дневными прикрыт небесами,
Он солнечно-синей прикрыт простыней
От ветра, от гроз, от струи ледяной.¹

...Так начал я песнь на заре моих дней,
Когда-то, в первом изгнание;
И стала она всё бледней и бледней,
Утратилось воспоминание.
Когда я вернулся в родные места,
Всё было иное и песня не та.

Когда я вернулся в родные места,
Там всё уже было иное.
Уже не прикрыта была высота
Сияющею простынею;
Иная у нас начиналась пора —
Гроза бушевала и пели ветра.

¹ Эта строфа была написана во времена «Дальних отзвуков» и использована там как эпиграф; продолжения ей я не нашел.

Мы, ссыльные,¹ как после тяжкого сна,
На крыльях возреяли гордо,
Когда по стране прокатилась волна
Надежды, любви и восторга.
То было наградой за наши дела,
Когда эта новая жизнь расцвела.

А нас, когда новая жизнь расцвела,
Изгнали из отчего края,
И снова над нами злые крыла
Простерла воронья стая.
Живем на чужбине, с бедою борясь,
И родина крепко закрыта от нас.

Без гнева уходим, уходим любя,
И наша любовь будет длиться.
О матушка, мы ведь виним не тебя —
Тех, кто над тобою глумится.
А новую жизнь еще надо добыть
И слабые искры в огонь превратить.
Расти, созревай, стань сильна и крепка,
Как нива, что бурю стерпела;
Пусть нежность детей твоих, как облака,
Летит из чужого предела.
Ведь узы с тобою нам не разорвать,
Мы те, кто не создан, чтоб забывать.

Мы помним, мы знаем начало начал
И верим в грядущее свято.
Мы знаем судьбу твою, твой идеал
И всё, что свершится когда-то.
И вера в нас не убывает.
Мы те, кто не забывает.

1902, 1907

166. МОИ ДРУЗЬЯ

Кто мне ближе всех на свете?
Пóросли далекой дети.

¹ Теперь уже можно говорить это слово; в то время взамен его употреблялось «отбывшие».

Те, кто будут, — для меня
Настоящая родня.
Здесь, на дух чужой пеняя,
Где мой дом, я сам не знаю.

9 марта 1908

167. VAL ORBA¹

Всей роскошью цветов полна долина —
Акации, пурпуровый гранат,
Фиалки, цикламены, георгины,
Зеленый плющ, свисающий с аркад.

Луг в желто-синих, алых переливах —
То, заморозкам вопреки, пестрят
Цветы от изобилья сил счастливых.

Как мне такую сохранить красу?
Ее друзьям печальным я несу.

23 апреля 1908

168. ПЕСНЯ СЕСТРИЦЫ

Спряталось солнце
За тучи угрюмые.
Пламя погасло:
Очаг наш не теплится!

Солнце проглянет,
Очаг разожгу я,
Да не согреть им
Братца родимого!..

Братцу не нужно
Веселого пламени,
Братцу не нужно
Весеннего солнышка,

¹ Слепая долина (итал.). — *Ред.*

Братцу не нужно
Заблуты сестрицой:
Мраком всё застлано,
Тьмой занавешено...

Братцу постель
Разостлали песчаную,
Полог дерновый
Над нею повесили...

Братцу не нужно
Слезы моей горестной,
Братцу не нужно
Ни стоны, ни жалобы.

Слезы постель размывают
Песчаную,
Полог дерновый от жалоб
Колышется...

Братцу безмолвная
Клятва нужна —
Клятва, что дело
В верных руках!

27 апреля 1908

169. СТАРЫЕ ИСТИНЫ

Зачем тебе копить их? Это ж
Прапрадедов гнилая ветошь:
Чем больше их, из праха взятых,
Тем больше моль и ржа едят их;
Тускнеют истины святые,
Не то что слитки золотые.

30 апреля 1908

170. ПОЛНОЦЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я плакал нередко,
Смеялся всегда я,
И гнева был полон
Мой кубок до края;

Стонал, если ранен,
Но чуть заживало,
Вновь с жизнью бороться
Бросался, бывало;

Кричал в иступленье,
Бранился я чаще,
И все-таки помнил,
Что зло — преходяще.

Простых человеческих
Чувств не стыдился,
От милых, от близких
Ни в чем не таился.

Умел ненавидеть,
Но больше любил я,
Мгновения взлета
Во всем ценил я.

Всегда человека
Любил без предела.
Лишь зверства людского
Душа не терпела.

4 мая 1908

171. МОЛОДОЙ РОЙ

Как новый рой, со всеми
Тесниться не могу.
Мое не примет время —
В грядущее сбегу.

Я все цветы приветил,
Что дарят сок для сот,
Теперь рассветный ветер
Пусть прочь меня несет.

В росе трава густая,
Роняют цвет сады.
А рой вдали растает,
И сгинут все следы.

1905, 7 мая 1908

172. СУМЕРКИ

Уж сумерки спустились...
И что-то мне невмочь —
Я не могу дожидаться,
Когда наступит ночь.

Дождь. Застучали капли
По ветхому жилью,
И прежние страданья
Стеснили грудь мою.

О них среди скитаний
Я часто забывал —
Борьбе, труду, надеждам
Все силы отдавал.

К давно отжившим мукам,
К былым ненастным дням
Нас сумерки уводят
По выцветшим следам.

Спасают днем заботы,
Спасает ночью сон.
Но сумерки способны.
Души исторгнуть стон.

Нить с нитью прочно свяжут,
Потянут за собой
Мотки воспоминаний —
И кончился покой...

Уж от былых страданий
Осталась только тень.
Ночь встала у постели,
Свечой растаял день.

1905, 12 мая 1908

173. SALVE! ¹

Неба полдневного
Глубь голубая,
Севера серого
Муть неживая...

С юга сияющий
Свет первозданный,
С севера движутся
Мгла и туманы.

Юг — это веянье
Веток душистых,
Сосны на севере
Чахлы и мшисты.

Сила отрадная
Юга родного,
Дай мне спасенье
От севера злого!
Salve!

Юг и солнце —
Наши родители,
Лето, веди меня
К светлой обители!
Salve! Salve!

12 мая 1908

174. ДАЙ СРОК

Дай срок — любая боль пройдет.
Но нет, ей вновь пришел черед,
Ты вслушайся.

Все язвы заживут — дай срок.
Но сохнет сломленный росток,
Ты вдумайся.

¹ Привет, здравствуй! (лат.) — *Ред.*

Дай срок — уймутся все сердца,
Когда всё сгинет до конца,
Ты вчувствуйся. . .

13 мая 1908

175. ПУТИ ПЕСЕНКИ

1

Для чего ты, дикий голубь,
Песню грустную поешь?
Пропадет она в траве,
С высоты упав на землю.

2

Ветер тянет ленты дыма
Над макушками лесов —
С ними песенка летит,
Щебеча в порывах ветра.

3

Эта маленькая песня
Притаилась на лугу:
«Жаворонок ввысь взлетел —
Я за лапки ухватилась;
Жаворонок утомился,
Опустился вниз, к земле —
Звуки быстро оседлав,
Я в далекий край умчалась».

4

Вьется в небе ловкий стриж,
Наслаждается весною.
«В отчий край доставишь песню?»
— «Дай-ка мне ее сюда.
Песни, ароматы, росы
Все, как на подбор, легки,
Все, собравшись тут, витают,
Все мне сядут на крыло —
Вмиг в страну твою поспеем!»

22, 23 мая 1908

176. МОИ ВРАГИ

Не враги мои, гордясь по праву,
Победят когда-нибудь меня.
Победить меня — такую славу
Вы получите, мои друзья:
Вы пойдете далее, чем я!

25 июня 1908

177. БЕРЕГА ДАУГАВЫ

Берега омой ты, Даугава,
Оба вымыть надо начисто.
Год за годом омывая их,
Всё же пятен всех не смоешь ты.

Ты волнуешься и пенишься,
Но твоя ведь пена белая
Даже в полдень ярко-солнечный
В кровь закатную окрашена.

Берега омой же, Даугава,
Чтоб забылось и не вспомнилось
Время рабства, время гнусное,
Всех детей твоих терзавшее
На обоих берегах твоих.

Если вод не хватит, Даугава,
Собери все слезы горькие,
Чтобы вымыть оба берега,
Чтоб плескались волны вольные,
Весь народ свободный радуя.

25 июля 1908

178

В книге с черными листами
Песни пишем потаенно,
Чтобы ужасы и стоны
В ней укрыть, как в черной ночи.

В книге с черными листами,
Как в земле зарыты черной,
Будут тысячи покорно
Почивать — раз ночь вернулась.

В книге с черными листами
Каждая пусть буква рдеет,
Об умолкших сожалеет,
Пламя в бодрствующих будит.

Книгу с черными листами
Спрячу на своей груди я,
Чтоб зардели в дни иные
Эти — черные страницы!

23 декабря 1907—3 августа 1908

179. ПАРТИЯ ПОРЯДКА

Мы лозунгами сыты,
Для нас пора пришла
Спокойно и открыто
Обстрипывать дела.

Мы добрались до цели
Заветнейшей своей:
Прибрать к рукам сумели
Местечки потеплей.

В почете мы как будто...
А там еще, глядишь, —
Поклонишься тому-то,
А этому — польстишь... .

Убрать бы для порядка
Зовущих на борьбу —
И жизнь пошла бы гладко
И тихо... как в гробу!

27 августа 1908

180. ОДИНОЧКА

Падет одиночка,
Чтоб встали миллионы,
Чтоб хлынули волны,
Ломая препоны.

Герой пролагает
Дорогу один,
Чтоб вольные воды
Не знали плотин.

29 августа 1908

181. ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ

Кротких ли слов нам
От матери ждать,
Коль сына ставят
К стене умирать?

Блеснет ли у девушки
Смехом взгляд,
Коль милого схватят
И заточат?

И как же сестре
Слез не ронять,
Коль брата родного
Уж ей не видеть?

Но женское сердце
Не только лелеет —
Оно ободрять
Усталых умеет.

Есть в женском сердце
Восторг и сила;
И справедливость
Оно вместило.

Пусть схватят любимых,
Расправятся с ними —
Из женского сердца
Восстать им — живыми!

29 августа 1908

182. ДЕТСКИЕ УСТА

Поет нам грядущее
Устами ребенка,
И в ужасе старость
От песенки звонкой.

За всё ненавистное
Старость в ответе,
Невинностью робкой
Страшат ее дети.

Что нынче кончается —
Завтра начнется,
И светлую явью
Мечта обернется.

Хоть голос негромок —
Да сердце широко,
А завтра та песня
Взовьется высоко.

Поет грядущее
Младенцев устами.
Из искры ветер
Раздует пламя.

29 августа 1908

183. УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Что беспокоит вас? . .
Вам представляется странным, нелепым,
Когда звучит языком фанфары,
Золотом уст,

Лучами слова,
Огнем дыханья,
Рокотом мысли, восторга полным,
Серебряным колокольным звоном
Высокая речь о высоком деле!

Рутина не понимает той речи,
Рутина не терпит высокого лада,
Гордое слово режет вам уши! ..
...Как вы сказали: «Оно — фальшиво,
И лицемерно, и смеха достойно»? ..
Правду сказали вы!

Громкое слово — у вас на устах —
Вправду фальшиво и лицемерно,
Вправду достойно едкого смеха! ..
Ибо великое слово
Делом должно венчаться — великим —
Не по плечу — вам! ..

Тот же, кто мал и унижен,
Тот — из толпы, не охватной глазом,
Из презираемой вами толпы,
Тот, чей жестокий удел —
Труд и насмешек бремя, —
Тот удивительной речью давно овладел
И породнился с ней, ибо пришло его время.

Внятны толпе раскаты фанфары,
Лучистое слово, звон колокольный...
Огнем дыханья она согревает
Высокий язык, тот, что был доступен
Только героям.

Толпа творит великое дело,
Единственное, что делать стоит.
Толпа творит, миры созидая, —
Дело, которое было под силу
Только героям! ..

15 сентября 1908

184. ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Уж нет тумана,
Мир потеплел,
И нежным блеском небо осиянно.

Цветы привстали,
Песок так бел,
И всё видней серебряные дали.

Уйдем из дому —
Вон мост взлетел
Навстречу утру, гостю дорогому.

3 августа — 24 сентября 1908

185. ТВОРЕЦ

Помысел, мнится мне,
Не силен:
Вспыхнув зарницею,
Гаснет он.

Ценен не помысел,
Ценна новь.
Встречу ей в доме сём
Приготовь,

Помыслом пробуя
Отгадать,
Чье же подобие
Нови дать.

16 августа — 26 сентября 1908

186. УТЕЩЕНИЕ

И если труд закончить ты не смог
И злая ночь пришла на твой порог,
Не унывай — с зарей придет другой,
И завтра труд окончен будет твой. . .

Иди спокойно — есть замена всем,
Ведь целое не связано ни с кем,
И каждый, как бы ни был он ценим,
Лишь самому себе необходим.

30 сентября 1908

187. КАЖДАЯ БОЛЬ

Боль — бесчестье, помни это,
Потому что — оскорбляет.
В ней печальную отраду
Обретает лишь трусливый:
С ним и остается боль.

Боль — безмолвье, помни это.
Но она звучнее крика
Призывает жизнь на помощь:
О, не спи, ищи, не мешкай,
Корни зова вырви прочь!

Боль — бессилье. В одиночку —
Нестерпима и несносна.
Лишь отдав свою, как каплю,
В океан вселенской боли,
Всё ты стерпишь и снесешь.

4 октября 1908

188. О МЕЛОЧАХ

В будничных мелких делах
Да не забудем о звездах!
В копоты мы и в пыли,
Светел зато небосвод!

Мелочи для мелочей
Душу мельчат человеку.
Только великая цель
Смысл придает мелочам.

13 сентября, 5 октября 1908

189. ПЛАМЯ ПРИВЕТА

В ночь лунную к тебе несусь мечтою.
Прядут безмолвно дочери луны.
Природу рядят руки тишины
В печаль, и я — сливаюсь с темнотою.

Заветное боюсь поведать дню, —
Любовь, дарованную мне тобою,
Всесильную, я в глубине храню.

Она не просит пламени привета,
Она сама — луна и песня эта.

1902, 7 октября 1908

190. РОМАНС

Тверд, как сталь, суровый облик,
А глаза полны любовью.
Говорит он (голос нежен):

«Не качай перил, не двигай,
Не показывай их шаткость,
Чтоб явить мне их непрочность,
И тропу не делай скользкой,
Оросив ее слезами.
Не задерживай мне руку,
Коль хочу за выступ взяться.

Сам я знаю: путь мой труден,
Сам я знаю: он опасен.
Оберечь меня ты хочешь,
Но лишь путь мой затрудняешь.
Если суждено мне рухнуть —
Пусть паду с вершины самой:
Смерти быстрое забвеньё
Мне милей, чем жизнь калеки.
Укажу я путь другим».

31 октября 1908

191. СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

По свету, словно листья,
Течение кружит вас.
А где опора ваша?
Связь с ней оборвалась.

Едва подует ветер,
Как вас пронзает страх,
Бездушные, как щепки,
Плывете на волнах.

Так долго вас кружило,
Что стал немил вам свет,
И ни в одно течение
У вас уж веры нет:

Тех идолов, что сами
Творили вы вчера,
Сегодня вы забыли,
Как кукол детвора,

Вы разумом иссякли.
Как в этом мире жить,
Когда не можешь моря
От лужи отличить?

Но ветер всё крепчает,
Быстрее из часа в час,
По свету, словно листья,
Течение кружит вас.

13 ноября 1908

192. ЧЕЛН УСОПШИХ

Баркарولا Даугавы

Черный челн усопших душ плывет,
Весла их звенят на глади вод:
Нет, нет конца...

Тихо плещет вечности волна,
Пена красно-черная мутна —
Нет, нет конца...

До краев ладья нагружена,
Нива жизни смерти отдана —
Нет, нет конца...

Чьи-то стоны потрясли покой,
Волчий вой не молкнет над рекой —
Нет, нет конца...

В Даугаву стекаются челны,
Павших душ они полным-полны —
Нет, нет конца...

Черный челн их медленно плывет,
Весла их звенят на глади вод:
Нет, нет конца...
Нет, нет конца...

13 ноября 1908

193. ГОТОВНОСТЬ

Времени приход неведом нам —
Мы лишь слышим гул его шагов.
Будем выполнять вседневный труд,
Чтобы путь он времени открыл!

Будем наготове, будем ждать.
Время каждый шаг определит.
Надо даже в малом быть большим.
И окрепнуть духом для борьбы.

20 ноября 1908

194. ВЕЛИКИЙ СВЕТ

1

Еще на небе рдеет отблеск чудный —
Великий свет тех незабвенных дней,
И от него по черным стенам будней
Тревожно бродит зарево огней.

Оно бледнеет, меркнет — словно вскоре
Совсем исчезнет в сумраке ночном.
Но вспыхивают утренние зори,

Ночь проржавевшим рушится старьем,
Сполохами охвачен окоем.

2

И мой народ стряхнул оцепененье,
Когда в ночи великий вспыхнул свет.
Был тяжким сон и долгим пробужденье,
Но ясный день пришел ему вослед.

Жить сизнова народ мой начинает.
Его, сгибавшегося под ярмом,
Свободный круг народов приглашает,

Чтоб брата обрести отныне в нем
И счастье общим созидать трудом.

3

На свет великий устремляя взоры,
Народы ждут, и мукам нет конца.
И трепет ожиданий: «Скоро ль, скоро?!» —
Пронизывает ныне все сердца.

Хоть будням кажется, что стихли бури, —
Приблизился и нарастает гром,
Таинственный сполох сверкнул в лазури;

Падет он наземь огненным дождем,
Оковы плавя в пламени своем.

19 июля, 21 ноября 1908

195. СЧАСТЛИВЫЕ ЮНОШИ

Счастливы вы, ушедшие,
Что пали в расцвете молодости, —
Ликуя, вы гибель встретили,

Победно в глаза взглянули ей
И жизнь молодую, блестящую
До самого дна испили.
Вы смерти плеснули в лицо
Последние капли в чаше,
Избыток силы своей.

Идею свою великую
Вы в миг перед смертью увидели.
А мы лишь в мечтах туманных
Ее очертанья ловим,
Хоть вечно мы к ней стремимся
В сплошных, бесконечных муках.

Счастливы вы, ушедшие, —
Вы ушли в величайшем счастье любви,
В глубочайшем счастье любви, что дана человеку,
Но в счастливой любви, в теплых женских руках
Ведь и горечь таится: они и солгут, и ужалят. . .
Чем сильнее и глубже любит женщину мужчина,
Тем сильнее и глубже себя презирает
За эту любовь,
Хоть готов свою жизнь положить за нее.

Но исполнена счастья, светла и бесхитростна
Охватившая душу мужчины любовь
К благоденствию, к счастью всего человечества.
Не обманет она, не ужалит тебя,
От нее для себя ничего не потребуешь ты:
Ни горячих объятий,
Ни глаз обожающих, ни поцелуев,
Ни посулов до гроба любить,
Ни оплаты, ни славы, ни памяти даже, —
Ей лишь в жертву приносит себя в безотчетном порыве
Тот, кто подвигом полнится сам!

И восторг, что подобен весенней реке,
Разливается вольно, не зная границы,
Через край, где ему открываются дали, —
И летит, и летит на них благодать потопа,
Животворные волны восторга неся. . .
По земле течет свежесть, течет по ней радость.
Ну, а гром, в высоте сотрясающий тучи, —
Это только счастливейших юношей хохот;

А пылание молний, что носятся в небе, —
Это только счастливейших юношей мысли!

Ощутили вы первыми необъятную эту любовь,
И в наш тесный загон принесли ее, и возвестили
Изобилие и многогранность ее,
Показав ее нам,
Словно реку весной, словно молнию в туче,
Словно первую ласточку и соловья,
Словно мир, и тревогу, и вечное солнце.

Вы своею решительной поступью нас увлекли,
Даже падая навзничь — нас подняли до героизма,
Но ведь лишь в героизме начало берет человек —
Эту мысль мы постигли по тем обжигающим огненным
знакам,

Что оставили ваши ладони на нашей груди, —
Так, что боль проникает до самого сердца.
Этим огненным знакам — гореть, не зажить никогда,
Повседневности даже их тихой рукой не загладить,
Не засыпать их пылью:
Ведь и повседневность сама обернется
Новым днем трудовым в нашем сердце.

Счастливы вы, ушедшие!
Подвигом полнясь, вращаете время, —
Вот оно в огненной мчит колеснице, гремя;
Подвигом полнясь, свой труд вы свершили,
К вечному путь ваш уходит покою.
Но в нашей жизни всегда ваша жизнь остается;
Подвигом полнясь, вы подняли нас
На свершенье работы, что жизнью самою зовется.

Счастливы вы, ушедшие!
Мы же тут с повседневными малыми силами
Остаемся — большую работу свершать;
Поддержать нас одна лишь уверенность может:
Не счастливым героям ее выполнять,
А всего лишь вселенной.

1906, 1908

196. НАШИ ДНИ

Прошлое скрылось
С вечерней зарею,
Пусто Сегодня,
А Завтра далёко.

В поле пустынном
Мечутся вихри,
До жалких листьев
Им нет и дела...

Пустынно вокруг,
Песок лишь голый.
Что ж тут развеешь?
Что тут размечешь?

Недавно лишь Прошлое
В разгаре бури
Грядущего зерна
Рассеяло всюду.

Уже пробиваются
Первые всходы.
Работник смекает,
Хозяин гадает.

Прошлое скрылось
С вечерней зарею,
Но скоро займется
Заря на востоке!

И вихри промчатся
Над нивой обильной,
Над счастьем, добытым
Трудом и борьбою.

(1909)

За чернотю этих строк
Сверканье образов и красок.
За чернотю этих строк
Чередованье лиц и масок.

В словечке маленьком простом
Загадки — без конца и края.
В словечке маленьком простом
Тоска без меры, боль слепая.

Так сдернем черный тот покров,
Взглянув на мир наивно, мудро.
Так сдернем черный тот покров,
Сквозь тьму ночей дойдем до утра.

9 марта 1909

198. ОДИНОКАЯ СКАЛА

Нет удержу любви моей:
Она разливом рвется в души.
Ей жизнь тесна, отраднo ей
Метаться, мчаться, русло рушить.

Бесстрастна ты, и холодна
Скала в величье одиноком.
Но страх страшит: волна вольна,
Нас всех троих сметет потоком.

26 марта 1909

199. ВСЕЛЕНСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Сам по себе всегда, —
Мерцает вдалеке твой взгляд, звезда.
Вокруг пылают сотни звездных вех,
Но я от них отрезан ото всех —
Сам по себе всегда.

Сам по себе всегда, —
Мир-колесо, кренясь, крушит года,

Гремит, дрожа, ступица, ось трясет,
Из бездн первоосновы гул ползет,
А вихрь безбрежный всё в себя сосет, —
Сам по себе всегда.

Сам по себе всегда, —
Идет отсев, небесная страда,
И хлопья из огарков белых звезд
Летят, сплетясь в морозный вьюжный хвост,
В туман, где, пыльный вороша погост,
Старуха-тьма сидит, между колен
Просеивая звезд угасших тлен,
Там душит смрад заброшенных геенн, —
Сам по себе всегда.

Сам по себе всегда, —
Бурлит горшок, в нем скисшая барда,
Гнилые солнца и жмыхи планет,
В их столкновеньях вновь рождается свет,
Вихрь перемен кипит, застоя нет,
В небесной ступе звездам мнет бока,
Живая, струйкой сыплется мука,
Солнц молодых клубятся облака,
Миры взлетают прочь с проворством мух,
Остыла твердь — жар жизни не потух,
Остыла жизнь — зато пылает дух —
Сам по себе всегда.

Сам по себе всегда, —
Луч тонкий с неба падает сюда.
Пришел ко мне твой взгляд, моя звезда.
О тонкий луч, я лишь через тебя
Привязан к миру, что кипит, дробя
Любовь и дружбу, солнцам вес рубя,
Бессильные обломки теребя.
Средь них во тьме иду через года,
Сам по себе всегда.

1901, 28 марта 1909

200. АТОМ

Как ты от века был один,
Так ты и будешь одиночкой.

Дальние отзвуки

Как ты от века был один,
Так ты и будешь одиночкой,
Пока мороз первоглубин
Твою не схватит оболочку.

Тебя когда-то от него
Избавил жар непостижимый,
И стал ты жить, как существо,
И близких ощутил чужими.

Сам на себя замкнулся ты,
Почувствовал себя богатым
И вырвался из пустоты,
Отдельный неделимый атом.

В тебе — охапка мощных сил,
Ты солнца внутрь себя сграбастал,
Твой дух весомее светил,
А ты еще не всем похвастал.

Дрожжей ты крохой завладел,
Что век твой множат час за часом.
Так где ж в годах твоей предел
Энергии, сгущенной в массу?

Ты с беспредельностью в борьбе
Вобрал ее в себя упруго.
Всё, что противится тебе,
Упрямое, зажато в угол.

Так какова же цель твоя?
Дремать во времени беспечно,
Как в клетке сытая змея,
Клубком свернувшись бесконечным?

Ни в чем себя не проявлять
И не испытывать желаний?
Не принимать, не посылать
Комков идей и упований?

Нет! Сил ты получил глоток
И пересоздан был из пепла,
Чтобы кипел в деревьях сок,
Чтоб жизнь и множилась и крепла.

Ты в миллионах тел живых,
Ты основал и заложил их,
Включенный в общий свежий вихрь,
Ты трудишься у жизни в жилах.

Тебя зовут — и ты идешь.
А не зовут — всё отдал, значит,
Ступай, в углу тюфяк найдешь,
Усни — и пусть никто не плачет.

Пусть будут жить твои дела.
Вот в них будь жив, а сам стань тенью,
Горошина, что изошла,
А ста стручкам дала рожденье.

1900, 29 марта 1909

201. КУКУШКА

Нет у тебя отчизны милой,
А ты, кукушечка, кукуешь.
Ужель так жить достанет силы?

Судьба сулит тебе напасти,
А ты, кукушечка, кукуешь,
Другим предсказывая счастье.

Ты в золотой дали тоскуешь —
Дружка, наверно, потеряла —
И всё кукуешь, всё кукуешь...

29 марта 1909

202. ЛЕСНОЙ ГОЛУБЬ

«Как трудно! Трудно!» — голубь стонет.
А поле в теплом солнце тонет.
«Как трудно! Трудно!»

Всех радует весны цветенье,
Лишь у него тоски смятенье:
«Как трудно! Трудно!»

Да есть ли у тебя печали?
Не верю. Кажется, едва ли!
«Как трудно! Трудно!»

Тоска совсем тебя замучит.
Скажи, быть может, муки лучше?
«Как трудно! Трудно!»
«Как трудно! Трудно!»

29 марта 1909

203. МИР И ДУША

«Мир не знает, что он громаден,
но мы это знаем».

*Паскаль,
со дня смерти которого 19 августа
исполняется 250 лет*

Мир не знает, что громаден,
Солнце — что оно пылает,
Небо — что оно бездонно.

Небо пропастью зияет
Для миллионов звездных капель
И не ведает им счета.

Солнце мечет комья жара
И румянит почву жизни, —
Просто гонит вон избыток.

А земля, на твердом лоне
Убаюкивая море,
В мертвом сне бредет за солнцем.

И текут слепые реки,
Тычась в каменные горы
И о скалы спотыкаясь.

С вышины струится в море
Алость зорь и снежность пены —
Море их красы не чувствует.

Толща с хрустом извергает
Изумруды и алмазы —
Нету жизни в их сиянье.

Толщу с трепетом пронзает
Крохотный живой росточек —
Он лишь синь цветка провидит.

Но плывет в простор бескрайний
В утлой лодочке душа,
Зная, что моря безбрежны,

Зная, что громаден мир,
Зная, что пылает солнце,
Зная, что бездонно небо,

И не зная лишь того,
Что, прекрасной и глубокой,
Ей и большее известно.

31 марта — 1 апреля 1909

204. КОГДА Б...

Когда б своей я жизнью
Один владел,
Ее я мог бы сбросить,
Когда хотел.

Себе я мог бы выбрать
Любой удел,
Когда б своею жизнью
Один владел!

5 апреля 1909

205. НЕСОМКНУТОЕ КОЛЬЦО

Рассвет мой был прозрачно-чист,
Закат мой должен быть огнист,
Но между ними беспределен
Еще мой день — он золотисто-зелен.

6 апреля 1909

206. ЩЕДРАЯ РУКА

Мне щедрая судьба дала, любя,
Блеск солнца и зеленые просторы,
И за рекой синеющие горы,
И ночью черной звездные узоры, —
Но не дала лишь дома, моря и тебя.

6 апреля 1909

207. ТРАВЫ УТРОМ

Травы утром неохотно
Наклоняются под ветром.
Сердце утром неохотно
Сладость снов отодвигает.

Травы дрогнут, пробуждаясь,
На ветру воспрянут гордо.
Сердце, как тебе воспрянуть?
Боль тебя придавит снова.

7 апреля 1909

208. ВОПРОСЫ ДЕВУШКИ

Скажи мне, милый, милый мой,
Где взял ты столько пестрых слов?
— Смотрел я на поток людской.

Где ж взял ты столько ярких слов?
— Смотрел я на закат родной.

Где взял ты столько мощных слов?
— Смотрел я на морской прибой.

Где ж взял ты столько тихих слов?
— Смотрел я, что с моей душой.

Где ж взял ты столько милых слов?
— Смотрел во взор твой голубой.

Где ж взял ты мощь глубоких слов?
— Глубь смерти взор увидел мой.

Ах, милый, милый, милый мой!

7 апреля 1909

209. ДВА ТОРЖЕСТВА

Есть громкий смех, победный ореол —
Так сила торжество свое итожит.
И есть улыбка — если ты обрел
Того, в ком дух твой возродиться сможет.

На большее надеяться забудь:
Хоть сотню лет заслужишь у природы,
Ухмылкой горькою закончишь путь.

Всё мелкое в тебе — отсеют годы,
Всё доброе — даст в юных душах всходы.

8 апреля 1909

210. КОГДА НОЧЬ

Соловей прекрасней всего поет,
Когда ночь.
Да и счастье охотнее к нам идет,
Когда ночь.

Если грустно, один побродить иди,
Когда ночь,
Чтоб никто не узнал, что в твоей груди, —
Только ночи!

6 мая 1909

211. НЕСУЩИЕ ГРОБ

Смерч великий всю планету,
Всех и всё потряс,
После бури кто-то где-то
Уцелел из нас.

Мысль разорванную вяжем
Тихо в стороне,
Выдуманным прошлым нашим
Счастливы вполне:

«Счастье горше и весомей
Хвори, маеты —
Гроб печали, гроб свинцовый,
Мертвые мечты;

Гроб подняв, лелеять станем
Мир, что нем и тих,
Жизнь даря воспоминаньям,
Воскрешая их».

22 июля 1907, 3 июля 1909

212. СТРАХ СУЩЕСТВА

Всяк живой осужден — ждать в начале конца,
Знать: конечен весь мир — в смертной сути своей.
Тяжек знания ужас,
Лучше сразу исчезнуть.

Дух мятежный постиг — нет у жизни конца.
Сущий, сила твоя — словно огненный меч,

Вознеслась, вечный ужас
Рассекая и руша.

Несуществен конец — суть в движении лишь.
Смерть — лишь жест бытия: пыль с одежд отрясти.
Но в живом — боль и ужас
Перед преображеньем.

3 июля 1909

213. НА СТАРОМ МЕСТЕ

Я вновь на старом месте, будто
Всю ночь блуждал я по полям,
Чтоб поводырь привел беспутный
Меня всё к тем же рубежам.

И только утром на рассвете
Увидел, бедный путник, ты
Обманные тропинки эти
И вытопанные следы.

Что ж! Я об этом не жалею!
Пусть сделан только шаг вперед, —
Величественней и яснее
Дворец грядущего встает.

1905, 3 июля 1909

214. ЮНОМУ ДРУГУ

Не требуй от трудов своих награды,
Их плод — не для тебя, а для людей,
И в тяжкий час ищи себе отрады
Лишь в том, что есть у памяти твоей.

Когда из этой чаши ты пригубишь,
Пойдем! — нам общий путь определен.
Но прежде всем верни всё то, что любишь,

Всё то, чем, словно кладом, наделен, —
Тогда свободен станешь и силен.

20 июля 1909

215. РОСТОК

Не бойся выйти сражаться с временем,
Не дай себя обкорнать и выровнять,
Тянись безмерно и безгранично,
Считая вечность своим пределом.

Когда же будешь ты днями вытолкнут,
С корнями, с кроной исторгнут почвою,
То, умирая в своем «сегодня»,
Перерастешь ты в иную сущность.

Еще и снова мир оживет в тебе,
Ведь для него ты — залог грядущего,
Ты нужен миру всегда и вечно:
Зеркало, форма, звезда во мраке.

29 июля 1909

216. В ПРЕДВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Небо, полное покоя,
Надо мною, над рекою
В предвечерний час.

Из сердечной глубины
Пузыри былых желаний,
Красно-сине-зелены,
Взмоют, лопнут. . . Брызг сиянье
В предвечерний час.

20 августа 1909

217. БОЛЬ И НАДЕЖДА

У нас одна надежда
И боль у всех одна.
Моя тоска вам внятна,
И ваша мне видна.

У всех, кто на чужие
Заброшен берега —

В пески, в болота, в степи,
В суровые снега, —

У всех одна надежда
И в этот горький час —
Что родина воспрянет
И снова примет нас.

Что родина воспрянет,
Что беды отомрут.
И это всё — награда
За наш суровый труд.

22 августа 1908, 30 августа 1909

218. ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Его любил я:
В пути, усталый, погруженный в сон,
Он был на остров счастья унесен.

*

Его любил я:
Он нам сиял, пылал — и вот погас. . .
Лишь сотни искр еще горят для нас.

*

Его любил я:
В могильной яме он лежит и ждет —
Его зерно через года взойдет.

5 сентября 1909

219. НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Меня, ребенка, некогда
Несправедливость встретила,
И за всю жизнь я этого,
Этого
Не смог забыть.

Осталось лишь надеяться,
Поскольку жизнь кончается,
Что справедливость явится,
Явится
Хоть погостить.

6 сентября 1909

220. ЖИВАЯ ЖИЗНЬ

В труде — наша победа.

Стань среди толпы смелее
И борись, и действуй с нею,
Гни, гони, толкай и гнись, —
В буре жизни обновись!

И, вкусив короткий отдых,
Вновь сверкай в бурлящих водах.
Жизнь огромна: от нее
Спрячет лишь небытие.

7 сентября 1909

221. ПРОЛЕТАРИЙ-АТЛАНТ

ГОВОРИТ:

Вот что ты мне оставила в итоге:
Лишь боль свою. И мне ее тянуть,
Дыханьем хриплым надрывая грудь,
Пока живу, покуда держат ноги.

Мне пути не нужны и кнут не нужен,
Зови меня в любой опасный путь:
Стократ дороже тот нам, кто недужен.

А много ли на свете плеч и спин,
Что выпрямлялись, встав из-под руин?

7 сентября 1909

222. ЧАША С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

Когда встающий день просторы золотит,
Ночь утру дивные сокровища дарит,
И те сокровища готовятся в тиши,
Когда неспящих нет на свете ни души.

Но утро тот сосуд разбило второпях,
Алмазы сыпятся, блистая на полях. . .
Пусть люди это всё рососо называют!
Ребенок и поэт их радостно собирают.

8 сентября 1909

223. PIETÀ!¹

Я прикрываю боль мою цветами,
Что я собрал среди лугов густых,
Гирляндами побегов молодых,
Тяжелыми лавровыми венками.

Так я всегда обманывал врагов
И жизнь: чем глубже рана, тем светлее
Для тех, кого люблю, узор цветов.

Но астру черную увидите — под нею
Зияет рана — сердца! — всех больнее.

11 сентября 1909

224. ПОДРУГА И ДРУГ

Подруга

Дожди, дожди без перемен,
И тьму сменяет темень.
Мой взгляд туманы взяли в плен,
И тени тянутся вдоль стен,

¹ Сострадания! (Итал.) — *Ред.*

И дни текут, как тени.
Друг мой, ушедший не вчера,
В каких ты скрылся странах?
Уж не к тебе ли вечера,
Когда приходит их пора,
Спешат в венках багряных?

Друг

Ах, там лишь плоть моя. Что с ней?
Она жива-здорова.
А духу с каждым днем больней:
С тобой он бродит меж теней,
Как сирота без крова.

23 сентября 1909

225. СОЛНЕЧНАЯ ДОЛИНА

Дорине

Здесь летом и зимою
Зеленою травую
Любуюсь я разнеженно.

И средь цветенья и тепла
Да чтоб душа не расцвела
Надеждою,
Что станет всё по-прежнему?!

24 сентября 1909

226. ОХАПКА ЗЕЛЕНИ

Под липами

О липы, — где они?
Я вспоминаю, как мечталось сладко
Под их ветвями в молодые дни!

Колокольчик

Мой колокольчик синий!
Едва ты синий возвестишь рассвет,
Уж пастушок босой — на луговине.

Клен

Широколистый клен!
На листьях золотом о счастье солнце пишет...
Жужжит пчела. Пастуший сладок сон.

Алые цветы

Вы, алые цветы, —
Мечтаний страстных образы живые,
Изменчивость и роскошь красоты!

Вишневый цвет

Вишневый цвет!
Склонились ветви в неге белоснежной...
Но не погнется ствол от бурь и бед!

Осенний сад

Осенний сад!
От первого мороза стал ты жалок,
Как мальчуган, которого бранят.

Рута

О вечно зеленеющая рута!
Не гибнешь ты, свежа, как мой народ!
Хоть и скромна и нет тебе приюта.

Дубовый лист

Зеленый лист дубовый,
На гроб героя ты лишь вправе лечь:
В тебе героев мощь и дух суровый.

Барвинок

Мороз — а зелень всё цела!
Перенесла такую злую зиму —
И знамя жизни к солнцу подняла!

Подснежник

Подснежник юный, милый мне!
Хоть снег еще лежит, уже цвести ты жаждешь,
Ты — жертва первая весне!

Плющ

О плющ густой!
Ты для руин плетешь покров зеленый,
Ты одеваешь древность — красотой.

12 декабря 1907, 28 сентября 1909

227. СТО ЖЕЛАНИЙ

В день сто желаний мне в окно
Стучат, и всё без толку:
Ведь сердце лишь тебя давно
Совсем одно, совсем одно
Ждет, как цветок ждет пчелку.

28 сентября 1909

228. НАЛИВШЕЕСЯ ЯБЛОКО

Настала спелости пора,
Не довисеть и до утра,
Пора.

От зноя алое оно
И соком солнечным полно,
Полным-полно.

Его, шепнув: «Своих плоди»,
Жизнь отнимает от груди,
Своей груди.

1 октября 1909

229. ЧИР

Покрыла листьа желтизна,
Щебечет пташечка одна:
«Чир-чир, чир-чир!

Всё лето хлопотала я,
Взрослели птахи малые,
Чир-чир, чир-чир!

Сошел туман, а солнца нет,
Пускай летят за солнцем вслед,
Чир-чир, чир-чир!

Слетятся новою весной —
Недосчитаются одной.
Чир!»

1 октября 1909

230. ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО

К логову старому, в кусты,
Волк прибегает выть.
Так каждый день вспоминаешь ты
То, что хотел забыть.

Ты в горы идешь и сползаешь в овраг,
А искал дороги прямой;
Ты внемлешь буре и смотришь во мрак,
Как и раньше бывало с тобой.

Ты всюду встречаешь себя самого
У горной пещеры своей;
В нее наконец ты войдешь для того,
Чтоб навеки остаться в ней.

19 октября 1909

231. ТВОЯ РУКА

Твоя рука согрета солнцем снова.
Я взял ее — и слезы через край:
«О солнце милое, ласкай ее, ласкай!
Пусть мягкой станет, сгладятся пускай
Те линии — следы судьбы суровой».

26 декабря 1909

232. ЛЕТНЯЯ ПОРА

Скорей, пора любимая, явись,
Чтоб трав благоуханья к небесам взвились,
Чтоб с ними дух мой дымом вился ввысь, —
О летняя пора, явись!

6 января 1910

233. ПОРОГ

День без светила,
Ночь без созвездий, —
В уши упорно
Зов проникает,
Манит к порогу.

Знание чревато
Тяжестью, тьмою, —
Души упорно
Жаждают открытий
Из-за порога.

Дыбом порог встал,
Дверь устрашает, —
Рушь их упорно!
Главное знание
Там, за порогом.

25 февраля 1909, 17 января 1910

234. ДОЖДЬ МОРОСИТ...

Дождь моросит, не виден он,
Лишь слышен шум незвонкий.
Я грустью сладкой истомлен,
Чуть уловимой, точно сон, —
Такой же тонкой, тонкой. . .

8 июня 1909, 19 января 1910

235. ВОПЛОЩАЮЩАЯСЯ ДУША

Чуть успел понять, что существуешь, —
Сразу выразить себя стремишься,
Ощупью бредешь во тьме рассветной.

Сердце мучится тоской по слову,
Каждой боли хочет дать название,
Каждому цветку определенье.

И слова медлительно-тягуче —
Сладость меда с горечью печали —
Темным золотом тяжелым льются.

Спят еще в том золоте все формы,
И душа, раскрывшись, выраженье
Лишь в немой поэзии находит.

29 июня 1906—20 января 1910

236. ВОПРОС

Да, человечество больше,
Чем человека, любил я:
Мелкой частице всегда
Целое предпочитал.

Люди платили мне тем же:
Они проходили мимо,
Мой труд им казался ядром,
Сам я — пустой скорлупой.

Что, если мы заблуждались?
Работу свершают люди,
Нам человечества мощь.
Лишь в человеке видна!

7 сентября 1909, 4 февраля 1910

237. МОЯ РАДОСТЬ

— Где твоя радость? — В крае отдаленном.
— Ее найду я? — Коль нужда остра.
— Идти под солнцем? По лугам зеленым?
— Во тьме ночной, на дальний свет костра.

— А с кем пойду? — Без спутников. В тумане,
— Дыша цветами? — Злой угар кляня.
В конце пути у края мирозданья
Пастух ягненка греет у огня.
— Так то чужая радость! — Нет, моя.

22 февраля 1910

238. НОЧНОЕ ОЗЕРО

Смех этот, друг мой, — не к добру:
С утра, подобно серебру,
На солнце озеро искрится.

Но выйдет месяц, и оно
Мрачнеет, дрожью смущено,
И в легкой зыби скорбь таится.

Дрожь — это тайной боли след:
На ней играет солнца свет,
Но от беды она рождается.

24 марта 1910

239. РАДОСТЬ И ТРУД

Победил в бою — возрадуйся:
Дальше путь тебе проложит труд.

Побежден в бою — возрадуйся:
Вновь в груди твоей созреет труд.

Будни тусклые — возрадуйся:
Ярким углем в сердце рдеет труд.

Ты любовь обрел — возрадуйся:
Расцветет и потеплеет труд.

Ты врага обрел — возрадуйся:
Станет крепче и прочнее труд.

Ходу дней и жизни радуйся:
Сам ты — олицетворенный труд.

27 марта 1910

240. НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ

Слова, объятья —
Изнемогали под заклатьем,
Не слушался язык.
В прощальный миг
К порогу я губами не приник.

Теперь, ночами,
Мне чудятся слова прощанья,
Невнятные, как сон, —
Со всех сторон
Видений странных сонм.

Причуды ночи!
Но ясным днем покой мой прочен:
Те, кто любил, кто знал меня,
Со мной — незримы — в свете дня
Не расстанутся, разум мой храня.

11 апреля 1910

241. КРАСНАЯ СОТНЯ

Огонь борьбы раздут, —
Он, сотня красная, зажжен тобой!
И за тобою тысячи на бой
Грядут.

Не знали света мы.
Заволокла всё небо тьма густая.
Томились люди в этом царстве тьмы,
От рабского труда изнемогая.
Но мглы предел
Вдруг поредел,
Внезапно искры свет зардел —
И факел духа дерзостно пылает!

Он словом был рожден
И, разгоревшись, плещется и рдеет.
Как правды свет, вовек не гаснет он, —
Он мысль зажег, а мысль сердца согреет,
Взгляни, взгляни, —
Еще огни!
Растут и ширятся они.
Десятки факелов высоко в небе реют.

Огонь раздут,
Пылает он, зажжен тобой!
И скоро миллионы в бой
Пойдут!

Навстречу ночь дымит.
Рвет буря факелы, ночь тушит пламя,
Но сотня факелов уже горит,
Встают мужи, озарены огнями.
За рядом ряд
Они спешат,
Их тюрьмы скоро не вместят.
Всё больше факелов горит над нами!

Идет рабочий класс.
Дрожат всемогущие земли владыки.
Один порыв и цель одна у нас —
Разрушить мир жестокий и двуликий.

Из всех краев
На властный зов
Восстали тысячи бойцов
Участвовать в борьбе великой.

Огонь борьбы раздут,
Всё человечество встает на бой!
Веди же, красный сотый, — за тобой
Борцы идут!

Март, апрель 1910

242. ОТЧАЛИВШАЯ ЛОДКА

Всё обрубил я, что меня держало.
Отчалена ладья. Следя за ветром,
Мой парус волнам кланяется вяло.

На берегу погас огонь заветный,
О пламени, об искрах нет и речи,
Там стынет пепел, серый, неприметный.

Никто прощаньем не согрел мне плечи,
Никто отплыть даже не заметит,
Нет имени мне на чужом наречье.

И впереди никто меня не встретит.

17 июня 1910

243. ТЕКУЧАЯ ВОДА

Я растекаюсь, как вода,
Из края в край иду я.

Армянская народная песня

Мы, как текучая вода,
Из края в край стремимся,
Животворящей влагою струимся,
Любые дали приближаем,
И нивы дарим урожаем,

И дальше вновь стремимся
Текучею водой.

Мы, как текучая вода,
Что, изгибаясь, вьется,
Как будто вспять вот-вот вернется;
Но не течет к истокам старым,
Лишь исчезает легким паром. . .
— К вам тучей грозовой вернется
Текучая вода!

22 июня 1910

244. ВСХОДЫ НА ПОЛЕ

Дивлюсь я, слыша звуки ваших слов.
Ведь это я нашел их в дальней штольне
Давным-давно. Да! Звон колоколов
С моей, с моей раздался колокольни.

Неужто мой призыв вам в душу лег,
Как в борозду зерно? И я, довольный,
Приветствую пробившийся росток.

Горсть зернышек была — явились всходы!
Им зеленеть в любые непогоды.

22 июня 1910

245. ИСКАТЕЛИ

Скитаемся, скитаемся,
Дорогу ищем, маемся,
Всё больше отрываемся
От родины.

Уж все разведаны пути,
Путь в счастье удалось найти,
Но не пробиться, не прийти
На родину.

Эпоха жребий мечет свой:
Нам нет путей в отечество.
Без жалоб — в человечество
Уходим мы.

13 июля 1910

246. МЫ КОВАЛИ, МЫ МОЛОЛИ...

Ковали мы вволю, —
Ах, искры снопами!
А как мы мололи,
Рыча жерновами!

Где тишь залегала —
Всё гудом гудело,
Где искра мигала —
Всё пламенем рдело.

Веселая дерзость
Сменилась смятеньем.
Вкруг кузницы — мерзость
Лежит запустенья.

Пусть гул этот стихнул,
Пусть нет и просвета, —
Глаза наши вспыхнут,
Чуть вспомним про это!

1905—15 июля 1910

247. СМЕРТЬ НАРОДА

Мы ведаем, что наш народ умрет,
Но мыслью этой мы себя не раним,
Она в сердцах звучит за годом год,
И каждый свыкся с этим тайным знаньем.

Но и большой народ не век живет,
Его предназначенье мне известно:
По нем могильный колокол пробьет;

Большим народам срок придет исчезнуть,
Чтобы в объятьях братства вновь воскреснуть.

«Там будет видно, — говорят они, —
Но мы сначала вас поглотим, малых, —
Когда еще настанут братства дни!
Нам время биться в битвах небывалых!»

Вам — пламя битв, нам — разума огни,
Мы — семена, засеем эту бездну,
Мы обновим вас, мы дрожжам сродни;

И всем, кому настанет срок исчезнуть,
В объятьях братства суждено воскреснуть.

3 июля 1909, 22 июля 1910

248. ПАЛЫЙ ЛИСТ

Багряный листопад
Угас,
Лист палый шепчет, ненавидя:
«Топчите нас,
Топчите нас,
Гоните нас! —

Настанет час,
И все увидят
Венки зеленые на вас!»

6 августа 1910

249. НЕТ СИЛ ТЕРПЕТЬ

Кто услышит наши стоны?
И кому нести нам скорби?
С дрожью ветер их минует,
С болью долу ниспадая.

Деть куда страданья эти?
Грудь моя от них сгорает.

На траву ли я прилягу —
И трава от них чернеет.
Над ручьем ли наклонюсь я —
И ручей пересыхает.

Встал с земли: «Послушай, солнце,
Пусть к тебе летят страдания, —
Разгорись, сожги всё горе. . .»
Солнце путь свой продолжает.

16 сентября 1910

250. ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В МИРЕ

*Песня деревенского мальчика
на чужбине*

Ах, где я, где я?
Вокруг меня чужие лица,
От глаз насмешливых не скрыться,
Чужую речь не понимаю
И никого-то здесь не знаю!
Ах, где я, где я?

Что дальше будет?
Кто путь-дорогу мне укажет,
Кто слово ласковое скажет?
Домá, домá — что лес высокий!
Бреду бездомный, одинокий,
Что дальше будет?

Где край мой милый?
В моем краю далеком осень,
Листву березы скоро сбросят,
Я знаю, будущей весною
Не шелестеть им надо мною,
Ах, край мой милый!

26 сентября 1910

251. ЧУЖЕСТРАННАЯ ДЕВУШКА

Чем, скажи, ты, милый, опечален?
Что глаза туманит голубые,
Что так тусклы золотые кудри?
— Девушка, молчи. . .

Может быть, устал ты от дороги?
Кров убогий разделю с тобою,
Ешь и пей — пусть сердце веселится!
— Девушка, молчи. . .

Ты здоров ли, юный чужеземец?
Дай-ка я взобью тебе перину,
От недуга злого дам лекарство!
— Девушка, молчи. . .

Сторону родную ты покинул —
Что за вихрь прогнал тебя, беднягу?
Хороша ль, скажи, твоя сторонка?
— Девушка, молчи. . .

Там, должно быть, девушки красивы,
Раз печаль твоя неодолима. . .
Мать с отцом, друзей ты там оставил?
— Девушка, молчи. . .

Здесь найдешь ты родину не хуже,
Обрешь друзей навеки верных,
О своей красавице забудешь. . .
— Девушка, молчи!

Что ж, тогда. . . оденься и обуйся,
Может быть, вдвоем в лесной чаще
Сыщем путь к родной твоей сторонке. . .
— Милая, скорей!

3 октября 1910

**252. ПРОЩАНИЕ С ТОВАРИЩЕМ,
КОТОРОГО ПОХОРОНИЛИ НА ЧУЖБИНЕ**

Спи под травами, в тиши. . .
Ледяной земля не будет
Для того, кто жар души
Без остатка отдал людям.

Пусть назначено судьбой
Быть зарытым на чужбине, —
Знай, что в небе над тобой
Солнце вечное не стынет.

4 октября 1910

253. ЮНЫХ ДНЕЙ МОИХ ЗЕМЛЯ

Юных дней моих земля,
Я давно тебя утратил, —
Ночью лишь придешь виденьем
В час, когда лежу бессонно,
В час, когда лежу бессонно,
Уронив устало руки.

Юных снов моих земля,
Где еще мечтать так сладко?
Где еще под солнцем утра
Тишина с благоуханьем,
Тишина с благоуханьем
За руки всю боль уводят?

Юной горечи земля,
Так же ль ты еще прекрасна?
В легкой дымке средь долины
Тихо спящая царевна,
Тихо спящая царевна,
Кто, когда тебя разбудит?

Юной горести земля,
Всё ль травой поля покрыты?
Всё ль в озера и болота,
Всё ль в озера и болота
Только солнце смотрит с неба?

Юных дум моих земля,
Спят ли пахари на межах —
Ноги на соседнем поле?
Что ты спишь? Проснись скорее!
Что ты спишь? Проснись скорее!
Юных дней моих земля!

.....

Юных дней твоих земля
Встала, ото сна воспрянув,
Братья разбудили спящих, —
Настежь дверь под грохот грома,
Настежь дверь под грохот грома.
Вместе все идем на битву!

5 октября 1910

254. ПТИЦА, ЛИСТЬЯ И ДОЖДЬ

Падает птица —
Сломаны крылья,
Больше ей в небо не взмыть.

Падают листья,
Желтые листья,
Им уж на ветке не быть.

Смоет волною
Листья и птицу.
Станет над ними, прощаясь,
Дождь слезы тихие лить.

5 октября 1910

255

Носился ветерок — да сгинул,
Ходило облачко — да сплыло,
Тек аромат — да растворился.

Ни облачку, ни аромату,
Ни ветерку пути не будет.
Себя загубит
Тот, кто покинул дом когда-то.

13 октября 1910

256. ИЗ ГЛУБИНЫ

Жаворонки ль осенью
Поют?
Ранние ль рабочие
Идут?

Иль напрасно мы живем
В надежде?
Иль всё только кажется,
Как прежде?

Яснее взгляни:
Идут они!

18 октября 1910

257. ПРОСТОРНАЯ РОДИНА

От кровного, близкого мы ушли
Медленно, тихо, безвольно, покорно,
Как мертвые водоросли уплывают;
Больше не в силах они ухватиться
Вялыми щупальцами своими
Ни за кусты, ни за острую гальку,
Ни за песок побережья родного, —
Они по теченью плывут.

Так нас от русла родного уносит,
Нет у нас, нет у нас больше отчизны,
Что ж нам еще остается?
В путь мы идем и пристанища ищем,
Ищем, где корни пустить и работать,
Но это не родина наша.
Больше ее мы нигде не находим,
Пусть совершеннее было бы где-то,
Ярче светила, земля зеленее,
Люди спокойнее и человечней, —
Это не родина, нет.

И никакой нам другой не хватит, —
Но горе, если бы нам хватило
Родины новой, чужой!

И дважды горе, если бы нынче
Мы старой отчизной были б довольны,
Той самой, прежней, своей.
Клочок земли, освещенный солнцем,
Отнят у нас,
Но вместо него мы
Мир, весь мир отберем, отнимем —
Весь, целиком, до конца.

Наша отчизна должна быть просторной —
Слишком узка наша родина стала:
Мысли необщей там не вместиться,
Чувству большому раскинуться негде,
Всюду ограды давят дыханье,
Сердца бы треснули и раскололись,
Когда б хоть одну вместить захотели
Мысль, набухающую, как почка.
Ах, родина, как ты узка!

Вместо отчизны отнятой, старой,
Мы выстроим новую — лучше, красивей,
Больше всех стран и отчизн.
Мы ее выстроим из величья —
В рост человечеству, в рост его духу,
Из высоты, глубины и охвата —
В рост человечеству, в рост его чувствам,
Мы ее выстроим из братства,
Из всех языков и из всех народов,
Видов, пород, категорий и классов,
Свободными мускулами и умами,
Общим и слитным трудом.

Только изгнанники, только изгой,
Выбитые из привычных рамок,
Те, у кого отечества нету, —
Они лишь способны подняться над миром:
Только разбросанные могут сеять
В борозды жизни идеи большие;
В мыслях и в муках изгнанники духа
Будущее постигают, с которым
Слиться потомкам будет дано.

Только в изгнанье, вразброс, прорастают
Мысли о родине, большей и лучшей,

Новой — которой дано появиться
От златотканого воображенья,
От синих мечтаний, надежд зеленых,
От красной, бунтующей влаги сердца
И от прозрачных, белых рыданий. . .
После глубоких и черных стенаний
Вскинулся радужный пояс неба,
Мир обвязавший, объединивший
Счастьем одним.

26 октября 1910

258. РЫБАРИ

Над родиной, над отчим краем,
Всё чаще шелк сетей кидаем,
И сетью мыслей обвиты
Ее и тайны, и мечты.
Всё заключаем в сердце так,
Как свой улов в сетях — рыбак.

28 октября 1910

259. ПЕРЕКЛИЧКА

С хмурого севера,
С юга блаженного,
Из Азии — отечества
Племен, народов, человечества,
Из крестоносно-панцирной Европы,
Из юной Африки,
Из-за безбрежья океана —
Клич в громах гроз и урагана:

«Братья, братья,
Ближний, дальний — без изъятья!»
Зов: «Братья, вы на страже?»
Зов: «Братья, отвечайте!»

Отовсюду гневный клич несется,
В целом мире эхом отдается,
Несется из дали такой,

Что месяцы, годы пройдут над землей,
Пока донесется сюда.
Несется сквозь землю, гранит и года, —
Слышишь, кричат камни, земля, вода:
«Мы с вами, братья!»

И есть голоса,
Что слабы, как вздох или шепот,
И есть голоса —
Сокрушительен грозный их ропот.
И те, кто на молчанье были обречены,
И те, что были тише тишины, —
Как корни, вросшие в скалу,
Окрепли и могущественны стали.

Клич: «Братья, мы бодрствуем с вами —
В даях, в недрах, в глубинах!»
Клич: «Братья, мы вашему зову внимаем,
Вам братский привет посылаем!»
Как будто ветров перекличка,
Друг друга слышим ближе и ближе,
Родину слышим, вселенную слышим!

«Братья, вы на страже?»
Мы на страже, на страже!
Мы внимаем, братья, мы слышим!
Мы внимаем, братья, мы видим!
Мы на страже!

17 июня, 28 октября 1910

260. ЖИЗНЬ В ПЕРЕПЛАВКУ

Что ж мы уселись
И руки сложили,
Потерянно бродим
Вокруг да около,
Только вздыхая
Да причитая?

А там, за рекою,
Равнина дымится
И воздух наполнен

Клубами пара:
Копотью дышит
Машина грядущего,
Печи громадные
Жаром пышут,
В котлах громадных
Жизнь в переплавке.
Искры, снежинки —
В одно там смешались.

Пламя и влага
Живут борьбою —
Той самой борьбой,
От которой в сторонке
Сидим и вздыхаем.
А там вихри бушуют,
А там пламя взлетает,
Там та же любовь
И ненависть та же.

А ну-ка, всмотритесь
Сквозь дымные клубы:
Там ваши же братья,
Такие же люди,
Стоят в самом пекле
И кличут к себе.

Что ж мы уселись
И руки сложили,
Потерянно бродим
Вокруг да около?
А чем же мы хуже!
Поднимемся дружно!
И встанем все вместе
В гуще огня!

Такое же пламя
И мы раздуем,
Чтоб старую жизнь
В переделку пустить.
Где бы мы ни были —
Вместе ли, порознь ли,
Живем ли на Западе
Иль на Востоке,

На Юге, на Севере, —
Не всё ли равно:
Добьемся того,
Чтобы жизнь забурлила!

Юг и Север,
Восток и Запад
Слиться заставим,
Бурлить в переплавке.
Пара столбы
Пусть к небу взмывают,
Вершинами
Клубы туч задевая
И нависая
Кроной густою.
Пусть в этой тени
Старый мир скрывается,
Пусть новый мир
Сквозь нее прозревается.

Март 1905 — октябрь 1910

261. ВСЕ И ОДИН

А одинок ли я из-за того,
Что в одиночестве пребываю,
Что оторвали меня от отчизны?
И только поэтому должен грустить я,
Предаваться отчаянью?

Ведь только плоть мою оторвали, —
Так сорванный лист устремляется вдаль,
Песок его хлещет, и воды полощут,
И гонит его невесть куда.
Но плоть — ведь это еще не я.
Это одно мое одеянье, —
Пусть ветры гонят и треплют одежду,
Я становлюсь лишь бодрее, свежее.

Одни лишь глупцы полагают, что можно,
Сорвав одеянье, покончить с владельцем.
Так что ж мне грустить, что я одинок?

А самая суть моя — это мой дух, —
Она остается неприкосновенна, —
Глянь, среди туч, застилающих небо,
Гонимых в осенней ночи вереницей,
Спокойно и гордо месяц сияет
И твердо свершает обычный путь —
Один, но со звездами — сразу со всеми.
Так что ж, одинок ли он?

Вот оно — сонмище сил необъятных,
Что мир объемлет и наполняет,
Вот она — первооснова — единство,
Тысячелетия напряженного
И непрестаннейшего борения;
Вот оно — небо, где звезд мириады!
И я на земле в таком же скопленье.
Так что ж мне грустить, что я одинок?

И чувства мои — это общие чувства,
И думы мои — это общие думы,
И с общим ростом я вырастаю
И — как бы я ни был хил — расцветаю,
И пусть я один, одинок, но всё же
Единый поток меня увлекает
Вместе со всеми.

И пусть всё рухнет на одиночку:
Мысль и терпенье всё превозмогут;
Пусть почву вырвать грозят из-под ног —
Народ уничтожить, с которым ты рос:
Не отвратить воскресенья из мертвых;
Пусть скрытно поток подо льдом струится,
Время настанет — он вырвется к свету;
А время это — не за горами, —
Так что ж мне грустить, что я одинок?

Исчез одиночка — поток остался,
А тот одиночка в нем растворился,
И стал поток еще полноводней;
Один живет в массе, а масса — в одном,
И дух мой, с массой слиясь воедино,
Творит.

Один — но в единстве со всеми.
Так что ж мне грустить, что я одинок?
1907, 1908, 1910

262. ДОЛГОЖДАННОЕ ПИСЬМО

Как долго ждал я этого письма —
И вот оно.
Листы листаю, жар тревожный в пальцах,
В глазах темно, я букв не вижу.
Боюсь: от раскаленных рук моих
Как бы бумага не испецилилась.

Письмо сжимают пальцы — в них пылает
Сердечный жар.
Бумага холодна, как ледяная.
А если и слова там — ледяные?
И буквоиглы, ледяные, — в душу?
Мне страшно, страшно — пальцы леденеют.

18 октября 1911

263. СОРВУСЬ НЕЧАЯННО

Под солнцем я повис на сотнях нитей —
Но, ах, как тонки нити бытия!
А я тяжел от болей, дум, открытий.
И с этих нитей
Нечаянно сорвусь однажды я.

6 ноября 1911

264. ВЕЛИКИЙ МАЙ

Торчит труба над корпусом фабричным.
Ее пятой придавлены, свой пот
Мы превращаем в жемчуг для господ —
И черным дымом пышет зев кирпичный.

«Дым больше не идет!»
— «А что там в небе красное такое?
Не пламя ль развевается над ней?
Эй, поспешим на помощь ей!»
— «Спешить не стоит,
Пускай сегодня обсыхает пот.

Нет, то не пламя —
Свободы знамя,
Сама труба — гигант угрюмый, дикий —
Скликает вас на Первомай великий!»

*

«Ах, каждый год мы этот май справляем,
А где плоды, что нам приносит труд?
Нет смысла ждать, что сосны зацветут, —
Зачем в открытый бой мы не вступаем?»

«Растратить силы? Нет!
Пусть назреет ненависть настолько,
Чтоб неизбежно в битве победить.
Единство надобно растить! . . .»
— «Растить. . . и только?»
— «Растить. И вырастет на соснах цвет!

Смотри, над нами
Алеет знамя,
То в небе грустных сосен цвет пылает, —
Великий Май нас к битве призывает!»

*

Как на войну, идут, идут колонны.
«Чивик! Чивик!» — в гнезде кричит птенец.
Ряды, ряды — да где же им конец?
Парят, парят над толпами знамена.

«Единство — видишь? Вот!»
— «А нам, отсталым, путь кто обозначит?»
— «А вон с передних не сводите взгляд:
В единстве братья победят!»
— «Так стачка, значит?»
— «Да, прямо к цели этот путь ведет:

Одно над нами
Алеет знамя,
То наших братьев строй тысячелик
В бой за свободу поднял Май великий».

Умолкнет сердце мира, и дыханье
Замрет, коль кровь остановилась в нем.
А если вдруг вскипит она огнем?
Пылать, взрываться будет мирозданье!

«Мы — чувство, сила, страсть.
Врага удар внезапный уничтожит.
Один порыв — и рушится стена!»
— «Что, схватка? Скоро ли она?»
— «Сейчас, быть может.
В бою стремительном враг должен пасть!»

Свободы знамя
Горит над нами,
На поле боя — буря, грохот, крики.
Придет однажды Май иной, великий, —
В цветах, победы Май великий!»

4—14 марта 1912

265. ЗМЕИНЫЕ ЯГОДЫ

О, горечь слез в молчанье одиноком!
Есть ягоды такие на болоте:
Шипами жалят, брызжут горьким соком.

От плачущих вы взоры отведете:
Несчастный на чужбине не в в почете.

Не облегчить души тех слез потоком.

25 апреля 1912

266. ВРЕМЯ!

Время, мы слышим твой зов, —
Пар нам служить готов!
Пущена в ход, исправна, проворна,
Воле рабочих машина покорна.

Стук шатунов, колес —
Всё в один гул слилось.
Эй, великан железный, работай!

Время, понятен твой зов, —
Пар нам служить готов.
Все — по местам, чтоб умело и смело
Взяться с упорством за общее дело,
Выдержит дружная рать,
Сможет, где надо, нажать.
Эй, друг железный, на волю работай!

Время, нас будит твой зов, —
Пар нам служить готов.
Вялых и сонных толкайте, будите,
Слуг же хозяйских — в три шеи гоните!
Пламя сверкает сквозь пар.
Крепче готовьте удар!
Эй, великан железный, работай!

Время, отраден твой зов, —
Пар нам служить готов.
Гневом пылают усталые лица.
Алое зарево пусть разгорится!
В битвах за вольный труд
Стены насилья падут.
Эй, великан железный, работай!

24 июня 1912

267. ЖАЖДА

Томимый жаждой неизбывной, жгучей,
Всё пью и пью, а жажда душу мучит —
Моя душа не знает утоленья
Быстротекущей жизни красотой.

Цветы и травы пахнут нестерпимо,
Луч солнечный в златом песке играет,
И ветер, теплою рекой омытый,
Несет прохладу в космах синих, влажных.

Счастливым, я дышу легко и вольно.
Мой взор скользит по серебристой дымке
Вдоль снежных гор, ввысь, к светлым небесам,
И улаживает сердце красотой.

В полуденной тени я сон вкушаю.
Здесь свежестью сияют олеандры,
Звенят цикады средь нарциссов желтых,
Колючки кактусов стоят на страже.

Ко мне на ложе сыплются цветы.
И, как пчела копит во чреве мед,
Копи, душа, в себе щедроты мира,
Величье обретай, чтоб всё объять.

Томимый жаждой неизбывной, жгучей,
Всё пью и пью, а жажда душу мучит.
Моя душа не знает утоленья
Быстротекущей жизни красотой.

2 августа 1909, 31 июля 1912

268. ДОЛГИЕ ГОДЫ

Зачем тебе, ворон, жить сто лет —
Сто и больше, —
Вечно унылый свой крик издавать,
Разыскивать падаль?

Зачем тебе, дерево, многие годы —
Сто и больше?
Стоишь ты на месте, а человек
Движет леса и горы.

Зачем тебе, камень, долгие годы —
Тысяча и больше?
Сам ты кладешься в дом человека
И в вечном склепе его хоронишь.

Зачем же вам, три царства природы,
Тысяча лет и больше?

Вас подчинил себе человек,
Ему вы подвластны.

Не вам, трем царствам, долгие годы —
Сто и больше, —
Нам нужны они, чтоб создавать
Новые формы жизни!

17 июля 1912

269. ЦЕЛИ СУЩЕСТВА

Разрастись душой — дай разбег побегам,
Дали одолев — охвати пространство,
Крохи не роняй — коль собой стремишься
Мир объединить.

Торжество души — стать просторней мира.
Мира торжество — стать души мудрее.
Возжелала мысль — напряженьем духа
Мир обременить.

3 июля 1909, 13 августа 1912

270. ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

Ночью ветры не молчали,
Завывали тяжело,
И тяжелою печалью
К вечности меня влекло.

Дождь до самого рассвета
Лил, и чудилось в дожде:
Не моя ли лайма это
Всхлипывает в темноте?

Не ко мне ли лайма тоже
Прибрела — меня простить?
Или, может, стала тоньше
Пряжа дней моих прядисть?

— Лайма, что тебе не спится?
Что ты плачешь средь двора?

— Ах, веду я смерть-сестрицу,
Даст покой тебе сестра.

Ночью ветры не молчали,
Завывали тяжело,
И тяжелою печалью
В глубь земли меня влекло.

— Лайма, нет покоя в смерти,
Далеко мой путь ведет —
Дальше смерти, ночи, ветра,
Дальше солнца, что зайдет.

1904—4 августа 1908—14 августа 1912

271. ЛЕНИВЫЙ УЧЕНИК

Как сладко под греющим солнцем
Вкушать свежесорванный плод,
Плечом грузный воз подпирая,
Почувствовать рвение сердца
И жадно отметить: живу.

Лишь так, неизменно и вечно,
Есть, двигаться, чувствовать, быть,
Беспечно, как травка и камень,
Как принято всеми и всюду.
«А вдруг да не быть?»

— «Что за бред!

Как можно не быть совершенно?
Хоть крошку да съесть, каплю выпить».
— «Нет». — «Значит, уснуть, сознавая,
Что спишь? Ощущать умиранье?»
— «Нет». — «Значит, исчезнуть? Совсем?»

Остаться лишь памятью, словом?
И даже не вздохом тишайшим?
Не облачком легкого дыма?
За что? За какую провинность?
Внезапный прыжок — и конец?»

«Нет. Лишь изменение жизни.
Но ты изменений не хочешь,

Ты к временной плоти привык.
А вечным ты быть не учился
И вот — умирать не умеешь,
Ленивец!»

18 февраля 1910, 15 августа 1912

272. ДВЕ ЖИЗНИ СУЩЕСТВА

Сперва живешь ты в плену причинностей,
Потом в жизнь следствий взмываешь искрою
С костра, что сам разжигал когда-то.
Смерть между ними, как плотный полог,

Влекись всей сутью — познать высокое,
Умом, рукою — вздымай приниженное,
И жизнь вторая не малой искрою —
Звездою вечной взойдет над миром.

15 августа 1912

273. ВСЁ ПРИТУПИЛОСЬ

Боль тихая — моя последняя,
Потом исчезнут все, что были.
В глаза той боли гляжу — не слепну я,
Но и уйти от нее не в силе.

Последнее во мне горение,
Стон голубя, когда ослабли крылья,
Недвижность дна в морском волнении.

Земное счастье греет всё слабее,
И притупились бывшие тернии,
И стынет вечер, сонно голубея.

24 сентября 1909, 16 августа 1912

Опомнюсь ото сна или работы,
 И вспыхнет боль, как из глубокой язвы,
 Как будто руку мне грызут оковы,
 И слышится мне зов из тех пределов,
 Где пламя вечное пылает вечно.

Себя я вопрошаю: кто я? где я?
 В чем боли смысл, чего желает зов?
 Зов побуждает выходить на поиск,
 Познать себя — частицу мироздания.
 И я ныряю в семигранный мир.

Вот он в движенье — в нем я исчезаю,
 Вот, схвачен мною, — сам он исчезает,
 Вот я в покое — он в слепом паденье.
 И всё меняется, стеная, с болью.
 А если сущность — это только боль?

И, значит, язвы беречь я буду,
 Пока не гаснет взор, уста не молкнут?
 Нет, боль не сущность. Нет и зла, по сути.
 Нет смерти! — есть приход, уход и ужас
 Пред одиночества лиловым ликом.

Смерть, боль и зло, круговращенье мира —
 Лишь вихри над котлом вселенской бури.
 Но вот что было, есть и будет вечно —
 Душа, что жаждет влечься за пределы,
 И запредельный зов, влекущий душу.

Две сущности великие — едины:
 Растет душа, вмещающая мир загробный,
 Растет и он, душой к живым приближен.
 И в нас, пока они нерасторжимы,
 Жить вере, что конец чреват началом.

22 августа 1912

Лечу, лечу. . .
 Там, позади, багровых рос сплетенье
 И горестные всхлипы кокле ветра, —
 Лечу я прочь!

Лечу в веселый шум земных лесов,
 Оранжевы сплетенья листопадов, —
 Лечу сквозь них.

Над вешним лугом — соловьиный зов
 В сплетенье, желтом от цветов и солнца, —
 Лечу вверх.

А трубы кличут в бой! Дубовых листьев
 Зеленые сплетения — в дыму!
 Лечу туда!

Грустя, воркует горлинка мне вслед,
 В сплетеньях терний голубеет море, —
 Лечу вокруг.

Скребется время страшным короедом,
 И в синей яме ждут сплетенья змей, —
 Лечу навстречу.

Там не конец, не мыслю о конце.
 К сплетеньям фиолетовых созвездий
 За горы тишины лечу, лечу. . .

22 августа 1912

276. ВАШИ ОЧИ

Файхилле

Ваши очи — это искры
 От пожара ледяного, —
 Ах, как видятся в них ясно
 Солнце, и луна, и звезды,
 Файхилла.

Ваши очи — это капли
Той воды живой, из сказки, —
Ах, как видятся в них ясно
Росы, и ручьи, и море,
Файхилла.

А душа — лишь вздох горячий,
Порожденный сладкой страстью, —
Ах, как чудно им объаты
Солнца, луны, я в придачу,
Файхилла.

31 марта — 10 сентября 1912

277. КЛАСС ОСНОВНОЙ, ТЕБЕ!

Класс основной, тебе,
Кто будет жить, расти, осуществлять, творить,
Пока в сердцах людей всем ранам не зажить;

Класс основной, тебе,
Кто, над самим собой поднявшись, победит —
В единстве — классы те, кем род людской разбит;

Класс основной, тебе
Служить бойцом — где честь найдется выше? Твой
К всечеловечеству и солнцу путь прямой!

28 сентября 1912

278. ВСЕСИЛЬНЫЙ

Снова он стоит за спинкой стула.
Он могуч и призрачно-громаден,
Жжет плечо мне взор его грозящий.
В сюртуке из черного тумана,
Рядом он. . . Протягивает руку —
Вижу пальцы, скрюченные хищно;
Замирает сердце — быть несчастью.

Он меня накрыл своей тяжелой,
В бесконечность вытянутой тенью,

Зачеркнувшей серый луч рассветный!
Эта тень копьем неимоверным
Тянется к звезде одной далекой —
К огоньку моей грядущей жизни. . .
Из груди, тревожась, рвется сердце.

Близок он, вот-вот плеча коснется,
Сердце прочь бежит в смертельном страхе!
Он мои движенья повторяет,
Он в мои следы ступает точно.
Прожит час. . . Спешу с надеждой в новый:
Вдруг отстанет? Нет, не тут-то было!

Сердце ноет. Тщетны все уловки!
Черной сети множатся ячейки,
Время в них трепещет пленной рыбой.
Душу он осенней паутиной,
Как личинку бабочки, опутал,
Он силки из слов моих расставил,
Труд привычный превратил в ловушку
И меня моей же песней манит,
Как петлей, моей же душит мыслью —
Прозябай в покорности и страхе!
Раскопал он ржавую решетку —
Где, в каком нашел ее чулане? —
И теперь мое живое сердце
Леденит железом прутьев мерзких. . .

Но — рабом вовеки я не стану!
Мне чужого разума не надо!
Я в своих порывах буду волен,
Сны и мысли будут мне покорны!

Кто же ты, связать меня решивший?

Поле боя ждет нас, безымянный!
Взгляд твой грозный встречу я без страха —
Знай, душа моя не содрогнется.
Ты ползешь за мною скользкой тенью,
Ты привык подкрадываться тихо,
Но на этот раз ты просчитался —
Я не дам скрутить себя украдкой!

Обернувшись, вижу клубы пара,
Горячо чернеет в небе туча:

Град в горсти, за пазухой — грозища,
В сердце — тайны пламя ледяное. . .
Как поймать тебя, неуловимый?
Как с тобой схватиться, бестелесный?
Где набраться несказанной мощи —
С места груз бревноподобный стронуть?!
Страх, пройди! Ровней забейся, сердце!

Снова он! Корнями в землю впившись,
Неподвижно, тупо восседает:
Навалил себе под спину мусор,
Под ноги себе швырнул он детство,
Отрочества светлые дерзання.
Он молву людскую презирает —
Затянул узлом ее на брюхе,
Набухает, ширится, клубится:
Синий дым от хвороста и листьев
Над костром змеится и густеет
И ползет и тянется за мною. . .

Ест глаза, клубится дым белесый,
В нем — далекой юности виденья,
Голосов давно забытых звуки. . .
Что-то вдруг в густых блистает клубах —
Искры разноцветные, живые!
Детский взгляд? Зеленый блик надежды?
Или — счастья алое горенье?

Не дрожи, ровнее бейся, сердце,
Вихри искр взметнулись раскаленных!
Великана дымного осилим —
Дым боится пламени живого!
Трепещи, всеильный, грозный призрак, —
Это мой огонь в ночи пылает,
Проглотить его не так-то просто!
Знай, всеильный: хитрость выше силы, —
Дней моих грядущих ты хозяин,
Но войдешь ты в них лишь вслед за мною!
Я своим дыханьем их наполню,
Время ветром в грудь мою ворвется,
Заалет в огненном горниле!

А потом, когда остынет время,
Жри его, обгладывай минуты,
От меня твоя зависит сытость;

На лету хватая дней объедки,
Тучный змей, сосущий змей всемирный,
Помни: я судья твой и создатель!
Пусть в груди не гаснет искра сердца!

Прошрое, увы, невозвратимо,
Но оно — залог всего, что будет.
Как себя, держу я на ладони
Этот день, что кончится сегодня:
Потому наступит в мире «завтра»,
Что «сегодня» — днем вчерашним станет.
Я себя создам, как пожелаю,
Окружение выберу по духу,
Я всему определю причины,
Я заставлю будущее время
Стать прошедшим, быть судьбы порогом!

Но меня, всеильный, ты не бойся:
Я берусь твою умножить силу,
Лишь прошу тебя — из мрака выйди
И дыши не ужасом, а светом,
Будь живым — живей от мига к мигу!
Прошрое в руке зажато левой;
В правой — то, что прошлым станет позже...
Будь един, бездушный, безымянный —
Нареку тебя и вдуну душу!

В спешке ритм утрачивает сердце.
Грозы, солнце, ширь земли и неба —
Вся природа, в грохоте и стоне,
Пусть моим шести послужит чувствам:
Пусть стократно укрепит мне душу,
Пусть в глаза поселит блески молний,
Даст дышать огнем и жарким паром,
Пустит мысль в глубины мирозданья,
Пусть сожмет — и развернет пространство
И зеркало времени омоет!

Без меня — бессилен ты, всеильный!

1902—1912

279. КОНЕЦ И НАЧАЛО

Как мало пространства
Наш глаз объемлет!
Им зримое небо
Нас тяготит.

За кругозором
Земного мира,
Подвешены в выси,
Звезды горят.

С гулом стремительным
Нас всех уносит
Предвечное время
В светлую даль.

Но даль сияет,
Не приближаясь,
И ночь неотступно
Идет по пятам.

*

Катятся, хмураясь, текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

Здесь тьма пучины —
Там бездна света,
Конца ей не видят
Наши глаза.

И небо подьемлет,
И даль раздвигает
Средь звезд и созвездий
Мыслью наш дух.

Мечтаний сладость,
Порывов буйство
Пылающим светом
Нам душу жгут.

И мысль взлетает
К ограде звездной
И бесконечность
Видит вокруг.

*

В далях небесных текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

Наш дух проникает
В строенье вселенной,
Где множество жизней,
Рождений, смертей,

Где хаос смешений
Становится формой,
Материя — духом,
Борением — жизнь.

Но мысль не охватит:
Ни в части, ни в целом
Безмерной вечности
Нет конца.

*

Частицы вселенной текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

За гранью мира
Пространства чуем,
Страшит нас зиянье
Их пустоты.

Она недоступна
Зрению и слуху,
Она непостижна,
Но всё ж растет.

Растет там чудо,
Кричит тревога:
Начать путь снова,
Дойдя до конца!

Эфир увлажнен,
И крылья никнут,
И невесомость
Гнетет свинцом.

Темным покровом
Веки ложатся,
Как ослепленный,
Гаснет глаз.

*

Среди пустоты мировой неустанно
Кипят, вздуваясь, пары и туманы,

*

Наш дух вернется,
Вобрав в себя вечность,
В русло обратно
Река войдет.

И мозг от боли
Глухо замкнется,
Мыслей приливы
Схлынут назад.

Душа, как рыба,
Воздух глотает.
Отчаянье разум
Гасит тьмой.

*

Среди полноты мировой неустанно
Кипят, вздымаясь, пары и туманы,

*

И вновь пространство
Кругом замкнется,
И зримое небо
Нас тяготит.

И взор наш видит
Светлый полдень,
И мечет искры,
Как сабля, дух.

Но в зрячем взгляде
Нет отражений,
Наш дух мерцает,
Но тайна спит.

При свете ярком
Она не видит,
Лежит в ладони,
Не в силах взять.

*

В туманностях млечных текут
неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

Дух, не взывай же:
«А где конец?»
Дай силам отдых,
Порывам ширь!

Очисти зреньё,
Очисти слух свой,
Чтоб бесконечность
Вобрать в себя.

Взяв в клетки мозга
Все силы жизни,
Мыслью и волей
Твори себя, —

Чтоб стал началом
Конец, чтоб тайна
Проснулась, видя,
Как тает ночь.

*

В вечных началах текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

1904—1912

280. СТРАННИК

..Мальчик, родившись,
принес счастье родителям, а когда
вырос — друзьям.
..Вдали ты близок, вблизи
далек. . .

(Из писем подруги и друга)

Если мне в моих скитаньях
Кто-нибудь любовь подарит,
Я ее подальше, в сердце,
Как в тайник глубокий, спрячу,
Чтоб она не затерялась.
Ну а если от страданий
Разобьется мое сердце,
Всё равно любви не выпасть —
С сердцем так она срослась.

В тайнике моем хранится
Каждая людская ласка,
Что моей щеки касалась
И моих волос касалась.
И приветные улыбки,
И участие, и тревоги
Были мне в скитаньях тяжких
По житейской по пустыне
Как глоток воды студеной.

Я в тайник глубокий прячу
Каждый взор, что мне дарили,

Мне, чужому, не родному.
О! Есть место в тайнике том
Для любви стыдливой, робкой.
Мне ее дарили губы
Женщин с нежною душою.

И всего не перечислить,
Что хранится в моем сердце.
Только ноша мне не в тягость:
С полным сердцем жить светлее.
И чем дольше я скитаюсь,
Тем любви встречаю больше,
Бескорыстной и неожиданной.

Незнаком с людьми я теми,
Кто дарит свое участие, —
Их дыханье ощущаю.
Сотни слабых и несчастных
Мне протягивали руку
И в беде опорой были.
И глотком воды последним
Бедняки со мной делились.
А калеки руку жали,
Нищие же отдавали
Золотое свое сердце.

За мои любовь и ласку
Мне сторицей воздавали.
Даже те не обходили,
Что меня чужим считали,
Те, кому помочь не мог я,
Потому что сам, бессильный,
Ждал, когда осилит злобу
Щедрая любовь людская.

Всё, что накопил, скитаясь,
Не возьму с собою, люди.
Вам оставлю вместе с сердцем
В час, когда оно умолкнет.

Вы тогда его откройте,
Извлеките все богатства,
Что срослись с ним воедино.
И любовь и сердце — ваши,

Вам они принадлежат.
Сохранил любовь для тех я,
Кто не ведал ласки солнца,
Кто любви совсем не знал.
О! Что скрыто там, за далью,
В тех краях, куда отправлюсь,
За порогом тем великим,
Где не бьется больше сердце? ..
Сброшу власть всего земного,
Ради вас туда отправлюсь...
Вашей я живу любовью,
Только ею сердце бьется,
Ею страх одолевая,
Возвращусь домой обратно
Одарять вас новым счастьем.

1908, 1912

Изведал боль до самого конца я —
Не там предел ей, где она возносит
Тебя над всем, веля тебе раздать
Хранимое в душе — живущим в мире.

Чем глубже боль таится, тем сильней
Она грызет (ей в глубине удобней):
За самого себя, за то, что мал
И нечем ущемленный дух возвысить.

Я боль вкусил до самой той черты,
Где человек становится ничтожным,
И знаю — боль сама не так страшна,
Как нестерпимо унижение болью,
И я себе подушек не ищу,
Я жажду возвышенья, а оно
Уже за человеческим пределом:
Не там, где человек томится, гибнет,
А там, где вновь рождается, вставая
Над низостью и над любой болью.
Себя преобразить хочу, умножить,
Увидеть больше, взор свой устремляя
От вымыслов — к просторам запредельным.

9 января 1913

282. МАЙСКИЙ МАНИФЕСТ

Всем трудящимся

Мы — общества основа, класс великий,
Мы — пролетариат,
Что должен стать грядущего владыкой, —

Не милостью святого провиденья,
А пламенной борьбою и сплоченьем,
Что чудеса творят, —
Мы оглашаем манифест сегодня,
Повсюду пусть летит призыв свободный:
«Встань, пролетариат!»

На бой мы поднимаем миллионы,
Мы — пролетариат,
И там, где слышны были только стоны,
Свободу угнетенным возвещаем,
Своей рукой разрушить призываем
Капитализма ад.
А манифест, что в феврале «дарован», —
Его отвергнет с гордостью суровой
Весь пролетариат.

Из ножен вынут меч, готовы к бою
Мы — пролетариат.
Струится слово силою живую,
Сердца пылают, пламенеют очи.
Кто силы влил в единый строй рабочий —
Сильнее стал стократ!
Возглашено в великом манифесте:
Объединить, сплотить народы вместе.
Встал пролетариат!

Мы любим братьев, гнет нам ненавистен,
Мы — пролетариат.
Война войне! Вот высшая из истин!
В великой битве ради лучшей доли
Мы солидарны. Близко ль, далеко ли —
Поможет брату брат.
Пусть громом прогремит воззвание наше.
Чтоб мира клич самой войне был страшен,
Встал пролетариат.

Могучи мы, победа будет с нами!
Мы — пролетариат.
В груди колосса — яростное пламя.
Его ли потушить кровавым током?
Свободы гимн! Из недр тюрьмы жестокой
Его слова звучат,
В одном порыве всех соединяя,

С надеждою великой повторяет
Их пролетариат.

Волнуется, как океан огромный,
Весь пролетариат.
Уже слышны вдали раскаты грома.
Кто с бурей поспорит огневою?
На смерть пойдут безвестные герои —
Их подвиг свят!
Свободы реет манифест над нами.
Всё выше красное взвивает знамя,
Чтоб ярче в душах разгорелось пламя,
Сам пролетариат!

23—27 марта 1913

283. УХОД ОГНЕННОЙ ДУШИ

Памяти Бебеля

Заметная, в гробу под сенью пальмы,
Седая голова, — и мы идем
Уже три дня бесчисленными рядами.
Весть землю обошла молниеносно:
Свет огненной души погас для мира;
Сердца людей объаты страхом, болью.
Все высказать любовь спешат, увидеть
Его лицо, спокойную улыбку. . .

Цветы — сто тысяч — алых и пунцовых,
Краса садов и луговая свежесть,
Болотный вереск, краски горных ягод,
Печать огня — гвоздики, розы, астры
И лилии, герани, орхидеи —
От жалостливой боли задохнулись,
Дух сладкий источают, тяжело пахнут,
И сладкая на грудь ложится тяжесть.

Сто тысяч их — скорбят сердца немые:
«Ваш голос — выраженье нашей боли,
Плывущей, как туман неуловимый. . .
Вы облекли туман в лучи надежды!»

И раздаётся плач о том, кто славил
Полсотни лет подряд в борьбе и горе
Приход всечеловеческого счастья,
Что воцарится с будущей свободой!

И знаем мы: он был неповторимым —
Слова его — огонь, железен разум,
Красивы руки, сердце — золотое;
Какой вожак, какой боец бесстрашный,
А доброта какая в этом сердце!
Любил он человечество, но больше
Любил он нас, рабочих. Был он наш!
Он чуял боль, как женщины, как дети. . .

И тот, кому судьба послала счастье
Взор огненный встречать, сперва со страхом
Смотрел в него и, наконец, восторгом
Сам загорался, излучал свечение. . .
Нам больно ныне видеть луч померкший —
Как те цветы с венков, что, задыхаясь,
По лугу скорби стелются. . . Над ними
Пчела жужжит — но в страхе отлетает. . .

Там люди в черном гроб несут. . . А рядом
На легких крыльях бабочка порхает,
Летит, дрожит. . . А вот другая: медля,
Как будто приглашая, ожидая,
Уйти с земли нас призывает скорбной
В небытие, к блаженному покою. . .
Тут вдруг встает из огненного дома
Сияющий столп дыма: это он!
Вот огненной души привет последний. . .

С тех пор как он ушел, так пусто в мире!
И нелегко нам с кладбища вернуться
К обыденным приметам, говорящим:
«Как дым высок! Как бабочка порхает!
Как всё цветочным дышит ароматом!»
Но пламя глаз сквозь черный дым искрится:
«Пред тем как в жаркой битве станешь пеплом —
Ты счастье в ясном обретешь огне!»

19—20 августа 1913

Врага чужого мы одолеваем.
 Живет латыш, хоть знал столетий гнет.
 Мы верим в революцию, мы знаем:
 В ней наш рабочий счастье обретет.

Народ — не человек один, он вечен,
 Пока он жаждет жить, он не умрет —
 Пусть даже палачами искалечен.
 Одно лишь может погубить народ:
 Когда в нем воля к жизни пропадет.

20 июня 1917

285. ЖЕЛАННЫЙ МАЙ

Наш красный май,
 Приди в наш край!
 Привет! Скорей, любимый, —
 Чтоб встать с рабочими всех стран
 В единый строй могли мы!

Война по всей земле прошла,
 И сталь ревет и рвет тела,
 И стынет кровь, и гнев кипит,
 Повсюду стон и плач стоит,
 На братьев братья в бой идут,
 Друзья друзей не узнают,
 И лишь в народе трудовом
 Единства луч горит огнем.

Наш красный май,
 Приди в наш край!
 Дай смелость нам, любимый, —
 Чтоб вновь шагать вперед
 С народами могли мы!

Рабочих клич: войну долой,
 Буржуев в пекло головой!
 Все цепи, все оковы сбить!
 Все тюрьмы, все остроги срыть!
 Не произволу управлять —

Всё должен сам народ решать!
Ведь только трудовой народ
Желает мира, солнца ждет.

Наш красный май,
Приди в наш край!
Дай силу нам, любимый, —
Чтоб вновь для мира стать
Опорою могли мы!

Пусть будет день рабочий дан
Не сверх восьми часов труда!
Лишь хлеборобам землю дать!
И власть из хищных лап забрать!
На общий труд людей вести
И всем свободу, свет нести!
Прав только трудовой народ:
В социализме счастье ждет.

Наш красный май,
Приди в наш край!
Привет! Скорей, любимый, —
Чтоб встать с рабочими всех стран
В единый строй могли мы!

25 апреля 1920

286. ПРИВЕТСТВИЕ ДЕТЯМ СВЕТА

Извечно, без конца, владычит ночь.
Пусть мир велик — вокруг сгустилась ночь,
Дух мчится — натывается на ночь.
Ночь спит, молчит,
Но —
Но скрыт за бесконечностью огонь.
Но есть за неделимостью огонь.
Но есть за неподвижностью огонь,
Он —
Сверкая, мчит.

Из пустоты — наполненность растет,
Из смерти — жизнь, а из безмолвья — звук,
Из пламени — цветок, что бросит свет
Сквозь мрак слепой.
Ведь —
Ведь не сдается ночь и душит свет,
Ведь меркнет день, и сердце — вместе с ним,
Ведь лишь огонь, сражая ночь, ведет
И —
Зовет вас в бой!

Борьбе огня и ночи нет конца:
Огонь, и жизнь, и дух — всегда растут,
Ночь спит, молчит,
Лишь —
Лишь — острых сил полны — огонь и дух
Способны одолеть небытие;
Так пусть вас дух, сражая ночь, ведет,
Он —
Сверкая, мчит,

Свободы дети, духа сыновья,
Вслед за огнем шагайте на борьбу,
Чтоб в дерзости победной ночь сразить
И мрак слепой!
Ведь —
Ведь жизни ночь по-прежнему грозит,
Вам стражами в духовных битвах быть, —
Пусть Спидола ваш озаряет путь
И —
Зовет вас в бой!

13 мая 1922

287. КАК СТОЛКОВАТЬСЯ НАМ?

Как столкнуться нам? Поймем ли мы друг друга,
Когда лишь своему вы времени верны?
Стремленье ваших душ не больше, чем способность
Цветка иль дерева тянуться ввысь.
Но волен аромат деревьев, и пушинки
Цветов летают, — корни лишь в земле.
А вы всем существом в границах дней своих,
Ну как же общий нам найти язык?

(1923)

288. ЛЮБОВЬ И БЛАГОРОДСТВО

Зачем любим ты был,
Зачем ты сам любил,
Коль чище, лучше стать
В себе не видел сил,
Да и того, кто мил,
Ничем не окрылил?

3—6 апреля 1923

289. ПО ПРИМЕРУ МАЯ

Люд угнетенный,
Ты с окрыленной,
Раскрепощенной
Мыслью сдружись!

Доколе муки
И рабский страх?
Нет, ваши судьбы —
В ваших руках!

В единстве — сила,
За волю — в бой!
Здание мира
Ты перестрой!

В отряд единый
Ряды смыкай —
Для всех примером
Да будет май!

Май гонит зиму,
Мороз и тьму, —
В борьбе, рабочий,
Следуй ему!

28 апреля 1924

290. О СЕБЕ

Хотите знать, каков я? Что со мною?
Я сердце обнажаю перед всеми —
Ваш слух стихами мучаю давно я,
Вам так знаком, как будто бы в родстве мы.

Черты? Портрет предложат по дешевке. . .
Фигура, облик? Стройный, бледнощекий,
Седой, голубоглазый, гибкий, ловкий,

С фигурой тонкой, сильной и высокой, —
Мне жить да жить до старости глубокой. . .

— Кто ж ты? — Пристал! Услышишь, будет
время!

1 ноября 1924

291. КУЗНЕЦ СВОЕГО СЧАСТЬЯ

Кузнецом таким, пожалуй,
Я бы стал, — но дайте молот,
Наковальню дайте, угли!
Или вам самим угодно
Послужить мне наковальней?

(1926)

292. ИЩУЩЕМУ

Не напрасно ль
Новую борьбу ты ищешь?
Разве кончена
Та, старая борьба?

Стой на прежнем
Боевом посту бесменно!
В новом облике
Всё тот же враг пред нами.

13 апреля 1926

293

В миг один родятся сотни мыслей,
В миг один вся жизнь твоя вместится;
Тысячи мгновений день содержит, —
И осознаёшь, как ты богат.

8 сентября 1926

294

О, как узок круг, доступный зренью!
Ухо — и того не достигает,
Запахи приносит нам лишь воздух,
Осязанье — лишь в прикосновенье,
Лишь во рту мы вкус воспринимаем.

Только слезы, боль и отвращенье
Нами ощущаются в избытке. . .
Много ль ограниченные чувства
Помогают разуму и духу
Новые, неведомые дали
Постигать? Невелика их помощь. . .
О, когда б иметь иные чувства!
Может быть, душа достигла б счастья!

6 мая 1927

295. НАША КУЛЬТУРА

Роскошь в еде и одежде,
Дома и шикарные виллы,
Золото, бархат, шелка —
В том ли культура страны?

Штык, пулемет и секира,
Порядок, подпертый насильем,
Гнет, и шпионство, и страх —
В том ли культура страны?

Низость, покорность, побои,
Доверие к правящей клике:
«Делай со мной, мол, что хочешь», —
В том ли культура страны?

Нет, для людей униженье —
Господская эта культура.
Освобожденный труд —
Нашей культуры творец.

22 мая 1927

296

Над землей простерлись дуги небосвода,
Пурпуром заката облака облиты,
И под ними море всей палитрой блещет.

254

Стянуто полнеба синевој густою,
Черные потеки тянутся из сини
И уходят в землю стройным рядом сосен.

С маяка тревожно огонек мерцает,
Над землей вечерней засияли звезды,
Краски растворились, шум дневной растаял,

Как понятна сердцу простота природы! . .
Как просты, огромны вы, дороги жизни!

1 октября 1927

297. СЛОВО ХУДОЖНИКА

Протест — вот шаг ваш самый благородный,

Не вы ли цвет латышского народа?
Не вы ль ему отдать себя готовы?
Не вы ль его учителя и слуги,
Глашатай его заветных дум?

Народу вы несете утешенье,
Вы — сеятели доброго в народе,
Жизнь ваша — в горе, в радости народа,
Вы — плач, и гнев, и песнь его души.

И кто ж вам запрещает жизнью этой
Отныне жить? Кто наложил запрет?

Корыстные, тупые кровопийцы,
Они, богатства ваши расхищая,
Всосались в тело нашего народа —
Грызут, кромсают, рвут его в куски. . .

А что для них народное искусство?
Они, дрожа, боясь лишиться власти,
Хотят теперь не только тело — душу
Латышского народа распродать!

Да будет гневен ваш протест высокий!
Прочь, негодяи, от души народной! . .
Простор искусству! Прочь с его пути!

16 апреля 1928

298. НЕМОЕ МОРЕ

Бреду в сугробах — должен я увидеть море,
Услышать снова гул его, всегда живого.
За мглой вечерней снеговой — ты где же, море?
С бедой своей иду к тебе за утешеньем,
Я слышал издали не раз твое дыханье,
Но вот у берега стою — а ты безмолвно!
Тут душат шелест волн снега — они повсюду,
Везде, куда ни брошу взгляд, они застыли,
Смертельно всё вокруг бело, где синь живая?
На голубых твоих глазах лежит пороша,
Твое лицо — под ледяной холодной маской. . .
Ты, беспокойное всегда, теперь спокойно.
Есть, знаю, сестры у тебя — моря теплее,
Они, не скованы ничем, в волненье вечном.
Жизнь белой сделалась моя — а ты безмолвно.
Куда теперь подамся я? Кому я нужен?

3 марта 1929

**<ИЗ «РОМАНА
В СТИХОТВОРЕНИЯХ»>**

ПЯТЬ ЧЕРНОВЫХ ТЕТРАДЕЙ ДАГДЫ

Все попавшие мне в руки тетради и письма Дагды, ранее выпущенные мною одна за другой отдельными книгами, теперь собраны воедино и издаются вместе с еще не опубликованной пятой тетрадью. Выход в свет пятой тетради был задержан до настоящего времени по указанию автора, сделанному в письме, к которому была приложена рукопись «Месяцовны».

Поскольку сам автор не дал целостного названия, я именую все издание просто «Пятью черновыми тетрадями Дагды». Но это название ясно очерчивает роман, о котором сам автор в своем последнем письме говорит как об истории собственной жизни.

За этими стихотворениями кроется весь жизненный путь Дагды: он, борец за свободу и родину, вынужден уйти в изгнание; его, опустошенного и брошенного на произвол судьбы, пленяет и привлекает своей красотой природа Италии и ее прекрасный радушный народ; любовь к Оливии заполняет его опустевшую душу, сокрушает одиночество и приобщает Дагду к жизни Европы; отображена цепь событий, определивших его дальнейшую участь; Оливия умирает, связь Дагды с жизнью слабеет, его отчаяние и спор с бытием прорываются в «Словах змей»; возвращение «домой» представляется Дагде единственным выходом. Пробуждаются воспоминания о первой ссылке на Север; одновременно Дагду мучат сомнения, есть ли у него где-нибудь дом. Все же он возвращается на родину, там его ждет радушная встреча в «серебристом свете»; он переживает год счастливых восторгов и встреч, но мало-помалу к нему приходит чувство и понимание того, что родиной избран не тот путь, который ему мнилось; что он превратился для своей страны в европейского, западноевропейского чужака. Он хочет уехать, но на некоторое время его удерживает встреча с «месяцовой», в которой он находит долгожданное воплощение снов своего детства; он надеется вновь срастись с родной землей, но надежда оказывается призрачной; тень Оливии зовет его назад в Европу, в простор человечества; он расстается с домом в ясном сознании, что уходит в смерть, чтобы возобновиться, обретя совершенно иную сущность.

Это издание дополнено несколькими рисунками Дагды, попавши-

ми в мои руки еще в Тичино, вместе с его первой тетрадью. Никаких изменений по собственному разумению я в рукопись не вносил.

Небольшая вводная строфа «Трех кругов» в первом издании была опущена, но теперь наконец публикуется.

Эти краткие вводные строки хочу закончить пожеланием, как-то навеянным упованиями, высказанными в строфе Дагды:

Пусть недолог жизни сон —
Лишь бы не было в нем боли.
Пусть уходит он, но лишь бы
Следом не осталась боль.

ТРИ КРУГА
ADDIO BELLA!¹
СЛОВА ЗМЕЙ
ДОМОЙ

Озера зеленый щит
И на нем три круга солнца, —
Я их видел, перевидел.

Тень дерев, тростник блестит,
Серебристый отсвет льется, —
Я их помню, поминаю.

299—313. **ADDIO BELLA!**

Тетрадь первая

Да будут здравы мои сестры
в твоём краю!

Оливия

От неизвестной мне итальянской дамы я получил пакет с письмами и пачками листков, исписанных по-латышски; она просила посмотреть, нельзя ли почерпнуть из них какие-нибудь сведения об авторе.

Таких сведений там не было — было нечто другое: черновики стихотворений, лирические миниатюры, отдельные слова и фразы, изредка законченные или полужаконченные стихотворения, дневник поэта и тетрадь набросков. В таком виде я и делаю рукопись достоянием публики. Я только немного сократил и пропустил то, что не имеет отношения к стихам и неинтересно для читателя, в том числе многие цитаты на итальянском языке. Однако, если публика выскажет такое желание, я обнародую рукопись полностью. Порядок стихов и записей я неизменно старался сохранить, руководствуясь хронологическими пометками.

Уважаемых читателей, а особенно дорогих читательниц, как мне представляется, вероятно, интересовали бы несколько более подробные сведения о самом поэте. К сожалению, сведений о несчастливом юноше, — спешу сказать об этом, — очень мало. Мне неизвестно даже его подлинное имя. Потому что имя Дагда, которое мне кое-где на листках встретилось, это псевдоним, избранный самим поэтом. Его официальное имя итальянцы не смогли бы ни произнести, ни запомнить на слух; да и не потрудились бы, поскольку считают нас варварами, а наш язык — варварским.

¹ Прощай, прекрасная! (Итал.) — *Ред.*

Некоторое время спустя я лично встретился с той итальянской дамой, оказавшейся квартирной хозяйкой Дагды, и она изобразила мне его как человека миролюбивого, но увлекающегося. Он был рослый, строен, имел приятное лицо. В него влюблялись девушки гордые и видные, хотя он работал на фабрике простым рабочим. Сам он был влюблен в какую-то сиротку, она была очень хороша собой, но, вероятно, больна; ее звали Джузеппиной. Джузеппина внезапно умерла, а он — *il gusso* — русский, как его звали, — исчез, уехал куда-то в чужие края, не попрощавшись, но долги свои, само собою разумеется, уплатил, о чем его хозяйка упомянула с большим удовлетворением, выказав особое уважение к нему и его народу, причем и мне достался от нее доброжелательный теплый взгляд.

Через несколько месяцев после отъезда Дагды синьора Нерини Луиджина — итальянцы ставят имя после фамилии точно так же, как ранее имели обыкновение делать и мы, — синьора Луиджина получила этот пакет из Германии, с какой-то маленькой прусской пограничной станции, вместе с сообщением, что владелец пакета погиб при переходе границы, а найденные у него вещи при сем препровождаются по его последнему месту жительства, адрес которого был найден в его бумагах. Синьора полагала, что его ограбили и убили разбойники, но мне представилось более правдоподобным, что он пытался, перейдя границу, вернуться на родину и был при этом застрелен пограничной охраной. Синьора подтвердила, что он очень любил родину. Ах, родина, не так-то легко любить тебя и возвращаться к тебе! Много Дагд тоскуют и страдают по тебе, родина, но ты их не приемлешь, тебе боязно, что их любовь к тебе не слишком горяча.

Addio bella! — Прощай, прекрасная! — эта фраза много раз повторялась на листках, и я решил, что так и назову эту книгу, потому что поэт действительно прожил свои последние дни, охваченный прощальным чувством, и, может быть, то «прощай» и то «прекрасная» относились не только к прекрасной Оливии, но также и к прекрасной Италии, которая готова была стать Дагде второй родиной. Трудно не полюбить тебя, Италия. Не знаю, как не любить тебя, страну, ставшую второй родиной и мне, страну, которая любовно приняла меня, хотя и не была мне родиной, и, может быть, когда-нибудь примет вновь, — *addio bella, addio cara mia.*¹

Я. Р.

Надеюсь, кстати будет сказать несколько слов о том, как я представляю себе события по рукописи, но — и я заранее с этим согласен — они, быть может, выглядели совершенно иначе, и, возможно,

¹ Прощай, прекрасная, прощай, дорогая моя (итал.). — *Ред.*

кое-кто из читательниц или читателей, которых заинтересует поэт, составили бы картину происшедшего гораздо вернее. Вероятнее всего, Дагда, впервые попав на юг, в угаре от южной природы, стал доступен нежным чувствам; тут-то он и встретил Оливию. Несомненно, это та самая прекрасная Джузеппина, но избравшая себе более поэтическое имя, ибо Джузеппина, Пеппина, Пина и прочие вариации этого женского имени уж слишком обыденны. Оливия и Дагда — кое-где в рукописи встречается имя Рододендро, и, возможно, в такой форме это имя ему больше нравилось, — оба они, по-видимому, бурно переживали свою любовь; может быть, он был слишком привязан к мыслям о доме, может быть, ей чужды были его убеждения, поскольку он, вероятно, был политическим эмигрантом. Он убежал от нее прочь, скитался, но любовь вела его обратно и вспыхивала с новой силой. И вот — катастрофа. Оливия умирает, неизвестно как и отчего! ¹ Теперь ничто не удерживало его, и он устремился домой, навстречу смерти. Вероятно, он знал, что его ждет, но все-таки решился ехать. Вряд ли он надеялся найти дома счастье, но мог рассчитывать на сердечную, хотя и безнадежно запоздалую жалость — ведь латышские девушки столь же мягкосердечны и жалостливы, сколь хороши собой и пленительны. К ним он возвращался, и где тот, кто к ним не вернулся бы? Где еще найдешь красоту и сердечность? Только в Латвии и только у ее девушек.

Остается еще сказать, что по некоторым сведениям Дагда действительно был политическим эмигрантом, что он получил предательский вызов на родину и при переходе границы был застрелен охраной. Теплого вам солнца!

1

Пусто в груди,
Всё опустылело,
Всё безнадежно, —
Обобран, раздет,
Позабыт, одинок, —
Впору под землю
Забиться!

Хоть бы единое
Братское слово!

¹ Точных сведений у меня нет, но, читая записи, можно предположить, что Дагда получил письмо с вызовом домой, на родину (по-видимому, именно об этом письме там упоминается); Оливия тогда была уже накануне смерти, но, вероятно, он об этом не знал.

Хоть бы единый
Дружеский взгляд!

Обобран, раздет,
Позабыт, одиноч!
Одиноч!

Бодио

2

FIORE DI MAGGIO¹

Она танцует плавный вальс, и сам
Гарибальдиец старый, *caritano*,
Мурлычет: «*Fior di maggio*. Надо б нам
С ней танцевать!» Но все горланят: «*Piano!*²
В таком огне ковать ли старый хлам!»
А он ворчит: «Она ль для *raesano?*»³
Кружится *fior di maggio*, веселясь,
И нежность роз по коже разлилась.

У *fior di maggio* косы хороши,
Черны как смоль. Но сини глуби взора —
В них и тоска, и знойный жар души.
«Не то что север, где глаза-озера
Холодные глядят сквозь камыши!
Там солнца луч согреет их не скоро. . .»
Танцует плавно южной неги дочь
И дерзких парней отгоняет прочь.

3

О ЧЕМ ПОЮТ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПАРНИ

Анджолина

Благословенна та жена,
Кем ты прекрасной рождена!
На небе праздник ликовал,
И ангельский гремел хорал:

¹ Майский цветок (итал.). — *Ред.*

² Тихо! (Итал.) — *Ред.*

³ Крестьянин (итал.). — *Ред.*

«Встречайте», ангелы, осанной
Дитя с красою несказанной —
Царицу, радость мира!»

Пина

Идешь ты мимо —
И солнышко задерживает ход:
Красавица пусть первую пройдет!

Смеральда

Святой воды коснулась ты слегка —
И розой
Благоухает нежная рука.

Терезина

В раю небесном красота!
Но, не найдя тебя, уйду из рая:
Я без тебя повсюду сирота.

Ирида

Я в первый раз тебя увидел,
Когда легко спускалась ты с горы, —
Тебя всечасно жажду с той поры!

Эти сторнели настоящие народные песни!

4

«Ты видишь, радге,¹ вновь туманом даль объята.
Что даст нам нынче день?» На грустный мой вопрос
Седой старик, трудясь у виноградных лоз,
«Да, сын, — мне говорит. — Il sole è ammalato».²

И не одно оно, а все. Признаться надо,
Здоров один старик, затем что он всеерьез

¹ Отче (итал.). — *Ред.*

² Солнце хворает (итал.). — *Ред.*

Не хочет принимать сует и наших слез:
«Тревоги позади оставил я когда-то».

«Тревоги? У тебя?» — «Да я ведь был солдатом,
Я Гарибальди знал, с ним вместе воевал».
— «И много ль денег брал?» — «Какая, сын мой,
плата?!

Свободы ради кровь я в битвах проливал.
Италия моя — свободна! Вот награда!
И я при ней навек здоров и крепок стал!»

5

«A rivederci!»¹ — губы дрожью сводит,
Но, зная, что разлука навсегда,
Она покорно, медленно уходит.

Куда теперь? Чего ей больше ждять?
Душе растерянной пути опять неясны —
Быть может, и взойдет счастливая звезда?

Быть может, нового ей ожидать напрасно?
— А ты-то что? Твоя ли в том беда?
Нелепо мучиться судьбой ее несчастной!

Дитя Ирида, ты теперь куда?

6

По ночам тоскуют звезды,
Слезы льют о милом солнце.
Загорится в небе солнце —
Застыдятся, разбегутся,

Застыдятся, разбегутся.
А поутру видит солнце:
Все поля и луговины
В звездных искрятся слезах.

Оливия.

¹ До свидания! (Итал.) — Ред.

Как утро начинать с тяжелым сердцем нам,
 Когда вся зелень светится, сверкая,
 Когда цветы льнут к девичьим рукам!

За окнами — стрижей веселых стаи,
 Акаций белых заросли густые,
 Воют мошки, в солнце утопая. . .

С ограды — хмеля плети завитые,
 Темнеют таксусы, глицинии ползут,
 И благодны все запахи земные. . .

Тебе-то, сердце, как живется тут?

Ах, Olivia!

Давно бы жизни ношу сбросил я,
 Когда бы не был связан красотой:
 Цветком земным, небесною звездой
 И женщиной, вершиной бытия.

Ах, Оливия. . .

Ночью ходит гром — где-то возле дома,
 В нем клокочет гнев — всё черней, синей,
 Сыплет искры он — ударяясь в скалы,
 Сколько же в нем злобы!

Пусть грохочет гром — нам-то что до грома.
 Не дрожи, дитя, а прильни ко мне,
 Рук моих тепло — уютней одеяла,
 Посмеемся тихо.

Бролла

MONTE GENEROSO¹

Вкруг голубого неба белый пояс
Из тихих, ветром сбитых облаков.
Их гавань ждет, там, за горами, кроясь. . .
А где моя?

Ползет от юга тяжкая истома,
Клокочет и клубится тучный пар.
Без устали режут раскаты грома. . .
Куда пойдем?

Последняя песчиночка морская
Когда-нибудь выносится на свет,
О радости своей кричит, сверкая, —
А я?

11

Вчера я чувствовал: сержусь, —
Тобой обижен был невольно,
А нынче сам себя стыжусь:
Тебе ведь тоже было больно?

Сильней, быть может, боль твоя?
Тебе страданье не пристало.
Тебя мне нынче жаль. . . А я?
Давно мне боль сестрою стала.

12

Всей красоты источник — женщина.
Мы без нее упали б под ярмом.
Всей доброты источник — женщина.
Мы без нее дышали б тьмой и злом.

¹ Гора Дженеразо (итал.). — *Ред.*

Так долго, медленно прядет свои волокна
 Осенний дождь. Он месяц льет и льет,
 И небо всё не затворяет окна,
 И створки их протяжный ветер рвет.
 Погода, ты для старости пригодна —
 Ты нас баюкаешь, и дрема настает.
 Как пролетели летние мгновенья —
 Нас вводит в зиму ветра дуновенье.

Без отдыха, без солнца, чуть живые,
 Мы проживем, и память заживет,
 Ах, Оливия. . .

И вот уходят все, кого любил я,
 Я слышу, что ни час, про чью-то смерть,
 Но всё про тех, чьи чувства сам губил я. . .
 А нынче? . .

*

Из горной тени, сизой и сырой,
 Я в солнца свет как бросился с разбегу. . .

*

Мъез.

*

Топь, и кочка в ней бугрится.
 Что глядишь, трава-мокрица?
 Здесь не встретишь соловья,
 Здесь и родина моя.

Часами, вяло тянутся облака.
 Глядишь на них, и кажется, что стоят.
 На полпути свисает полог с небес,
 Всё тихо-тихо, словно чего-то ждет.
 Из влажных бездн туман взбирается вверх,

Тягуч туман с отрогов сползает вниз,
Кой-где меж ними клочья голубизны,
С краев желтеет небо вялым листом,
Лишь тусклым золотом озера гладь блестит.

Вон у подножья шлейфом вьется дымок,
Ложится белой змейкой, что-то пытит —
То поезд тяжело лезет на перевал,
То всех в любые страны ведут пути,
И всем они открыты, кроме меня.

Чем выше я, тем всё темнее вокруг,
Лишь в дальних далях бел на вершинах снег,
Там солнца свет и день голубой горит.
Иду домой, упрямо иду домой!
Мой путь, мой сон есть смерть — чему ж еще
быть?

Герберге

*

«Да будут здравы мои сестры в твоём краю!»
О девушки, привет вам от Оливии.

По некоторым названиям местностей можно догадаться, что после смерти прекрасной Оливии автор беспокойно кружил, возвращался туда, где бывал прежде, вновь покидал эти места и, наконец, оставив Тичино и побывав во Французской Швейцарии, через Немецкую Швейцарию выехал в Германию, где следы его теряются. Все, что известно о его гибели, рассказано в предисловии. Его последние слова — «чему ж еще быть?» — говорят о каких-то темных предчувствиях, а в самом конце повторено приветствие латышским сестрам от Оливии. Примите его, девушки!

Издатель

Тетрадь вторая

Что в жизни я ищу?

1

Тянулся к солнцу я и веровал душою,
 Что правда победит! Но сделались бессильны
 И руки, и душа. А омут предмогильный
 Затягивает в сон, в беспамятство глухое.

Что было и что есть? Я силюсь всплыть, чумея.
 Как жизнь пред тонущим, в глазах моих мелькают
 Неразрешимых тайн клубящиеся змеи:

Что в жизни я ищу? Что руки упускают?
 Что солнце, жизнь и я — всё то, что иссякает?

2

Верней товарища душа моя не знает,
 Чем истина,
 Что нас пред смертью осеняет.

3

ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО

Всё это скрылось в глубь воспоминаний,
 Да было ли когда-нибудь оно?
 Иль мне глядеть на образы мечтаний,
 Тоскою созданные, суждено?

Здесь кипарис и южных сосен много,
 Они шумят во сне передо мной,
 И в облаках наметилась дорога,

Что образов выводит смутный рой,
 Манящих вдаль под шелест грустных хвой.

АРОМАТ ПОЛЯНЫ

Как память сон далекий сохранила?
 Умчались старые воспоминания,
 Их разметала грозной бури сила,
 Они исчезли в бездне мироздания.

Я вдруг цветок сорвал почти невольно
 Там, дома, на поляне, в миг мечтания
 И аромат вдыхаю — сердцу больно.

Любовь я вспомнил, что назвать мою
 Так жаждал я. И был обманут ею.

ДРУЗЬЯ РЕБЕНКА

С природою я сжился в годы детства:
 С песком, с травой, и с солнцем, и с рекою,
 И бабочек мне нравилось соседство,
 Летали пчелы, как друзья, за мною.

Вступал я лишь с крапивой в бой жестокий,
 Коней-улиток запрягал порою,
 Как всадник мчался вдоль речной осоки,

И камешки все были мне дружочки,
 Любил я их глухие шепоточки,
 Но и тогда готов был в путь далекий.

ДЕТСКОЕ ГОРЕ

Меня томило в детстве горе это:
 Любил я больше, чем меня любили,
 И раны сердца в мире без привета
 Жгли непрерывно и вели к могиле.

Хотел я мало и просил немного,
 Застенчивость уста мои смыкала.

Но луч свободы я искал с тревогой,
Чтоб, им согрета, юность вырастала.

Как было б зернышко любви мне кстати!
Иной и не просил я благодати.

7

БЕГСТВО

Когда людей я встретил в первый раз,
От вида их мне даже страшно стало,
И содрогнулся я в тот горький час
И убежал. Минуло лет немало.

Шипами душу я отгородил,
Презреньем к низости людской природы,
Но остриями душу изъязвил.

И в муке долгие тянулись годы,
Пока опять добился я свободы.

8

ЗЛАЯ ЗВЕЗДА

О сердце, отныне ты плачешь всегда!
Куда мне деваться? Плач этот — со мной.
Жизнь плещется тяжелой озерной волной,
И светится тусклая злая звезда.

Кто высушит озеро, пламени полный?
Не солнце. Быть может, любовью одной
Рассеешь ты в радугах тяжкие волны?

Так как же сменить мне звезду эту злую
На искорку радости, на голубую?

9

СТАРЫЙ ЛАРЬ

Когда мы открываем ларь старинный,
Там чуждый дух, что всё же нам знаком,
Там пыль и затхлость в нитях паутины,
Отжившего остался запах в нем.

В таком ларе тлен жизни пережитой,
И пахнет он давно минувшим днем,
Всё то, что там, должно быть позабыто.

Но много зерен можно там найти,
Что стали прахом, а могли цвести.

10

ГЛАЗА ЗМЕИ

Что в прахе искрится? Иль жар он таит?
Кто голову поднял? Кто свился в кружок?
А! Эти две искры — два глаза змеи!

Шипенье вгоняет в смертельную дрожь:
«Зачем ты, живой, в неживые идешь?»

И молнией в руку — глумливый ожог!

11

НЕНАСЫТНОЕ СЕРДЦЕ

Не плачет сердце — ждет, чтоб миром обладать!
Ждет большего, чем то, что в прошлом потеряло.
Залоги выкупить, в грядущем чистым стать
И петь любовь сначала и сначала!

Мерцает мне любви далекий огонек:
«Ищи меня, ищи! Еще не всё пропало!
И солнце шлет тебе бодрящих сил поток!»

О солнце, ты любовь прими, но дай и мне!
Ведь без любви душа сгорает в злом огне!

12

ВОРОТА

Ворота, к вечеру закрывши для иных,
Передо мною жизнь, прощаясь, растворяет:
Я вижу, как сады там пышно расцветают,
Питаясь прахом дел моих земных.

К чему так, жизнь? Тобой владеет жалость?
Мол, пусть бедняк потерь не осознает,
А то ему стенать бы лишь осталось:

«Как было хорошо! Ах, как я славно жил!
Как поздно понял я! И как не дорожил!»?

13

САДЫ

Нет, мало мне лишь созерцать ворота.
Тоскою извожусь, но в них хочу войти!
Как ни упрямся жизнь, я всё же жду у входа!
Закрой за мной, но в сад меня пусти!

Твой прах ещё на мне не оседает!
Твоим решеткам не переплести
Моей души! Она — не увядает!

Иль ты поверила в конец моей поры?
Нет! В дебрях у тебя горят мои костры!

14

МИЛЫЕ УЛЫБКИ

Когда горю тоскою, ожидая,
Что к вам смогу войти и словом вам помочь, —
Меня от вас отбрасывает прочь
Улыбок милых вежливость пустая.

Мне б струйкой влиться в темный ваш поток,
Стать частью вод стремительных, бурлящих —
Я б с вами вместе вашим руслом тек. . .

Но слов моих опасен яд разящий.
Живой воды вам нужен ручеек.

15

ВНЕШНИЙ МИР

Мир внешний надо мной не властен совершенно,
Ни радостью меня, ни страхом не сковать.
Мой дух исполнен радостью нетленной,

Могу ли я идти свободно стезей?
«Но даже ветры связаны с землей!»

Ничто не пропадет из закромов вселенной.

16

ОСЕНЬ

Зачем так низко ласточки летают,
Недвижны деревья и луг поник?
Чуть трону я цветок — он опадает,
И в сердце страх таинственный проник.

Иль ждет природа первого ненастья
И близкой смерти проступает лик?
А я имею все права на счастье.

Я, как и все, дитя земли, — ступаю
По ней и к ней чело свое склоняю.

17

ХОЛОД МИРА

Я холод мировой почувствовал давно,
Душа моя, в себе замкнулась ты,
Сжимаясь, как земля средь вечной мерзлоты!

«Но ведь земле озябшей всё равно
Живую воду вспенивать дано!

Вот так и ты, душа, другой не дашь остыть!»

18

ЗАЩИТНИК

Грядущий век — защитник верный твой,
И он воздаст за всё пережитое.
Спокоен станешь ты, сражен судьбой,
И глаз не будет увлажнен слезою.

Шипами кустик защищен, а кедр
Не дрогнет, если вдруг его разбудят,
Он хочет лишь расти, могуч и щедр.

Твой скорбный путь грядущее забудет,
Нас по трудам судить потомок будет.

19

У ПРЕДДВЕРЬЯ ЗЕМЛИ

Сквозь дрему слушал я полночную,
Как глубоко и тихо под землю
Вода несет струю проточную,
Где перегной под вековечной тьмою.

Быть там, навек туда уйти хочу
Чрез дверь земли. . . Но утро предо мною,
И покоряюсь я его лучу.

Тебя осудит утро непреложно,
В утробный мрак вернуться невозможно.

20

СТРАЖ ЖИЗНИ

«Нет выбора. . . И светлый день и черный
Ты должен одинаково встречать.
Ведь помощь у других просить позорно,
А кто ж придет, чтоб сам тебя обнять?»

«Смерть может от всего тебя избавить!»
— «Ложь! Должен ты бороться, и дерзать,
И против смерти все клинки направить.»

Ужели ей, врагу, ты жизнь предашь?
Ведь ты ее пестун, ты — жизни страж!»

ВЕЛИКИЕ КРУГИ

Те волны движут в небесах светила,
 А ты летишь в них по большим кругам,
 Ничтожных жизней очень много там,
 Но и твоя круг этот отразила.

И жизни духа в тех волнах движенье,
 Там новое порою рвется к нам
 И ввысь влечет, чтоб вновь не повториться.

Но может человек круги ломать,
 Приказывая новым солнцам встать,
 И новый круг от старых зародится.

САМООТТОРЖЕНИЕ ДУХА

Что, если дух материю покинет
 И, двигаясь стремительно вперед,
 Преображенный, большего достигнет
 И миру чудо вдруг преподнесет?

Что цепи духу, как бы ни впились,
 Когда он дух, который рвется ввысь
 И лик самой земли преобразает!

С землею связи дух не оборвет:
 Ею самую послан он в полет.

Во дни отлета птиц колосья дозревают.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ...

«Жизнь есть движение».

— «А смерть?»

— «В ней та же сила,

Хоть облик у нее совсем другой,
 А ты следи за тем, чтоб и она творила».

С ТОЙ СТОРОНЫ

С той стороны дыханье урагана
 Вздымало волны белоснежные,
 Они неслись под пеленой тумана
 На смерть, как юноши мятежные.

Велишь — и все умрут в мгновение,
 Велю — и заживет любая рана,
 И тот поток опять придет в движение.

Ведь песня возвращает жизнь всему,
 Что умерло. . . И сердцу моему.

ПЕРЕМОЛ

Кивают на меня: «Людей он любит всё же. . .»
 Как можно презираемых любить?
 Их надо с корнем вырвать, уничтожить,
 Переломать и кости раздробить.

Худой помол да будет перемолот!
 Нужна иная, лучшая мука.
 Негодные ножи исправит молот,

Пусть прыгнет слабый в море кипятка
 И вынырнет, силен и духом молод.

Иначе жизнь прервется на века.

ЗМЕЯ УЖАЛИТ. . .

Змея ужалил — это как осудит.
 Душе конец.
 Беда, беда: увидишь сам, что будет. . .

ТЫСЯЧЕЦВЕТ

То дерево сияло каждой веткой,
 Оно украсить мир собой стремилось.
 И нынче как награду, а не милость
 От солнца жадно ждет любви ответной.

«Себя дарил ты щедро, неустанно,
 Твоя душа была благоуханна,
 Тысячецвет с ликующей листвою!»

Свои цветы по ветру я развеял,
 Созревшие мечты раздал, рассеял.

И весь, как есть, о солнце, твой я! Твой я!

КОТОРАЯ ЭТО ЗМЕЯ?

Одной змеи укус на гибель обрекает,
 Другой змеи укус бессмертие дает,
 Но есть еще змея — ужалив, обновляет.

ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Жизнь так мелка, лишь в смерти глубина.
 Не сбросить ли нам этот мир, как бремя?
 Нырнуть бы в пропасть тайную, без дна:
 Пусть нудной скуки сократится время!

Мне надоело по свету блуждать.
 Ведь всем нам смерть в итоге суждена,
 Что ж биться об стену, терзаться и рыдать?!

Один есть только путь, и пусть он завершится.
 «Нет, есть еще другой!»

— «Какой?»

— «Возобновиться!»

СЛОВА

«Возобновиться!»! Всѣ слова, мой друг,
Слова, и мне их слушать всё противней.
Они шуршат, как в зной иссохший луг!
«Да, но взгляни, что будет после ливня».

Нет, поздно. Сгорблен я, я сам не свой,
И боль в костях всё злей, всё неизбывней,
Частицы не сыскать во мне живой.

«А если б жизнь опять росток дала?»
Ха! То не жизнь. То смерть из-за угла!

НЕ ТОЛЬКО ЖИТЬ

«Не только жить, не повторять, как тень,
Не быть кустом иль зеркалом озерным,
Но жизнь творить полнее каждый день».

Сегодня я окошко не закрою,
Пусть звезды мой ночной наполнят дом,
И пусть роса прольется надо мною,
Гостят цветы в дыхании моем.

Впервые сплю всю ночь без пробужденья,
И легкий сон прогонит тяжесть дум
И старые души моей виденья.

Проснусь березой, залитой лучом
В сиянье утра, утопая в нем.

Мечты ссыльного, грезы изгнанника

Тетрадь третья

Где путь домой?

1

Домой! Домой!

*

Прошло немало долгих дней.
А там, за окнами вагона,
Леса и чернозем полей.
Людской поток неугомонный
Бурля, как паводок,
Спешит, торопится. . .

«Куда спешишь?
Куда спешишь?!»

От зимних стуж к весне,
От луж к морской волне,
Домой! Конец изгнанию.
Сменилась ночь рассветной ранью.

«Сменилась ночь рассветной ранью.
Но даль в тумане.
Грусть и надежды в сердце спорят. . .»

К чему гадать нам, что поборет!
Ты песню новую пропой!

«Так песня вновь тебя зовет?»

Вперед! Вперед!
Домой! Домой!

2

Облачко, тая,
В окна глядится.
Птенчик на ветке
Зябнет и злится.

Перья взъерошил,
Сжался неловко.
В колких снежинках
Стынет головка.

Что же ты, птенчик,
Зябнешь и злишься?
Солнце всё выше. . .
Что ж не умчишься

Домой! В отчизну!

3

Глянь, красота какая
Окрест и пред тобою!
Ведь это — Кама!

*

Мутно-синих волн полоска
За кормою остается.
Бледный рой наяд лукавых
Среди волн далеких вьется.

За туманной пеленою
Всё былое остается.

4

Глянь на Волгу!

*

Сонно жмурятся
Скалы голые,
В тучи хмурые
Спрятав головы.

Вечер стелется
Мглою туманною,
В волнах плещется
Солнце рдяное.

Прокричав «привет»,
Парус вдаль скользит,
Золотистый след
На воде дрожит.

5

Красота и даль, даль, даль!
«— Даль...»

Синеют дали
Предо мною.
За мной — печали,
За мною ночь.

Гора, долины
Предо мною.
За мной пучины,
Туман и ночь.

И чаек крылья
Предо мною.
За мной — в бессилье
Забылась ночь.

6

Рассвет, рассвет!
Вокруг туман, и нам вослед
За кораблем из мглы сырой
Несется чей-то стон глухой.

*

Над нами чайки пронеслись:
«Вернись! Вернись!»

Утес встал на пути моем:
«Опомнись! Разве там твой дом!»

Лес шелестел и звал, стенья:
«Зачем покинул ты меня?»

С тобой здесь в дружбе ручеек,
И нива, и широкий лог,

Ты свой для нас, ты здесь любим,
А там ты будешь всем чужим.

Здесь покидаешь ты друзей —
Соратников в борьбе твоей.

А там? Чья ждет тебя рука?
Там одиночество, тоска.

Там прежний мрак, и там средь туч
Твоих надежд погаснет луч».

Кружили чайки надо мной:
«Назад! Забудь свой край родной!

Не скоро там заря сверкнет,
Твой замок не всплывет из вод».

И с криком чайки вслед неслись:
«Вернись! Вернись!»

«Вернись! Куда ты?»
— «К свету! К солнцу!»

7

От города до города
Идешь — от могилы к могиле:
Так вот где вдали от родины
Любимых твоих хоронили!

Так вот куда ветер листья унес
Осенью ледяною! . .
И хоть вокруг опять весна,
Но сердце от холода ноет. . .

Неповторимая картина

8

Неожиданно замерло сердце,
Я до боли предчувствовал встречу —
Близко, рядом поля дорогие!
Их утратил и вновь обретаю.

Отчего же ты замерло, сердце?
Ведь о встрече я думал всечасно —
Только чаще, конечно, о людях,
О борьбе и о счастье желанном.

Вот луч светлый пробился сквозь тучи,
Озарил всё, что дорого с детства.
Он упал на леса и на нивы
И подернул их дымкой златою.

Солнца луч, я тебе благодарен,
Ты явил мне родное приволье,
На земле не отыщешь роднее,
На земле не бывало такого.

А во мне оно благом пребудет,
Станет золотом тихим светиться,
Одарит мою душу покоем.
О ты, солнце чудесное детства!

9

ОЗЕРО

Как черный глаз незрячий,
Блеснуло озеро вдали —
Таинственно и странно.

Я помню хорошо —
Таким всегда ты было —
Глубоким, черным, диким.

Отпугивало всех
Трясинами своими злыми.
Я любовался лишь на расстоянье
Твоею мрачной одинокой красотой.

Ты дружбу только с птицами водило,
Что прилетали издалёка и улетали вдаль,
Не птицы будто, а мечты твои и мысли.

Вода сверкает сине-рыжей ржавью,
Так медь и меч сверкают.
Растет багульник, одурью пьянящий,
Кустарник, завлекающий коров.

Высокая трава и мох — сухой на вид.
Но только понадейся, ступи на кочку,
Прожорливая топь проглотит
Того, кто думал здесь найти дорогу.

Зачем ты, озеро, пугаешь всех?
Не тайну ли на дне хранишь? •
Угрюмое, ты всё ж к себе манишь.
А на горе, на дальнем берегу,
Раскинулось роскошное поместье.
Ты одиноко, озеро.

10

ХОЛИМ ФЕЛЬКЕРЗАМА

В той стороне стоит зеленый холм.
Он ильмами и кленами порос.
А на вершине, хоронясь в тени деревьев,
Лежит огромный камень, словно щит,
Под камнем чья-то сирая могила.
Сюда приходит мальчик — что ни день
Он из дому украдкой убегает.
На камне по складам читает письма
О рыцаре таинственном, который
Когда-то погребен был на чужбине.
Он в землю предков лечь не пожелал,
А упокоился поближе к вольным людям.

И долго-долго мальчик смотрит вдаль...
И в щели камня веточки втыкает —
И словно зацветает старый камень.

МЕСЯЦОВНА

Я проезжаю те места,
 Которые манят воспоминаньем милым, —
 Давным-давно то было.
 Помнишь ли меня?

Там где-то далеко, за солнцем, за целым миром,
 Месяцовна златокося с зелеными глазами.
 Цветок весенний — пять годков,
 На тонком стебле пять лепестков.
 Ее я видел под теплым солнцем и при свете
 лунном,
 Средь длинной темной ночи,
 Которая зовется жизнью.

Опять к тебе вернулся я,
 Пройдя путь долгий к дому!

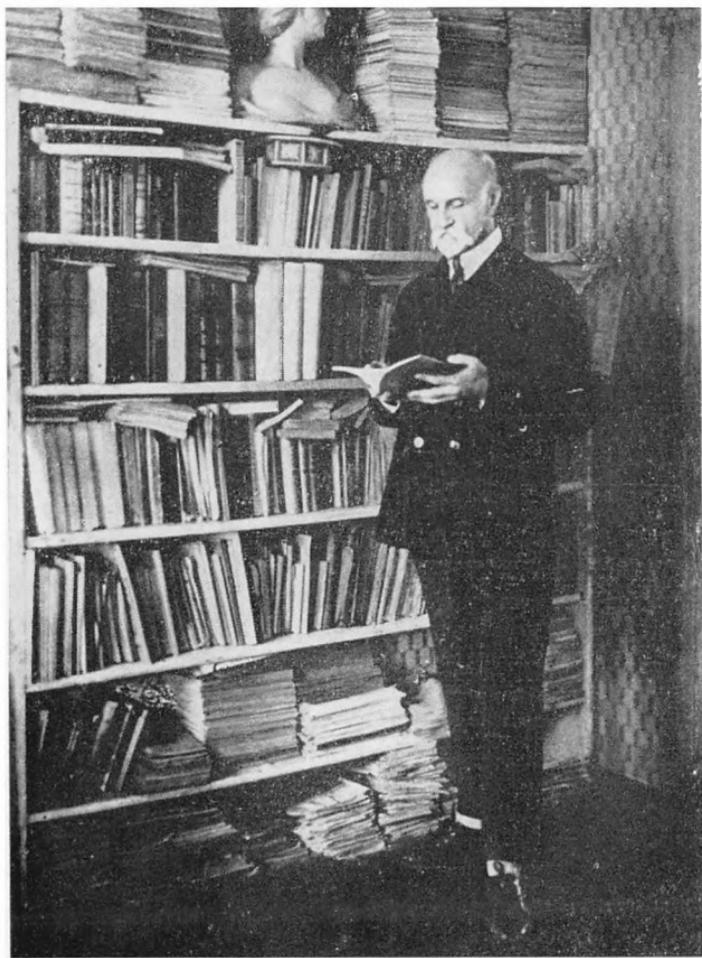
Поля, деревья и дороги бегут навстречу взору
 И закрывают от меня те милые места,
 Где обитала месяцевна.

ДОМ

Обширный, темный — он, конечно он!
 Как он угрюм и неприветлив!
 Фасад в тени могучих древних лип.
 В тени их глохнет клумба, в доме сыро.
 Дом светел только с задней стороны
 И виден издалёка мальчику и солнцу.

В полдневный час, когда смолкает дом,
 На гулкие пустые антресоли
 Крадется мальчик. Там в углу
 Картины в тусклых золоченых рамах:
 Великий Александр и Рафаэль великий —
 Краса и диво, путь побед и тайна,
 Весь мир распахнут. Что же в нем таится?

На чердаке мальчонка на коленях потрепанные
 книги ворошит,

Пропав на целый день. «Ну где тебя носило?»
Молчит.
Ах, память, память!

13

ЧУЛАН

Бегом гулять!
Мощеный двор, конюшня, клеть, каретник,
И вот над ним, пожалуй, наверху —
Чулан.

Ну что я натворил! Нашел о чем припомнить!
О том чулане страшном! Даже нынче
Одно воспоминание о нем
Пронизывает тошнотой и страхом!

В былое время здесь пороли люто
Заморенные жалкие рабы
Других рабов, заморенных и жалких,
Кнутами по указу сытых бар,
И кровь по лестнице стекала, —
Здесь люди издевались над людьми.

О том не зная, я туда забрался —
И до сих пор дрожу от отвращения,
Как будто в лужу липкую ступил,
И чую запах крови.
А!
Хотя я никогда там больше не был.

Багровые сны

14

Навстречу мне черная туча —
Дымом охвачена рига —
Он валит из-под крыши и сверху —
Но знаю: есть дым багровый,
Как заря, пробивается зарево.

Пашет великий пахарь,
Вспарывает мир плугом
До основанья,
Шагнет, в сошники упрется —
Вдрагивает земля.

Дым, дым, дым,
Мгла сверху донизу,
Черные тучи сверху на черные тучи внизу —
Багровые искры, треск —

Всё выше, выше, выше,
Великими крыльями — бурями — машет земля,
Надвое лопнула тьма,
Встает ослепительный Замок Света.

Вопли: «держи, держи!»
Всё в смятенье.
То ли сон, то ли явь,
То ли радуга над нами?

Кружа вокруг дома

15

Из стужи — в холод,
Из ночи — в ночь,
Из ссылки — в ссылку,
Путь проторён.

Конец дороги —
Начало новой.
На перепутье —
О доме сон.

16

КРУЖА ВОКРУГ

Поезд натужно в гору ползет,
Двум паровозам гора уступает.
Прочь, в неизвестность, в хмурую даль

Сила стальная меня увлекает,
Дым застилает склоны горы,
За поворотом дом исчезает,
Мечется сердце, рвется назад —
Что на чужбине нас ожидает?

Слышу в надсадном стуке колес,
В пульсе тревожном, в лязге металла:
«Предали нас, обездолили нас,
Вихрем по свету нас разметало!»
Судьбы, мечты — одуванчика пух,
Ветер пронесся — пуха не стало,
Дым паровоза на склоне горы
Вдруг растворился — как не бывало.

Снова мелькнули липы и пруд —
Поезд торопится, ход набирая,
Жду — может быть, опять промелькнут
Старые липы, навек исчезая, —
За поворотом еще поворот. . .

Липы, ловите последний привет!

17

ОБЕЗДОЛИЛИ НАС

Мчатся колеса со стыка на стык,
Грохая, лязгая — лишь об одном;
Сердце о том же стучит, не смолкая.
Мечутся мысли, покоя не зная,
Сердце стучит об одном, не смолкая:
«Предали нас! Обездолили нас!
Всех обобрали, всех оскорбили,
Душу попрали и крова лишили».
Мчатся колеса со стыка на стык.

Робкие пробы — предтечи трудов —
Хламом ненужным упали к ногам;
Дрогнув, земля из-под ног ускользнула. . .
Снова учиться первым шагам,
Сердцем тоскуя по главной работе,
Силы копить и азы повторять,
Пробовать снова, зачеркивать снова?

Вспыхнул ты, и это значит —
 Долгий путь тобою начат
 По лучам, волнам вселенной.

Свет звезды давно погасшей
 Глаз едва коснется наших —
 И стремится дальше, мимо,

Отсверкает, пронесется,
 Но для глаз иных зажжется —
 Есть миры и за землею.

Коль горишь ты негасимо —
 Суть твоя неистребима,
 Ты — частица жизни мира.

ОБНОВЛЕНИЕ

Ах, почему безмолвна ты сейчас?
 Ты плачешь?
 Когда же я кипящих слез запас
 Растрочу?
 Скажи мне: тот, кто вдоль и поперек
 Мир обежал, — незрячим быть он мог?
 Да мог ли он — спеша, летя как ветер —
 Цветов полей весенних не заметить?
 А разве мир — и солнце, и цветы —
 Не ты?
 Вода и небо, почва и трава,
 Мечта и явь, опавшая листва —
 Не твоего ль частицы существа?
 Когда уж осень будет на исходе,
 Земля закончит года оборот
 И в сон впадет, устав от плодородья, —
 Всё, побелев, затихнет до весны. . .
 Но вот — весна! Прозренье, пробужденье,
 Невиданное, новое цветенье —
 Ты оживешь, ты слезы обретешь,
 И хлынет дождь,
 Животворящий дождь!

МЕЧТА

— «Так то, за чем ты гнался, лишь мечта?!»
 Ты — Латвия свободная — мечта?
 Так, значит, лишь мечта — твоя свобода?
 И ты, мечтавшая свободной быть, свободной,
 Омытая в крови, не встанешь перед нами,
 Прекрасна, как свершенная мечта?
 Мечта, ты говоришь, мечта?

— «Молчу!»

Мы ей дадим возрасти, преобразим ее,
 Чтоб в новом облике она предстала,
 Отвага юная ее основой будет
 И сердце родины, святое сердце.
 Они-то силу придадут росткам.
 Ростки грядущего сотрут все рубежи
 И, встретясь там с побегами другими,
 Необозримым морем разольются.

— «Ах!»

Я знаю, что твой вздох печальный значит,
 Но не напрасно мы кладем свой труд.
 Он всходы даст, и расцветет отчизна.
 Как по весне березка, да,
 Березка наша.

И новым языком заговорит народ.

— «Как новым? Почему?»

Да разве наш язык остался прежним,
 Не обновился ль он за это время?
 Не новым ли стал также и народ?
 А ты не будешь ли с ним вместе созидать
 Тот строй, где труд истоком счастья будет?
 О, будешь, будешь!
 Гляди, вот радуга из черной мглы болот
 Возносится величественной аркой.
 То путь к грядущему и для отчизны нашей,
 Для новой Латвии, и для других народов.
 То созиданья путь, что приведет нас всех
 К еще невиданному счастью.

367—393. СЕРЕБРИСТЫЙ СВЕТ

Год миража на родине

Тетрадь четвертая

Вам, женщины. . .

1

Вы — родина и жизнь, земных симфоний
Лад стройный, повторяемый веками.
Вы шар земной несете на ладони.

Звенит заря, разбуженная вами,
Из мрака ночи — дивное виденье,
И этого не выскажешь словами.

С зарей растает призраком сомненье.
Любовь с весной шагают по дорогам,
И ненависть от света станет тенью.

День радостный — грядущих дней залогом.

2

И тайны прежние остались тайнами,
И раны прежние остались ранами,
И вины прежние остались винами,
И ходят тяготы, страха нас поступью.

.....

Дождями вымыто, на солнце выгорев,
Всё так и движется, без наших выборов,
И в том течении, пути не вымерив,
Плыву, гадаючи чутьем да ощупью.

И вот уже цветы...

И вот уже цветы цвести стремятся,
Днем тянут к солнцу тонкие побеги,
А по ночам рассвета ждут, томятся.

И вишня ищет голым сучьям неги,
Но не листва, а цвет ей нынче нужен.
В кустарниках бутоны на ночлеге

Не спрашивают, ждате ли утром стужи,
Синь с белизной перемешалась тесно,
Цветут, как бархатом покрывшись, лужи,

И надо всем сияет свод небесный.

В долине всё...

В долине всё цветет, всё зеленеет,
Колышутся деревья горделиво,
Повсюду сладкие цветы белеют.

Меж ними пчелы носятся игриво,
Людей заметил я сквозь гроздь рябины —
Их обвивала зелень прихотливо,

Пыльца цветов скрывала их морщины —
Неужто счастье нежно обласкало?
Они как дети солнца — среди долины.

А мне, увы, здесь воздуха так мало...

Окутан солнца. . .

Окутан солнца золотою сенью,
Дерев могучих сладостным дурманом,
Багряных облаков летучей тенью —

Я пью любви напиток жгучий, пряный.
В душе моей истаяли метели,
И дышится легко и перевозданно.

И тянутся, как нити канители,
К земле лучи волшебные беспечно —
Меня качает солнце в колыбели.

Да не иссякнет он, покой извечный!

Смеешься ты —
Как будто ручеек журчит в лугу зеленом,
На солнце бабочки порхают, пчелы,
И сладок сон в тени берез.

Смеешься ты —
Мне кажется, резвятся дети,
Их косы разметались золотые.
Шумят, кричат и убегают стайкой.

Смеешься ты —
И вот седой старик в запечье теплом
Перебирает кокле и внимает
Ручьям и детям, глядя на тебя.

Как за лесом, за горою
По ночам огонь разводят,
Тайно там огонь разводят.
Он пылает красным жаром.

Примолкают лес и горы
В час, когда огонь разводят.
Кто же тот огонь разводит?
А никто и не разводит.

8

Летает ворон с чайкой белой,

Где не мелькнет и парус смелый, —
Загнал туда их буйный ветер, —
Летает ворон с чайкой белой.

Где потонул корабль смелый,
Наперекор всему на свете, —
Летает ворон с чайкой белой.

9

Одна звезда .

Медленно плывет звезда
Мимо окон тихих, темных...
Тщетно я тянусь за ней.
Оторваться — силы нету,
Оторваться — силы нету
От плывущей прочь звезды.

*

От плывущей прочь...

10

Две звезды

Две звезды друг дружке свет
Шлют сквозь облака седые
И в края необжитые
Уплывают бездну лет.
Что же я гляжу им вслед,
В эти небеса пустые?

Так робко сыплет редкий снег:
 «А можно мне?»
 Малютка робкая стоит:
 «Не помешаю?»

«Покрыть поля заглохшие,
 Укрыть цветы засохшие,
 Как простыней в постели!»

«Лишь посмотреть тебе в глаза,
 Лишь слово доброе сказать
 Отец и мать велели».

О милая, войди, войди!

Мотылек золотой, как тебя не любить?
 Я люблю тебя нежно.
 Средь цветущих долин суждено тебе жить.

В куст роскошный хочу я тебя посадить.
 Станешь ты безмятежно
 Сок медвяный, пахучий и сладостный пить.

Вот вспорхнул на ладонь — красотою пленить.
 Моя радость безбрежна!
 Но не дай бог пыльцу с твоих крылышек сбить!

Мотыльку посвящаю.

Волны плещутся бурливо,
 Пенной брызжутся гневливо.
 Белой пены брызги злые
 Высоко взлетели в воздух,
 Высоко взлетели в воздух,
 Чайку вздумали достать.

И всё злится, злится море,
 И всё вьется, вьется чайка,

И гляжу я на тебя:
Ты и есть та птица-чайка.

Чайке белой посвящаю.

14

Не чудо ль на столе моем цветет?
Хотя поля пусты, деревья голы
И всё кругом убито злым морозом,
Но чудо на столе моем цветет.

Оно дарит мне вдохновенья жар,
Как та весна, что недоступна стужам,
Хотя поля пусты, деревья голы
И зимним холодом сердца объаты.

Ты мне его поставила на стол,
И, словно сердце юное твое,
Оно цветет...

15

ЗЛАТЫЕ СТВОРКИ НА ОЧАХ ТВОИХ

Ты тяжкие ресницы опустила —
И тайные глубины скрылись вмиг,
Но жар любви своей ты скрыть не в силах.

Коснулся луч волос твоих золотых.
И от его небрежного касанья
Зажглись глаза — и тайну я постиг.

Да знаешь ли, о дивное созданье,
Как ты прекрасна? И какую нежность
Таит бездонных глаз твоих сиянье?

Когда же обниму тебя? О, неизбежность!

16

Лишь боль мне юным сердце сохранила,
И перестань оно страдать,
Любовь и жизнь — всё станет мне немило.

ТЫ СНОВА В БОЙ ПОЙДЕШЬ

Не убежишь от жизни в храм искусства:
Уродств ее вуалью красоты
Закрывать нельзя, — лишь обострятся чувства,
И жизнь полней познаешь сердцем ты.

Смотри: свобода гибнет, льется кровь...
Ты видишь? Человечество позоря,
Гниющий строй преступно давит новь.

Дух обновив, могуч, как волны моря,
Ты снова в бой пойдешь, с насильем споря.

18

Я всех любил вас равною любовью,
В награду вы меня
Обманывали, предали злословью.

*

А ваши души — жалкие калеки!
Их солнце не зажжет,
С другими в лад им не звучать вовеки!

*

О, если б вас мой пыл сумел расплавить
И вместе бы могли
Мы солнце тысячеголосно славить!

*

Вы молоды, но ваши мысли стары!
Когда ж я встречу тех,
Служить грядущему готовых с жаром?

19

Я голубем вернулся раньше срока
К себе домой —
Здесь злы сердца и льется кровь потоком.

*

Мой мирный край, сегодня ты — кровавый...
Не узнаю!
Война повсюду разлилась отравой.

*

Я вижу, смерть моей отчизной правит.
Так пусть она
Меня со всеми вместе обезглавит.

*

Моя любовь, надежда и спасенье —
Ты, мой народ,
Я без тебя — ничтожный лист осенний.

*

И верю я: когда оставят силы,
Когда умру —
Цветы без счета лягут у могилы.

20

Сегодня воздух с морем перемешан —

*

На ветерке виси, рубаха, сохни,
Пусть навсегда исчезнет горечь пота.
Таскать зерно не хочется мне что-то:
Мешки, мешки — поди не меньше сотни!

*

Уйду, смеясь! Кто скажет мне хоть слово!
Пусть я продрог —
Бродягу солнце обогреть готово!

21

Осыпались цветы в одно мгновенье,
Тускнеет всё вокруг,
Все краски сна стирает пробужденье.

*

Гасит звездочки надежды
День, добра тебе желая.
Ночь придет — зажжет другие,
Жди ее, не засыпая.

Ходят люди мимо дома,
Ночью — звезды светят мимо.
Мыслям — вечно нет покоя!

Эти люди — мне знакомы,
Эти звезды — негасимы:
Я их видел! Жизнь прекрасна.

Целуй меня, как я тебя целую, —
Сейчас, в последний раз.
Пусть гибнет сердце, о тебе тоскуя.

*

Целуй меня, как я тебя целую, —
Спасенья не ищу,
В твою страну не вторгнусь голубую.

*

Целуй меня, как я тебя целую, —
Расходятся пути,
Тебе в рассвет, мне в ночь идти глухую.

*

Оливия...

Я уйду... Какое испытанье!
Смогу ли одолеть тоску по дому?
Изранит сердце горечь расставанья.

Вернусь ли снова к очагу родному
Или уйду за дальние просторы
В безвестный край, дотоле незнакомый,

Как Архимед за точкою опоры?
Свершеньем дел великих окрыленный —
Ведь мир перевернуть мне станет впору! —

Я оживу на почве обновленной.

Всё счастье в жизни женщины мне дали.
Они же и страданья приносили,
Но те страданья жить мне помогали.

Как я хочу, чтоб женщины закрыли
Мои глаза в последнее мгновенье
И свечку погасили на могиле, —

Почувствую их рук прикосновенье,
И волосам их, легким, словно воздух,
Неслышно прошепчу благословенье,

И пусть они меня проводят к звездам.

Смети весь мир, развей без сожаленья —
Он из твоей улыбки вновь родится
И будет свеж, хорош на удивленье, —

Тот самый мир, что поколеньям снится,
Всех страждущих надежда и отрада,
Неначатая, чистая страница, —

Да будет так — и прочь с пути преграды,
Идут любовь и юность в царство света,
И то, что солнце их приходу радо, —

Счастливого грядущего примета.

Сквозь смертный сон я голос твой услышу,
Сквозь толщу тьмы и вечное молчанье
Он долетит бесценным даром свыше.

Мне и тогда волос твоих сиянье
Мрак озарит, когда давно не будет
В твоей груди и признаков дыханья, —

В их золотом, лучеобразном чуде
Оттают крылья, оживут, заноят,
И холод новых звезд их не остудит.

Погаснет солнце — мы начнем иное.

*

Оливия.

Нынешней осенью я — нежданно-негаданно — получил письмо от автора этой книги. Мы считали его умершим, и любящие прекрасные читательницы порою высказывали мне свои сердечнейшие сожаления по поводу столь раннего ухода от нас такого полного надежд юноши. Теперь у нас радость — но прочтем лучше его письмо — вот оно:

Уважаемый господин издатель!

Позвольте мне письменно поблагодарить Вас за издание моей книги «Addio bella!»! Сам явиться к Вам я воздерживаюсь, ибо не хочу открыто заявлять о себе. Прилагаю еще одну часть моих черновых тетрадей. Я покидаю родину, я плохо выношу климат новой Латвии; в тетради вина за это возлагается на латышских девушек, а им снести эту тяжесть не составит труда. Ищу дорогу — какую? — скажу, когда найду. Не спрашивайте обо мне. Столь осведомленных дам, как любезная синьора Луиджина, больше нет; вернуться в Тичино я не могу так же, как не могу вернуться в прошлое, — а что впереди? Но прочтите, пожалуйста, мою рукопись.

Будьте здоровы!

Дагда

Ни место, ни дата не указаны. Это все, что я могу сообщить. Как же мне успокоить уважаемых читателей и читательниц? Может быть, вы можете хоть что-то сообщить о нем?

Со своей стороны хочу только присовокупить, что издать эти стихи меня побуждает наполняющий их культ солнца, женщины и молодости, способный звать нас к вере в солнце, женщину и молодость. К вере, которой принадлежит будущее.

Новелла

Прощай, месяцовна!

Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он стал мотыльком, порхающим мотыльком, здоровым, счастливым и знать не знающим о Чжуан Чжоу.

Внезапно он проснулся. И снова стал тем же самым Чжуан Чжоу.

И неведомо мне, то ли это Чжуан Чжоу приснилось, что он мотылек, то ли это мотыльку приснилось, что он Чжуан Чжоу, хотя, без сомнения, между Чжуан Чжоу и мотыльком имеется разница.

Тетрадь пятая

1

НОЧЬ, ЛУНА И ДВЕ ЗВЕЗДЫ

Мне светят ясно две звезды.
Вот мимо облачко промчалось:
То ты, прищурясь, засмеялась.

ЗЕЛЕННЫЕ ЗЕРКАЛЬЦА

И отражают, и глядят.
Ах вы, зеленые озера!
Нет! Звезды! Звезды, а не взоры.

ЗОВ ВО СНЕ

«Кого во сне зовешь?» — Да разве скажешь,
Да разве помнишь о словах,
Когда всю ночь из звезд узоры вяжешь?

ПЕНА НАД ВОЛНОЮ

Нет-нет, а в тех глазах, мне чудилось, мелькала
Как будто ненависть колючкой ледяною,
Как бы короткий стон там что-то испускало,

*

И реял запах запущенного гноя.
Но, может быть, и впрямь всё это лишь казалось?

*

Улыбка, легкая, как пена над волною,
Не знает ненависти. В ней бы не вмещалось
Такое знание тоски, угара, зноя. . .

3

ТОНКИЙ ВОЛОСОК

Поле сжато. Труд окончен мой, —
Чем же связан я с чужой землей?

Денег я не получил за труд,
Из-за них ли я томился тут?

Сосны, море, солнце — всё равно
Всё, что я любил, — осквернено.

Грудь моя болит в краю чужом.
Шелковым я связан волоском.

Случай в этот плен меня завлек:
Не порвется ль тонкий волосок?

4

Прочны мои объятия, как броня.
Судьба такая. Чем ты тут сможешь?
Взгляни: когда уходишь от меня,
То сам себя найти не можешь.
Куда ж пойдешь?

* * *

Куда же ты? — «В могилу!» — Ох и слово!
Как скажешь, так душа болит.
Кто ж умирать тебе велит?

Да без тебя и солнце прячется,
Да без тебя и месяц плачется,
Весь свет как вдовый,
А он артачится!

Ну кто ж тебе велит?!

5

СЕРДЦЕВИНКА И СЕРДЦЕ

Яблочко-то кушай,
Сердцевинку брось.
Девочка, послушай,
В сердцевинке — сердце.

НЕ СТЕСНЯЙСЯ

Орехи говорят: грызи нас, не стесняйся,
Ведь зубы у тебя белей, чем наша плоть.

И вишни говорят: ты ешь нас, не стесняйся,
Ведь губы у тебя алей, чем наша кровь.

И вина говорят: ты пей нас, не стесняйся,
Дыханья твоего не слаще ль аромат!

*

И сердцу бы сказать, а вот оно — не может,
Оно в твоей руке сгорает, застыдась.
Так что же горячей: рука твоя
Иль сердце?

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Держу я первое твое письмо —
 По телу шелест счастья пробегает:
 Словечки милые и обещанья —
 Я пережил их сотни раз, наверно, —
 Ведь аромат души так драгоценен.

Всё ново, неожиданно, как чудо!
 Как будто мир чужой ты приоткрыла.
 Дрожа от радости, смотрю плененный.

ВОСК В РУКЕ

Люби меня еще — ах, милый, я боюсь!
 Я от твоей любви, как ветка, загорюсь!
 Я больше не могу,
 Я всю себя сожгу!

«Любовь нас и сожжет, любовь и воскресит».
 Так что же из меня теперь она творит?

Я словно воск в твоей руке,
 Я мед, я мед в твоём цветке,
 Как свечка, тает жизнь моя,
 Я вся твоя, твоя, твоя!

Так что же из меня рука твоя творит?

Я ВЕДЬ НЕ ВЕЧНА

Ты молвишь: «Любовь — это вечное чудо».
 Но я ведь не вечна и вечной не буду.
 Неужто не станешь искать мне замену?

Не станешь? Поверить тебе не могу я.
 Пошутишь, побалуешь — сыщешь другую.
 Ведь я же тебе надоем непременно.

Ведь я же тебе непременно наскучу!
«Умолкни, умолкни! Не мучай, не мучай!»
Скажи, а куда ж тогда сердце я дену?

Скажи, а куда ж тогда душу я дену?

9

КОЛЮЧАЯ ЧАЩА

Колючая чаша укрыла дороги,
И вот я стою на чужом на пороге.
Вхожу, и видны
Средь тьмы-тишины
В углу
Мои давние детские сны.

10

НО ВЕЧНА ПАМЯТЬ

Не будет так, чтоб я забыл
Того, кого я полюбил!

Да разве гаснет этот пламень?
Да разве выломаешь камень
Из стен, что сам же возводил?

ОГОНЕК КОСТРА

Вон светит огонек костра! Взгляни!
Он так и манит!
Иль то опять болотные огни?

НА НОВОЛУНЬЕ

«На новолунье высади росточек...»
Скажи, дружок,
Скажи, дружок, а будет ли цветочек?..

ОЛИВИЯ

«Нет, я не Оливия,
Пусть вьется плющ, укрыв ее,
Да быть ей там счастливее!

Я не Лельде, что в бреду
Ищешь в небе и в аду.
Я из стран иных иду.

Там, где месяц водит чары,
Где нет солнца, где нет жара,
Восхожу я — Синиара!
Синиара!»

АДРАСТЕЯ

Неужто счастье?!
Неужто возможно?
Неужто не снами оно наворожено?

Вихрями вертятся, вертятся сны,
Кажут мне счастье в одеждах весны,
Неужто же счастье!

Вижу во сне я, вижу во сне я
Его лицо, лицо Адрастей!

СТРАНСТВИЕ МЕСЯЦОВНЫ

Нехорошо не верить мудрым людям,
Но я не верю. Как же можно верить,
Что месяцовна умерла давно?

Ведь я ее вчерашней ночью видел:
На темно-синей лодочке плыла,
Дрожал и вился бел шелков платочек
Над мачтой золотой. Был парус ал.

Его как будто наполняло пламя.
Мы вместе с милой на него смотрели,

И вдруг — глядим, — а пламя-то погасло
И светит парус чистым серебром.

Укрытая зеленою фатой
И опустивши белу ручку в воду,
В мерцающую воду, месяцовна
Тиха и одинешенька плыла.

Мы долго-долго на нее смотрели,
И милая моя ко мне прижалась
И обняла. А лодочка скользила...

Не может месяцовна умереть.

13

ЗАВЕСА ТЬМЫ

Когда тебя нет рядом, я, ничей,
Ищу в созвездьях свет твоих очей,

Мне месяц шлет привет издалека,
Прохладный, нежный, как твоя щека,

А ночь мне очи застилает тьмой.
Раз нет тебя, мне взор не нужен мой.

ДУША УВЯДАЕТ

И сам не пойму,
Как живу без тебя.

Оставшись без мысли, без чувства, без зренья,
Я вяну, ушедший во тьму.
Ведь мне ни к чему
Самому
Ни цвет, ни полет, ни пенье —

Без тебя.

10.5. Есть! Есть! Нашел!
Да замолчи же ты, тетрады!
Отстаньте все вопросы!
Синиара!

ЕСТЬ!

Снова сжать тебя в объятьях
И дышать твоим дыханьем,
Глядя, как глаза ты жмуришь!

Только сжать тебя в объятьях,
И дышать, и любоваться, —
Вот и хватит на мой век.

ЛЮБИМАЯ МОЯ СИРЕНЬ

Чуть с тобою встречусь —
Всё позабываю,
И не вижу, и не слышу.

И не чую даже
Запаха сирени,
Хоть всегда любил сирень.

МЕСЯЦ-ЛОДОЧКА

Я месяцовночка, твоя красавица,
Вон наша лодочка стоит, качается.

Ступай да вычерпай из лодки звездочки,
Да отнеси меня на ручках в лодочку.

Ты руль придерживай, но остороженько,
Покуда лодочка найдет дороженьку.

Сама плывет она над гладью водною.
Одна рука твоя — совсем свободная.

Потянет лодочку по речке-лучику —
Ты протяни ко мне свободну рученьку.

Откинь, да ласково, с лица фату мою,
А вырваться я и не подумаю.

Мне на руках твоих согреться хочется,
А наше плаванье вовек не кончится.

ПУТИ-ДОРОГИ К СЧАСТЬЮ

Где лежат пути-дороги к счастью?

«Я не знаю, я его не видел,
Горе мыкаю. А знает тучка.
Вон она красивая какая!»

Тучка, где пути-дороги к счастью?

Вон ведь ты красивая какая.

«Я не знаю, я его не вижу,
Горе мыкаю, плыву по небу,
Да никак не доплыву и таю
По дороге. Ты спроси у ветра.
Вон он как без танцев жить не может!»

Ветер, где пути-дороги к счастью?

Вон ты как без танцев жить не можешь.

«Я не знаю, я его не вижу,
Горе мыкаю, ношусь по свету,
Обегаю круг земли, а счастья
Не найти никак. А знает солнце.
Вон оно как, зоркое, сияет».

Солнце, где пути-дороги к счастью?

Вон ведь ты как, зоркое, сияешь.

«Я не знаю, я его не вижу,
Горе мыкаю: ведь я-то слепо,
Хоть и всем свечу, ищу лучами
Первосолнце. А вот знает месяц.
Вон он как во тьме-то — не споткнется!»

Месяц, где пути-дороги к счастью?

Вон ты как во тьме-то — не споткнешься.

«Я не знаю, я его не вижу,
Горе мыкаю, ищу в потемках
То, что хоть когда-то светом было.
Так-то вот. А знает месяцовна.
У нее всеведущее сердце».

Месяц, подари мне месяцовну!

«Сам посватайся, коль не робеешь!»
Ох, от страха голова кружится.

17

АСТРЫ

Давно люблю я астры — с детских лет.
Вся комната моя полна цветами,
Мне часто руки добрые их дарят,
Чтоб радовалась я, а я печалюсь —
Я каждый раз смотрю и огорчаюсь:
Ну почему нет запаха у астр!

*

Ты протянул мне нежные цветы,
И в сердце тут же вспыхнула надежда:
А вдруг вот эти — пахнут! И невольно
Склоняюсь к ним, ловя дыханье их.

18

МИГ

«Я в жизни у тебя — лишь краткий миг.
Ты нынче восхищен, а завтра бросишь,
Опять погонишься за месяцовной».

Мы все — лишь миг на мчащейся земле,
Земля — лишь миг в огромной жизни солнца,
А солнце — миг в истории вселенной.
Не так же ль и вселенная — лишь миг?

Мы ничего не знаем — только знаем,
Что не напрасен в мире каждый миг:
Ни ты, ни я и ни любовь, что в нас,
Начавшись, окончанья не имеет.
А месяцовна — это ты!

ТЕНЬ НА ЦВЕТКЕ

Ты с каждым днем всё радостней цвела,
 Ты с каждым днем всё больше хорошела,
 Все упивались радостью твоею,
 Но вот
 Я замечаю с некоторых пор,
 Что смех твой стих, нет легкости в походке,
 Ты вся ушла в себя. Ах, что с тобою?
 Ты поднимаешь очи: «Ничего».
 Тень под глазами, жестче все черты,
 Они прекрасны, но как тенью скрыты.
 В чем дело? — «Знаешь сам». — Да что я знаю?
 — «Ты хочешь убежать за месяцовой».
 Но месяцовна — ты! — «Уже не я».

НЕГОЖИЙ ЛЮБОВНИК

Уйди! Любовник ты негожий,
 Всё у тебя одно и то же,
 Всё тормозишь, понять не можешь!
 Ах, только плавная река
 Несет, несет, несет к восторгу!

А ты — одно: хватай да дергай.
 Вот несуразная рука!
 Да ты меня за два рывка
 Уж всяко на тот свет отправишь!

Нет, ты в любви не понимаешь,
 Не можешь ты любить красиво,
 Так долго, нежно и счастливо.

ВНЕЗАПНОЕ ЛЕТО

Стройные сосны,
 Редкие ветви,
 Зелень березок
 Нежно мерцает,

Вздыхает море,
Поезд пронесится,
Говор людской,
Песок и ветер...
Море прониклось
Жарким томлением,
Чудом родится
Внезапное лето.

22

ОТВЕТЬ НА ЛЮБОВЬ

Ответь на любовь!..

Сколько ты дашь ей,
Сколько отдашь ей,
Столько ты стоишь.

Сколько истратишь
Сердца и дум,
Столько отыщешь.

Сколько исчезнет,
Столько прибудет, —

Столько ты стоишь.

23

В СЕРЕБРЯНЫХ БЛЕСТКАХ

В серебряных блесках искриться
Листве, освеженной грозю,
А высям —
Яснеть красюю.
Вот такие у нас теперь лица.

24

ВЫСЬ

Нет, нет! Не высь, не высь! Там стынет сердце!
Скорей, скорей со мной назад спустися!
Ни удержаться там, ни опереться!

И больше не носи меня по высям!

Прекрасно — плыть за облаком в тиши,
Но не снести такой накал души.
Нет, больше не носи меня по высям.

Покрепче обними и дай согреться.

9.10. Приходит осень — душа переполнена, это надолго. Мысли витают в высях и вязнут в безднах.

Можно ли стреножить время поцелуями?

Мир широк; не разорвется ли он пополам?

Ты прозорлива, видишь то, чего нет.

Не будет мне тихой жизни даже в тихом лунном свете.
Всё тоскую и тоскую.

Неужто ты права? Что со мной будет? Что со мной будет?

25

ПРИХОДИТ ОСЕНЬ

Приходит осень,
Листва желтеет, вянет, опадает,
Льет днем и ночью дождь, темнеет рано.

«Приходит осень, и приходит страх:
День ото дня всё гибнет, умирает,
Мне словно суждено одной остаться,
Всех проводить и всех похоронить,
А все страдания — а ведь их так много! —
У всех принять и все перестрадать.
Нет, я не вынесу! Ах, как мне тяжело!
И никого, кто пожалел бы хоть...
Приходит осень...»

*

Ах, девочка моя, а кто бы вынес?
Лишь тот, кто не один, когда тихонько.
Приходит осень.

ОТЛЕТ ЖУРАВЛЕЙ

Лист на земле лежит обмякшей кровлей,
 Чуть плещет море, стала даль светлей.
 Куда же ты глядишь с надеждой? Молви!
 Уж не на мачты ль уходящих кораблей?
 Не вслед ли стаям
 Белых журавлей?

ОТРЕШЕННАЯ КРАСОТА ПРИРОДЫ

Стать пред отрешенной красотой природы —
 Это ли не счастье, высшее на свете?
 Мир позабываешь, о себе не помнишь,
 Вознесенный в небо из юдоли скорби.

Но сама ль природа зрящего возносит
 Или зрящий сам ей вознесенье дарит,
 Взглядом выбирая красоту по крохам
 И создав картину, словно живописец?
 Что ж нас поит счастьем? Мир, что нас не знает?
 Или этот поиск красоты в том мире?

УЛЫБКИ МЕСЯЦА

Ярость солнца остается за горами,
 Колесо земли вращается неспешно,
 Вглубь и вглубь уходит — в самые потемки.

Ночь, готовясь, путь шелками устилает,
 Звезды месяцу распахивают двери,
 Месяц свет несет в сосуде серебристом.

Боль от ран дневных врачуя и смягчая,
 Тихий свет неспешно льется из сосуда
 В мир, который в сон глубокий погрузился.

Полон тихий свет безвестных, тайных песен —
 Непостижное предощущенье духа
 Выплывает из безмерной глубины неба.

Пробуждаются в предошущенье духа
Чьи-то души, не нашедшие покоя
Ни во сне, ни днем, ни ночью и ни в смерти.

К теням будущего чаянья стремятся,
Мысли зрелые штурмуют крепость тайны,
Скорбь о мире сущем жаждет перемены.

В ночь предчувствий раствориться души жаждут,
Не исчезнув, слиться с душами другими,
В новой сути к новой вечности стремиться.

Путь иной, конец пути — о, неужели
И конец, дитя усталости, желанен? —
Грань усталости надежды преступают.

Вечен свет из серебристого сосуда,
Колесо земли вращается неспешно,
Чтобы вновь страдать, крутясь под звонким
солнцем.

Звезды шелк снимают, двери затворяют,
Гаснет свет в сосуде серебристом,
Месяц тихо улыбается рассвету.

Луч улыбки этой глаз твоих коснулся.

ТЕМНЫЕ ГЛАЗА И НАЛИВНОЙ РУМЯНЕЦ

Вы, темные глаза и наливной румянец,
Вы столько радости мне принесли,
Открыли мне врата за край земли,
Вы душу оживить смогли,
Вы, яркие глаза, и ты, сплошной румянец.

Но ежели та яркость угасает,
Но если тот румянец увядает,
То открывает
Иные яркие глаза, иной румянец
Ожившая душа

СТРЕНОЖИТЬ ВРЕМЯ

Кто звездам быть недвижимыми положит?
Они бегут
И расстаются тоже.
Ах, очи милые, а кто иначе может?
Кто время поцелуями стреножит?

30

ОТРАЖЕНИЕ

«Ну почему же ты молчишь?»
— «Да так...»
— «Зачем ты так глядишь — зрачки в зрачки?
Слова твои, как взор твой, далеки...»
— «Да? Далекы?»

В твоих глазах я вижу чей-то лик,
Он из сиянья бледного возник;
Нет, нет, не я! Я раньше там была,
Я раньше там, в твоих глазах, жила, —
Там девушка, ты с нею, с молодой,
С красивой, на щеке твоей ладонь,
Нет, не твоя — ее, ее рука
Из прошлого скользит, издалека,
И в прошлое влечет тебя с собой, —
Назвать ли имя — прежней, дальней, той?»

«Ах, сумасбродка, что ты говоришь!
Ведь это ты, лишь ты в моих глазах...»
— «Не уходи к ней! О, не уходи!
Не уходи!..»

31

ПОРВАННЫЕ МУКИ

Увидел на рваных бумажных полосах
Слова и осколки каких-то виршей,
Презрительным взглядом по ним прошелся,
Почуял в них мýку — как укололся,

И сердце дрогнуло в такт с их голосом,
Так и не спевшим, но растравившим.

Уйдите же, рваные, прочь с моих глаз!
Иль я никогда не избавлюсь от вас?

32

НЕМОЛЧНЫЕ МУКИ

Когда бы му́ку сердца
Я мог заговорить,
Она бы перестала
Расправу в нем творить.

Одну заговорю я,
Одной скажу: «Не смей!» —
Ее другие сменят
Клубком шипящих змей.

33

ЛОМАЕТСЯ СУДЬБА

Жить в этой жизни — не всё,
Мало постигнуть ее.
Надо над жизнью взрасти,
Стать над своею судьбой.

Мира грядущего семя
В сердце твоём набухает.
Жизнь — скорлупа... И душа
Сбросит оковы, созрев.

34

УХОЖУ САМ К СЕБЕ

Снова отбываю
Сам к себе
Навсегда я.

Дома всё осталось,
Что в судьбе
Мне досталось.

Дома у порога
Всё я брошу —
И в дорогу.

Без воспоминаний
Тяжкой ноши
И познаний.

Вам здесь жить гурьбою,
Мне ж — иной тропюю
Самому с собою.

35

ГДЕ ТЫ САМ?

«Тебе я, мой любимый, рассказала,
Что на душе: что я тебя люблю,
Что сердце твоему открыто взгляду,
Как свет луны и как мои глаза;
Но песнь твоя — моих порывов эхо,
Зачаровать умеет голос твой,
Слова любви — в них жизнь моя замкнулась, —
Но сам ты где, любимый? Где ты сам?»

«Себя я запер наглухо в железо —
Так в толстые, тяжелые цилиндры
Закован, заперт, втиснут кислород.
Ах, если вдруг непрочно станут стенки!
Могуч безмерно атом вещества;
Когда идет материи крушеньё,
Такие силы движутся к свободе,
Что нам и не измерить их поток.
Им только волю дай — и взрыв бы грянул,
И я бы разлетелся, ты бы тоже,
И вся земля!..»

— «Ах, ты всегда пугаешь!

Казалось мне, что ты утих немного,
А ты опять грозишь. Зачем? И чем?»

— «Чем? Чем-то новым. Может быть, кончиной».

НОЧЬ ОБ ЭТОМ МОЛЧИТ

Как рвутся деянья, сшитые днем,
Как слезы ночные льются ручьем, —
Ночь об этом молчит.

Безумны восторги в тиши, в ночи,
И душат угрозы, как палачи, —
Ночь об этом молчит.

Каждого ночь призывает в жилье,
В день ни один не уйдет от нее, —
Ночь об этом молчит.

Каким тебя ночь опалает огнем?
Каков ты ночами, смеющийся днем?
Ночь об этом молчит.

Всё, чему днем расцветать дано,
В темень корнями погружено, —
Ночь об этом молчит.

ЧТО ТАКОЕ НОЧЬ?

Ночь ли то, что ночью называем?
Солнце отвернется — сразу темень,
Солнце глянет снова — день наступит.

Нет! Ведь ночь — то, что долой от солнца
Вдаль бежит, пока не станет солнце
Крошечным, как звездочка, как искра.

Всё уйдет: звезда, и мгла, и очи,
Холодно, черно, пустынно, тихо —
Ночь; ах, это ночь — в нее идти мне,

Если уйду я от тебя.

БЕСЕДА

«Ты от меня уходишь? Почему же?
 Я всё это всегда считала шуткой —
 Плохой, но шуткой: ты грозился, чтобы
 Тебя я не бранила. . . Но теперь-то
 Зачем ты всё твердишь: „Уйти я должен!“?»
 — «Ах, это ночь зовет, и я обязан. . .»
 — «Ну что ты мелешь в каждом разговоре
 Такую чепуху, что просто ужас?
 Ведь умный человек ты. . .»

— «Но, однако. . .»

— «Молчи! Ведь я права в своих упреках:
 О чем твердишь ты? Что еще за ночь?»
 — «Я должен в этой ночи возродиться».
 — «А почему же тут не возрождаться?
 Тут делай всё, что хочешь и что можешь».
 — «Мне возродиться надобно душою».
 — «Ну что за бредни! Что с душой твоей?»
 — «Весь этот мир негоден. Одряхла
 Его душа. Он должен возродиться,
 И это сделать только я могу».
 — «Мир сам решит. Тебе-то что за дело?»
 — «Я — часть его. И я за всё в ответе».
 — «Тебе весь мир, сдается, нехорош;
 А я, скажи мне, я-то хороша ли?
 Ведь ты твердил, что я и есть твой мир».
 — «Ты силы мне дала идти всё дальше,
 Иначе б я в пути упал, усталый,
 И не достиг бы цели, но теперь. . .»
 — «Так, значит, я в тебя вдохнула силы,
 Чтоб от меня ушел ты в благодарность?!»
 — «Но, милая. . .»

— «Ну что ж, иди! Но помни:

Ты, уходя, связь с миромрываешь,
 Ты рвешь меня! Ты своего добьешься
 И возродишься, а когда захочешь
 Назад вернуться — больше уз не будет;
 К чему тогда всё это возрожденье?
 Погибну я — погибнешь тут же ты».
 — «Здесь тоже я умру — без возрожденья».
 — «Спокойней умереть в моих объятьях. . .
 А лучше жить, припав, прильнув ко мне!»

— «Но так я возрожденья не узнаю».
— «Не я, а лишь оно тебя волнует?
Не будет ни тебя, ни возрожденья!
Умру я, что мне в жизни без тебя?»
— «О нет, любовь, душа моя! Пусть сгинет,
Исчезнет всё — я у тебя останусь.
Как ты прекрасна! Как тут всё красиво!
Мир светел, потому что есть в нем ты,
Что в нем с тобой, с прекраснейшей, сравнится?
Иди ко мне, иди, целуй меня!»
— «Ну что я говорила?»
— «О, права ты...»
— «Но, милый, ах, я до смерти устала,
Борясь, единоборствуя с тобою
За жизнь свою — ведь я тебя люблю...»

39

ПЛАЧ

Плач небес — то дождевые капли,
Плач морей — то драгоценный жемчуг,
Плач земли — покинутые дети.

40

ПРОЩАНИЕ

«Я не держу тебя, иди, мой друг,
Поверь, и эта жертва мне под силу,
Но знай, напрасно это. Для меня
Помочь тебе всего важнее было».

«В любви твоей я силу приобрел,
Но я любовь отдам и всё оставлю,
Чтоб большего достичь, а ты...»

— «А я?»

Мне это ни к чему, я не смогу
Любить тебя сильнее, чем любила;
А мне осталось лишь тебя любить,
Да, мне осталось лишь тебя любить,
И в этом мне разлука не поможет;
Но я бы в ней отраду находила,
Когда бы знать, что это для тебя.

Иди, тебя иное счастье ждет,
Нет больше сил, иди!..» — «Я остаюсь!»

«Нет, не щади меня, иди, иди, мой милый!»

*

Impravidum ferient ruinae!¹

41

РУКА С ПЕРСТНЕМ

Дождь кончился. Как белая рука,
Простерлось облако над тихой далью,
И радуги сияющий осколок
Переливался, точно камень перстня.
Тянулось облако из дальней дали
И тихо таяло, и таял перстень,
И ночь на море пала покрывалом.

Не ты ль меня звала из дальней дали?..

Рукопись этой книги стихов я получил точно так же, как и рукопись «Серебристого света», в виде приложения к письму; сам автор так и не изволил показаться и, хотя любовь к родине долго удерживала его, все-таки собирается уехать. Сопроводительное письмо на этот раз еще более характерно.

В частности, в нем высказаны сомнения по поводу публикации «Серебристого света», а также возможности издания и настоящей рукописи, ибо форма стихов в обеих этих книгах настолько своеобразна и непривычна, что, по мнению автора, они ни у кого не вызовут сочувствия и интереса. Автору чуть ли не представляется, что, будучи напечатаны сейчас, его стихи окажутся вынуждены ждать своего часа, как засушенные цветы, вклеенные в гербарий. Не лучше ли, спрашивает он, если они, когда к ним пробудится интерес, выйдут, радуя глаз свежестью? Он-де сам мог бы и подождать; судьба стихов его не особенно заботит, они его не связывают. Ему просто не хочется уезжать, не попрощавшись, и с него, мол, будет довольно, если я приму роман-историю его жизни как прощальное слово.

¹ Развалины сразят бесстрашного! (Лат.). — Ред.

Ему стыдно, пишет он, за столь долгие отлагательства с отъездом, неизбежность которого им так давно осознана. Но тут он мог бы только напомнить о мудром Конфуции и его большой, его величайшей любви к родине: Конфуций тоже очень долго не решался покинуть родину, хотя понимал, что ей он больше не нужен, да и родина его не удерживала. Со своей стороны могу заметить: позже оказалось, что Конфуций был очень нужен своей родине и она много веков жила плодами его трудов.

В заключение Дагда пишет, что отбывает якобы в иную жизнь, которую обыкновенно жизнью не называют. Что он под этим подразумевает? Я волен вообразить себе что угодно, но не могу сказать ничего, за что в силах был бы поручиться.

Эта тетрадь стихов не имела названия, но так как все они пронизаны темой «месяцовны», я решил так и назвать ее, хотя, возможно, правильнее было бы сказать — «сон о месяцовне». Тем более что сам Дагда закончил свое письмо маленьким стихотворением о сне жизни: цепь событий своей жизни он сам готов был почесть за сон. Цепь эта предстает нашим глазам в столь завершенной форме и настолько внутренне последовательна, что всю книгу следует назвать рассказом или новеллой. Горький рассказ.

Пусть недолог жизни сон —
Лишь бы не было в нем боли.
Пусть уходит он, но лишь бы
Следом не осталась боль.

ПОЭМЫ

436. AVE SOL! ¹

ВСТУПЛЕНИЕ

Между ранним восходом и поздним закатом
Длится праздник цветов с их живым ароматом.

1

Как мне найти название песне вечной?
Как слабым словом передать мне то,
Что в звуках во вселенной бесконечной,
Уму непостижимо, разлито,

Что с днем встает и меркнет, с ветром реет,
И рушит гром, и, проицая лед,
В нагих полях ростками зеленеет,

Звуча сквозь мировой круговорот,
Где смерть миров и новых солнц восход?

2

То — вечной силы поступь и дыханье,
В тьму хаоса несущей светоч дня,
В борьбе стихий рождая мирозданье
И вихри смен в единство единя.

Скажи об этом: жизнь, движенье, воды
Потоков буйных, бешенство огня;
Скажи: восторг, мятеж, весна свободы.

¹ Славься, Солнце! (Лат.) — *Ред.*

Слов не найду! Гляжу лишь в тот простор:
Там — солнце! И в ладони прячу взор!

3

До дна души волнует сила эта,
Безмерна боль: блеск нестерпимый бьет;
Безмерна радость: в ликование света
Ты возрожденья чувствуешь полет.

Сомнения, владевшие душою,
Уходят прочь: стал синим небосвод,
И дух — на подвиг вдохновлен борьбою.

Смерть не страшит высокие сердца:
Струит им солнце счастье без конца!

РАННИЙ ВОСХОД

Не только жить, но быть силь-
ным, вот — жизнь!

Учение римлян

1

Как самой лачуге, душно
И тому, кто в ней ютится.
Стены копотью покрыты,
Потолок нависший давит,
Дым и чад ползут лениво,
И потухшим мутным взором
Вдаль окно глядит, мигая.

2

А в полях ветрам раздолье:
Старых крыш солому треплют,
Дым развеивают в клочья,
Гнут деревьев голых ветки,
Гонят желтый лист осенний,
Вихрят снег в метелях буйных,
Волны мчат, колеблют скалы,
Облака сгребают в кучу
И, сметая, черной грудой
Валят их в провалы неба.

А в полях — ветрам раздолье:
 Просветлев внезапно, небо
 Открывается бездонно,
 Солнце, вынырнув, блистает,
 Взор слепит, как бы ударом,
 И на миг под ярим блеском
 Замирает в страхе сердце,
 Голова, хмелея, никнет.

И тогда в душе всё выше
 Пламя радости взмывает,
 Под теплом лучистой ласки,
 Сон стряхнув, светлеет разум,
 Нет в груди оцепененья;
 Чувства — новому открыты —
 Сотней рук вбирают радость
 В сотне образов — всё сразу,
 Как в беспамятстве, хватая.

И глаза опять раскрылись
 Блеску яркому навстречу
 И, еще как бы в смущенье,
 Очарованные светом,
 Устремляются в восторге
 Вслед ликующему солнцу.

Солнце поднялось высоко,
 Широко лучи раскинув,
 Мрачный сумрак разогнало,
 Всё кругом окрасив счастьем:
 Лес угрюмый лба не хмурит,
 Ветки смело распрямились,
 Расцвела улыбкой пашня,
 Раздается щебет птичий,
 Звери норы покидают,
 Дали ширят гром весенний,
 Дымкой пар с земли струится.
 Всё кругом преобразилось!
 И глаза, встречая солнце,
 Обновленной видят землю!

Солнце поднялось высоко,
 Свой великий путь свершая,
 Холодком слегка повито.
 С моря — ветры-ледоломы,
 Гул вокруг, и треск, и грохот,
 И томят, и манят дали.
 Вскинув солнечные копыя,
 Ветры снег разят, блистая,
 Колют лед, ручьи вскрывают,
 Будят сразу их от спячки,
 Выпускают их на волю;
 На дремавших тихо нивах,
 Что к земле припали робко,
 Буйный шум теперь гуляет,
 И томят, и манят дали,
 Нежной шелковой нитью
 Путь прокладывая к солнцу.

Солнце, весело шагая,
 Всё улаживает быстро:
 Дни растит, срезает ночи,
 Растянувшиеся слишком,
 И ущербный чахлый месяц
 Сталкивает с небосвода:
 «При ночах ты был дозорным,
 Как же дал им свет осилить?
 Вот теперь во мрак и стужу
 Ночи землю заключили».

И, швырнув на наковальню,
 Бьет серебряной секирой
 Так, что брызжут звезды-искры:
 «Юным стань, блистай поярче,
 Светлым взором тьму пронзая,
 Пусть и ночью нет ей места!»

Солнце шествует со смехом
 По тропе борьбы суровой,
 Гонит мрак из всех задворков,

За вихры леса таскает,
Из яров мороз волочит,
Прячущийся под корнями,
Ливни шлет, ручьи вздувает,
Градом бьет, ломает бурей.
Смотрит пахарь ясным взором:
«Ах, пусть буря ломит рощи,
Пусть по ниве хлещет градом,
Пусть разлив поля размоет,
Пусть хоть гибель, — но я видел
Миг великий пробужденья,
За которым — жизнь и солнце!»

9

Солнце на пути великом
Над землей шагает звонко:
Отшвырнув обломки мрака,
Золотой свой след роняет
На луга, поля и нивы,
На болота, боры, горы,
На простор широкий моря,
На высокий, необъятный
Свод небес, — в его лазури
И на травах изумрудных
Золотыми письменами
Путь свободы отмечает.
Льет свой блеск до стран полных
С вечным сумеречным снегом,
Словно вал, навстречу вставшим.

10

Солнце на огромных крыльях
Мчится по небу, сверкая
Золотым орлом в лазури,
Распростершим мощно крылья
От востока до заката;
Перед ним простор распахнут,
Словно перья — рвутся тучи.
Нет преград полету солнца!
Всё пространство им объято:
И над полюсом сверкает,
И в твоих глазах смеется.

Ширит крылья, вздыбив перья,
Когти в лед, как в воск, вонзает
И с землей-добычей мчится.

11

Солнца огненные очи
Смотрят смело и победно,
Вкруг всего земного шара
Тьму выискивая зорко:
В чаще леса и в пещерах,
Под камнями, на болотах,
И в ущельях, по обрывам.

Холод, ночь и зло таятся,
Уходя всё глубже в чашу,
И хоть страшно им, но всё же
Слуг своих под гнетом держат:
Всех червей и змей коварных,
Пресмыкающихся, черных,
Злобно жалящих, шипящих.

12

Солнца огненные очи
Всё пронзают, всюду ищут:
Где еще у ночи норы?
Проникают в лбы тупые,
Где укрылись злые мысли,
В скорлупу сердец жестоких —
Темных дел приют укромный, —
Разрывая те покровы,
Что соткал холодный разум.
Низость, зло и преступленье
Беспощадно обнажают
Перед взорами людскими.

13

Солнца огненные очи
Смотрят смело и победно
В темень нор, где дым и копоть,
Где еще, всё глубже прячась,

Ночь зловещая ютится:
Сквозь зловонье узких улиц,
В затхлый мрак сырых подвалов,
Где, навек пленен, томится
Из живущих в целом мире
Самый слабый и несчастный —
Человек, что в рабстве жалком
У другого человека.

14

Солнца ласковые очи
Пронизали дым и копоть
И сквозь толщу стен подвальных
К обездоленным пробилась,
И струят тепло лучами
В изможденные от горя
И невзгод сердца людские,
Чтоб поднять их вместе с солнцем
К настоящей яркой жизни!
Раны старые врачуют,
Пробуждают вновь надежду
Вместе с гордостью забытой.

И сердцам, под лаской солнца,
С дрожью радостною мнится,
Будто к ним из синей дали
Детство светлое вернулось,
Канувшее в сумрак ночи.

ПРАЗДНИК ЦВЕТОВ

Будь у тебя в сердце тысяча
ворот, как в Фивах, — впускай
радость во все ворота.

Древнегреческая поговорка

1

Солнце, с юной, новой силой
Засверкав, стоит в зените.
В нити длинных дней горячих
Ночи краткие вплетает,

Зная лишь недолгий отдых
Меж трудов великих света.

Гонит мрак и рушит царство
Гнета, злобы и насилья,
Новой жизни путь готова.
В прах отжившее крошится,
Отползает мрак всё глубже,
Вот клубком в земле свернулся
И шипит в бессильной злобе:

«Над землей пусть светит солнце, —
Вглубь ему ведь не проникнуть
И не вызвать жизнь в могиле!»

2

Солнце, с юной, мощной силой
Засверкав, стоит в зените,
Смотрит вниз, светло смеется;
Бороздит поля лучами —
Кони белы, златогривы,
Лемеха блестят алмазно, —
Зерна света сыплет в землю
Из огнистого лукошка;
Дерн с могил срывает старый,
Из мочаг вбирает влагу,
Град и ливни шлет, и воздух
Вихрит, ветры раскаляя, —
Все дела свершает разом!

3

Солнце с ласковою силой
Смотрит вниз, смеется мягко
И, своих лучей потоки
Щедро всюду проливая,
Всё от нежности трепещет.
Жесткие сухие ветки
Ласкою живут лучистой,
Под корой деревьев грубой
Новые, живые соки
Пробудились, забродили
И, бурля, стремятся кверху,

У ветвей по гибким пальцам
В каждой жилке разливаясь;
Из ветвей и нежных стеблей
Манят почки и бутоны.

4

Солнца ласковая сила
Землю в зелень трав одела,
Разлила повсюду чистый
И душистый запах травный
И пылью — цветов дыханьем —
Воздух свежий напоила.

Яркий венчик свой колебля,
С ясноглазую улыбкой
И дыханьем благовонным
Все цветы раскрыли губы —
Лепестки и, млея, рдеют,
Только взглядом признаваясь
В той любви, давно таймой,
Что томилась, так стыдливо
О взаимности мечтая.

На детей любви прекрасной
Солнце смотрит, улыбаясь.

5

Целый день сверкает солнце
Золотом бледно-зеленым,
Убаюканную землю
Золотой окутав сетью.
На горах и в море неба,
В быстрой смене радуг — синих,
Ало-белых и зеленых —
Пляшет солнце, сыпля искры.
Головой встряхнет — струятся
Золотых волос каскады,
Над землею расстилаясь
Шелковистыми волнами.
А земля в тепле блаженном,
Дрожью сладостной объята,

Улыбаясь, раскрывает
Тысячу очей озерных,
Вся — для счастья пробуждаясь.

6

Солнце целый день сверкает,
А земля навстречу дышит:
Сладостной любви дыханье
От полей несется в полдень,
Из лесов плывет под вечер.
В норах скрытых мрак бормочет:
«Ты пляши, пляши, красуйся,
Это — пляска над могилой,
Там свою ты справишь свадьбу,
Гроб — любовным будет ложем!»

А цветы в ответ смеются:
«Гроб и тлен — тебе оставим!
Мы, рожденные любовью,
Брака солнечного дети,
Мы — идем владеть вселенной!»

7

Солнце всё сильней сияет,
Тьмы глаза от злобы слепнут:
«Над землей пляши, над морем, —
Не сиять тебе в глубинах:
В тундре — вглубь лишь полсажени —
Мерзлота лежит веками,
Вглубь полсотни сажен в море —
Тьма извечная простерлась
На пятнадцать тысяч сажен;
В тьме — светящиеся рыбы,
Им совсем не надо солнца,
Им наверх подняться — гибель:
Лишь под гнетом жить и могут».

А в ответ смеются волны,
В них, как блески солнца, — рыбки:
«Царством смерти правь в пучинах!
Здесь, вверху, всей жизнью правит
В ликованье блеска — солнце!»

Солнце в ликованье блеска
 Целый день сверкает яро,
 А земля навстречу дышит.
 Дали радостно разносят
 Песни славы и победы:
 Солнце силой всемогущей
 Одолело мрак и немощь.
 В воздухе струится дымка,
 Море, до краев вздымаясь
 И взыграв, с размаху плещет
 Пену белую на берег.
 Солнцем мир в парчу наряжен,
 Горы — в бархат серебристый,
 Небо — в звездные алмазы,
 Тень долин — в живое пламя,
 Чтобы вдосталь дети солнца
 Пили, праздную свободу!

Солнце без конца сияет.
 Ты стоишь, охвачен солнцем,
 Всё глядишь — не нагладишься:
 Ливень блеска золотого
 Льет в лицо — на лоб, на щеки,
 На глаза, на рот, на кудри,
 Так что даже шарф срываешь —
 Грудь открыть потоку солнца.

Солнце льется прямо в сердце,
 Где сгустился мрак давящий,
 Стоны скорби вырывая.
 Льется — и былые муки,
 Как придушенные змеи,
 У тебя из рук валятся.
 И твой дух, согретый солнцем,
 Вместе с воздухом полудня
 Ввысь взлетает, окрыленный.

Солнца светом весь объятый
 И теплом его пронизан,
 Чувствуешь себя прозрачным,
 Любопытными глазами
 Сам себе ты смотришь в душу —
 Словно в нити бус янтарных,
 В тайны сердца проникая.
 Ты дивишься: нет обиды,
 Душу ненависть не душит,
 Ясен ум, беззлобно сердце, —
 Это будни их давили.

И душа преобразилась
 И летит навстречу солнцу
 В легком облачке воздушном,
 Как в сорочке белоснежной,
 Где каймой синее небо.

Солнце без конца сияет;
 Из сердец лучится солнце:
 В них любовь рождается снова.
 И они, самозабвенно,
 Разливая светом разум,
 Увлекая братьев к солнцу, —
 Сами — зеркало для солнца!

Мрак язвит, сомненья сеет:
 «В сердце зло живет извечно:
 Корни трав — в земле, во мраке,
 Корни сердца — в себялюбье;
 Не преобразить их солнцу,
 Сердце в злобе вновь застынет».
 Но сердца, лучась, смеются:
 «Сердце, что ни тьмой, ни кровью,
 Ни сомненьями не смято, —
 Мир возьмет в обличье солнца!»

Солнце греет всех, свободой
 И любовью наполняя.
 Все сердца легки и ясны,
 И у всех большие мысли
 Через время и пространство
 Мчатся в новый мир, где — верят —
 Будет равенство и братство.

Снова мрак язвит сомнением:
 «Сам ты добр, но пусть ягненком
 Станет волк, слугой — хозяин;
 Или будет всё как было».

Смех глушит сомненья мрака:
 «Солнце нас растит и учит,
 Пусть мы злы поодиночке —
 Воля масс к добру стремится,
 Всех ведя с собою к солнцу!»

Солнце без конца сияет,
 И ему навстречу толпы
 Из глубин земли выходят:
 Зыблясь, как цветы, как травы,
 Покрывая ширь земную,
 Вылезают из подвалов,
 Двигутся сквозь дым и копоть,
 Сквозь зловонье узких улиц,
 С фабрик, где их пот струится,
 Из цепей и мрака тюрем,
 С ледяных полей пустынных,
 От страданий, мук и крови. . .
 То из всех живущих в мире
 Самый слабый и несчастный —
 Человек, что в землю втопан
 Алчной властью человека. . .
 И текут рабочих толпы,
 Искалеченных и бледных,
 Но в глазах огонь пылает —
 Солнце жгучее свободы!

Солнце мощное свободы
 Светит новой силе мира:
 Даже слабый стал героем,
 И сыны труда стремятся
 Праздновать расцвет свободы!
 Люд рабочий — здесь все расы
 И народы — майский праздник
 Свой справляет и клянется
 Строить братство, быть борцами,
 Чтобы всем сверкало счастье
 В человечестве едином.
 В боевых речах и песнях,
 Рвущих воздух гулким громом,
 Блеском солнца над полями
 Рдеют алые знамена,
 И сквозь маки алых стягов
 Солнцелико блещет юность
 Сыновей труда и солнца!

ПОЗДНИЙ ЗАКАТ

Крепитесь — и сохраните се-
 бя для будущих дел!

Вергилий

1

Полным блеском блещет солнце,
 Золотым смеется смехом
 В полдень, в середине лета.

Небо — сплошь одно сиянье,
 Весь простор — как отблеск света.
 В поле каждая травинка
 Налита блаженно солнцем;
 На дороге все песчинки,
 Словно звездочки, мерцают.
 На меже едва присядешь,
 Как тебя охватит зноем:
 Целый день земля и солнце
 Вместе жаром ярым дышат.

Озеро до дна прогрето,
Душны сны у поздней ночи.

2

День пропитан ярым зноем,
И насадкою-орлицей
На гнезде-земле расселось
Солнце, перья распушило;
В зной пойдут ростки быстрее,
Все скорлупки треснут, всюду
Вылупится жизнь, ликуя:
Лес густой — на голых дюнах,
Волны ржи — на тощем поле,
Шедк лугов — в песках бесплодных,
Звери — в чашах, в реках — рыбы,
Стаи птиц — в просторах неба,
Семена живые — всюду.
Солнце каждой малой искрой
Жизнь несет в сердца людские;
Целый мир в них отражает
Солнце — создатель жизни.

3

Солнце, создатель жизни,
В голубом эфире стоя,
Щедрую рукой зеленой
Сыплет жизненные блага.
Бетер плащ свой шелковистый
Развевает над полями
И пыльцу у ржи цветущей
Легкой дымкой подымает,
Чтоб волной — из поля в поле —
Семена переносились.
Запах зреющих колосьев
Всем сулит покой и счастье,
А медвяный запах хлеба
Обещает изобилье:
Целый год все будут сыты,
Голодать никто не будет!

Ночь, таясь в корнях, на травы
Отряхает злобно иней:
«Ну-ка, глянь, создатель жизни!»

Созидатель наш державный —
Солнце — всё живое греет;
В счастье всех — величье солнца!

Кто выходит славить солнце?
Сотни маленьких сироток
Ножками бегут босыми:

«Солнце, словно мать родная,
Согревает нас, несчастных,
Золотой метя метлою,
Серебро семян посеяв,
Превращает наши слезы
В жемчуг радости бесценный:
Тех — сорочкой серебристой,
Этих — золотым кафтаном,
Всех надеждой оделяет
Из зеленой чаши неба».

Ночь, таясь в корнях, на травы
Отряхает злобно иней,
Сеет рознь в сердца людские.

Ярче пламенеет солнце,
За плечами ночи стоя,
И рукою белой утро
Зорь касается вечерних.
Бьется тьма в тисках у солнца.
Тьма шипит: «Уже успело
Завладеть ты всей землею?
Всем открыть источник жизни?
Всё равно, как ни сияешь, —
Царствовать тебе недолго:
Дни твои пошли на убыль.

Ты хотело с корнем вырвать
Всё старье? Украсить землю
Небывалыми цветами?
Вызвать мрак на поединок?
Тут и ждет тебя гибель:

Скоро жизни ключ иссякнет,
И земля зальется кровью,
И тебе — не быть, исчезнуть!»

Солнечно душа смеется.

6

Ярче пламенеет солнце
И, сухим объято гневом,
Белым светится накалом:
Не дает и в полдень тени.
Засучив рукав, катает
Огненной рукою солнце
Шар каленый в знойном небе;
Истекая звездным потом,
Золотой кует кувалдой,
Ливнем искр на землю брызжет.
Где упали — дым клубится
И пруды, мелея, слепнут,
Дрябло сохнут щеки топей,
Груды скал — в зигзагах трещин,
Травы старые поблекли,
Как и всё, в чем жизни мало.

Горн готов: старье пусть гибнет —
Выплавится новь на смену!

7

Белым жаром пышет солнце,
Мрак, начав борьбу иную,
Даже зной берет подручным
И ведет на битву с солнцем
Всё мерзейшее в природе:

Из болот гадюк скликает,
Из прудов — слепящих мошек,
Множит смрад гнилой отбросов,
Бурой ржой колосья точит,
Голод шлет, болезни, беды,
Мор, лазутчиков, чудовищ,
Синий град и дождь кровавый.
Всех иуд для жизни солнца,

Всех убийц для духа солнца,
Извращения и пороки, —
Всех на помощь созывает,

Чтоб и дух и плоть народа
В грязь втоптать и уничтожить!

Но душа к борьбе готова.

8

Белым жаром пышет солнце,
И в одной руке поднятой —
Меч серебряный, в другой же —
Сноп пшеницы золотистой:
Гонит мрак и в то же время
Урожай собирает с нивы.

Завершив свой труд великий,
Солнце может день убавить.
Подползает мрак всё ближе:
«Кончен труд? Воробьи веют,
Воробьи молотят землю,
Что тебе цветущей мнилась,
А детей качают — совы.

Землю ты тревожишь только:
Коль согреешь — зеленеет,
Без тебя — она бессильна,
И была моей и будет!
Хмель цветов уже развеян,
Всё готово к жатве смерти!»

9

Белым жаром пышет солнце,
В золотых объятьях держит
Землю в пелене воздушной.

Дочь единственная солнца
Скоро станет сиротою:
Солнца дни пошли на убыль.
«Дочь-земля, не плачь напрасно:
Свежий цвет цветет — и вянет,

Пламя чувств горит — и гаснет,
Гром борьбы гремит — и молкнет,
Коль закончен труд великий.
Из цветов — плоды родятся,
А из чувств — дела, и время
Мчится в колеснице грома:
Всё готово к жатве жизни!

Сила солнца урожаем
Одарила землю. В браке
Двух начал — исток вселенной!»

Тьма шипит: «Творец вселенной
Сам другому солнцу служит!»

10

Белым жаром пышет солнце:
«Дочь-земля, тебя всё выше
Понесу, к другому солнцу,
К матери всей нашей жизни;
Тьме туда и не добратся!
По кругам проходит время,
Каждый круг ведет всё выше.
Путы тьмы с себя ты сбросишь
В миг великий столкновенья:
Мир весь пламенем охватит,
Пар заполнит всё пространство,
Дым дойдет до звезд далеких,
В буре новая взметнется
Жизнь, вращаясь бесконечно.
Вещество в миры сгустится,
Что вскружатся в новой пляске,
Новых солнц лучами греясь».

Но земля понять не может,
Как ей жить без солнца, — молит:
«Солнце-мать, со мной останься!»

11

Солнце в дальний путь собралось:
«Ты, душа, будь искрой солнца:
Утешай в сиротстве землю!»

Ей — душа: «Не плачь: ведь смерти
Нет для солнца! Вечно пламя
Льет оно, не зная тени, —
Ночью, днем, зимой и летом.

Ты, земля, лицо от солнца
Отвернешь в прохладу ночи —
И спешат на отдых люди;
Кажется, исчезло солнце;
А тебя заслонит месяц —
Кажется, затмилось солнце.

Ты — горошинка, а месяц —
Лишь песчинка в небе. Как же
Вам затмить собой светило!

Дождь, и снег, и тьма, и зимы —
На земле ведь, не на солнце,
И в разгар зимы — к весенним
Дням сворачивает солнце».

12

Солнца белый блеск желтеет,
И земля зимы боится:
«Солнце есть, а я погибну,
Вся краса моя исчезнет».

Ей — душа: «Умрешь — воскреснешь:
Жизнь из смерти вырастает.
Красоту оставишь детям.
Все умрут, но смертный — делом
В человечестве бессмертен!
Солнце светом озаряет
Землю, и людей, и нивы;
Вереницы звезд, пространства —
Всё к вершинам подымает;
Раскрывая своды неба,
Растворяет двери тайны
И неравенство стирает;
И, в борьбе неутомимо,
Освещает вечным светом
Путь для новых поколений.

Уподобимся же солнцу!»

На закате солнце. Стелет
 По земле туманы, словно
 Простыни нежнее шелка,
 А поверх туманов ветры
 Пухлых туч кладут перины.

С резким воем мчится осень,
 Опоясанная бурей;
 И стеклянными глазами
 Сумерки зима пронзает:
 Не пора ли ей явиться?

Вороны, черны, угрюмы,
 Точат клювы, чуя беды;
 Влага оплотнела, гасит
 Вид на горы золотые;
 Белые орлы сиянья
 Редко в тучах пролетают.
 Рощи сплошь одеты в траур,
 Плачут травы на полянах,
 На изломах волн бурливых
 Поздний свет мерцает жутко.

Солнце в дальний путь собралось
 И себе наряд готовит:
 Рдеет край небес багрянцем,
 Шелкотканый плащ распахнут
 Алою зарей вечерней;
 Белую надев одежду,
 В море — черную бросает.

В колеснице золотистой
 На серебряную гору
 Пить вино поедет солнце.
 Два ковша в руках; но в правой —
 Белый ковш, зеленый — в левой.
 В правой — снег морозной пеной,
 В левой — сладкий сок из листьев:
 Смерть испить, чтоб вновь воскреснуть.

Колесница солнца медлит,
 Алый плащ коснулся моря

Влажной белой бахромою.
Тихо-тихо никнет солнце,
Золотым плодом играя.
Край небес, бледнея, меркнет.

15

Край небес, бледнея, меркнет:
Швы еще багрянцем рдеют,
Синь и золото меж складок.
Дымно облака темнеют,
Вечереет, тьма — как ночью;
Гром гремит, пылает небо;
Север чашу гнева пролил:
Смесь дождя, паров и грязи.
В гуще туч бушует пламя.

В небе бьются исполины,
Мечут копья красной меди,
Тяжко рушатся на землю —
Вытоптать посевы солнца,
Завалить колодец жизни:
«Всё пусть гибнет! Пусть — не будет!»

Поле, жаждущее крови,
Собирает жатву смерти,
Близится зима босая,
И дрожат земля и души,
Но с закатом медлит солнце.

16

Но с закатом медлит солнце:
Обернуться бы, с землею
Попрощаться, словом ласки
Перекинуться с душою!

Солнце гонит исполинов:
Смолк глухого грома грохот,
И сквозь щель в косматой туче
Свет забил лазурно-белый.
Воздух свежестью налился.

Но, растоптана, размыта,
Зябко спит земля, и в кокон
Бабочка-душа укрылась.

Солнце смотрит грустным взором
И дугою семицветной
Развило жемчужный пояс —
Знак надежд и обещаний:

«Вам воскреснуть вновь! Идите
Вверх по радуге лучистой
Через мрак и тучи — к солнцу!»

17

В сине-серебристом свете,
По великим сменам года
С их вращением извечным,
В дальний путь свой мчится солнце.

И детей своих с собою —
Землю, и луну, и звезды, —
В громе, в блеске белых молний,
Рушась в бездны, мчит к сверхсолнцу —
К центру всей вселенной, к солнцу,
Смутно снящемуся душам.

Молния, родясь в тех безднах,
Миллионы лет несется,
Но земли достичь не может.

Там угасли все счисления,
Слиты время и пространство,
Млечный Путь светло струится,
Пылью звездною осыпан.
И туда летят и солнце,
И душа, взыскав света:
«Солнце новое, явись нам!»

(1910)

437. ГОДЫ СОЛНЦА

Эпос детства

Страна моих годов молодых
Приходит лишь во сне.

Время детства — время солнца,
Что ходить младенца учит,
Встанет на ноги ребенок —
И приходит срок луны.

Нежный, бледный отблеск лунный
Озаряет нашу юность,
А когда мы возмужаем,
То наступит время звезд.

Но и звезд нам будет мало,
Мысль умчится в бесконечность:
Вечно ввысь стремится старость
К потусолненной поре.

В детстве нами правит солнце,
Красоте и правде учит.
И поет нам дева-счастье
О бессмертье красоты.

Но уходит сладость детства,
Правду красоты уносит.
Проза горькой правды жизни
Заставляет смолкнуть стих.

ПЕРЕД СОЛНЕЧНОЙ ТЕПЛИЧКОЙ

Солнцу юных дней моих

Как бы часто ни случалось
Вспоминать мне пору детства,
Всякий раз в душе играют
Блики солнечной улыбки.

Хоть порой не видно солнца,
Луч его я ощущаю —
Словно раннею весной
Сквозь мороз теплеют щеки.

Если бы не солнце детства,
Придающее мне силы,
Время этой жизни тяжкой
Я бы вынести не смог.

Вдоволь я начерпал света,
Хватит на остаток жизни.
Зимним утром печь протопят —
В доме целый день тепло.

Там, где днем синело небо,
Ввечеру закат пылает.
Где лежало летом солнце —
След остался золотой.

Детских дней моих светило
Словно высветлило сердце,
И теперь ни ночь, ни люди
Не погасят этот свет.

Так мы жили, я и солнце,
К счастью ли судьба решила
Сделать так, чтобы скорлупку
Изнутри взломал росток?

Я взломал свою тепличку,
Мир безоблачного счастья,
Нынче новые невзгоды
Мне идти мешают в рост,

Но почерпнутых в те годы
Сил у солнца в государстве
Хватит мне, чтоб цвести и дале,
Чтоб и впредь плодоносить.

Друг мой, и тебе ребенком
Жить пришлось в таком же мире,
Для тебя слагаю эпос
Я о гибели его.

СОЛНЦЕ И СЧАСТЬЕ

Солнце приглашало Счастье
В гости, в свой мирок уютный,
Посидеть, потолковать
И порадоваться жизни.

Солнце тот мирок домашний
Очень мудро схоронило
Далеко от глаз недобрых,
Где-то на краю земли.

И уселись две подружки,
Тихо головы склонили
И нахваливают обе
Свой укромный уголок.

Там зеленая поляна
С покрывалом незабудок,
А кругом стоят деревья,
Охраняя их покой.

Только видят две подруги:
На краю лесной поляны,
Где тенистая опушка,
Кто-то крохотный лежит.

Это розовый младенец
На руках у доброй няни.
Смело Солнцу улыгнулись
Глазки, словно васильки.

Мальчик — волосы льняные —
К Солнцу протянул ручонки,

И подумало светило:
«Прибыло моих детей!»

Ты веселому мальчишке
Улыбнись скорее, Солнце,
Теплой радостной улыбкой,
На руки возьми его.

Солнце смотрит на подругу:
«Счастье, что на это скажешь?
Что подаришь ты ребенку?
Чем его ты наградишь?»

Счастье Солнцу отвечает:
«Это твой, не мой ребенок,
Ты стократ меня богаче,
Что могу я подарить?»

«Господи! — сказала Солнце. —
До чего ж ты скупое, Счастье!
Что я дать могу малютке?
Лишь умение гореть!»

Счастье Солнцу улыбнулось:
«Что же может быть дороже?
Будет он светить, а пеплом
Силу новым даст цветам!»

«Вот беда! — сказала Солнце. —
Так бы мне хотелось радость
Дать ребенку!» Счастье молвит:
«Пусть дарует людям свет!»

Долго Солнце умоляло:
«Ну хоть в детстве, хоть немного
Дай ты радости ребенку,
Не оставь ты малыша!»

Вдруг неведомо откуда
Бабочка — на грудь ребенку.
С благодарностью взглянуло
На свою подругу Солнце!

СПЯЩИЙ НА ЗАВАЛИНКЕ

Говорят мне: «Пой о жизни!
Не рассказывай нам сказки!»
Но ведь в жизни что ни шаг,
То и сказка, сон и небыль!

Сказку детства вспоминаю,
Словно сон цветной и добрый,
Силюсь вспомнить всё, что было
В те волшебные года.

Поднимаются из глуби,
Проступают всё яснее,
Как туманные картины,
Детства милые черты.

Первое воспоминанье:
Вот ребенок у забора,
На руках у старой няни
В Тádенаве у отца.

Первым вспоминаю солнце
И последним вспомню солнце:
Мне всю жизнь была поддержкой
Солнца твердая рука.

Злые, черные невзгоды
И завистливые люди,
Изменившее мне счастье
Дней моих не омрачат.

Не в долгу ль у меня солнце?
Я ведь жить не собирался,
А оно, создатель жизни,
Приказало мне: «Живи!»

Я был против, я кричал
Недвусмысленно об этом,
Так мне мать потом сказала,
Понимавшая мой крик.

ОБОЛЬЩЕННЫЙ СОЛНЦЕМ

Я уж чувствовал в то время,
Что нас ждет на этом свете,
Что за пазухой у солнца
Мне не просидеть весь век.

Много я узнал от мамы
Из того, что сам не помню,
Хоть участником событий
Самым главным был тогда.

Спрóсите: «Когда родился?
В день какой? В какую пору?»
Вряд ли я теперь припомню
И толковый дам ответ.

Говорят, родился в полдень,
Как все дети, громко плача,
Вынесли меня на солнце —
Успокоился и смолк.

Видно, солнце приласкало,
Обнадежило, прельстило,
Повело меня по свету, —
Будь что будет, надо жить!

Солнцу грубость незнакома,
Солнце, словно мать-природа,
Достигает цели лаской,
А не грубым произволом.

Но не ради наслаждений
В жизнь оно нас посылает, —
Посылает исполнять
Наше назначенье в мире.

На земле мы жизни стражи,
Мы несем ее закваску,
Дети истинные солища,
Рушим мы небытие.

Нити солнечного света
Нас заманивают в сети,

Но золотые шелковинки
Часто причиняют боль.

А сулят такую радость,
Что, от счастья замирая,
Мы встаем на путь страданий,
Чтоб с улыбкой встретить смерть.

ТОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Но задаст вопрос читатель,
Точных сведений желая:
«Ты в каком году родился?
Кто родители твои?»

Как свидетельствует запись
О крещении ребенка —
Я родился в одна тыща
Восемьсот шестьдесят пятом.

С годом, кажется, всё ясно,
Только вот число и месяц
Выяснить довольно трудно,
Да и есть ли в том нужда?

Ведь у нас теперь есть повод
Дважды, а порой и трижды
Отмечать свой день рожденья,
Не поймешь, где настоящий.

Раньше дело было ясным:
Был то август, день тридцатый,
Волю курземским крестьянам
Царь изволил дать в тот день.

Вот какой был светлый праздник!
Кто родился в день Свободы,
Тот, как я, ее защитник,
Почитатель и певец.

Это, словно долг давнишний,
Мне на плечи возложило
Солнце. Я твержу, как Гейне:
«Был я воином свободы!»

Но сменился календарь —
И гадай, когда родился:
То ль в двенадцатый сентябрьский,
То ль в одиннадцатый день.

Но зато известно точно:
Мать ребенка звали Дартой,
Звали Кришьяном отца
И Андреем звали деда.

Плиэкшан — мой отцовский род,
Мать — из Старого поместья,
Дома Одиной, — и оба
Славных земгальских родов.

Говорят, что первый Одинь
Из Литвы сюда пришел
Поселиться на земле,
Опустевшей после мора.

Стало быть, во мне слились
Кровь литовская с латышской,
Я, как их объединитель,
До конца исполню долг.

У отца было два брата,
Впрочем, может быть, и больше,
И у матери два брата —
Вот у тех потомство есть.

Родословную хранила
Мать до пятого колена,
Мы ж забыли о родстве,
Разбрелись по белу свету.

Было у меня два брата,
До меня на свет явились,
Но ушли, не дожидаясь
Появленья моего.

Не глупцами были оба,
Это я скажу вам точно,
Коль ушли, едва завидя,
Что такое наша жизнь.

Я бездетен, и Элиза,
Старшая моя сестра,
Мир покинула давно,
Не оставив нам утех.

Жив двоюродный брат Мартыныш,
Но и он растит лишь дочек.
Стало быть, на вымиранье
Осужден наш добрый род.

Прекратится наше имя,
Я и сам ношу другое,
Но, в своем роду последний,
Я стократ обязан жить.

ПАСТОР И УКУШЕННЫЙ ПАЛЕЦ

Вскоре после появленья
Моего на белом свете
Путешествие второе
Должен был я совершить.

В документе о крещенье,
Что заверен был печатью,
Сказано, что в Калдабруне,
В сентябре крещен я в церкви.

Значит, я из Таденавы
Двухнедельным человеком
Путешествие предпринял,
Утвердясь во всех правах.

Рано начал я по свету
Путешествовать, не зная,
Что дорог тревожных, дальних
Еще много предстоит. . .

Запись точно повествует
О священнике, о крестных,
Но умалчивает запись
О событии одном.

Мать со смехом вспоминала
За столом про этот случай,

Я же вечно спорил с ней,
Мол, такого не упомяну.

Было так: вода в купели,
Строгий пастор, я у крестной
На руках в рубашке белой,
Вышитой лучами солнца.

Вот в сосуд с водой священник
Обмакнул, как надо, палец. . .
Так рассказывала мама,
Я ж не помню ничего.

Лишь мерещится порою,
Как тогда вода сверкала,
Как скакал в ней зайчик солнца.
Может, всё приснилось мне?

Бедный пастор осторожно
Мокрым пальцем лба коснулся,
Ну а я — скажи на милость! —
Хвать за палец старика.

Впрочем, можете поверить,
Больше сроду не кусался,
Только стискиваю зубы
От раскаянья порой.

Я могу быть и зубастым,
За друзей своих сражаясь,
Но ни разу не кусался,
Защищая сам себя.

Мать сказала: «Постреленок!
Ишь где пробует свой зуб!»
А отец лишь рассмеялся:
«Хорошо! В меня пошел!»

Ну а солнце так сказало:
«Он, как зайчик мой, колючий,
Нечего ему мешать
Вслед за мной скакать на воле!»

БОЙ С ПЕТУХОМ

«Это что еще за бой? —
Говорят мне. — Что за сказки?
Расскажи-ка без утайки
Всё, как есть, начистоту!»

А иные возражают:
«Знаем, знаем, этот случай
В биографии поэта
Биркертом помянут был!»

«Да, но Биркерт написал
Слишком кратко. А событие
Таково, что мы желаем
Все подробности узнать.

Расскажи-ка по порядку!»
По порядку? Вот мой шрам!
Множество ручонok детских
У меня его искали,

Бороду перебирали,
Теребили мне усы.
Но от вас тайть не буду:
Вот он, гляньте, на щеке.

Вспоминаю: солнце, полдень,
У меня в ручонке ветка.
Остальное же припомнить
Помогает мне сестра.

Вот Аспазия всё шутит:
«Доблестный мне муж достался!
Пал бы в битве с петухом,
Да спасла тебя девчонка!»

Ты ведь мухи не обидишь,
Как же ты всю жизнь боролся
Против нечисти и зла
За добро и справедливость?»

Если честно вам признаться,
То отвечу откровенно:

С петухом тот бой неравный,
Первый бой я проиграл.

Дело было в жаркий полдень,
И в пыли купались куры,
А вокруг ходил петух —
Их надежная защита.

Золотой кафтан из перьев,
Набекрень, как шапка, гребень,
Красные штаны и шпоры —
Раскрасавец был петух!

На меня смотрел он косо,
Как я во дворе играю,
Бегаю в одной рубашке
По зеленой мураве.

А песочек белый-белый,
Солнце мне ласкает щеки
И, наверно, одобряет
Первые мои шаги.

Я размахиваю веткой,
По песочку ковыляя,
И пою на непонятном,
Но счастливом языке.

Вдруг петух, певун наш первый,
Налетает на меня!
Дескать, как я смею петь
И пугать его хохлаток!

Клюв кривой сечет и колет,
Крылья бьют и шпоры жалят.
Разве веточка защита?
А рубашечка броня?

Щеки в кровь мне изодрал он,
Вырвал клоч волос, разбойник,
Тут на счастье прибежала
И спасла меня сестра.

Прекратила тот разбой,
А меня перевязала,

Говоря: «Хоть глаз не тронут!
Был бы ты навек кривым!»

А теперь жена смеется:
«Солнцепевец солнцепевца
Углядел и не стерпел
Будущего конкурента!»

Вот и всё. Рассказ окончен.
За меня отомстила мама.
Петуха того сварили,
Но его я есть не стал.

СОЛНЕЧНАЯ ТЕПЛИЧКА «ТАДЕНАВА»

Летом важные события
Таденаву всколыхнули,
Словом, так или иначе
Прикоснулись и ко мне.

Я же родился латгальцем,
Земгальцем, полулитовцем,
Три латышских и литовских
Племени во мне слилось.

В честь Тадеуша Костюшко
Были названы когда-то
И Мицкевича герой,
И отцовское поместье.

Был большой мятеж поляков
Муравьевым усмирен
Незадолго до того,
Как решился я родиться.

Долгий век достался мне,
Но в конце его я вижу
Братьев в Польше и Литве
Получившими свободу.

Силюсь вспомнить Таденаву,
Как ее я в детстве видел,
Но уж больше не надеюсь,
Что увижу наяву,

Таденава, ты всё та же!
Говорили те, кто видел,
Что и липы сохранились,
И под ними старый дом.

Сердце просится к тебе,
Но нельзя туда мне ехать,
А не то залью слезами
Солнца тайную тепличку.

ПРОЩАНИЕ С СОЛНЕЧНОЙ ТЕПЛИЧКОЙ

Солнышко в своей тепличке
Нежило меня три года,
На четвертый год прощаться
Довелось с тепличкой мне.

Солнце мне сказало: «Глянь,
Ласточкам всего лишь месяц,
А они летят за море.
Будет хныкать-то, ступай!»

Мы уселись на телегу —
Мать с отцом и я с сестрой,
До ворот нас провожало
Солнце, лес шагал за нами,

Широко открылась взору
Новая картина мира —
Так из зимней оболочки
Вдруг проклюнется весна.

Много нового увидел,
Незнакомое мне прежде,
Приставал к отцу и маме:
Что там? кто там? почему?

Что за луг? Что за деревья?
Что за облако такое?
Почему оно так бело?
Почему так зелен лес?

Мать, отец, сестра — все трое,
Что могли, мне объясняли,

Хоть порой не знали сами:
Как? зачем? и почему?

Так ребенка из теплички
Манит солнышко игрушкой:
Мол, бери, играй, любуйся!
Жизнь — игра? Как бы не так!

(1925)

ВЕЙ, ВЕТЕРОК!

Народная песня в пяти действиях

ПРОЛОГ

Вей, ветерок, гони челнок,
Уноси нас в Курземе. . .

Вот сумрачно-приманчивые звуки,
Которых нет милей во всей вселенной.
Они мне долго душу волновали.
Где ветерок тот, что, однажды взвев,
На родину понес бы наши лодки?
Безбрежно море, дуновенье слабо.
Мы ждем, когда помчит нас свежий ветер,
Он нам обещан, но еще не сбылся,
Как не сбылись посулы курземчанки.
Мы песнями тоску свою смягчаем.
Стань, песня, лодкой, а напевом — ветер!
Собратья скорби, вместе в лодку сядем
И уплывем на родину в мечтаньях.
Меня призвали вы — и я явился,
И буря веет, и ладья помчалась
По Даугаве воздушной, морем звуков.
Я радуюсь, что вспомнили меня вы,
Что вы меня почтили приглашеньем
На празднество великое сегодня.
Вы вспомнили, что в молодости вашим
Товарищем я был в одном отряде,
Что на чужбине брел, не унывая.
Я радуюсь, но горечь жалит сердце:
Ведь вы, как я, изгнанники такие ж,
Вы так же на чужбине; оттого мне
Сильней, чем радость, горечь полнит парус.

Сильна боль сердца, но еще сильнее
Позор молчанья о сердечной боли.
Что мне ответить? Чем ту боль измерить?
Припомните ж о том, что душу давит, —
О Даугаве любимой, об отчизне,
О том, что было раньше, о сиротке,
О предках наших, в прошлое ушедших,
В наследство нам свои оставив души,
Звучащие в напевах многих песен
Сильней, чем соловьиный лес от трелей.
В них дух отцов, он нашей жизнью движет,
Их труд работа наша продолжает
И новый мир готовить помогает.

.....
.....

Вот маленькой мелодии отрывок:
«Вей, вей, ветерок, гони челнок!»
И древнего напева голос нежный
Возобновит забытые виденья,
Напомнит притчу, смысл ее подскажет:
Увидите вы милую сиротку,
Что воплотила лучшее на свете,
Всю нежность, красоту и благородство,
Готовность приносить всем людям счастье,
Высокое достоинство сиротки,
Отдавшей сердце гордое надежде!
И юноша, сиротки покоритель,
Встал из-за Даугавы белокипучей,
Как новый день, что блещет на восходе,
Сиянием денницу затмевая.
То молодой земли встающей сила,
Что всё вокруг себя перемещает
И, небосвод и звезды опрокинув,
Уничтожает то, к чему стремится, —
И красоту и собственное счастье.
Но сын страну угасшую вздымает
И к новым горизонтам переносит,
Сам вместе с ней чудесно обновляясь
Для юного грядущего людского.

ЛИЦА:

Улдыс.	Орта.
Барба.	Циепа.
Зана.	Гатынь.
Анда.	Работники.
Мать.	Батрачки.
Дыдзис.	Соседки.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мукомольня. Направо дверь. Прямо против зрителей дверь, снаружи заколоченная. Направо в стене задвижное окошко. По правую и левую стороны ручные жернова. В левом углу на полу просеянная мука. Мукомольня темная, горит только воткнутая в стену лучина.

Раннее утро. Со двора слышен вой ветра.

Когда потом раскрывают заколоченные двери, видна Даугава. Налево на ручной мельнице мелет Зана, девушка лет двадцати, и Барба, лет семнадцати. На мельнице справа мелет Анда, лет восемнадцати, и батрачка Орта, лет пятидесяти. В левом углу просеивает муку приживалка Циепа, лет тридцати.

Зана

(поет)

Я стирала, полоскала,
Берег Даугавы широк,
Подплывал ко мне щучонок,
С головы сорвал венок.

Другие девушки тихо подпевают.

Орта

(смеясь)

Петухи каких соседей
Вас подняли до зари?
Еще сон мне не доснился —
А уж Зана за помол.

Циепа

(льстивым голосом)

Распевает мукомолка,
Как синичка меж ветвей.

О р т а

Нет, она жужжит, как пчелка,
Не боясь, что ветер свищет,
Налетая на нее.

З а н а

Этот ветер нам помощник,
Дождь собирает, лодки гонит.

(Запевает.)

Полоскала я, стирала,
Берег Даугавы широк.

Ц и е п а

Как по серебру ты ходишь,
Так звенит твой голосок.

З а н а

Что дивитесь вы, сестрицы?
Жернова мне вторят в лад.
Тяжкий жернов кружит песня,
Облаком летит мука.

О р т а

Жернов рад в мучице белой
Развалиться и поспать.
Не мечтаешь ли поспать ты
С женихом пшенично-белым?

З а н а

Вам насмешка, а мне — песня.

А н д а

Пой, куда твое время,
Пой, пока жених далёко.

Ц и е п а

В глазках Заны засверкало,
Словно кот глядит на сало!

З а н а

Ха-ха-ха!.. Вот чепуха!..
На пирог мелись, мука!

О р т а

Для тебя помол — богатство,
Серебром мука мерцает.
Мне ж вся прибыль от помола
В том, что косы серебрятся.

Б а р б а

Не ворчи с зари, сестрица.

О р т а

Надоело мне работать:
У меня все косы взмокли,
А на Зане ни росинки.

А н д а

Туго мельнице придется,
Если Орта мукомолка!

О р т а

(в сторону Анды)

И ты тоже только жернов
Крутишь, как хвостом котенок!

Анда умолкает; умолкают и другие девушки; сильнее завыл ветер.
Справа входит М а т ь с мешком зерна.

М а т ь

Бог на помощь, мукомолки,
Весел утренний помол.

(Подшучивая, ставит мешок.)

Если так вам петь и дальше,
То зерна у вас не хватит!

З а н а

Полно, матушка, хватает
Нам и зерен здесь и песен,
Мы и устали не знаем.

Ц и е п а

Те, кто пашет, — те устали,
Хоть соху тянули кони.
Мукомолки ж не устали
Жернова крутить руками.

Орта к Циепе

(дразня ее)

Да тебе устать ведь трудно:
Мельница твоя мякину
Языком, что жернов, мелет.

М а т ь

У болтушки плох помол,
Малой меры стоит он,
А за твой помол я, Орта,
Мерой щедрой заплачу.
Мелко смелешь да просеешь —
Всё пойдет на пироги!

Орта

Кого в гости звать собралась?

А н д а

(весело восклицает, обнимая Мать)

Сваты будут! Сваты едут!
Ой ты, маменька родная!

М а т ь

(отстраняясь)

Не твои еще, вертунья!
Здравствуй, Зана!

(Обнимает и целует Зану.)

Мне пора!

Гатынь завтракать покличет.

(Уходит.)

Т е ж е без Матери.

А н д а

(обнимая Зану)

Ах ты, Занушка, сестренка!
Вот уже ты и невеста!
Кто ж со мной разделит радость?
У меня и друга нету.

З а н а

(смеясь)

Будет лишек — дам тебе.

О р т а

(Зане)

Вот — ни с кем не поделившись,
Уж с дружкой договорилась.

Ц и е п а

Доверяют не болтливым.

О р т а

(перебивая ее)

Тем, кто сплетничать привычен!

А н д а

Если честь хранит девица
И в хозяйстве мастерица —
Ей ничей совет не нужен.

О р т а

(Зане)

Где слюбились, сговорились?

З а н а

(смеется)

Где? На ярмарке минувшей,
На широком берегу.

(Напевая.)

Подплывал ко мне щучонок,
С головы сорвал веноч.

А н д а

Ну и радость! Ну и праздник!
Нынче будет день веселья!

Сквозь вой ветра слышны тихие звуки свирели.

О р т а

Кто играет-распевает?
Не скворца ль пригнало ветром?

Б а р б а

Это Гатынь на свирели.
Видно, снова занедужил.

Ему ветер щемит сердце,
Он его игрою лечит.

А н д а

Гатынь вновь на дудке стонет.
Всех сватов он распугает, —
Мало, что ли, ветра стонов?

З а н а

(поет)

Возьми, братец, свой челночек,
Догони ты мой веночек.

Ветер усиливается.

Ц и е п а

Вот так ветер! Дверь срывает!

З а н а

Мою песню обрывает!

О р т а

(смеется)

Не тужи — жених вновь свяжет.
Ветер разносит муку по мукомольне.

Ц и е п а

С потолка — мука метелью!

А н д а

(смеясь)

Расстилай-ка полотенце,
Пироги спасай, Циепа,
Женихам на угощенье!

З а н а

Успокойся, ветра мать,
На сухом суку присядь!

О р т а

Нет, не ветра мать, а гром
Из-за Даугавы к нам едет.
Это ветра сын — гребец,
Ищет счастья молодец.

З а н а

Сохрани ты, боже, тех,
Кто по Даугаве плывет!

А н д а

(хлопая в ладоши)

Бог поможет им! А ветер
Полон дом сватов нагонит.

Слышен удар грома и сильный порыв ветра; вслед за тем — треск ломаемого дерева. Девушки вскрикивают, перестают молотить. Сквозь щели закрытых дверей виден свет.

З а н а

*(подбегает к стене, отодвигает окошечко
и смотрит на Даугаву)*

Господи! Клокочут волны,
Даугавушка взволновалась.

Б а р б а

*(воскликает, подбежав к закрытым дверям
и глядя в щель)*

Ах, беда какая! Ветром
Мою елочку сломало!
Не видать теперь ей счастья!

Ц и е п а

Эта всё гребца жалеет,
Та — свою жалеет елку,
Третья шутит, не жалея.

А н д а

(перебивая ее)

Третью счастье пожалеет!

О р т а

Три иволги дождь пророчат,
Три девушки парней кличут.
Та — «приди», а та — «он близко»,
Третья в тайне сердце держит.
Запоем сначала славу
Той, чье сердце не раскрылось.

Б а р б а

Что ты, Ортушка, смеешься?
Чем я нынче провинилась?

О р т а

Ведь твоя сломалась елка, —
Где ж укрыться недотроге,
Когда сваты понаедут?

Б а р б а

Кто ж ко мне пойдет болотом,
Когда есть к другим дорожки?

О р т а

В песне сказано: сиротке
Долго не носить веночек.

З а н а

Ортушка, болтаешь зря ты.
Барбинька парней страшится,
Глаз на них не поднимает.

Ц и е п а

Сердце скромницы — как уголь:
Ветерок подует — вспыхнет.

А н д а

Пепел только укрывает
Жар горячего сердечка.

Б а р б а

Что ты, Анда! У меня
О таком и мыслей нету!

О р т а

Тот, кто по сердцу придется,
Живо жаром сердце спалит.

Б а р б а

Ой, да что ж вы говорите!
Я уж в Даугаву скорее,
В стаю мелких рыбок прыгну!

О р т а

Ох ты, девка-недотрога!
Смерть не кличь, в свой срок нагрянет.
Муж не волк, тебя не съест он.

Б а р б а

Кто же маму сжил со свету?

О р т а

Разве все мужья такие,
Что в корчме проводят время?

Ц и е п а

Что хлопочешь ты о Барбе?
С ней давно помолвлен Гатынь.

О р т а

Зря смеешься над калекой!
Сироту к сиротке тянет.

А н д а

Тише! Гатынь ковыляет:
Топу-топ, топу-топ!

(Показывает, как Гатынь хромает.)

Девушки смеются. Маленькая пауза. За дверью слышны шаги и нерешительное топтанье.

Ц и е п а

Где ж он есть, казак-наездник?

А н д а

Скакуна на привязь ставит.

Девушки смеются.

О р т а

(зовет строго)

Ну, входи, чего там мнешься?

Г о л о с

(за дверью)

Завтракать!

Девушки смеются.

Б а р б а

Ведь он стыдится.

(Зовет.)

Гатынь, открывай, не бойся.

Гатынь приоткрывает дверь. Это юноша лет восемнадцати, неуклюжий, хромой, с болезненным лицом, маленького роста, говорит боязливо.

Г а т ы н ь

Мне мать велела, чтоб я позвал вас на завтрак.

Ц и е п а

Что ты гордишься! Войди без чванства на мукомольню.
Прикрой и двери. Так.

Гатынь входит и закрывает дверь.

О р т а

Скажи, сынок, всем доброго утра, да бог на помощь. Кто
«бог помощь» не сказал, черта носит за плечами.

Г а т ы н ь

С добрым утром! Бог на помощь!

А н д а

И тебе бог на помощь! Мы тебе подмога тоже: даем твоим
коням подсыпку.

Девушки смеются. Гатынь смущается и идет к двери.

Ц и е п а

Обожди же! Расскажи хоть, что тебе сказать велели?

Г а т ы н ь

(останавливается)

Чтобы шли вы завтракать.

А н д а

Ну побудь немного с нами. Мы ведь девки не дурнушки.
Повесели нас, не гнушайся.

О р т а

Ах, ну что ты! Ты ведь знаешь —

Он не боек на язык.

Поиграй нам на свирели —

Ты так жалобно играешь.

Надо нам помол закончить.

Г а т ы н ь

(показывая рукой)

Там идут, поют.

(Хочет уйти.)

О р т а

Где? Не слышу.

Ц и е п а

Ну постой. Скажи — неужто здесь никто тебе не по вкусу?

Г а т ы н ь

По вкусу.

З а н а

Кто ж тебе по сердцу? Может, я?

Г а т ы н ь

Все.

З а н а

Ишь ты, все! Разве Циепа одинакова со мною?

Г а т ы н ь

Ты красивей.

Ц и е п а

Значит, я тебе не нравлюсь! Или стара тебе в невесты?

А н д а

Но ведь я молода. Что же,
Или я не нравлюсь тоже?

Г а т ы н ь

Ты смеешься надо мной.

А н д а

Лучше ль плакать над тобою?

З а н а

Что вы с мальчика возьмете?
У него уж есть невеста.
Как понравится мы можем?
Гатынь бежит в сторону двери.

А н д а

(преграждает ему путь, обхватив его)

Не пущу. Скажи, откройся,

Барба, что ль, твоя невеста?
Что ты там в рукав запрятал?

Гатынь роняет маленькую лопаточку для муки. Анда поднимает ее.
Вот лопаточка-игрушка. Гладенько обстругана. Хорошо
муку сгребать. Для кого она? Отдай мне.

Г а т ы н ь
(очень тихо)
Нет, нельзя.

А н д а
Отдай. Смеяться перестану над тобой!

Г а т ы н ь
(так же)

Это Байбиньке, — ей больше всех приходится молоть.
(Бросает лопаточку и убегает.)

Т е ж е без Гатыня. Громкий смех. Барба, застыдившись, сильнее
вертит жернова. Орта поднимает лопаточку. Издали доносятся
звуки песни.

З а н а
Перестаньте вы смеяться!
Чу! Поют: «Вей, ветерок!»

Ц и е п а
Вот бы дудочник был нужен!

А н д а
Ветер воет, ветви стонут,
Не могу расслышать пенья.

З а н а
Я-то эту песню знаю!

Ц и е п а
(прерывая ее)
В сердце песня отдается.
Верно, путь к тебе направил
Ястребок с попутным ветром.

За сценой слышатся голоса поющих — они еще далеко, но уже
можно разобрать слова.

Г о л о с

(поет)

Сам себе нашел невесту,
Без родителей сосватал!

З а н а

(воскликает встревоженно)

Это он, ей-богу, он!
Мой жених явился свататы!

(Перестает молоть.)

А н д а

(Зане, тоже перестав молоть)

Брось теперь молоть, сестрица,
И беги принарядиться.
Там поют — я слышу — двое, —
Наряжусь и я с тобою.
Тебе счастье привалило —
Заодно и мне, быть может.

Ц и е п а

(бросает работу)

Ой, и я за вами тоже:
Подмести полы почище
И песком посыпать белым.

О р т а

Что ж ты, Занушка, молчала,
Что сегодня будут сваты?
Я бы двери в нашем доме
Приукрасила цветами.

Г о л о с а

(ближе)

Свадьбу весело справляем,
Трое суток пьем-гуляем!

З а н а

Живо, живо! Счастье близко!

(Барбе.)

Ах, сестрица, поработай
За меня — в долгу не буду.

(Целует ее.)

Барба

(Зане, продолжая молоть)

Ну, беги!

Орта

(смеется)

Целует Барбу,

Жениха воображая.

Зана, Анда и Циена собираются уходить.
За закрытой дверью слышатся тихие голоса.

Голос

(за дверью, громко)

Добрый день! Добрые люди,
Двери странникам откройте!

Циена

Ой-ой-ой! Упало сердце.

Зана

(подойдя к двери)

Что за странники такие,
Что стучатся не в ворота?

Голос

(за дверью)

Мест не знаем, заблудились.

Циена

Жернов пляшет, крыша скачет,
Под шумок зачем крадетесь?

Анда

Вы хотите мукомолок
В челн снести и увезти!

Голос

(за дверью)

Я их только в шелку видел,
Та, что гибче и стройней,
Той и быть моей невестой.

З а н а

Кизи, Кизи, вор девичий!
В дом бежим скорей, сестрицы!

А н д а

Домовой муку украл бы,
Дверь открыть лишь не умеет.

Девушки убегают. Цица вместе с ними.
Слышно, как скребутся за заколоченной дверью и пытаются проникнуть внутрь.

Г о л о с

(за дверью)

Дверь откройте, буря мчится!

О р т а

Что ты рвешься в двери, парень?
Нету здесь твоей невесты.
Поклонись поди хозяйке,
Заплати ей полной мерой.

Г о л о с

(за дверью)

Сам себе нашел невесту,
Без родителей сосватал!

О р т а

Ты не сладил сам с собой,
В дверь уперся, как слепой!

Г о л о с

Что ты, дверца, не пускаешь?
Вей же, ветер! Дверцу — с петель!
Бери, ястреб, куропатку!

О р т а

Горе мое! Дверь трещит!
Что долбишь ты двери, дятел?

Дверь внезапно распаивается настезь. Открывается вид на Даугаву и на видземский берег. Быстро входит Улдис, он ловит убегающую Барбу.

У л д ы с

Хоронись — не хоронись,
Всё равно моею станешь!

Б а р б а

(вскрикивает)

Орта, Орта! Ой, спасай!

О р т а

(Улдысу)

Сорванец, медведь, бродяга!
Что ты девушку хватаешь?

У л д ы с

(Барбе)

Дайся в руки мне, девица,
Рассмотреть тебя хочу я,
Ты светла или чернява?
Или косы серебрятся?

Б а р б а

Я не Зана, что ж смотреть-то?
Не твоя же я невеста!

У л д ы с

Как тебя узнать мне точно?
Я тебя вдали лишь видел.
Корюшка или плотичка —
У обоих светлы спинки.
Дай себя увидеть ближе —
Погляжу, моя ты, нет ли?

Б а р б а

Не нужны твои мне сказки.
Не твоя я — мне известно.

У л д ы с

От муки ты побелела,
Глазки синие — подснежник.
И у Заны так синеют,
В поцелуях утопая.

Б а р б а

Ой, беда! На помощь, Орта!

О р т а

Уходи, копченый угорь,
Остроносый непоседа!

Вот возьму от мельни ручку,
Загоню тебя под жернов.

У л д ы с
(Орте)

Ну и злющая ж.ты теща!
Что слова горохом сыплешь?

О р т а

Поищи другую тещу
Ты, бездельник, вор девичий!

У л д ы с

Что кричишь ты, что долбишь ты?
Рот как мельничная ступа,
Стал пестом язык твой, что ли?

(Тащит Барбу в сторону двери.)

Айда, белая кувшинка,
По волнам с тобою прыгать!

Б а р б а

Отпусти ты, не пойду я!

(Закрывает голову.)

У л д ы с

Что ты рвешься? Глазки прячешь?
Ведь они синее, чем
Волны Даугавушки синей,
Щечки ж белизной сверкают,
Будто гребни пенных волн!

Б а р б а

Ой,пусти!

У л д ы с

А ты сначала
Поцелуй за взлом дверей,
Поцелуй за путь опасный
В лодке — Даугавой ненастной!

О р т а

Ах, злодей, нашел чем хвастать!
Как пестом по шее тресну,

Так и вспухнет за плечами,
Что и в гроб не уместисься.
Улдыс целует Барбу, несмотря на ее сопротивление.

Б а р б а

(вскрикивает в внезапном испуге)

Ай!

У л д ы с

(тоже испуганно)

Что с тобою? Что кричишь ты?

О р т а

Что ты, парень, с нею сделал?

Б а р б а

Ай, ты выпил! Твои губы. . .

У л д ы с

(смеется)

Губы? Что, вторично хочешь?

Барба, которая тщетно пыталась вырваться из рук Улдыса, внезапно наклоняется и кусает его руку.

(Отпускает ее руку, смеется.)

Вона! Палец укусила!
Ласочка, а не девчурка,
Станешь ты моей невестой —
Оберну тебя вокруг пальца.

Б а р б а

(отбежав к двери, укоризненно)

Никогда твоей не буду,
Обернешь меня вокруг пальца!
Дуболап пустоголовый!
Рот твой. . .

У л д ы с

Что?

Б а р б а

Отравой пахнет.

У л д ы с

Что ты, девушка, взъярилась?

Б а р б а

Поищи свою ты Зану,
По тебе она тоскует.

(Убегает.)

Т е ж е без Барбы.

У л д ы с

Что случилось?

О р т а

Пьешь зачем ты?

У л д ы с

Кто в убытке?

О р т а

Ей противно.

Г о л о с

(за сценой)

Улдыс, Улдыс, где ты бродишь?

Т е ж е. Входит Зана.

З а н а

Что за крик тут раздавался?
Отчего Байбиня мчалась?
Улдыс, милый. . .

(Увидев Орту, умолкает.)

О р т а

Ну, пора мне.

(Уходит.)

З а н а

Улдыс, Улдыс! В бурю эту
Через Даугаву поплыл ты!
Что ж стойшь? Целуй скорее!
Да спешి меня посватать.
Мать хлопочет. Что ж ты медлишь?
Торопись!

З а н а в е с

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Двор. Направо хозяйские окна и дверь, рядом окна и дверь к работникам. У стены скамейки. Налево клеть, хлев, сарай. Между постройками вид на далекую излучину Даугавы.

Улдыс. Дыдзис. Мать. Орта. Циэпа.

М а т ь

Кто такие? Что за люди
По двору чужому ходят?

Д ы д з и с

Здравствуй, добрая хозяйка!
Мы — проезжие. С дороги
Завернули отдохнуть.

У л д ы с

Добрый день — большим и малым,
Всему дому и хозяйству!

М а т ь

А какой же вы дорогой
Шли к нам, гости дорогие?

Ц и э п а

Где коней вы привязали?
Напоить их, верно, надо.
Накормить зерном отборным.

М а т ь

Доносилось много шуму:
Псы бесились, люди злились,
Ветер выл, трещали ветви,
Одного мы не слышали —
Чтобы кони близко ржали.

У л д ы с

На конях мы не скакали,
А от Краславы на лодках
Всю дорогу прокачались.

М а т ь

Вот так путники, глядите!
Тот верхом сюда добрался,
Этот — в лодке, вишь, качался!

О р т а

Под личиною проезжих —
Женокрады налетели.
Мать, считай своих голубок —
Столько ль будет, как уедут?

М а т ь

Кто вы? Для чего явились?
Что вы здесь найти хотите?

Д ы д з и с

Ищем телочку мы всюду —
След привел на этот хутор.

М а т ь

Вот и слышу я, что в мельне
Песни девушек умолкли.

О р т а

Не слепой ли этот путник?
Телок ищет в мукомольне.

У л д ы с

Нам нужны те мукомолки,
Что муку для телки мелют,
А была бы мукомолка —
Не сбежала бы и телка.

Д ы д з и с

И не плакал бы парнишка.

М а т ь

Здесь такой и не бывало,
Во дворе другом ищите.

У л д ы с

Весла мокрые держал я —
У меня замерзли руки.
Та, что варежки мне вяжет, —
В вашей прячется светлице.

О р т а

Всё цветет, теплынь такая,
У тебя же мерзнут руки.

У л д ы с

Только ты не расцветаешь,
Холод сердца руки студит.

М а т ь

Где ты взял, осока, право
Сватать дочку-клеверочку?
Шапки бархатной не видно,
Сапожков блестящих нету.

Д ы д з и с

Что нам бархатные шапки,
Блеск нарядных сапожков?
Наши лодки ходят в Ригу
И не то еще привозят.

М а т ь

Вон ведь вы гребцы какие!
Для чего вам мукомолки?
Не пахать вам и не сеять,
Ячменя и жита нету.

Д ы д з и с

Ветер пашет, бог нам сеет
Серебро на Даугаве.
Лучше плыть на легкой лодке,
Чем потеть на трудной пашне.

У л д ы с

Дай мне дочку-мукомолку!
Сеет Даугава мне золото,
Да еще с таким излишком,
Что не гнусь за серебришком!

М а т ь

(грустно)

Быстро Даугава несется
И на дно иного тянет.
Там и барское богатство,
Там и материно чадо.

У л д ы с

Челн мой ясеневый, прочный
Ярко золотом украшен.
Мать стремительного ветра
Раздувает белый парус.
Соткан ею он из пены,
На основе камышовой,
А невесту я добуду —
Из цветов построю лодку!

А н д а приоткрывает дверь горницы, за ее спиной видны
другие д е в у ш к и.

А н д а

(*тихо*)

Ах ты, Даугава родная,
Ах, красавец ты, даугавец!

У л д ы с

(*девушкам*)

Ну, иди, садись, красotka, —
В клеть мою доставит лодка!
Там, за Даугавой, белеют
Сребролистые березы,
Там, за Даугавою, ивы
С золотистыми цветками!

Девушки, шутя, выталкивают Анду из горницы во двор.
Анда приодета.

У л д ы с

Чаша полная дом этот,
Весь черемухой осыпан!

А н д а

Хорошо б венок украсить
Золотыми лепестками!

Ц и е п а

Золотые лепесточки —
Золотистым косам впору.

О р т а

(Анде)

Еще больше добродетель
Златокудрым подобает.

Из дверей выходит нарядная З а н а.

О р т а

О, еще явился кто-то!

З а н а

Это я — и я готова
Выйти замуж за даугавца.

М а т ь

(Зана)

Доченька моя! О боже!
Ты зачем во двор выходишь?
И о чем ты речь заводишь?

З а н а

Жизнь на Даугаве чудесна —
Вот о чем я говорю.
Там зимою мчатся сани,
А челнок цветочный летом.

У л д ы с

Саночки скользят со скрипом,
А челнок плывет со смехом.

З а н а

И поет невеста, сидя
С удалым гребцом в обнимку.

М а т ь

Замолчите, как не стыдно?
Сами так и рвутся замуж.
Вы до ночи ль были в поле,
До рассвета ли мололи?

О р т а
(Матери)

Нет, заботливая мать
Дочерей оберегала:
Сирота за двух молола.

Ц и е п а

У хорошей — всем неплохо.

З а н а

Наша мать добрее всех.

О р т а

Бережет своих дочурок.

Д ы д з и с

Долго ль сможешь уберечь их,
Если сват нацелит око?
Сладкой речью сват опасен!

У л д ы с

От корней цветет орешник
Ярко-красными цветами.
Красной девице приятно
Предложить от сердца руку.

М а т ь

Молодой, красивый парень,
Разговор ведет искусно.

(Дыдзису.)

И второй жених пригожий.

Д ы д з и с

Да, и мне нужна невеста.

(Глядя на Андю.)

Не уйдем мы прочь, покуда
Куропаток не поймаем.

А н д а

Добрый молодец задумал
Нас поймать, едва увидев.

Разве я покорный птенчик,
Чтоб меня снимали с ветки?

У л д ы с

(Матери)

Перед важным господином
Куньей шапки не снимаю,
А ломаю шапку только
Перед матерью невесты.

(Он и Дыдзис кланяются Матери.)

Ц и е п а

(Улдысу)

Мать невест — что трясогузка,
Башмачки на ней из воска.

Д ы д з и с

Я веселый, краснощекий,
В куньей шапке, и узором
Сапоги мои расшиты.

У л д ы с

Кушаком богатым трижды
Я обвит, как дуб зеленый.
Кафтан — из цветов бобовых,
Шапка — из цветов гороха,
И спадает, перегнувшись,
С этой шапки шелк зеленый.

Ц и е п а

Стройный молодой дубочек
Перед солнышком склонился.

У л д ы с

(Матери, указывая на дочерей)

В синем небе друг за дружкой
Звезды яркие несутся.
Дай одну мне — хватит света
У тебя еще для ночи.

Д ы д з и с

Мне вторую дай, а третья
За двоих работать будет.

У л д ы с

Мать невест, ты всех добрее.
Пополам давай разделим:
Я цветник тебе оставлю,
Ты позволь сорвать мне розу.

М а т ь

Ловко зяблика синица
Желудями обманула,
А жених мать не обманет
Хитроумными речами.

У л д ы с

Тяжело мне было в гору
Против солнца подниматься.
Тяжело просить мне было,
Сердце матери растрогать.
Ты зайди скорее, солнце,
Не пари над лесом долго.
Коль давать — отдай невесту,
Не вводи в соблазн гребца ты,
Даугавчанин — волн хозяин!

М а т ь

(испуганно)

О мой боже! Воля хозяин!

О р т а

Женокрады, женокрады!

М а т ь

Взором ястреба ты глянешь —
Куропатки в страхе никнут.
И к губам твоим цветущим
Пчелы тянутся за медом.
Шелк речей твоих зеленый
Словно сетью рыбу ловит.
Рыболов, тебя боюсь я,
Черных глаз мне страшен омут.
Дочерей умчать ты хочешь,
Как, мрачней черным оком,
Ночью Даугава уносит
Души милые навеки!

У л д ы с

Мать невест, напрасно тужишь.
Пред тобой в долгу не буду:
Есть за Даугавою липа —
Долг она тебе заплатит.

М а т ь

Уходи, шутник, отсюда!
Дочерей тебе не дам я.

У л д ы с

А мы силушкой отнимем.

М а т ь

А мы спрячем в закромах!
Прячьтесь, девушки, спасайтесь!

У л д ы с

Кого схватим — наша будет.
Девушки — Зана и Анда — убегают.

У л д ы с

А ты, хитрая наседка,
Ты скажи мне напоследок:
Дашь ночлег, постель раскроешь,
Чтобы с дочкой спать твоей?

М а т ь

Брось об этом думать, парень!

У л д ы с

Если ты не дашь мне дочку,
Целый бунт мы тут устроим!
Я на Даугаву тебя
В лодке выведу, качая!
Плачь, кричи — качать я буду,
Пока дочь не обещаешь!

М а т ь

Забулдыга ты кабацкий,
Как такому дочь отдам я?

У л д ы с

Ну, не эту — дай другую,
Ту, что спряталась в доме:

М а т ь

Для чего еще другие,
Если этих уж избыток?
Не такому ветерочку
Алый мак у нас развеять.

О р т а

Растоптать репейник надо,
Чтоб не рос он на дороге.

У л д ы с

Падай наземь, кунья шапка,
И лежи, пока толкую
С гордой матерью невест!

С сердцем бросает шапку на землю, Дыдзис немного погода
поднимает ее.

Д ы д з и с

Шпоры белые на что мне,
От сапог что пользы черных?

О р т а

Медной цепью опоясан,
На дно Даугавы иди!

У л д ы с

Боже, волка ослепи,
Дай медведю нос щербатый,
Мать невест на четвереньках
Ты заставь, о боже, ползать,
На полók она залезет —
Пусть не будет в бане пара!

Д ы д з и с

(Улдысу)

Ну и гордая же теща!
Чем ее теперь задобрить?

У л д ы с

Все слова летят на ветер,
Опадают, как цветочки.
Принеси вина из лодки,
Чтобы маменьку задобрить!
Улдыс и Дыдзис уходят.

О р т а

Коли небо потемнело —
Значит, быть росе на поле.
Коли сваты заявили —
Значит, пиво пить хозяйке!

М а т ь

И зубастый же он парены!

О р т а

Заговаривают зубы
Ловко людям торгаши.

М а т ь

Добывают барыши!

О р т а

(Матери)

Ушли уже, не слышно их. А этот не из тех ли Радзениеков, из больших Яни, что на самом берегу реки? Они ведь славятся своим богатством.

Ц и е п а

(Матери)

Счастье-то какое! И он приехал за доченькой твоей!
Надо его принять получше.

О р т а

Сумела же доченька твоя жениха сыскать, без всякого спросу.

М а т ь

Примем, примем! И для него ведь счастье — взять жену из хорошей семьи.

Ц и е п а

Господи, да он тебе все рученьки да ноженьки расцелует. А все-таки Андыне он больше пара.

О р т а

Кому он пара — это мы увидим. Говорят, что он большой пьяница. Один раз в Брасле всю корчму досуха выпил. Что легко достается, легко и спускается.

М а т ь

А у Дыдзиса будто десять коров, три коня.

Ц и е п а

Оба будто скупают товары, возят в Ригу, оттуда снова везут. Деньги лопатой загребают.

Крадучись и подслушивая, входит А н д а.

М а т ь

Знаем, парни говорили
Про усадьбы там за Даугавой.

О р т а

Дом богат, а где хозяин?
То он в Краславе, то в Риге,
А хозяйка в уголочке
Всё сидит и горько плачет.

А н д а

Я-то уж и не всплакнула б,
Я б гуляла и смеялась,
В рижском платье красовалась.

Входит З а н а.

З а н а

Нет, он мой! Нет, он мой!

А н д а

На меня смотрел он тоже.

З а н а

Молодой — на всех и смотрит.

А н д а

Что ж тебе руки не дал он?
Не тебя просил у мамы?

З а н а

Постеснялся.

А н д а

Не стыдлив он.
Что за Барбой увивался?

З а н а

Барба, Барба! Это верно,
Поцелуй не мне достался!

Ц и е п а

Да тебе такой не нужен,
Дыдзис — тот тебе под пару.

З а н а

Тебе — да, а мне — нет.

М а т ь

Двор у Дыдзиса и деньги,
У него спокойный разум.
Улдыс — бешеный сын ветра,
Что весной деревья ломит.

З а н а

У вдовца рука что камень,
Тяжелее его денег.

М а т ь

Кошелек тяжелый может
Эту руку легкой сделать.
Кулаки и у пьянчуги —
Из-за этого ль откажешь?
Пойдем, Орта, пойдем, Циепа,
Присмотреть за угощением.

Ц и е п а

Придержать обоих надо.
Мы б и третьего женили.

Женихов богатых мало,
Где найдешь теперь такого?

О р т а

Где же есть невесты краше?

Мать, Орта и Циэпа уходят.

З а н а

Что, сестрица, ты сказала?
Он посматривал на Барбу?

А н д а

Да, сестра.

З а н а

Он чуть коснулся
Губ моих, — когда вбежала
Я обратно в мельню. Барба
Удрала оттуда мигом!

А н д а

Позовем ее, расспросим.
Барба, Барба!

З а н а

Ладно, ладно!
Барба ведь еще девчонка,
Женихи ей и не снятся.

А н д а

А как Улдыс? В женихи
Своего отдай мне Улда. . .

З а н а

Не отдам я! Не отдам я!
Никому! Никому!

А н д а

Возьми Дыдзиса. У Дыдза
Пояс шелковый, узором
Сапоги его расшиты.

З а н а

Не возьмет меня мой Улдыс —
Я совсем не выйду замуж.

А н д а

А я выйду за любого!
Больше в девках не останусь,
Хоть на цепь меня прикуйте!
Входит Б а р б а, одетая по-будничному.

Б а р б а

Что, сестрица, меня звали?

А н д а

Что ж ты прячешься от сватов?
Ишь как щеки раскраснелись —
Не тайком ли целовалась?

Б а р б а

Что ты, Анда? Ах, как стыдно!

З а н а

Ты осталась в мукомольне,
Как ушли мы наряжаться?

А н д а

Улдыс в двери там вломился,
Ты ж заигрывать осталась.

З а н а

Век прошел, пока исчезла.

Б а р б а

За тебя меня он принял.
Я сказала — не пускал он.
Укусила ему палец,
Вырвалась и убежала.

З а н а

Он тебя поцеловал?

Б а р б а

Я сейчас же побежала
Щеки мылом отмывать!

З а н а

Ну, теперь не появляйся.
Пусть они тебя не видят
В этих будничных отрепьях.

Б а р б а

На него взглянуть мне страшно,

А н д а

И не для твоих он взглядов!
Уберись и схоронись,
Не позорь себя, тихоня!

Входит О р т а.

О р т а

Идут эти, удирайте.

Зана и Анда устремляются в дверь.

О р т а и Б а р б а одни, говорят тихо и быстро.

О р т а

Где же спрячешься ты, Байба?
Женихи искать идут.

Б а р б а

В лес уйду.

О р т а

Не уходи.
Лучше в хлев тебя запрячу.
Нравится тебе гребец?

Б а р б а

Страшно мне, такой он быстрый.

О р т а

В глазах угли, в сердце пламя,
Голова в сиянье солнца.

Б а р б а

И смотреть я не могу.

О р т а

Неужели так противно?

Б а р б а

Я одно смогла заметить:
На кафтане у него
Нету пуговицы справа.

Я б ее пришила, право, —
Так мне парня жалко стало!

О р т а

Ах, заботливое сердце!
Ты и мне ведь помогала,
Время мне помочь тебе.
Ну, иди сюда!

Барба уходит в пристройку.
О р т а. Входит, озираясь, Ц и е п а.

О р т а

Куда ж ты?

Ц и е п а

Что, идут уже?

О р т а

Послушай.

Г о л о с

(поет)

...Свадьбу весело справляем,
Трое суток пьем-гуляем...

Ц и е п а

Замухрышку ближе спрячь!
Не найдет ее жених —
Нам подарочков не будет.

О р т а

Он нашел уже, не бойся.

(Уходит.)

Ц и е п а одна, немного погода выходит Б а р б а.

Ц и е п а

Где же я свою-то спрячу?

(Барбе.)

Ты куда?

Б а р б а

Пусти, пусти же!

(Убегает.)

Ц и е п а, л о т о м А н д а .

Ц и е п а

(тихо)

Ж и в о, А н д а!

А н д а

К у д а л е з ь т ь?

Г д е б н а ш л и м е н я с к о р е е?

Ц и е п а

А п ш е н и ц ы м е р к а б у д е т?
Б у д у т м о л о к о и п и в о?

А н д а

Б у д у т, т о л ь к о п о с к о р е й!

Ц и е п а

О р т а с п р я т а л а т у т Б а й б у,
А д е в ч о н к а у б е ж а л а.
В о т о н а и м и у к а ж е т
В м е с т о Б а й б ы — н а т е б я!

А н д а

В о т т а к ш т у к а! Э т о л о в к о.
Р а з о з л ю я э т у О р т у,
Ч т о б о т з л о с т и п о с и н е л а.

Ц и е п а

П о с и н е л а-п о ч е р н е л а,
А г о с т и н ц ы я в о з ь м у.
К о г о х о ч е ш ь — Д ы д з а, ч т о л и?

А н д а

У л д ы с а, — т о л с т я к н е з а я ц,
Н и к у д а н е у б е ж и т.

(Уходит в пристройку.)

В х о д я т У л д ы с и Д ы д з и с с к у в ш и н а м и и к р у ж к а м и.

У л д ы с

(поет)

С в а д ь б у в е с е л о с п р а в л я е м,
Т р о е с у т о к п ь е м-г у л я е м!

Дыдзис

Тише! Пойдем девушек искать. Видно, недалеко спрятались. Свою Занушку ты сразу же найдешь.

Улдыс

Ах, Занушку!

Дыдзис

Ясно. Как она сказала:

«Это я — и я готова

Выйти замуж за даугавца!»

И сама шла к тебе навстречу. Да и кто же за тебя не пойдет, за такого знатного молодца.

Улдыс

Мне такая не по нраву,
Что сама на шею виснет.

Дыдзис

Но она же давно с тобой сговорена.

Улдыс

Давно, давно! Начинает уже забываться. Но старуха не показывает всех дочерей. У нее три, а здесь только две.

Дыдзис

Ну и бойкая та, вторая девчонка! Язычок острый, как у гадюки! А бежит, как белка лесная! Жаль только, что на одного тебя глаза пялит.

Улдыс

А где же третья?

Дыдзис

Какая тебе еще третья? Если бы я не поехал с тобой, я поймал бы ту белочку. Мой шелковый кушак ей очень нравится.

Улдыс

Что ты всё о своем поешь!

Дыдзис

Ну а тебе она разве не нравится?

У л д ы с

Девчонка хорошенькая: раза три поцеловать и отпустить. Ты лучше достань мне ту, что глаза прячет. Все руки мне разодрала, когда я хотел ее поцеловать.

Д ы д з и с

Та, что была в мукомольне? Да ты ж ее совсем не видел, там темно было. К тому же она сиротка. Она убежала и глаз не кажет потому, что ей и надеть нечего. Кто такую возьмет?

У л д ы с

Всё равно! Я хочу ее видеть, она мне позарез нужна. Ты должен ее найти. Пойдем искать.

Вей, вей, ветерок, гони челнок!

Входят Мать, Орта, Циена и работники.

М а т ь

Слышим: ветер к нам пригнал
Лодку с дальними гостями.

У л д ы с

Привезли мы сладкой водки,
Чтоб посвататься к красотке!

Д ы д з и с

Дашь или не дашь невесту —
Угощайся сладким зельем!

О р т а

Глянь на денежного парня,
Что о золоте не тужит!

У л д ы с

Люди добрые, налейте ж,
В Риге много — хватит всем!
Мать, налей себе послаще —
Ты взамен мне дашь невесту.
Дочерей ты всех покажешь —
Чтоб мы выбрали по вкусу.

М а т ь :

(пьет)

Угощаешь вином сладким —
За вино ли дочь отдам я?
Мои дочки как цветочки,
Как росинки на веночке.

У л д ы с

Дам вина еще послаще,
Как медовое сердечко.

М а т ь

(пьет)

Все^я уже я показала —
Выбирай, кого захочешь.
Только ты ищи получше —
Все они в лесу дремучем.

У л д ы с

Ничего, мы их разыщем.

Первый работник
Мы поможем поискать.

Второй работник
Лишь поставь побольше водки!

О р т а

И мы тоже.

Ц и е п а

И мы тоже, —
Пирога лишь не забудь.

У л д ы с

С головой в вине утонем!

Д ы д з и с

Мать, а ты прикинь получше,
Что сватам заезжим надо.
Стол накрой из крепкой липы,
Ставь послаще угощенье.

Ц и е п а

(показывая)

Ищи только!

О р т а

Ищи только!

А кого ей тут искать?

Ц и е п а

(тихо, иронически Орте)

Он нашел уже, не бойся!

Улдыс и Дыдзис ищут девушек, открывая и закрывая двери пристроек. Раскрыв дверь хлева, из убежища выходит Анда.

У л д ы с

Золотой ты охунечек,
В речке прыгаешь, сверкая.

О р т а

(Анде)

Как, ты здесь? А где же Байба?

А н д а

К белкам в гости убежала.

У л д ы с

А, есть Байба? Где же Байба?

А н д а

Коль нашел — еще что ищешь?

О р т а

Я найду — наверняка.

(Уходит.)

У л д ы с

Ну, ищите! Все ищите!

А н д а

Байба — я. Чего ж ты ищешь?

У л д ы с

Ты? Глаза мне покажи.

А н д а

Загляни на дно колодца.

У л д ы с

Байба очи б опустила —
Только силою взглянул бы.
Ну, ищите! Все ищите!

А н д а

Поищу я вам, еще бы!
Не найдете вы находку.

Д ы д з и с

Будь ты Байба, будь ты Анда —
Сядь первой на скамейку.
Счастье с краю выбирает.

А н д а

(глядя на Дыдзиса)

В толстячке ль таится счастье?

(Садится на скамью.)

Поиски продолжаются. Работники вводят Зану.

Первый работник

Вот красавицу нашли мы —
В Риге нет такой, наверно!

Второй работник

Башмачки белее снега
И из красных роз веночек.

М а т ь

Я платок ей повязала
С серебристой бахромою.

У л д ы с

С чем сравню твою красу?
Лишь с черемухой цветущей.

Ц и е п а

Добрый молодец дал время
Наряжаться сколько надо:
Юбку пышную надеть,
Шелковым платком покрыться. . .

У л д ы с

Словно алый маков цвет
Посреди ржаного поля.

А н д а

Как развесистая липа
Рядом с вязом низкорослым!

У л д ы с

Еще солнышко не встало —
Ветви верхние зарделись.
Не целована невеста —
А уже пылают щечки.

З а н а

Я всё утро пред тобою
То краснела, то бледнела, —
Наконец-то ты заметил!

У л д ы с

Не видал, когда искал,
А теперь слепит глаза мне.
Сядь сюда — посередине.
Здесь свой взор остановлю я,
Что вокруг искал напрасно.

А н д а

И блуждал по мукомольне.

Первый работник

Сват, еще искать прикажешь?

Второй работник

Или мы нашли невесту
И она тебе по вкусу?

У л д ы с

Я одной еще не видел, —
Где малютка-мукомолка?

Ц и е п а

Погляжу, где бродит Орта?
(Уходит.)

Т е ж е без Ц и е п ы.

З а н а

(Улдысу)

Все мололи в мукомольне.

М а т ь

(Улдысу)

Привести еще кого?

У л д ы с

Пусть, луна, с тобою вместе
Звезды-дочери все выйдут, —
Покажи ты их рассвету.
Что лишь этих показала?

М а т ь

Ну, тогда знакомься, парень,
С самой лучшей мукомолкой.

Первый работник

Славным хлопцам — славных девок.

Второй работник

Самых славных приведем.

(Уходят.)

Т е ж е без работников.

М а т ь

Сядь теперь, жених, на место.

Д ы д з и с

Будем пить вино и пиво,
Чтобы время скоротать.

М а т ь

Хлеб ржаной ты наш отведай,
Пирогов пшеничных белых.

У л д ы с

Раньше должен я увидеть
Ту, что мелет и печет.

А н д а

В этом сладком пироге
Часть и нашего помола.

У л д ы с

Своего помола долю
Отломи — я съем остаток,
Отверни одну щеку —
Я другую поцелую.

Входит Первый работник и вводит Циепу,
накрытую платком.

Первый работник

(Улдысу)

Парень, вот тебе она —
Маленькая мукомолка.

А н д а

Можешь ей расцеловать
Не одну, а обе щечки.

М а т ь

Подойдет тебе она?

Улдыс снимает платок с Циепы, все смеются.

У л д ы с

(Матери)

Ах ты, матушка-хитрюга,
Не обманешь ты меня.

(Циепе.)

Хорошо, возьму с собою,
Чтоб сварить ее на мыло.

Все смеются. Циепа, застыдившись, убегает.
Входит Второй работник, ведя телочку.

Второй работник
Вот еще, да маловата.

(Дыдзису.)

Тебе, может, пригодится?

Все смеются.

Дыдзис

Да не телочка ли это?

Мать

(Дыдзису)

Ты же телку сам искал,
Говорил — сюда бежала.

Анда

Может, парни, хватит этих?
Или лучше нас они?

Первый работник

(Улдысу)

Можем новых привести,
Получив за прежних плату.

Улдys

(работникам)

Пей вино, в расчете будем.
Ну а эту усадите
В ряд с невестами другими —
Пусть все видят, кто у тещи.

Улдys и Дыдзис смеются. Работники уходят.
Входят Циепа и работник; они ведут Гатыня.

Циепа

(держит Гатыня за руку)

Вот последняя еще,
Если я не пригодилась.

Гатынь

Братцы, братцы, отпустите!
Лихо мне, горе мне!

Ды д з и с

Это что еще за девка?
Волос короток, в порточках
И кричит, как тот козленок.

Ц и е п а

Мы платок ему повяжем
И в девицу превратим.

А н д а

Вам девиц ведь не хватает,

Г а т ы н ь

Ой, беда мне, ой, беда!

М а т ь

Гатынь, что же ты ревешь?

Ц и е п а

Ты козленок, или режут?

Г а т ы н ь

Ой, беда! На помощь, Орта!

М а т ь

Пошутить хотят и только.

Входит О р т а.

О р т а

Что тут делают с тобой?

М а т ь

Пошутить хотели только,
Чтобы время скоротать.

О р т а

А зачем дразнить мальчонку?

У л д ы с

Байба где? Кто эта Байба?

О р т а

Не смогла уговорить.
На ней рваная юбчонка
И заношенный платочек.

А н д а

Твоя Байба не явилась —
Гата взяли мы взамен.

Ц и е п а

И была бы девка девкой,
Да нельзя надеть платочек.

О р т а

(Циене)

Уходи ты, зубоскалка.

Г а т ы н ь

Орта, Орта, ой, беда!
Вбегает испуганная Б а р б а.

Б а р б а

Гатынь, что с тобой, дружочек?

Г а т ы н ь

Они мне... и молвить стыдно...

О р т а

(Барбе)

Повязать хотят платок,
Чтоб показывать как девку.

Б а р б а

Батюшки мои! Да что вы!
Разве можно насмеяться?

У л д ы с

(вскакивая)

Кто такая? Кто такая?

Д ы д з и с

(Улдысу, усаживая его на место)

Погоди, потеха будет.

Р а б о т н и к

(Барбе)

Что мешаешь веселиться?

Б а р б а

Жаль его мне.

Р а б о т н и к

Вишь, ей жалко!

А н д а

(Барбе)

Ишь заступница нашлась!

Б а р б а

(работникам)

Отпустите, дорогие!

Д ы д з и с

Не пускай, давайте юбку.

У л д ы с

Голос, кажется, я слышал.

(Обращаясь к Зане.)

Кто это?

З а н а

Не приставай.

М а т ь

(Улдысу)

По душе тебе служанка

Больше, чем мои невесты?

А н д а

(Барбе)

Уходи-ка, здесь не кухня.

Женихи сюда пришли.

Может, хочешь показаться?

Ц и е п а

Что тебе от парня нужно?

Тоже хочешь жениха?

Б а р б а

Гатынь, ну, бежим скорее.

О р т а

А ты, Байба, здесь останься.

У л д ы с

(восклищая)

Это Байба? Это Байба!

(Матери.)

Вот где, теща, третья дочка,
Мукомолочка твоя,
Что ты скрыла от меня.

М а т ь

(Улдысу)

Не моя то, молодец,
А сестры моей, приемыш.

У л д ы с

Байба, стой! Не отпускайте!

О р т а

Оставайся ж, Байбалыня!

М а т ь

Пусть пойдет переодеться,
Чтоб хозяйку не срамить.

У л д ы с

Я возьму ее такую,
Как сюда она явилась, —
В бедной, латаной юбчонке,
Босиком, простоволосой.

Б а р б а

(Гатыню)

Ой, бежим!

О р т а

(держит ее)

Не отпущу.

Ды д з и с

(Улдысу)

Уймись, Улдыс, перестаны!
Ты лица ее не видел,
Ее голоса не слышал,
В голове твоей хмельной
Бродит рижское вино.

У л д ы с

(встает)

Кружит голову не хмелем!
Я пойду в лицо ей глянуть,
Голосок послушать сладкий.

З а н а

(усаживая его обратно)

Улдыс, стой, не шути!
Пусть не дышит стужей ветер
На того, кто без одежды,
Пусть того не обижают,
Кто остался сиротою.

У л д ы с

То не шутки, а желанье
Увидать при свете солнца
Ту, что в полутьме приметил.

З а н а

А зачем смотреть на Байбу,
Если я твоя невеста?
Землю вытоптала ямкой,
Разговор ведя с тобою.

У л д ы с

Ты мила мне, но увидеть
Ту, что прячется, хочу я.

М а т ь

(Улдысу)

Не позорь и честным будь
С честной девушкою, пареньь.

А н д а

Не пугай, мать, молодца,
Я скажу — ведь он не знает.
Брось напрасные надежды:
Есть другой жених у Барбы.

У л д ы с

Что, стрекозочка, ты мелешь?

Ц и е п а

(Улдысу, указывая на Гатыню)

Гатынь, Гатынь!

Р а б о т н и к и

Ясно, Гатынь!

Б а р б а

Замолчите! Ох, не лгите!

О р т а

Что вы, дурни, намололи?
Вам смешки, а девке слезы.

А н д а

Правда, правда! Попробуйте
Повязать ему платочек, —
Разве Барба разрешит?

Д ы д з и с

Пробуй! Юбку надевайте!

Работники хотят повязать Гатыню платочек,
Гатынь отбегает и сопротивляется.

Б а р б а

(работникам)

Ох, не мучайте! Пустите!

О р т а

(работникам)

Бросьте вы!

М а т ь

Хватайте смело!

Г а т ы н ь

Ой, спасите! Ой, спасите!

А н д а

(*дразня Гатыню*)

Нареченная, спаси!

Б а р б а

Гатынь! Ох, иди сюда!
Давай, голову я спрячу.

Гатынь прячет голову в ее руках.

А н д а

Вот как жениха спасают!
Вот! Ты любишь его, Барба?

Б а р б а

Да, люблю! Чего смеетесь?

У л д ы с

Право, славная девчонка!

М а т ь

А ты, Гатынь, возьмешь Барбу?

Г а т ы н ь

Возьму.

М а т ь

Ну, тогда целуйтесь.

У л д ы с

(*встает и подходит к Барбе*)

Подожди, меня возьми!
Погляди-ка, вишь какой я.
Дай мне сладкий поцелуй —
Сладкий дам взамен напиток
Не в горбом согнутом кубке.

Б а р б а

Ты хоть хваток, да не сладок, —
С горьким пойлом кубок твой!

У л д ы с

(пытается заглянуть ей в лицо)

Покажись, какая ты?

Барба отворачивается.

О р т а

Байбинька!

У л д ы с

(берет кубок и предлагает его Барбе)

Возьми, отведай.

Б а р б а

Гатынь, ну, идем со мной!

У л д ы с

На, пусть выпьет и жених!

Дает кубок Гатыню и при этом нарочно обливает его. Барба выбирает кубок из рук Улдыса так, что всё вино выливается.

Б а р б а

Пропади твой смех, негодный,
Пересмешник, забулдыга!

У л д ы с

Ах ты, шустрая девчонка!
Отомщу тебе за это.

Барба убегает и держит за собой дверь.

У л д ы с

(Барбе, находящейся за дверью)

Я схвачу тебя сегодня ж,
Стисну сильными руками
И сорву с очей платок.

О р т а

(успокаивая Улдыса)

Ох, сынок, девчонке стыдно ж.

У л д ы с

(угрожающе, в сторону Барбы)

Смех мой кончится, а слезы
У тебя дождем польются.

Гром прокатится по небу
В час, когда тебя помчу я
Через Даугаву, по бурным
Черным волнам на закате.

Занавес

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Большая комната на хозяйской половине. Направо дверь в сторону кухни. В задней стене — дверь и окна в сад. Стол, скамьи вдоль стен. Дверь в сад открыта настежь.

Г а т ы н ь

(один, играет на дудке в саду у двери, затем поет веселую, шуточную песню)

Дети, видеть поспешите,
Что в избе за шум и гром!
То сверчок жену из бани
Важно в горницу повел.
Блоха прыгает за сваху,
Бал в запечном уголке,
Сам сверчок в льняной сорочке,
Блоха — в шелковом платке!

Входит из сада Б а р б а, у двери.

Г а т ы н ь

Иди, Барба, слово молвлю.
Все заснули, пообедав,
Не услышит нас никто.

Б а р б а

Что ты, Гатынь, разыгрался,
Словно сойка по весне?
У меня ж тоскует сердце,
Словно осенью голубка.

Г а т ы н ь

Не печалься, Байбалыня,
Видишь пару голубей —
Вместе с ними улетим мы
Над лесами, над полями
До восточных рубежей.

Б а р б а

Ты в мечтах паришь высоко —
Мы ж в болоте остаемся
И прихода ночи ждем.

Г а т ы н ь

Горем ты не разгорайся,
В Даугаву его швырни!

Б а р б а

В Даугаву? А вот с нее-то
Ветром горе и наносит,
До краев наполнив лодку.

Г а т ы н ь

Байба, дай твое мне горе,
Со своим его развею.

Б а р б а

Что ты стал таким веселым?
Раньше ж был осенним ветром,
Иволгой кричал печальной.

Г а т ы н ь

Ты словечком подбодрила.

Б а р б а

Да каким же?

Г а т ы н ь

«Милый Гатынь».

Б а р б а

Так всегда тебя зову я.

Г а т ы н ь

С той поры, как мать нас вместе
На судьбу соединила.

Б а р б а

Ах ты, Гатынь, что ты мелешь?
Над тобой смеялись люди,
Громко ты кричал с испугу, —

Я тогда и заступилась.
Что ж, ты рад людским насмешкам?

Г а т ы н ь

Что людские мне насмешки?
Через дырочки свирели
Я их выдую из сердца.
Страха нет, кричать не стану, —
Ласка сердце обновила.
Мать навек нас обручила.

Б а р б а

Сам ты на смех нас выводишь.

Г а т ы н ь

Или ты меня не любишь?

Б а р б а

Люблю, Гатынь: ты так слаб!
А ты бредишь: обручила.
Замуж я вовек не выйду.

Г а т ы н ь

Мы с тобой жених с невестой,
Подтверди то поцелуем.

Б а р б а

Всё же ты нескромный малый!
Я добра, а ты балуешь.
Ухожу, тебя я брошу.

Г а т ы н ь

Нет, Байбиня, нет, не надо.
В мыслях нет моих плохого.

Б а р б а

Мне пора.

Г а т ы н ь

Постой! Остайся!
Лишь приблизь свое дыханье,
Прикоснись губами к дудке,
О тебе пускай звенит.
Скажешь «нет» — отнимешь душу,
Без души умолкнет дудка.

Б а р б а

Нет,дохну я всею грудью,
Целиком отдам я душу.

Г а т ы н ь

Горе мне, не уходи!
Ты меня не любишь, Байба!

Б а р б а

Да люблю, но будь хорошим.

Г а т ы н ь

Только видеть твои глазки,
Только слышать голосочек —
На всю жизнь того мне хватит.
Разлучить нас хочет, видно,
Ветер, с Даугавы летящий.

Б а р б а

Улдыс мужем мне не будет.

Г а т ы н ь

Байбинька, моя родная,
Убежим тогда отсюда.
Парой голубков взовьемся,
Крепко за руки схватившись.
Все уснули, не заметят.

Б а р б а

Ну куда бежать мы сможем —
Твои ножки как былинки.

Г а т ы н ь

Не зови меня калекой,
От других я это слышу.

Б а р б а

Что ты, Гатынь, бог с тобою,
Ты в дороге притомишься.

Г а т ы н ь

Один раз только споткнешься —
Вечно люди хаять будут.

Ты ж сама бежать хотела,
Испугавшись женихов.

Б а р б а

Тогда сердце было гордо —
С гордой елочкою вровень,
Ветром сломанной сегодня.

Г а т ы н ь

От ломающего ветра
Укрываться надо, Байба!

Б а р б а

Побежишь ли против ветра?

Г а т ы н ь

Стой, идут! Бежим отсюда!

(Оба поспешно уходят в сад.)

Справа, со стороны кухни, входят Улдыс и Дыдзис.

Д ы д з и с

Брось же ты, наконец, бегать и прыгать вокруг да около по углам и задворкам, по рощам, полям и оврагам! Что ты не унимаешься, гоняешься за этой белкой? Никогда так ни за одной не гонялся. Зря ты сбиваешь пятки, когда здесь же и перепелки и куропатки носятся перед глазами, в руки тебе сами просятся. Что ты в нее так влюбился?

У л д ы с

Я ее добуду! Влюбился или не влюбился, а ей не оставить меня в дураках. Я ей покажу, как меня, Улдыса, дразнить. Дай промочить горло!

Д ы д з и с

Хватит тебе промачивать! Опомнись, ведь тебя ждут на помолвку мать и Зана.

У л д ы с

Черт бы забрал все помолвки! Мало ли у матерей дочек? Я этой девчонке хочу поддать пару, чтоб у ней глаза защипало!

Д ы д з и с

Ой, не пей, ума не пропивай! Сделаешь еще какую-нибудь глупость. Мать уж и так хмурится, на тебя косо

поглядывает, а у твоей Заны глаза мокры. Ведь она всё же с достатком.

У л д ы с

Ступай ты ее утешать!

Д ы д з и с

Да, ступай утешать! Она мне чуть зенки не выцарапала, такими словами обложила, что никогда не слышал от маменькиной дочки при сватовстве. Мне уж Анда больше подходяща.

У л д ы с

Ишь ты, какая Зана! Молодчина, занозистая девчонка! Так и следует.

Д ы д з и с

Ну уж не всегда так и следует. Больно она длинно-рука! А Анда только хохотушка.

У л д ы с

Ведь за меня мать ту прочит. Я ее тебе уступаю. Ну, постой только ты, скромница! И глаз не поднимает; я тебе подниму не только глаза! Что ей в этом пастушонке? Нянчится с ним, как с младенцем.

Д ы д з и с

Есть на что кидаться, — что девчонке ты с первого раза не приглянулся, что у нее другой на примете.

У л д ы с

Что ты городишь? Другой на примете? Этот сосунок, хромоножка? Нет, она не глупышка.

Д ы д з и с

Смерть у девчонок разум: у одной его больше, у другой меньше. Почему вот я для них плох? Где тут разум? Одна Анда со смекалкой. Но я помалкиваю, а ты как взбесился, оттого что тебе одна в руки не дается. Может, и вправду эта хитрюга тебя околдовала?

У л д ы с

Я ей покажу!

Ды д з и с

Да ты и впрямь не влюбился ли в нее?

У л д ы с

А, пустомеля! Мне ее доконать надо. В тебе того понятия нет.

Ды д з и с

Ну, на нет так и суда нет. Тогда уступи ее мне: хоть и сирота, а все же приданое-то дадут кой-какое.

У л д ы с

Катись, дурак! Ты уже пропил разум. Ах ты, проклятая!

Ды д з и с

Вишь как его разбирает!

Входит О р т а.

О р т а

Ну, ты, брат, пьянчуга-парень!
Что ты по полям-то бегал?
Хмель развеять захотел?

У л д ы с

Эх, карга, да что ты знаешь?

О р т а

Уж поболее тебя.
Что ты бродишь без рассудка?
Я б сказала...

У л д ы с

Молви! Выпей!

О р т а

Выпить, только то и знаешь.

У л д ы с

Ну, не пей: мне больше будет.

О р т а

Мне-то пить — вред невелик,
Ты ж чем больше пьешь — тем дальше
Отгоняешь ту, что ищешь.

У л д ы с

Приведи ее. Вот деньги.

Д ы д з и с

Покупать? Мне здесь не место.

(Уходит.)

У л д ы с, О р т а.

О р т а

Брать деньгами, рвать насильно —
То лишь плут базарный может,
Лаской действуй, умоляй.

У л д ы с

Мне молить ее? Девчонку!
Выносить ее насмешки?

О р т а

Вишь гордец какой нашелся!

У л д ы с

Что к ней льнет калека этот?

О р т а

Взрослый — мальчика боится!

У л д ы с

Что дудит он вечно в дудку?
От жужжанья уши вспухли.

О р т а

Вишь, как зверь пошел кидаться!
Пожалеть сироток надо.
Стыдно, статный даугавчанин!
Тебе лестно нанизать
Девок бусами на нитку,
А того понять не можешь,
Чтоб склонить девицу лаской.

У л д ы с

На репье колючки остры.

О р т а

Сгоряча хватать не надо,
Прикоснися к стеблю нежно.
Девке лестно быть просимой,
Того более — сиротке.
Жениху три года ездить,
Приручать к себе сиротку.

У л д ы с

Что творит со мной девчонка, —
Людам скажешь — не поверят.

О р т а

Что девчушка может сделать?
Дубу чем вредит пчела?

У л д ы с

Ну, разделаюсь я с нею!

О р т а

Не хвались, идя на рать.
Пить бросай, будь поскромней.

У л д ы с

Ладно, ладно!

О р т а

Ожидай же.

(Уходит.)

У л д ы с

(один)

Ах, девчонка, волчий корень,
Горькая полынь-травинка.
Как ее зрочки сверкнули
Под надвинутым платочком,
Под холщовым покрывалом!
Словно денежка блеснула
Под луною на полянке.
Словно белочка на липу
Ускакала, хвост задравши,
Как в орех, впилась мне в палец!

Ах, добыть бы ту звездинку,
С неба все б другие звезды
Сбросить в Даугаву, как мусор.

Входит З а н а со стороны горницы.

З а н а

Улдыс, любимый, где ты был?
Сбилась с ног, тебя искавши.
То в полях ты, то в лесу
Невесть где!

У л д ы с

Да что с того?

З а н а

Брось же шутки, — мать сердита.

У л д ы с

Пусть; мне шутится сегодня.

З а н а

Тебе шутки, а мне слезы,
Всё к помолвке ведь готово,
Варят, жарят целый день;
Мать торопит обрученье,
А жених бежит в леса.

У л д ы с

Захотел — бегу. Есть время.
Ты-то ведь не убежишь.

З а н а

Вишь какой! Бежит за дикой,
А ручная — подождет.

У л д ы с

Может, ты за Дыдза выйдешь?

З а н а

Ах, бессовестный ты, Улдыс!

У л д ы с

Мать тебя ему ведь прочит.

З а н а

Ты, должно быть, ссоры ждешь.
Ах, мне сердце боль гнетет.
Разве я того не вижу,
На кого ты загляделся?

У л д ы с

Ты в уме? Я загляделся
На служанку-малолетку!

З а н а

В самом деле, Улдыс, любый?

У л д ы с

Как бы мог я заглядеться?
Я и глаз ее не видел.

З а н а

Что в глазах ее увидишь?
Так, девчонка как мышонок.
Как она хозяйкой станет?
Прячется от глаз людских.
В землю бы кротом зарылась,
Чтоб никто ее не видел.

У л д ы с

Я-то до нее дороюсь.

З а н а

Милый, не гонись за ней.
Разве мы не миловались
Эти долгие денечки?

У л д ы с

Ты люба мне, ты мила мне.

З а н а

Так идем же обручаться!
Вот уж нас и Анда ищет.
Не круши мне сердце, Улдыс,
Обуздай свой нрав горячий.

У л д ы с

Сокрушить хочу я ту,
Кто мой нрав не уважает.

А н д а еще за сценой.

А н д а

Зана, ау! Зана, ау!
Скоро будет обрученье!

(Входя.)

А, жених-то первый здесь!
Значит, пир не за горами.
Ну, пока целуйтесь тайно,
Скоро будете при всех.

З а н а

Ты зачем сюда примчалась?

А н д а

Да целуйтесь, — отвернусь.

Зана хочет обнять Улдыса, тот отстраняется.

З а н а

Что, стесняешься?

У л д ы с

Постой.

А н д а

Что ты, парень, заробел?
Хватать Барбу не боялся!

У л д ы с

Тебя тоже не боюсь.

(Ловит ее.)

А н д а

Не поймал бы, да не буду
Я бежать от жениха, —
У тебя под мышкой спрячусь!

(Подбегает сама к нему под руку.)

З а н а .

Это, Анда, мой шалаш!

А н д а

Твой он, верно, но — гляди,
Ты упустишь — я займу,
Лишь тихоне б не достался,
Той вовек не уступлю я.

У л д ы с

Той зачем же не уступишь?

А н д а

Тебе — Барба, Дыдзис — Зане,
Ну а мне-то кто жених?

З а н а

Улдыс, Барбу не словивши,
Говорит, что сам не хочет.

У л д ы с

Я-то сам ее добуду,
Рассчитаюсь с недотрогой.

А н д а

Мы с сестрой тебе поможем.
Ишь куда горячка метит —
Даугавчанина прельщает!

У л д ы с

Кто прельщает? Удирает.

А н д а

Ах ты, парень длинноногий!
Разум короток, как волос.
Удирает — завлекая.

З а н а

Милый, брось ее!

У л д ы с

Уж ладно!

А н д а

Гатынь есть, другого ищет.

У л д ы с

Что ей Гатынь, то лишь в шутку.

А н д а

В шутку? Над тобой смеются.

У л д ы с

Надо мною? Ах, девчонка!

А н д а

Нрав ее тебе открою,
Покажу ее уловки.
Под платочком глазки скрыты, —
Ты сорви с нее платок —
В них стыда и не увидишь.

З а н а

Что ты? Славная она ведь.
Что ты хочешь с нею сделать?

А н д а

Как же, славная! А хочет
Женихов отбить у нас!

З а н а

(Улдысу)

Милый, милый, нет, не надо!
Входит О р т а со стороны сада.

О р т а

Вот где девушки укрылись,
Когда всем хлопот по горло,
Дочки к суженому обе,
Словно мох к стволу, прильнули.

З а н а

Орта, ах, постой минутку!
Разве мать уже звала?

О р т а

Мать зовет — кому услышать?
Парня ж слышат и без зова.

А н д а

Ты пришла ведь не из кухни.
Разве мать тебя послала?

О р т а

Скажет мать тебе сама.
Поспешай скорей, сорока,
Прикуси язык свой острый.

А н д а

Твоему трещать чтоб вволю!

З а н а

Идем, Анда!

А н д а

(Орте)

Иди с ней.

О р т а

Я приду сейчас, идите.

А н д а

Как сорока улетела —
Так ворона и за дело!

О р т а

Раз сорока стрекотала,
Чтоб на ней женился сокол.
Длинен хвост, коротки крылья,
С ним лететь она не в силах!

А н д а

А пискун-цыпленок в силах?

У л д ы с

(Орте)

Где же Дыдзис? За вином
Пусть идет он для помолвки.

Зана и Анда уходят.

У л д ы с и О р т а.

О р т а

Я повсюду обыскала.

У л д ы с

Где же Барба?

О р т а

Ягод ищет.

У л д ы с

К ней идем.

О р т а

Не торопись!

Убежит, тебя увидя.

Спрячься ты, а я покличу,

Чтобы ягоды несла.

(Зовет.)

Байбинь, отзовись, ау!

Г о л о с Б а р б ы

Здесь я! Ягоды собираю.

О р т а

Сколько ягод насбирала,

Все ты их носи сюда —

Женихам на угощенье.

Г о л о с Б а р б ы

Есть там кто?

О р т а

Неси скорей!

Спят еще.

Г о л о с Б а р б ы

Сейчас иду!

Орта уходит.

У л д ы с. Входит Б а р б а.

У л д ы с

Барба, где ж ты запропала?

Счастье мне тебя послало!

Б а р б а

Кто тут? Орта говорила,
Будто нет здесь никого!

У л д ы с

Не пугайся, это я ведь,
Улдыс: не дичись, красотка!

Б а р б а

Батюшки мои!
(*Роняет корзинку с ягодами.*)

У л д ы с

Синичка!
Ягодки все растеряла.

Барба хочет бежать.

Ну куда бежишь? Останься.
Матери что скажешь? Сестрам?
Что заигрывала с парнем?

Б а р б а

Ой, где Орта?

У л д ы с

Сам могу я
Ягоды помочь собрать.
Молви хоть одно словечко!

Б а р б а

Не хочу, я крикну. Гатынь!

У л д ы с

Крикни Гата, а я Анду.

Б а р б а

Не зови — смеяться станет.

У л д ы с

А мне Гат твой не по нраву.

Б а р б а

Ох, беда!

У л д ы с

На что он здесь?
У тебя о нем лишь речи.
Лучше рядышком пройдемся,
Полюбовно сговоримся.

Б а р б а

Сговорился ты ведь с Заной?

У л д ы с

Разве я тебе не нравлюсь?
Не стройней ли я дубочка?
Не румяны, что ли, щеки?
Что бежишь ты, как от волка,
Когда свататься хочу я?

Б а р б а

Что тебе я за невеста?
Ты хозяйской дочки ищешь.
Кто сочтет все звезды в небе,
Кто все корни, что дороги
Перевили, сосчитает,
Тот и будет мне жених.

У л д ы с

Я их все пересчитаю.
Звезды — ягоды, пол — небо,
Я считаю, подбирая!

Б а р б а

Ах, смекалистый ты парень!

У л д ы с

Лишь сейчас я приглянулся?
Орта молвила — давно.

Б а р б а

Орта молвила? Ой, горе!
От стыда куда я скроюсь?

(Хочет бежать к дверям в сторону кухни, но, одумавшись, бежит в сторону сада.)

У л д ы с

Не беги! Я Анду кликну.
Что ж, могу теперь я сватать?

Б а р б а

Не шути со мною, парень,
Я ведь девушка-сиротка.

У л д ы с

Сиротинка — счастья дочь.

Б а р б а

Я хочу побыть в девицах,
Чтобы розы не повяли
На моих девичьих щечках.
А на слезы будет время.

У л д ы с

Дай тех роз мне цвет увидеть.
(Хочет снять с нее головной платочек.)

Б а р б а

Лишь тому на них глядеть,
Кто мне в пахари наймется, —
Сыну матери батрацкой.

У л д ы с

Я богат — порок ли это?

Б а р б а

Я боюсь богатства.

(Идет прочь.)

У л д ы с

Стой же!

Б а р б а

(строптиво)

Ягоды теперь в кошелке,
Можешь трижды кликать Анду!

У л д ы с

Ах, девчонка-недотрога,
Выйдешь замуж? Иль не выйдешь?

Б а р б а

(смеется)

Даже если б обтянули
Шелком всю мою светелку
И меня осеребрили —
Всё равно не выйду замуж!

У л д ы с

Что ж ты хочешь?

Барба хочет уйти.

Стой, рассыплю!

Б а р б а

Что рассыпать ты собрался?

У л д ы с

Опрокину вновь кошелку.
Что ты хочешь?

Б а р б а

Страшен мне ты.

У л д ы с

Чем же страшен?

Б а р б а

Пьешь зачем?

У л д ы с

Брошу, коль тебе противно.
Силу пробуя, хмелел я.

Б а р б а

Страшно от твоей мне силы.
Зану ты возьми иль Анду,
Мне ж синичка прозвенела:
Кто за Даугаву уедет,
Тот столкнет тебя в пучину.

У л д ы с

Что синица за гадалка:
Нагадать себе не может,
Стоит ястребу ударить —
Только перья разлетятся.
Ты упряма, я упрямый.
О тебе молва, лукавой,
Что глаза, смеясь, ты прячешь,
Надо мною издеваясь.
Вот твой сбор!

(Высыпает ягоды.)

Б а р б а

Ой, Гатынь, ой!

У л д ы с

Анда, Зана, все сюда!
Все спешите на потеху!

У дверей в сад показывается Г а т ы н ь, но исчезает, когда входит
О р т а со стороны сада.

О р т а

(Барбе, задерживая ее)

Что с тобой? Куда спешишь?

Б а р б а

(полуплача)

Не держи,пусти меня,
Ты мне горе причинила.

О р т а

Девушка, да что с тобою?

Б а р б а

Ты зачем меня звала?
Говорила — никого нет.

О р т а

Я ж тебе добра желала,
Дурочка, чего ж ты плачешь?

У л д ы с

Одурачила — и в слезы!

Б а р б а

Я не плачу — пропустите.

О р т а

(Улдысу)

Я свела вас — миловаться,
Вы же принялись за ссору.
Кто ж тут ягоды рассыпал?
Отчитает мать за это, —
Ах ты, Байба, баловница!

Б а р б а

Что ты мелешь? Дай дорогу!

Входит, боязливо подкравшись к садовой двери, Г а т ы н ь.

Г а т ы н ь

(тихо)

Байба, уходи, не слушай!
Вишь, до слез тебя доводят.

Б а р б а

Что пришел?

Г а т ы н ь

Сама звала же.

Б а р б а

Сбери ягоды в кошелку.

О р т а

(Гатыню)

Ты еще тут? Прочь отсюда!

Гатынь уходит.

О р т а

Постой, Байба.

(Улдысу, держа Барбу за руку.)

Сам виновен.

Испугал ее напором.

У л д ы с

Виноват: тебя я слушал,
За обманщицей погнался,
Что с другим уж сговорилась.

О р т а

Что за вздор ты, парень, мелешь?
Что не сватаешь по чести?

У л д ы с

Что нечестно отказала?
Забулдыгой обругала,
Барышей тебя лишила!

О р т а

Что болтаешь? Чем кичишься?
Что у вас произошло?

(Барбе.)

Что ты здесь понатворила?

У л д ы с

Я уж сам поразузнаю,
Что такое ваши тайны,
Что за укрыванье глазок?
Чтоб меня отшила девка,
Что пришлось мне по нраву?!
Волею или неволей
Станешь ты моей невестой!

О р т а

Неразумный ты пьянчуга!
Как ты злом добро осилишь,
Ласку грубостью добудешь?

У л д ы с

(зовет)

Зана, Анда, эй, скорей!

Входят Зана и Анда.

У л д ы с

Глянь, девицы, на потеху!

А н д а

Мы идем, родные дочки,
А за нами четверть водки!

У л д ы с

Ну-ка, девушки, за свадьбу!
Я беру себе невесту.

А н д а

Эй, сюда, добрые люди!
Барба, в круг!

Б а р б а

Я не желаю.

А н д а

Кто нашкодил — не играет.
Скрытно, может, здесь играла:
Пол весь ягодами убран!
Входят Дыдзис, Мать и люди.

Д ы д з и с

Расступись! Дорогу дай!
Четверть водки я несу.

(Несет бутыль.)

А н д а

Мать, мы свадьбу тут сыграем.

М а т ь

Что ж играть-то свадьбу в шутку?
Время вправду свадьбу править.
Люди добрые, входите,
Сладкого вина попейте,
Молодых повеличайте!

Барба собирается уходить.

Барба, стой, не уходи,
Молодых поздравить надо.

(Зане)

Становись же, дочка, рядом
С женихом своим плечистым.

З а н а
(*тихо Улдысу*)

Брось же хоть теперь-то шулки.

У л д ы с
Мне еще шутить охота,
Пока холост, пока молод, —
С недотрогой рассчитаюсь.

А н д а
(*Матери*)

Матушка, дай посмеяться,
Пока косы под венками.
Ты сама веселье любишь.
Смех лишь хитрым не по нраву.

М а т ь
Что же, разве вас удержишь?

А н д а
Дыдзис будет вроде дружки,
А я буду вроде сватьи.

У л д ы с
Сговори же мне невесту.

А н д а
Кого сватать?

У л д ы с
Кто спесива!

Д ы д з и с
(*тихо Улдысу*)
Не шути — ведь сирота!

У л д ы с
Сам увидишь — ладно будет.
(*Барбе громко.*)

Стань со мною!

А н д а
Барба, стань!

Б а р б а

(отгелкивая руку Анды, Улдысу)

Я с тобой хотела ладом.
Ну, так слушай ты, пьянчуга!
Смел ты был шутить со мною,
Знал, что некому вступиться.

У л д ы с

Да не шутка это вовсе,
Вправду стань моей невестой.

Б а р б а

Что ж тогда шутил ты злобно?

У л д ы с

Ты ж меня не пожелала!
Доброй волей иль неволей
Я добыть тебя поклялся!

З а н а

Улдыс! Улдыс! Шутишь, что ли?

У л д ы с

Да пусти меня! Отстань ты!

З а н а

Не отстану, не отстану!
Ты мне сердце надрываешь!

У л д ы с

Дыдзис, успокой ей сердце!

Д ы д з и с

Не горюй, не плачь, голубка!

М а т ь

Что ты, Зана?

А н д а

Успокойся!

Барба
(Улдысу)

Прочь ты!
(Зане, приближаясь к ней.)
Занушка, не плачь!

Улдыс
(Барбе)

Будь моею! Обними,
Если молвить слов не хочешь!

Барба
(вскрикивая)

Ох, беда мне!
Входит Гатынь, стоявший за дверью.

Гатынь
(вскрикивает)

Байбинь, ой!

Улдыс
Что за крик?

Анда
Ты погляди!

Улдыс
(Барбе)

Вон, явился твой заступник,
Он не даст тебя в обиду.

Циепа
(Гатыню)

Что приполз?

Орта
(так же)

Чего приплелся?

Анда
(так же)

А кому ж свиной пасти?

М а т ь

Перестаньте вы!

Д ы д з и с

Вот смех-то!

У л д ы с

Да не в шутку, а взаправду —
Будь моей, целуй скорее,
Скинь девичье покрывало!

Г а т ы н ь

Отпусти!

О р т а

Да замолчишь ли?

А н д а

(Улдысу)

Рви платок, гляди в глаза ей —
Недоτροге, что в обнимку
С Гатынем своим лежала!

Б а р б а

Боже мой! Какие сплетни...

Л ю д и

Срам какой пред всем народом!

О р т а

Ах, наветчица ты, Анда!

М а т ь

Что коришь ты, Орта, Анду?

О р т а

Да какой жених — калека?

Г а т ы н ь

Да, то правда! Мы слюбились,
Барба мне теперь невеста,
Не позволю...

Люди

Ха-ха-ха!

Барба

Ты с ума сошел?

Гатынь

А что же?

На тебя ведь нападают.

Люди

Ха-ха-ха! Ну и срамница!

Анда

Скромницей она ходила,
Глаз своих не поднимала, —
Вдруг на двух поднять сумела!

Улдыс

Вон оно!

Циепа

Я ж говорила!

Улдыс

Ха-ха-ха! Вот так тихоня!

Анда

(Улдысу)

Покрывало рви — подержим!
(Хочет схватить Барбу и держать.)

Циепа

Ха-ха-ха! Снимай — подержим!

Барба

(вырвавшись от женщин)

Стыдно, стыдно, даугавчанин!

У л д ы с
(женщинам)

Отлетайте прочь, вороны!

(Барбе.)

Стыд не стыд, — тебя добьюсь я!

(Глядя на нее.)

Роднички синеют глазок,

А под ними роз цветенье.

(Насильно обнимает ее и хочет поцеловать.)

Барба закрывается платочком и отталкивает Улдыса.

Л ю д и

Ха-ха-ха!

Улдыс, смеясь, опять приближается к Барбе.

Б а р б а
(жалобно)

Ой, ты в гроб меня загонишь!

Маменька, услышь меня ты!

У л д ы с
(смеясь)

Нет, тебя гоню я в лодку!

Люди смеются.

Б а р б а

(гордо выпрямившись, негодуяще Улдысу)

Руки прочь, насильник лютый!

Хватит слез! Довольно просьб!

Я сама себе защита:

Если ты бесстыжий, парень, —

Я стыдом тебя покрою,

Я сама сорву платок,

Ты глаза мои увидишь,

И прочтешь ты в них презренье!

(Сама срывает головной девичий убор.)

Л ю д и
(удивленно)

Ох, ты! Ох, ты! Вот так так!

О р т а

Детка, детка! Что с тобою?

Барба вскрикивает и падает без чувств. Улдыс ее подхватывает.

Г а т ы н ь

Прочь поди! Лесной зверюга!

(Бьет Улдыса.)

Л ю д и

Ох ты, боже! Ну и горе!

У л д ы с

(Гатыню)

Стой ты! Барбу поддержите...

Л ю д и

Ох, неладно! Вот беда-то!

Улдыс хочет передать бесчувственную Барбу Орте, которая быстро подошла к нему, а сам хочет броситься на Гатыню.

О р т а

Что мне делать? Плохо с Байбой!

Взор померк! Не держат ноги!

(Улдысу.)

Мало, бык, тебе несчастья?

Затолкать мальчонку хочешь?

(Опуская Барбу к себе на колени.)

Деточка моя родная,

Что с тобой мы натворили!

У л д ы с

(пересилив себя, Гатыню)

Бей меня, смельчак парнюга,

Заслужил я это, верно.

(Наклоняясь к Барбе.)

Недотрога, недотрога!

О р т а

(вздохнув)

Глазки, глазки приоткрыла!

З а н а в е с

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Сад, деревья и кусты, надломленная ель. Вид на Даугаву закрыт деревьями. Ци е п а, О р т а. С о с е д к и.

Ци е п а

Барба, Барба, ау!

С о с е д к и

Разве теперь докличешься?

О р т а

Байбочка, Байбинь, о боже!

Ци е п а

Ах ты, боже, ах, батюшки! Стыд-то какой! Вот что приходится нам терпеть из-за этой Барбы.

О д н а из соседок

Господи спаси и помилуй! Слыхано ли где, чтобы девушка была такой, как она?

В т о р а я соседка

Сама выставилась перед женихами напоказ — на глазах у всех!

О р т а

Поносите теперь, оговаривайте! Теперь ваш черед сплетничать: говорить хорошее вы же не мастерицы!

Ци е п а

Вот, ты же еще и виновата! Не защищай позор — тогда Орта тебе правду выложит. Постыдилась бы, Орта, все-таки говорить такое гостям.

С о с е д к а

Не к лицу тебе это, Орта: мы бы лучше с тобой обошлись. А ты что? Позор остается позором, что там ни говори! Только сама себе напортишь.

Ци с п а

Чем себе Орта может напортишь? Она же во всем помогала этой девчонке, — разве мы не знаем, как?

О р т а

Рассказывай, рассказывай! Что же я плохого наделала? Что я этого ребенка люблю?

Ц и е п а

Я-то при чем? Что мне рассказывать? Сама всё знаешь.

С о с е д к а

Я тут и не была, а слышала — страшное дело, сама оголилась!

Ц и е п а

Как же, платок весь, как есть, с себя скинула!

С о с е д к а

Так перед сватами и вытрющивалась! Раскрылась, как на сенокосе!

В т о р а я с о с е д к а

Что ты, сестрица, — как на сенокосе! Оголилась, оголилась, как в бане! Ха-ха-ха! Выпивши была.

О р т а

Ложь, ложь, ложь!

Ц и е п а

Сама молодчику на шею бросалась! Или это, может, тоже тебе вранье?

О р т а

Гадючий язык, гадючий язык! Гадюка околет от твоего укуса!

Ц и е п а

Помолчала бы лучше, лучше не ругайся. А то я тебе такое скажу, что сразу замолчишь.

О р т а

Что ты можешь мне сказать, косоглазая ты, вертихвостка этакая, голова поклонная!

(Идет прочь.)

С о с е д к а

Ну и смешные же люди! Что за речи! Этакой Барбе сквозь землю провалиться надо со стыда!

Вторая соседка

Надо прямо в Даугаву броситься!

Орта

(снова вернулась)

Типун вам на язык за такие разговоры! Захлебнулись бы ваши глотки той водой даугавской!

(Уходит.)

Циепа

Вот уж сварливая баба! Что с нее возьмешь? Сама ведь сводила Барбу с женихом. И даугавчанин тот тоже хорош. Только слава, что герой, — а пообещал жениться на такой девчонке, у которой всё приданое — мыши да тараканы, ни отца, ни матери, как есть подкидыш, невесть где подобранный.

Соседка

Вот тебе и сирота горемычная, вишь какие дела творит. Своим же позором себе жениха выуживает.

Циепа

И с другими парнями крутит. Да в кого же она уродилась? У ребенка — ребенок! Но и сказать про это нельзя — еще Орта услышит. Как раз обругает за правду. А от хозяйкиной-то дочки, Заны-то, жених отказался. А ведь давно на нее метил. Поди дознайся, как было: тайком ведь встречались. Теперь ее на смех поднимают. Но уж и лентяйка эта Зана, мягкотелая, жиром заплыла. Теперь сама мать со злости не знает, куда кинуться. Под землю бы эту Барбу заткнула, кабы не жаль было потерять даровую работницу. Работает-то она ведь за одни харчи. Лошадь скорей загнать можно, чем эту Барбу.

Соседка

Вишь ты как! Да тише ты, никак сама сюда идет?

Входит Мать.

Мать

Что стоите да сплетничаете? Нашлась побродяжка эта?

Циепа

За что ж, милушка матушка, нас бранишь? Есть другие ведь, кого бранить надо. А мы и не про то вовсе, мы

ведь понимаем, что обида сердце твое затопила. Слух до всех соседей дошел, никто уняться не может — смеются да бранятся. Вот какая девчонка, стоило из жалости подбирать.

М а т ь

Змею на своей груди пригрела. Вот мне за это и награда.

Ц и е п а

Таковы эти люди: еще и помогают злодеям, учат как да что, сводят их бойким языком.

М а т ь

Куда это Орта запропастилась?

(Зовет.)

Орта, Орта!

Г о л о с О р т ы

(отзывается)

Ау!

Ц и е п а

Знает кошка, чье сало съела: боится твоего правого гнева. Только сейчас была, а как почувяла, что ты идешь, сразу ушла.

М а т ь

Пусть же и уходит — тут ей не место.

Входит Орта.

О р т а

.Ну, чего?

М а т ь

(повторяя)

«Ну, чего!» Ишь ты! Коли ты ее сейчас же не добудешь, эту Барбу, и не уговоришь отказаться от даугавца, тогда ты сама можешь уходить отсюда.

О р т а

Барба же сама его не хочет.

М а т ь

Не хочет, не хочет! Разве я знаю ваши затеи? Тогда скажи даугавцу, пусть сам Барбу оставит.

О р т а

Скажи ветру, пусть не пригоняет лодку даугавца!

М а т ь

Ты их свела, ты и разлучи. Иначе сама уходи.

О р т а

Как разлучить тех, кого счастье свело?

М а т ь

Ну, тогда иди к этому счастью своему, здесь тебе не житье.

О р т а

(начинает плакать)

Ой, горе, ой, беда! Полвека прожила — служила тебе, а теперь ты выгоняешь меня?

М а т ь

Как сама знаешь: делай, как говорю, или уходи!

О р т а

Не могу сделать, как ты говоришь, нехорошо так. Лучше я тогда сама уйду.

(Уходит.)

Ц и е п а

А кому останутся те лишние грядочки? Она ведь их не может с собой унести. Ты должна плохих наказывать, а хороших награждать.

(Соседкам.)

Верно?

Соседки

Верно, верно!

М а т ь

Ладно, ладно, увидим!

Входят Ан да и За на.

А н д а

Мать, мать! Где ты ходишь?
Все девчонку эту ищут —
А куда деваться ей?
Скоро явится наверно,
Чтоб за косы оттаскали!
Лучше потчевать гостей!

З а н а

(ластится к матери)

Мама, милая мамуся!

А н д а

Как ребенок, к маме льнет.

М а т ь

(Анде)

Что ты? Горе-то какое!

А н д а

К жениху вот так бы льнула —
Он сговорчивей бы стал.

З а н а

Стыд и срам! Куда мне деться?

М а т ь

Полно! Что теперь поможет?
Рассуждать толково надо.
Я тебя не дам в обиду.

З а н а

Страшный день, зловещий день!
Прямо в Даугаву я брошусь.

А н д а

Прямо в руки даугавцу.

М а т ь

(Зане)

Что ты, дочка, зря болтаешь?
Не срами хоть ты меня!

(Соседкам.)

Ну а вы чего стоите,
Тешась горюшком чужим?

С о с е д к и

Мы пришли тебя утешить,
Коли так — уйдем отсюда.

(Уходят.)

М а т ь, Ц и е п а, З а н а, А н д а.

М а т ь

Пойдем, Занушка, домой.
Успокойся, приоденься,
Нежно с ним поговори.

Ц и е п а

Трудно робкому ребенку
Подойти с медовым словом —
Надо быть сверчком речистым.

З а н а

Анда пусть поговорит.

А н д а

Для себя я ведь стараюсь.
Я-то своего добьюсь!

Ц и е п а

Может, мне пойти, голубка?

А н д а

Дыдзис лучше всех сумеет
Улдыса уговорить.

(Зовет.)

Дыдзис, слышь, поди сюда!

М а т ь

И упряма же даугавец —
Словно сам Стабураг.
Лучше взяться нам за Барбу,
Как лозу ее согнуть.

А н д а

Засадить ее в гусятник
На три дня и на три ночи,
А сказать, что утонула.

Входят Дыдзис, опечаленный и подвыпивший.

Дыдзис

Ну, миляги, выручайте;
Сладить с Улдом не могу я!

М а т ь

Дельно с ним поговори,
Упроси, красавец, друга,
Чтоб меня не опозорил
Он отказом непристойным.

А н д а

Пусть берет он нашу Зану,
Только ты уговори!

Дыдзис

Как же я уговорю,
Если он не отвечает?
Лишь бормочет что-то под нос.
Я к нему с вином любимым —
Он кафтан мой окатил!
Сам я только накачался
Так, что ноги подкосились.

Улдыс бредит, что отныне
В рот и капли не возьмет.
Как мне быть и что мне делать
С собутыльником любезным?
К черту Барбу, к черту Зану!
Вы, девчата, загубили
Наилучшего даугавца!

(Плачет.)

М а т ь

Вот вам и помощник наш!

Д ы д з и с

Что один я буду делать?
Пропаду я, как в тумане!

А н д а

Окрутись — не пропадешь.

Д ы д з и с

Окрутиться — утопиться.
Впереди — один туман.

А н д а

Буду я поводырем!

(Берет его под руку и уводит.)

Д ы д з и с

Как без Улдыса жениться?

Оба уходят.

М а т ь

Анда верно говорила:
Барбу надо в хлев упрятать,
Не давать ни пить, ни есть, —
Посговорчивее станет.

З а н а

Увезти ее подальше!

М а т ь

К жениху уйдет украдкой.

З а н а

Слово даст — не убежит,
Сердце доброе у Барбы.

М а т ь

Лучше в хлев да под замок,
Не откажется — подохнет.

Все уходят.

Сцена остается пустой, слышно, как Гатынь тихо наигрывает:
«Солнышко зайти спешило. . .»

Оглядываясь, выходит Барба.

Б а р б а

Голоса людские смолкли,
Только Гатынь всё дудит.
Голоса должны все смолкнуть,
Все глаза должны закрыться,
Лишь тогда я успокоюсь.
Жалят очи, режут речи
Мое бедное сердечко.

(Останавливается у ели.)

Я к тебе пришла поплакать,
Моя сломанная елка!
Мы с тобой одно и то же —
Нас обеих он сломал,
Ветер утренний, жестокий.
Души в чаше ледестковой
Мы несли ему навстречу —
Грубо он схватил ту чашу,
Возмутились наши души.

(Прислушиваясь.)

Что ты, дудочка, поешь?
«Солнышко зайти спешило,
Я в тени одна осталась».

(Отворачиваясь.)

Толк какой от слов старинных?
Песни древние не лечат.
Ноет сердце, сохнет рот,

Стыд огнем мне душу жжет,
Я покрылась бы платочком,
Да платок, что сорван силой,
Вновь покрыть уже не может.

(Отходя от ели.)

Тороплюсь — не догону я,
Всё зову — не дозовусь, —
Расступись же ты, земляца,
Спрячь меня ты — невеличку!

(Опускается на землю. Слышатся тихие шаги.

Поднимается.)

Кто идет? Глаза людские.
Елка, скрой меня за ветвью.

(Прячется за ель.)

·Входит Г а т ы н ь.

Г а т ы н ь

Байбинька, моя родная!
Голосочек я твой слышал —
Зяблика среди скворцов.

Б а р б а

(за елью)

Не гляди, не подходи!
Как глаза твои выносят
Вид позора моего?

Г а т ы н ь

Я могу, я выношу,
Я и сам ведь опозорен
Еще в чреве материнском.
Я калекою родился,
Рос сироткой — и меня
Ты одна не презирала.
Ты добра, чиста, как пена
Белой Даугавы бурлящей,
И ясна, как луч восхода,
Что сияет на росинках.
Нет, тебя не опозоришь —
Можно только лишь обидеть:

Ястреб ранит куропатку,
Волк лесной терзает серну, —
Тебе нечего стыдиться,
От него бежать лишь можешь
С ненавистью и презреньем.

Б а р б а

(выходит из-за ели)

Ненавидеть не могу я.

Г а т ы н ь

Ты не можешь ненавидеть
Ненавистного такого?

Б а р б а

(снова прячется)

Ах, прекрасен ранний ветер,
Хоть сломал мою он елку.

Г а т ы н ь

В злой красе опасность скрыта,
Ты ж добро в красе скрываешь.

Б а р б а

Что я доброго свершила?
Моя власть и моя сила,
Словно блески, разлетелись.
Власть — у утреннего ветра!

Г а т ы н ь

Любишь ты его еще?

Б а р б а

Он на самом дне сердечка,
Словно ясный родничок,
Что течет по дну долины.

Г а т ы н ь

Горе мне, куда пойду я?
Голубь не взлетит один.

Б а р б а

Гатынь, милый мой, хороший!

(Выходит.)

Г а т ы н ь

Не я люб, не я хорош.
В сердце у тебя лишь злоба.
Так у тетерева зобик
Полон острыми кремнями.

Б а р б а

Нет, в твоём прекрасном сердце
Лишь березовые почки.

Г а т ы н ь

Сам урод — такое ж сердце.
Что краса твоя скрывает?
Раз его ты любишь, значит,
Ты раскрылась добровольно,
Чтоб его заполучить!

Б а р б а

Гатынь, ох! И ты со злыми
Языками заодно?

(Уходит за ель.)

Г а т ы н ь

За него ты всё же выйдешь!

Б а р б а

Ах, нет, нет! Ни за кого!
Мне никто не даст приюта,
Только сломанная елка.

(Другим голосом.)

Есть еще душа живая
У тебя — в твоей свирели:
Прикоснешься — запоет!

Г а т ы н ь

Сгинул голос у свирели
Без дыханья твоего —
Не звучать, не петь ей больше.

Б а р б а

(снова выходит из-за ели)

Пусть споет мне на прощанье.
Вот тебе мое дыханье,
Чтобы голос ей вернуть!

(Целует его в голову.)

Г а т ы н ь

Байбинька!

Б а р б а

Ступай!

Г а т ы н ь

С тобою!

Запоеет весь мир тогда!

Б а р б а

Нет, один! . . . Всему конец. . .

Гатынь идет прочь.

Входит О р т а .

О р т а

Что, опять вдвоем сидите,
Укрываясь под елкой?
Будет, вы уже не дети,
Расставайтесь, бросьте игры.
Пора, Барба, тебе замуж!

Б а р б а

Мы уж, Ортушка, расстались!

О р т а

Пора, Гат, тебе на пашню,
Насвистелся в пастухах!

Г а т ы н ь

Верно, Орта, насвистелся,
Больше дудке не свистеть!

(Уходит.)

Б а р б а и О р т а.

О р т а

Славно, славно, Байбалыня,
Что ты бросила забавы:
Ждет тебя твой нареченный
С нетерпеньем и тоскою.

Б а р б а

Как идти за человека,
Что меня так обесчестил?
Глаз поднять я не могу.

О р т а

Твоя вина — нрав горячий.

Б а р б а

Говорят, таких, как я,
В гроб кладут с позором вместе.
Час придет — в могилу лягу
Без вины и без позора.
Пусть тогда в глаза мне смотрят.

О р т а

Нет, не делай так, дочурка.
Помириться нужно с парнем.
Зол язык, да сердце мягко.
Так скажу, что ты идешь?

Б а р б а

Что торопишь ты? Мне страшно,
Слова молвить не могу.

О р т а

Тороплю — кончай сегодня ж,
Чтоб беда не приключилась.

Б а р б а

Не спеши. Или жених
Воз добра тебе сулит?
У кого подружек много,
Тот жену любить не будет.
Бросил Зану — меня бросит.

О р т а

Говоришь, а что — не знаешь.
Не жених добро сулит мне,
А сулят другие лихо:
Говорят, чтоб запретила
Я тебе идти за Улда.

Б а р б а

Не сердись, родная Орта!

О р т а

Сердце ноет за тебя,
И тебе грозят они же:
Не откажешься от Улда —
Заморят, загонят в землю.
Как мне это пережить?

Б а р б а

Что ж ты, Орта, хочешь сделать?

Г о л о с У л д ы с а

Байба, Байба!

О р т а

Он зовет!

Ты пойдешь?

Б а р б а

Я не могу.

О р т а

Мне тогда уйти придется.

Б а р б а

Ты уходишь? Стой, не надо.

О р т а

Я приду еще — проститься.

(Уходит.)

Барба прячется.

Входит У л д ы с.

У л д ы с

(один)

Байба! Байба! Где ж ты?
Выйди, скромница, не прячься.
Видишь, пить я перестал
И зову тебя тихонько —
Отзовись, моя голубка!

Входит З а н а.

З а н а

Здесь я, здесь я, милый Улдыс!
Ищешь, а меня не видишь.
Зла к тебе я не питаю
И сама иду навстречу.
Вспомнив дни бывшего счастья —
День несчастья забываю.

У л д ы с

Уходи отсюда, Зана!
Дней былых теперь не помню —
День один мне все затмил!

З а н а

Поцелуи наши помню —
Разве ты не помнишь их?

У л д ы с

Их затмил один, который
Еще мною не получен,

З а н а

Ты за что меня унизил?

У л д ы с

Нет, любовь былую нашу
Не унизил, а забыл я.

З а н а

Но тебя хочу я, Улдыс!
Для тебя наряд надела.

У л д ы с

Я не вижу тех нарядов —
Новым солнцем ослеплен я.

З а н а

Пусть погаснут те два солнца,
Ослепившие тебя,
Чтоб меня ты снова видел.

У л д ы с

Будь слепым я, будь я зрячим —
Не хочу тебя я видеть.

З а н а

Пусть, но я хочу, мне надо:
Если взор не светит твой,
Угасаю я, как вечер.

У л д ы с

Взор скользит, тебя не видя.

З а н а

Пожалеешь ты об этом:
До краев глаза наполнив,
Хлынут слезы у тебя.
Как меня теперь не видишь —
Точно так же не увидишь —
Ты ее ни днем, ни ночью!

(Уходит.)

У л д ы с один.

У л д ы с

Выйди, лапушка, не прячься,
Дай твои глаза увидеть!

Здесь ты, здесь ты — я ведь знаю,
От меня тебе не скрыться.
Выйди, выйди — на руках я
Унесу тебя отсюда,
Словно ягодки, слезинки
С твоих глазок соберу я.
Веток слышу я шуршанье —
В нем твое дыханье слышу.

(Прислушивается.)

Не томи меня, послушай,
Выходи, коли велю!
Я тебя заставлю силой,
Если ты добром не выйдешь!

(Раздвигает ветки.)

Ты вздохнула? Я услышал.
Ну, иди же, не упрямься,
Белого лица не прячь ты,
Как цветок свой белый корень.

(Сердась.)

Выйди! Землю всю взорву я!
Если спрячешься ты в землю —
Из земли тебя я вырву!
Ты на дерево взберешься —
Под корень его срублю я!
Скрыться в звездах ты захочешь —
Я рассыплю все созвездья!

Г о л о с Б а р б ы

Ох!

У л д ы с

Что ты стонешь? Что с тобой?
Не пойдешь — я обломаю
Кос твоих золотые стрелы!

Г о л о с Б а р б ы

Не пойду к тебе — мне страшно.

У л д ы с

Я свалюсь тогда на месте,
Разрублю свои колени,
Вырою себе могилу, —
Упадешь и ты в нее!

Г о л о с Б а р б ы

Ох ты, горе мое, горе!

У л д ы с

(после небольшой паузы)

Оставайся, уйду к Зане,
Пока губы не остыли.

У л д ы с. Входит Б а р б а.

Б а р б а

Страшно, Улдыс, мне, — но вот я.

У л д ы с

Радость! Мой денек счастливый!
Как ты медлила, манила,
Словно утренний цветочек!
Подниму тебя я солнцу,
В золотое кресло сядешь!

Б а р б а

Удалец, меня не трогай —
Ты осыплешь лепесточки, —
Я ношу еще венки!

У л д ы с

Ты душиста, словно мята,
Тайным цветом расцвела ты.
От меня не прячься больше —
Закачаемся с тобою
Мы по Даугаве серебристой.

Б а р б а

Улдыс, сердце — точно камень.

У л д ы с

(поет)

Вей, вей, ветерок, гони челнок!

Б а р б а

Улдыс, страшен мне тот ветер:
Елочку мою сломал он.

У л д ы с

Ты печалилась о елке —
А теперь я твой печальник.

Б а р б а

Ах, печальник мой! Кору
Ты содрал с меня, как с елки.
Разве сможет ель расти?

У л д ы с

Перевяжем и залечим.

Б а р б а

Как обвяжешь? Чем залечишь?
Сердцевина сохнуть будет.

У л д ы с

Ростки будут, будет праздник!

(Берет ее на руки.)

Зана, мать! Сюда идите!

(Поет.)

Сам себе нашел невесту,
Без родителей сосватал!

З а н а

(еще за сценой)

Улдыс мой, я здесь, иду!
Знала я, что позовешь ты,
Что меня ты так не бросишь!

Входят З а н а, М а т ь, Ц и е п а.

З а н а

Ай, что это? Что несешь ты?

М а т ь

Это Барба.

Ц и е п а

Вот дела-то!

М а т ь

Снова в обморок упала?

У л д ы с

Вот она, моя невеста!
Мать, отдай мне эту дочку!

М а т ь

Шельма, шельма ты, молодчик!
Плут базарный, перевозчик!
Ты меня покрыл позором,
Ты над дочкой надсмеялся!

У л д ы с

Мать, я дом твой прославляю
Его утренней звездой!

З а н а

Горе, горе!

Ц и е п а

Не плачь, Зана!

М а т ь

(Барбе)

Нет, вечерняя звезда, —
Спать сама спешит скорее.

Б а р б а

(соскакивая с рук Улдыса на землю)

Мать, не надо, пожалей,
Не хули меня напрасно.
Я всегда была покорна
И венок носила с честью.

У л д ы с

Не противься, мать красавиц,
Дай безвинную сиротку!

З а н а

Если, мать, ты выдашь Барбу,
Я не вынесу позора.

М а т ь

Чтобы я дала мужлану
Осмеять свою дочурку?
Нет, с пустыми ты руками
Вспять за Даугаву отчалишь!

У л д ы с

Не уйду я так отсюда.

З а н а

С горя я в могилу лягу.

У л д ы с

Зана, милая, не надо.
Я найду тебе красавца —
В каждой горсти по поместью!

З а н а

Смейся, смейся ты, насмешник!
Ты не знал того, что есть,
Ты не ведаешь, что будет!

М а т ь

Доченька!

Ц и е п а

Родная Зана!

З а н а

В Даугаву из-за позора
Кинусь с берега крутого!

Б а р б а

Что ты, Занушка, сестрица?

(Хочет ее обнять.)

З а н а

Не сестра ты, не касайся!

Б а р б а

(целуя руку Матери)

Ты не гневайся, мамуся,
Я за Улдыса не выйду.

(Улдысу.)

Ты с другою был помолвлен —
Не хочу ее я горя!

У л д ы с

Выйдешь ты или не выйдешь —
Завладел уж я тобою!

Б а р б а

Нет, на мне еще веночек!

У л д ы с

Я снимаю твой веночек!

*(Срывает с нее веночек и подвешивает
к своему поясу.)*

Б а р б а

Ой, беда! Куда пойду я?

(Убегает в сторону.)

Входит О р т а — принарядившись, с узелком в руке.

У л д ы с

(Барбе)

Как — куда? Со мною вместе!

О р т а

Байба, не беги, не бойся!
Не уйти тебе от счастья.
Пусть оно идет вперед,
Огонек в руке несет,
Чтобы вдруг не угодили
Ножки в лужицу слезинок.

Б а р б а

Ортушка, куда собралась?

(Подбегает к Орте; замечает, что она принарядилась.)

Почему ты нарядилась?

М а т ь

(Орте)

Ты зачем явилась, сводня?
Дело рук своих увидеть?
Вышло всё, как ты хотела:
Обещено семейство,
Опозорена невеста.

О р т а

Сталось так, как полагалось!
Счастье — верная вещунья.

М а т ь

Уходи, чтобы и духа
Твоего тут не бывало!

Ц и е п а

Псов натравят на тебя.

О р т а

Ты и будешь той собакой:
Лижешь — значит, можешь лаять.
Ухожу.

(Кланяясь Матери.)

Спасибо, мать,
За полвека работенки,
За косьбу, за молотьбу,
Да за то, что измывалась,
Пот стереть не позволяла!
Я сестре твоей служила,
Ее доченьку взрастила,
Нынче замуж выдаю.

М а т ь

За обман — плачу обманом:
Ни гроша ты не получишь!

О р т а

За живот я век трудилась —
Лишь живот беру с собою.
(Барбе, Улдысу и людям.)
Ну, прощай, моя дочурка,
Прощай, парень, — береги же

Свой золотенький цветочек!
Люди добрые, прощайте!

Б а р б а

Орта, Ортушка, скитаться
Ты идешь из-за меня!
Я иду с тобой!

У л д ы с

Останься!

М а т ь

(Орте)

Живо, живо!

О р т а

Ухожу я.

Б а р б а

(Улдысу)

Ты возьми ее.

У л д ы с

Возьму.

О р т а

Службы больше мне не надо.

(Уходит.)

Т е ж е без Орты.

Б а р б а

Мать, не нужно Орту гнать,
Вырывать не надо липу —
Ветви старые засохнут.
По моей вине погибнет.

М а т ь

Вон, печальница, отсюда!
Все вы вместе сталкивались,
Чтоб унижить жизнь мою, —
Я сама вас всех унижу!

(Улдысу.)

Ты, молодчик, думал хитро
Завладеть моей служанкой, —
Я запру ее в коровник
Так, что света не увидит.

У л д ы с

Кто отнять ее сумеет?

(Берет Барбу на руки.)

М а т ь

(Барбе)

Ты паскуда, потаскуха!
Трижды тридевять проклятий
Я обрушу на тебя,
Околеешь — брошу падаль,
Но и волк глотать не станет!

Ц и е п а

Ах ты, горе! Вот проклятье!

Б а р б а

(умоляюще)

Плоть свою не проклинай, —
Я твоей сестры кровинка,
А сестра твоя погибла
От твоих проклятий страшных.

М а т ь

Пусть всё ваше семя сгинет!

У л д ы с

(обнимая Барбу)

Мать воронья!

Ц и е п а

Ястребенок!

З а н а

Куропаток похититель,
Вор девичьей чести, слушай!
Я крепилась в ожиданье:
Не кладешь предел позору,
Не отступишься от Барбы?

У л д ы с

Стыдно мне сиротку бросить.

З а н а

Ненавистницу жалеет!
Станет жалости достойной:
Я сейчас глаза ей вырву!

(Набрасывается на Барбу.)

Б а р б а

Зана, Зана! Ай, мне страшно!

У л д ы с

Дочь воронья, острый коготь!
Твое сердце ворон вырвет!

З а н а

Лучше ворон уж, чем ты.
Пусть меня изложут рыбы,
Это лучше, чем мышонок!
Улдыс, Улдыс!

(Берет Улдыса за руку, тянет к себе; тот сторонится.)

У л д ы с

Уходи!

З а н а

Горе, горе, день несчастный.
Уложи меня в пучину!

(Убегает.)

Т е ж е без Заны.

М а т ь

Занушка! Скорей, Цица!
Душегуб, злодей, убийца!
Уноси змею отсюда,
Уноси убийцы кличку!

У л д ы с

(взяв Барбу на колени)

Сам себе нашел невесту,
Без родителей сосватал!

М а т ь

Не бывать тебе счастливым
Без родительского слова!

(Уходит с Циной.)

Б а р б а

(вырывается из рук Улдыса)

Горе, горе! Зана! Зана!

У л д ы с

Здесь останься!

Б а р б а

Нет, пусть!

Не могу я быть твоею —

Из-за нас с тобой три жизни
Пропадают, погибают!

У л д ы с

Что держу — то уцелеет!

Б а р б а

Ушел Гатынь, ушла Орта,

Зана в Даугаве теперь!

Лучше мне самой навеки

Лечь в холодную постельку.

У л д ы с

В брачной будешь ты постели,

Дай тебя я унесу!

(Поднимает и несет ее.)

Б а р б а

Погоди еще немного;

Я сперва оденусь к свадьбе,

А потом мы поплывем!

(Уходит.)

У л д ы с

С песней Даугавой промчимся

По цветам багряной пены!

(Поет.)

Вей, вей, ветерок, гони челнок!
Уноси нас в Видземе!
Свадьбу весело справляем —
Трое суток пьем-гуляем!
Лиго! Лиго!

Занавес

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Песчаный берег Даугавы. В камыше стоит привязанная лодка. На берегу сложены дрова и расставлены рыбацкие принадлежности. Выше — кустарник и деревья.

В глубине сцены виден видземский берег Даугавы. Вечереет.

Мать, Зана, Анда, Циэпа. Зана сидит на берегу, обхватив голову руками, вокруг нее Мать, сестра и работница.

Мать

(говорит тихо)

Что ты здесь сидишь, дочурка?
Вечереет — жуть кругом.
С Даугавы ползет туман,
За туманом — водяные.

Зана

(медленно)

Здесь одну меня оставьте!

Циэпа

(так же)

Как тебе здесь быть одной?
Водяной тебя утащит.

Анда

Я с тобой, сестра, останусь.
Дам совет тебе полезный:
Я вон с Дыдзом живо за день
Сговорилась, обручилась.

Зана

(медленно)

Где твой Дыдзис?

А н д а

Спит в постели.
А проснется — мужем станет.

З а н а

Мой проснется — прочь подастся.
Прибегает Барба.

Б а р б а

Зана, Зана! Где ты, Зана?!

М а т ь

Что примчалась?

А н д а

Лодчица!

Ц и е п а

Проверяет свою лодку,
В Видземе мечтает ехать!

М а т ь

Над бедой пришла смеяться?

Б а р б а

Нет, Занушку успокоить!

(К Зане, обнимая ее.)

Зана, слушай, что скажу!

З а н а

Что ты скажешь? Убирайся!

(Отталкивает Барбу.)

Вновь дорогу переходишь,
Чтоб гребцу я не досталась,
Как сберется он домой.

Б а р б а

Не гони, скажу словечко.

З а н а

Что еще?

Б а р б а

Тебе одной лишь.

З а н а

Уходител!

М а т ь

Что ж, шепчитесь!

(Уходит вместе с Андой и Циной.)

З а н а и Б а р б а. Издали слышно, как Гатынь играет на свирели.

Б а р б а

Жалко мне тебя, сестрица.
Сердце горестью томит.
Я не стану на дороге.
Горе в Даугаву забросить —
Лучше, чем самой бросаться.

З а н а

Хоть мешай, хоть помогай —
В Даугаве не утону я,
Не отдам тебе его я.

Б а р б а

Ты не поняла, сестрица, —
Ведь его я уступаю.

(Начинает тихо плакать.)

З а н а

(вдруг радостно)

Ты его мне уступаешь?
Ах, роднуша, Байбалыня!

(Обнимает ее.)

Б а р б а

(тихо)

Забирай! Держи сильнее!

З а н а

(весело)

Заберу!

(Снова грустно.)

Да как возьмешь?

Он ведь сам меня не хочет.

Б а р б а

(с некоторой гордостью)

Без меня — с тобой поладит.

Вы ведь раньше сговорились.

З а н а

(весело, потом опять грустно)

Да, но, — Байба, как же ты?

Б а р б а

Ну, с собою я управлюсь.

(С иронией.)

Много ль места для мышонка?

З а н а

(целует ее)

Ах ты, прелесть, ах, добрушка!

Ты иди к золовке нашей.

У нее служанкой будешь!

Б а р б а

(со сдержанной гордостью и достоинством)

Широко земли поместье,

А владенья моря — шире.

Там простор дождю и ветру,

Мало ль места человеку?

Дождь под почвой исчезает,

Ветер за море уходит.

З а н а

Ты когда же нас покинешь?

Б а р б а

В эту ночь, чтоб не хватились.

З а н а

Я сберу тебе в дорогу
Три лепешки на сметане,
Что готовились для свадьбы.

Б а р б а

Не заботься, люди встретят,
Мать-земля меня накормит,
Жажду Даугава прогонит.

З а н а

(совершенно успокоенная, вскакивает)

Ах ты, радости! Вот так радости!
Больше здесь сидеть не буду,
Не сиди и ты — пойдем.

Б а р б а

(садясь)

Я останусь. Мне не вредно.

З а н а

Нет, не надо! Плохо здесь.
Словно жернов омут кружит,
Черный взор вращает свой,
Зерна жрет и пеной брызжет, —
Я б, как зернышко, пропала
В черном жернова круженье,
Как муку б меня смолот он,
На съеденье рыбам кинув.

(Отходя прочь от Даугавы и ведя с собою Барбу.)

Жутко! Ноги подкосились.
А теперь опять окрепли.
Убежим скорей, сестрица.

Б а р б а

Не могу — должна остаться.
Твоему сказать ведь надо,
Чтоб к тебе вернулся сватать.

З а н а

Ах, добрушка, ах, милушка!

Б а р б а

Поспешай же!

Запа, поцеловав Барбу, уходит.

Б а р б а одна.

Б а р б а

Вот одна я.

Опускайся ж, милый сумрак,
Опускай же легкий полог,
Алый занавес заката
С золотистой бахромою,
С черной траурной каймою!
Пусть никто меня не видит,
Ни одна душа не встретит.
Пусть любимый не узнает.
Я глаза свои зажмурю,
И они чтоб не видали,
Что задумала я сделать.

(Приближается к берегу.)

Ты, шептун-камыш, не дрогни,
Ветерку не передай,
Ты, волна-неугомонка,
Вечерку не разболтай.

(Дотрагивается до лодки.)

Щучка Даугавы, челночек,
Тихо стой меж камышей.
Я в тебя тихонько сяду,
Как садится сокол мой.
Весла с медной рукоятью,
Словно щучьи плавники.
Я возьму вас тихо в руки,
Как берет вас сокол мой.

(Садится в лодку, берет весла.)

Точно милому на плечи,
Я на весла руки вскину,
На скамье сижу я в лодке,
Точно на его коленях.

На руки меня он взял,
Убаюкавши в объятьях,
Словно чайку над волною.

(Покачивается в лодке, вдруг.)

Боже, что хочу я сделать?
Ну, теперь твоя навек,
Мой любимый, мой желанный!
Ох ты, Даугавы хозяин,
Волн владыка — водяной,
Тело я к тебе обрушу,
С ним возьми себе и душу!

Стемнело. Свирель зазвучала громче и стихла. Входит У л д ы с.

У л д ы с

Кто в моей маячит лодке?
Или рыбка заблудилась?
Или звездочка скатилась?

Б а р б а

(испуганно вскакивает)

Охти мне! Зачем пришел?
Подглядел зачем, подслушал
То, что мглой вечерней скрыто?

У л д ы с

(лихо)

То, что мглой вечерней скрыто,
Ветер утром открывает.

Б а р б а

(задета, печально)

Мгла вечерняя несет
Драгоценную награду:
Пропадает под покровом
Темноты — позор открытый.

У л д ы с

Что я взял — то не отнимут,
Что нашел — не пропадет.
Я открыл, что было скрыто,
Непокорную осилил.

Б а р б а

(в испуге вскрикивает)

Ох!

У л д ы с

(продолжает лихо)

Ты нашлась, ты отыскалась,
Счастья мать тебя сама
Ко мне в лодку посадила,
Сама в руки мне вручила, —
И за Даугаву помчим мы!

(Приближается к лодке.)

Б а р б а

(в страхе)

Погоди! Не приближайся!
Не порви то, что тебе
Счастье робкое соткало
На станке заката тихом!

Слышна свирель.

У л д ы с

Если мне, чего ж не взять?

Б а р б а

(так же)

Не неволь, будь терпеливым, —
Смирным быть ведь обещался.
Как свирель играет тихо!
Разреши еще послушать
Мне в последний хоть разочек!

У л д ы с

(более резко)

Пусть свирель тиха, зато
Ветер с Даугавы порывист.
Ты моя, в моей ты лодке.

Б а р б а

(тоже более резко)

Пусть твоя, чего ж ты хочешь?

У л д ы с

Если любишь — поцелуй!
Мне нельзя — сама приблизься!

Б а р б а

(опять боязливо)

Ах, не смейся, жутко мне!
Водяной на Даугаве
Смех твой эхом повторяет.

У л д ы с

Не скупись на поцелуй:
Не в твоём ли голоске
Эхо той свирели слышно?

Б а р б а

Мой веночек дай обратно!

У л д ы с

Подойди, возьми сама!

Б а р б а

Ну, тогда зажмурь глаза,
Чтоб не видеть, как краснею,
И меня не тронь руками!

(Выпрыгивает из лодки и приближается к Улдысу.)

У л д ы с

(протягивает ей веночек, отвязав его от пояса)

Вот, бери веночек девичий!

Барба медленно приближается, вся трепещет.

Ах ты, белая березка,
Вся трепещешь от испуга,
Да не бойся, я не трону!

Барба, подойдя, отходит, но потом опять возвращается.

Убегает, как от солнца
Зорька, в море опускаясь,
Чтоб лучи не отыскали!

Барба

*(подойдя к Улдысу, заложившему руки за спину,
касается губами его щеки, потом вдруг)*
Ой!

Улдыс

Ах ты, ветерок рассветный,
У меня мимо щеки
Словно пчелка пролетела,
Крылышком прощекотала.

Вдруг слышен высокий, резкий звук свирели. Звук обрывается. Улдыс схватывает Барбу и целует; она вскрикивает и убегает в лодку.

В сумерках выходит Гатынь.

Гатынь

Ох! Что шкодишь ты, даугавец?
Девушку не обижай!

Улдыс

Ты здесь что? Тебе что надо?

Барба

Ах, то Гатынь!

(Гатыню.)

Отойди!

Гатынь

Крик твой издали услышал,
Поспешал к тебе на помощь.

Улдыс

В полдень хорошо шутить,
В полночь шуточкам не место.
Для гребца свободен берег,
Прочь с дороги, лягушонок!

(Набрасывается на Гатыню и валит его на землю.)

Г а т ы н ь

Ох, пропал я! Байбалыня!

Б а р б а

(вскрикивает)

Что ты делаешь, даугавец!

(Выбегает из лодки и бежит к Гатыню.)

У л д ы с

В лодке будь! Куда ты мчишься?
Лодку в воду оттолкну я,
Увезу домой с собою!

Б а р б а

Гатынь, Гатынь, что с тобою?

(Остается, наклонившись над Гатынем.)

Прибегают З а н а, М а т ь, А н д а и Ц и е п а.

З а н а

Улдыс, Улдыс!

А н д а

Барбин голос услышали, —
Почему орет девчонка?

Ц и е п а

Словно резали, вскричала!

М а т ь

(подходя)

Кто кричал здесь? Что случилось?

З а н а

Улдыс, любимый, ты ведь мой.
Байбалыня — с глаз долой!

(Боязливо приближается к Улдысу.)

А н д а

Что ж вопит? Уйти не хочет?

Ц и е п а

Кошку сгонишь ли с постели?

М а т ь

(Улдысу)

Где же Барба подевалась?
Скрылась? Парень, отвечай!

Улдыс мрачно молчит.

Ц и е п а

Стой, кто здесь на бережку?
Вишь, как ладно пригорнулись.

А н д а

(подходит к Барбе)

Барба, ты здесь? Кто с тобой?
(Трогает ее за плечо.)

Б а р б а

Отойди! Не тронь меня!

А н д а

(взглянув на лежащего)

Это ж Гатынь, хромоножка!

М а т ь

Что случилось? Отвечайте!
Или все вы онемели?

Ц и е п а

Хороши дела тут были,
Что язык все прикусили!
Доброе — язык не вяжет.

Входит Д ы д з и с, еще слегка под хмельком.

Д ы д з и с

Улдыс, эй! Куда ты делся?
Друг сердечный! Отъезжаешь?
Погоди! С тобой я вместе!

А н д а

Он туда же! Оставайся.

Ды д з и с

Я еще не обвенчался —
Куда хочу, туда еду.

А н д а

Лишь попробуй! Ты же клялся?

Ды д з и с

Клялся, клялся — пьян напился!

А н д а

Пьяным клялся — трезвым помни!

Ды д з и с

(приближаясь к Улдысу)
Улдыс милый, брат бутылки,
Объясни хоть ты словечком,
Что мне делать-то с собою!

У л д ы с

(отталкивая его)

Прочь ты! Девичье охвостье!
Обвяжи башку платочком!

Ды д з и с

Вот те здасьте! Вишь каков!
Ты скажи хоть полсловечка,
В Даугаву готов я прыгнуть!

А н д а

Прыгай знай под одеяло,
Храпом всё похмелье выдуй.

Ды д з и с

Улдыс! Как ты поступаешь?
Для того я ради пил-то?
Ты в хмелю мне не помог,
Я без толку здесь погибну!

У л д ы с

Иди к черту!

А н д а

Нет, ко мне!

Ды д з и с

Вместе едем.

У л д ы с

Прочь пошел!

Дыдзис целует Улдыса, и Анда его уводит.

У л д ы с

(резко)

Байба, встань! В путь пора!
Даугава оделась тьмою.

Б а р б а

(медленно поднимается)

Ночь черна, чернеют волны,
Черную дорожку стелют.

М а т ь

(Улдысу)

Скройся в ночь, сова ночная,
Бела дня вам не увидеть!

З а н а

(восклищая)

Боже мой! Улдыс мой!
Ты с собой ее везешь?

Ц и е п а

Зря ты, Зана, доверяла,
Обманула тебя Барба,
Жениха вконец отбила!

Б а р б а

Зана, я не обманула.
Ты всего еще не знаешь.
Поцелуй меня.

З а н а

Уйди!

Б а р б а

Ухожу я далеко —
А сестричка отвернулась.

Верно, мне других сестричек
Отыскать — сереброкожих!

У л д ы с

(Барбе еще раз)

Время в путь! Веет ветер!
Входит О р т а.

О р т а

Байба, Байба, уезжаешь
И со мной не попрощалась?

У л д ы с

(Орте)

В лодку сядь! Поедешь с нами!

Б а р б а

Орта, истинная мать, —
Проводить не отказалась.

(Обнимает ее.)

Вот тебе мое объятие,
Что отвергнула сестрица.

О р т а

Байба, детка дорогая!
Ты в свою семью поедешь,
В Даугаву все беды кинешь.
Счастья мать ладьею правит,
Добрый путь тебе укажет.

Б а р б а

Добрый путь она укажет. . .
Ты еще прощайся, Орта, —
Гатынь на песке лежит.

О р т а

(спешит к Гатыню)

Охти мне, он неживой!

М а т ь

(тоже подходит)

Неживой он? Ой, скажите?

Ц и е п а

(подходит)

Верно, он зашелся, обмер.
С ним случаются припадки.

(Трогая лоб Гатыня.)

Тепленький, не сокрушайся.

О р т а

Улдыс, что ты натворил?

У л д ы с

Что добыл, то и мое,
Взял, что в жизни причиталось.
Утро светится росой,
Даугава под ветром плещет.
Встань, цветок мой, Байбалыня,
В мою лодку смело прыгни!

Б а р б а

Встану, встану, прыгну, прыгну!

У л д ы с

(ликуя)

Эй, Даугавушка родная,
Вей, вей, ветерок, гони челнок,
Уноси нас в Видземе!

Б а р б а

(остановившись у лодки)

Вот свое беру я тоже,
Долю милую у жизни.

(Вдруг обнимает Улдыса.)

Не отдам — моим ты будешь.

*(Вбегает в лодку, снимает с головы веночек
и бросает его в Даугаву.)*

Вот тебе веночек девичий,
Вот и я сама. Прощайте!

(Бросается в Даугаву.)

Все

*(перепуганные и растерянные, перебивают
друг друга восклицаниями)*

Ох ты! Ах! Спасай! Спасите!

У л д ы с

(вскрикнув)

Байбинь, что ж меня бросаешь?

(Кидается за ней в реку.)

Все

(наперебой)

— Стой! — Куда? — Скорей! На помощь!

— Барба скрылась! — Он за нею!

— Кто бы это мог подумать?

— Господи, какие страсти!

— Тащит, тащит! Отыскал!

Улдыс вносит утопленницу и кладет на берегу. Подходят работники с горящими лучинами и Анда.

О р т а

Детка, девонька-сиротка,
Вот свою семью нашла ты.

А н д а

Дыдзис спит. Что тут стряслось?

(Увидев Барбу.)

Милая моя сестра!

З а н а

(Барбе)

Ты куда ушла, голубка!

М а т ь

(наклоняясь над ней)

Без словечка, без движенья!

Сердце горем надорвалось!

(К работникам.)

Ну, беритесь, в дом несите!

У л д ы с

*(который всё время стоял мрачный, отталкивает
людей от Барбы)*

Прочь! Она моей осталась.

(Опускается на колени.)

Байбинька, пугливый птенчик!

От меня не убежишь ты,

Я возьму тебя с собою!

(Поднимает Барбу и вносит в лодку.)

Вей, вей, ветерок, гони челнок,

Уноси нас в лодке в море,

В светлые морские дали!

З а н а в е с

1913

ПРИМЕЧАНИЯ

Собрание сочинений народного поэта Латвии Яна Райниса на латышском языке выходило дважды — в 1925 и 1948—1951 гг. Отдельные поэтические сборники и драматические произведения поэта переиздавались неоднократно (сборник «Посевы бури» — 13 раз, пьеса «Огонь и ночь» и сборник «Дальние отзвуки в синем вечере» — 15 раз и т. д.). В настоящее время Институт языка и литературы Академии наук Латвийской ССР готовит научное издание сочинений Райниса (первый том вышел в Риге в 1977 г.), куда войдет значительное количество ранее не опубликованных материалов. При подготовке издания уточнены и заново проверены многие фактические данные. Эти исправления учтены и в настоящих комментариях.

Русский читатель впервые более или менее широко познакомился с творчеством Райниса в 1916 г, когда в Петербурге вышел «Сборник латышской литературы» под редакцией В. Брюсова и М. Горького, где была опубликована подборка стихов латышского поэта и его пьеса «Золотой конь». Включенные в эту книгу переводы В. Брюсова и сейчас радуют верной передачей духа оригинала. В советское время на русском языке выходили обширные собрания сочинений Райниса, в создание которых вложил свой труд большой коллектив русских поэтов, в том числе А. Ахматова, М. Зенкевич, Г. Шенгели, Вс. Рождественский, Д. Самойлов, Ю. Абызов, А. Корчагин, Н. Мамукина, Ю. Нейман и др. Наиболее значительными изданиями являются: Избранные сочинения (М.—Л., 1935), Избранные произведения (Л., 1953. «Библиотека поэта», Большая серия), Собрание сочинений в трех томах (Рига, 1954), Сочинения в двух томах (М., 1955), Избранные произведения (Л., 1959), Лирика (М., 1965, серия «Сокровища лирической поэзии»), Стихотворения. Пьесы (М., 1976, «Библиотека всемирной литературы»). Отдельными изданиями на русском языке вышли в полном объеме сборники стихов: «Далекие отзвуки в синем вечере» (Рига, 1973), «Тихая книга» (Рига, 1965), «Конец и начало» (Рига, 1972) и поэма «Ave sol!» (Рига, 1950, 1967).

При подготовке настоящего издания критически пересмотрены имеющиеся русские переводы произведений Райниса. В значительную часть вошедших в книгу переводов внесены изменения в соответствии с оригиналом. Особое место занимает здесь цикл «Эпос „1905 год“», перевод которого уточнен и частично выполнен заново по тексту выходящего в настоящее время академически подготовленного собрания сочинений Райниса на латышском языке, а также «роман в стихотворениях» «Пять черновых тетрадей Дагды», впервые представленный на русском языке с сохранением его оригинальной структуры,

где перемежаются стихи, проза и дневниковые записи (подробнее об этом произведении см. в соответствующем разделе Примечаний). Многие стихотворения великого латышского поэта, прежде всего его юношеские стихотворения и произведения последних лет жизни, переведены на русский язык впервые. Ряд произведений переведен заново. Уточнен также перевод на русский язык названий отдельных сборников Райниса.

Особого внимания заслуживает датировка произведений Райниса. Сам поэт, как правило, не датировал в печати свои стихотворения, располагая их в авторских сборниках по принципу внутреннего взаимодействия вне хронологии (см. об этом подробнее во вступительной статье). В настоящем издании датировка произведена главным образом на основании изучения черновых рукописей поэта, как правило содержащих подробные сведения обо всех этапах работы над тем или иным произведением. Лишь в немногих случаях (преимущественно это касается первого этапа творческой деятельности Райниса — в основном до 1906 г.) авторская датировка отсутствует. Время написания ранних произведений устанавливается на основании косвенных данных или по первой публикации. Даты первой публикации (или год, не позднее которого написано произведение) заключены в угловые скобки; предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком. Начиная с 1906 г. указывается, как правило, не только дата завершения работы над произведением, но и время, когда были сделаны первые наброски или внесены существенные изменения. Двойные даты, разделенные запятой, указывают время написания и существенной (иногда коренной) переработки текста; двойные даты, разделенные тире, означают, что произведение создавалось в течение ряда лет. При наличии нескольких дат стихотворение помещено в данном сборнике в соответствии с датой его окончательной доработки. Все подстрочные примечания в тексте, не оговоренные как редакторские, принадлежат автору. Райнису принадлежат также имеющиеся в ряде стихотворений одна или несколько строк точек. В тех случаях, когда произведение публикуется не полностью, его названию предшествует слово «Из...» и весь заголовок берется в угловые скобки.

Данное издание в соответствии с жанровой рубрикацией состоит из четырех разделов. В первый включены стихотворения Райниса, расположенные в хронологическом порядке. Внутри этого раздела имеются хронологические рубрики: Юношеские годы, 1891—1902, 1903—1905, 1906—1908, 1909—1912, 1913—1920, 1921—1929. Они соответствуют основным этапам жизненного и творческого пути поэта. Каждому из этих этапов в Примечаниях дается специальная характеристика: указываются вышедшие в эти годы авторские сборники, перечисляются стихотворения, вошедшие в названные сборники и представленные в настоящем издании. Там же приводятся некоторые высказывания Райниса, способствующие пониманию его идейной и творческой эволюции. Во втором разделе помещен (в извлечениях) «роман в стихотворениях» «Пять черновых тетрадей Дагды». В третьем разделе представлены поэмы: «Ave sol!» и впервые переведенная на русский язык первая часть интересной с биографической и философской точек зрения неоконченной поэмы о детстве «Годы солнца». В четвертом разделе — пьеса «Вей, ветерок!».

В Примечаниях, помимо перечисленных выше сведений, даны также необходимые для понимания отдельных стихотворений исторические справки и реальный комментарий, поясняются латышские

слова, оставленные без перевода, образы, заимствованные из фольклора, и т. п. Наиболее существенные авторские варианты заглавий (из черновых рукописей поэта или первых публикаций) приводятся в тех случаях, когда они помогают глубже понять содержание стихотворения. Если заголовок перевода не полностью соответствует названию оригинала, дан точный перевод оригинала.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

В разделе, условно озаглавленном «Юношеские годы», помещены стихотворения, относящиеся к периоду до 1891 г. Почти ни одно из них не имеет точной даты написания. Единственное, чем мы располагаем, это позднейшие указания поэта на то, что они были созданы в гимназические годы (1880—1883), в студенческое время (1884—1888) или в 1889—1891 гг. в Вильнюсе, где Райнис в эти годы работал юристом; однако сам поэт при стихотворениях, написанных в Вильнюсе, поставил дату: 1889.

Небольшая часть стихотворений, написанных в юности, включена в сборник «Дальние отзвуки в синем вечере» (№ 8, 9, 14, 15). Начало стих. «Сердце холодное, сердце гордое...» (№ 10) использовано в качестве эпиграфа к вошедшему в этот сборник разделу «Ночные тени». Остальные помещенные в разделе «Юношеские годы» стихотворения поэт предназначал для сборника «Утренние песни».

Будучи в ссылке в Слободском, Райнис пытался оформить юношеские стихи в виде отдельного сборника: переписывал и вносил поправки и дополнения. Часть стихотворений он, очевидно, воспроизводил по памяти (в настоящее издание вошли только те произведения, у которых сохранились первоначальные оригиналы). Собрание ранних стихотворений не было, однако, опубликовано Райнисом ни тогда, ни в позднейшие годы, хотя поэт не сомневался в их художественной ценности. Реализовать свой замысел о создании сборника, в котором отразился бы духовный путь «современного Фауста», Райнису не удалось. Юношеские стихи впервые были напечатаны лишь после смерти поэта в 1931 г. в 11-м томе издания «Жизнь и сочинения».

Если рассматривать стихи «Утренних песен» как составную часть латышской лирики 1880-х годов, то надо признать, что они представляют собой уникальное явление: и с формальной стороны и по своему содержанию они резко выделяются на общем фоне. Они сопоставимы лишь с поэзией первого латышского революционного поэта Эдуарда Вейденбаума (1867—1892), также в то время не опубликованной.

Подлинное, непосредственное проявление индивидуальности, энергичский протест против несправедливостей жизни, философская направленность. Интимный дневник и одновременно культурно-исторический документ, отразивший первые провидения личности нового типа, человека будущей революционной эпохи.

Позднее, работая над сборником «Конец и начало» (1912) и над стихами, вошедшими затем в «роман в стихотворениях» «Пять черновых тетрадей Дагды», поэт в своих рабочих заметках сопоставляет эти книги с «Утренними песнями», усматривая в последних истоки своего дальнейшего идейного и художественного развития. В это время он пишет о своей ранней поэзии: «В юношеских стихах я субъективен и наивен, мои страдания не обузданы, не осознаны мною. Чувства не поняты. Мысли не додуманы до конца, не увязаны друг с другом. Нет ясного представления о мире и о себе. Только порывания без цели, порыв к ясности, к объективности».

Искомую ясность и объективность поэт обретает в зрелые годы. Поэтому-то сочинения ранних лет он хранит в памяти всю жизнь, намереваясь использовать их как вступление к большому стихотворному циклу, в котором он хотел показать становление человека своего поколения — человека-борца, формирование его убеждений, поиски им жизненной цели.

1. Позднее в примечаниях к стихотворению Райнис отметил: «Помню, что это было написано среди полей Латгалии, сидя на пне. Была еще весна, все пусто и серо и полно ожиданием. Это ведь едва ли не первое стихотворение после детства, в имени; почему в тетради не записано как первое?»

10. Вариант заглавия в автографе — «Загадка вечности»,

1891—1902

Этот период охватывает годы работы Райниса в редакции газеты «Диенас лапа» («Ежедневный листок»), кратковременное пребывание за границей, а также самое тяжелое время в жизни поэта — арест весной 1897 г., тюремное заключение и последующую ссылку сначала в Псков, затем — в Слободской (1897—1903). Лишь немногие стихотворения этого периода имеют точную датировку. Ряд стихотворений поэт посылал в эти годы в Ригу вместе с письмами к жене. Аспазия, в свою очередь, сообщала в письмах к Райнису о цензурных осложнениях, делилась мыслями о полученных произведениях. Это обстоятельство позволяет установить время их создания. Некоторые из вошедших в настоящий раздел стихотворений, как указывает сам Райнис, написаны в годы, когда он был редактором газеты «Диенас лапа», то есть приблизительно в 1892—1895 гг.; в тюрьмах Паневежиса, Лиепай и Риги созданы произведения, датированные 1897 г.

В относящихся к 1896 г. заметках Райнис, отмечая осознанную им необходимость в поэзии нового типа, писал: «Человек будущего должен быть много утонченнее современного. Ему придется выражать тончайшие оттенки чувства, поэтому и наблюдать за собой и другими ему нужно будет тоньше и тщательнее. Утонченного и обостренного понимания потребует от него более культурная публика, которую уже нельзя будет привести в восхищение грубыми средствами. (...) Юный поэт выразит в стихах то, на что до сих пор способны только музыка и живопись в звуках и красках. У символистов и импрессионистов есть будущее, но во всяком случае не в

таком значении, в каком они сейчас понимают свою задачу. Не религиозная мистика, не старые суеверия, непонятные и непонятые слова там нужны, а чистая, истинная, ясная наука. Загадочность, видения, все обволакивающий (и потому таинственный) туман нужно заменить научной перспективой, бесконечным, неизмеримым (...). Естественные науки, исследования, еще неизвестные психологические, мыслительные и эмоциональные процессы — все это вместе позаботится о том, чтобы всегда было что делать и о чем писать стихи. . . »

Почти все стихотворения этого периода, вошедшие в настоящее издание, были опубликованы в сборнике «Дальние отзвуки в синем вечере». В позднейших книгах были помещены: в сборнике «Те, которые не забывают» — стих. № 32, 33; в сборнике «Посевы бури» — стих. № 56, в сборнике «Домой» — стихотворение, включенное впоследствии в одноименную «тетрадь» Дагды (см. стих. 2).

«Дальние отзвуки в синем вечере» вышли в свет в июне 1903 г., вскоре после возвращения поэта из Слободского, однако в основном сборник был готов уже в середине 1902 г. Осенью, когда к ссылке поэт в Слободской из Риги приезжает Аспазия, супруги продумывают окончательное размещение стихотворений по разделам сборника, выбирают заголовки разделов и всей книги. О том, как появилось такое необычное для того времени название сборника, Аспазия через много лет, вспоминая вечернюю прогулку в окрестностях Слободского, писала: «Вечер был чудесный. По небу скользили синие облака. Такие бывают только здесь, в условиях своеобразного здешнего климата. Эти облака окрашивали в синий цвет самый вечер. К тому же ветер был тих, спокоен, а воздух чист, прозрачен и восхитительно зыбуч. Всякий звук был слышен далеко-далеко, и так же далеко отдавался в гулком воздухе всякий отзвук. Мне пришло на ум соединить обе особенности этого вечера в названии книги».

В ноябре 1902 г. сборник был послан на цензуру в Петербург; следовательно, вошедшие туда произведения не могли быть написаны позднее осени 1902 г. Наибольшее количество стихотворений сборника созданы в годы ссылки. В жизни латышского народа этот период характеризуется усилением реакции. Но, с другой стороны, он составляет важный этап освободительного движения — этап организации прогрессивных сил. В 1925 г. в предисловии к очередному изданию сборника «Дальние отзвуки в синем вечере» Райнис писал: «Время, когда появились «Д. о.», было тяжелым, давящим: царизм был на вершине могущества, но уже начинал чувствовать растущее сопротивление и озлобился; одновременно вырастал современный капитализм со своими притеснениями, и гнет был физическим, хозяйственным, моральным и духовным — едва выносимым для свободного духа». Выход в свет первого поэтического сборника Райниса явился одним из проявлений осознанного протеста личности против всех форм политического, экономического и нравственного гнета.

16. Написано, вероятно, в годы работы Райниса редактором газеты «Диенас лапа».

17. Написано в Швейцарии осенью 1893 г., когда Райнис приехал туда, чтобы участвовать в качестве наблюдателя в конгрессе II Ин-

тернационала. Вместе с сестрой Дорой поэт предпринял путешествие по Альпам.

19—20. Написаны в заключении.

21. Стихотворение начато в тюрьме, закончено в псковской ссылке. Варианты заглавия: «Пришло время умирать», «В чахотке». В 1899 г. стихотворение не пропустила цензура, а писатель Рудольф Блауманис в письме к Райнису заметил: «Вашу «чахотку» уничтожил красный карандаш. У нас в Латвии нет чахотки».

22—23. Написаны в тюрьме.

24. Написано в тюрьме, вначале на немецком языке под заглавием «Einsame Höhe» («Одинокая вершина»). В 1897 г. в не имеющем точной даты письме Райнис писал Аспазии: «Когда стремятся к высшему и, может быть, достигают, тогда остаются со своими стремлениями в одиночестве, не могут поделиться с другими и страдают от своего одиночества в разреженном воздухе».

25. Написано в тюрьме.

26. Написано в тюрьме на немецком языке. В 1901 г. Райнис сам перевел его на латышский язык.

28. *Простень* — верстено с пряжей.

29. Написано в тюрьме. Окончательный вариант относится ко времени ссылки в Слободской.

31. Написано, очевидно, в псковской ссылке. В стихотворении использованы образы легенды о царе Соломоне из Евангелия от Матфея (VI, 25—34), трактуемой в остро революционном духе.

33. Написано в псковской ссылке и в Слободском.

35. Частично написано в тюрьме. *Пришел судья, чтоб вас изгнать из храма* — намек на евангельскую легенду об изгнании Христом торгующих из храма.

36. Написано в Слободском. Предназначалось для журнала «Маяс виеса менешпрактс» («Ежемесячник домашнего гостя»), но напечатано не было. В сборник «Дальние отзвуки в синем вечере» тоже вошло не в полном виде. Неопубликованные части утрачены. В стихотворении содержится отклик на события англо-бурской войны (1899—1902), затронуты острые экономические проблемы эпохи. «*Длинный Том*» — пушка. «*Дум-дум*» — разрывные пули. *Лейптурия* — сказочная страна изобилия. *Толока* — народный обычай сообщать и бесплатно выполнять большую работу в пользу общины или одного из ее членов, нуждающихся в помощи.

37. Написано в Слободском. Эпиграф — начальные слова католического песнопения, исполняющегося в храме во время отпевания.

38. Первая и вторая части стихотворения написаны в тюрьме. Третья часть появилась, вероятно, позднее, в Слободском.

43. Написано в псковской ссылке и в Слободском. Источник эпиграфа не установлен.

51. В журнальной публикации 1903 г. — под заглавием «Мартовские дни». При издании сборника «Дальние отзвуки в синем вечере» цензор потребовал изменить название: в его сознании оно ассоциировалось с покушением на царя Александра II 1 марта 1881 г.

53. Вошло впоследствии в пьесу Райниса «Полуидеалист» (1901).

54. Вошло впоследствии в пьесу Райниса «Полуидеалист». *Ивановой ночью блуждают огни*. Имеется в виду латышский народный праздник Лиго, во время которого жгут костры, водят хороводы, поют песни и т. п. *Там лаймы танцуют в сиянье луны*. Лайма — здесь: лесная дева. *Но мелет муку на погибель дракон*. Имеется в виду латышский сказочный сюжет: черная змея среди моря мелет муку на погибель злым людям.

56. Адресат стихотворения не установлен.

1903—1905

Эти годы, проведенные поэтом на родине в обстановке готовящейся революции и ее наивысшего подъема, оказались весьма плодотворными в творчестве Райниса-лирика. Возвращение в мае 1903 г. из ссылки дало материал для нескольких объединенных общей темой стихотворений, вошедших в 1920 г. в сборник «Домой», а затем включенных в одноименную (третью по счету) «тетрадь» Дагды (см. стих. 3—7).

Написанные в эти годы произведения вошли также в сборники: «Тихая книга» (№ 63, 95), «Те, которые не забывают» (№ 61, 64, 67, 94, 97), «Конец и начало» (№ 60, 65, 91, 92). Два стихотворения были включены в книги «Addio bella!» (см. стих. 1) и «Слова змей» (см. стих. 3), ставшие затем составными частями «Пяти черновых тетрадей Дагды».

Остальные публикуемые в данном разделе стихотворения включены в сборник «Посев бури». О возникновении сборника Райнис в 1908 г. писал критику Янкаву: «„Посев бури“ создавался не как сборник, а как единое произведение (например, драма) весной 1905 года». Чтобы ускорить выход книги в свет, поэт уже в мае отдает ее для публикации в виде литературного приложения к газете «Петербургас авизес» («Петербургская газета»), которая не подлежала предварительной цензуре. Сборник начал печататься здесь под названием «Гул времени. Близкие отзвуки». Вскоре печатание пришлось прервать из-за доносов и протестов со стороны латышской цензуры. В виде отдельной книги уже под заглавием «Посев бури. Весенняя песня» стихи вышли в свет в октябре 1905 г. Структура этого сборника многое говорит о творческом движении Райниса.

Подзаголовок газетной публикации — «Близкие отзвуки» — указывает на связь с первым лирическим сборником Райниса. О соотношении этих двух книг Райнис в уже упоминавшемся письме заметил: «„Дальние отзвуки“ по своей форме сборник, только путем обработки и согласования он превращен в органичное произведение, что оказалось возможным благодаря общности различных ощущений (предчувствий, стремлений). В отношении искусства, зрелости «П. б.» несравненно стоит выше, чем «Д. о.», хотя критика утверждает противоположное. У нас критика никогда не основывала своих суждений на художественном совершенстве, а только на сопутствующих обстоятельствах, которые у «Д. о.» были более счастливыми: этот сборник вышел вовремя. Если бы «П. б.» вышел вовремя, как было задумано, весной, то его и критика оценила бы более высоко, так как политический успех тогда был бы больше, чем успех «Д. о.». Но «П. б.» вышел в октябре, когда события уже ушли вперед, а с самой борьбой, с чисто материальными тревогами поэзия не может состязаться, и, однако, это делал сборник „Посев бури“». Общий характер сборника Райнис рассматривает и в одном из замечаний к стихотворению «В вечном созвучии» (№ 83): «Одно стихотворение есть душа всего сборника, которая все оживляет, все делает понятным, превращает пафос в приемлемую, естественную речь: вечная гармония, ничто не может мне повредить. Весь сборник следует воспринимать только исходя из этого единственного основного ощущения. Кто способен понять это ощущение, кто чувствует так же, того книга увлечет за собой».

60. В авторской рукописи вариант заглавия — «Глубокая боль».

64. В одной из публикаций вариант заглавия — «Моя наука».

66. Написано в период работы над пьесой «Огонь и ночь» (1904) в качестве песни для хора.

67. В авторской рукописи вариант заглавия — «Выезжая».

68. В авторской рукописи вариант заглавия — «За солнцем вслед».

72. Источник эпиграфа не установлен.

73. В черновом автографе название — «Угнетенные всех стран, соединяйтесь!».

91. Название в оригинале — «Вдоль песчаной кромки моря».

1906—1908

31 декабря 1906 г. Райнис записал в дневнике, как бы подытоживая опыт, накопленный за первый год эмиграции и реакции: «Наша борьба — это борьба победителей. Наши песни — это песни не отчаяния и смерти, а гнева, мести и надежды».

Как бы ни были тяжелы условия жизни, душевный мир поэта настроен на высокий поэтический лад. Идет работа над «эпосом» «1905 год», пишется поэма «Ave sol!», создаются наброски пьес. Были дни, когда появлялось по два-три стихотворения, в которых пережитое отражалось в самых различных эмоциональных и психологических аспектах. Самым интимным стихам этого периода присуще значительное общественное содержание, философская направленность, стремление увидеть проявление больших оптимистических закономерностей. «Что человек прочувствовал по-настоящему глубоко, до самых жизненных основ, то не может не оставить впечатления, не может не пригодиться другим. Потому что где-то в самой глубине люди должны сойтись, насколько бы ни было окрашено личным высказанное; я тоже очень личен, отделен, и поэтому мне трудно достичь взаимопонимания с другими и самого себя сделать понятным другим», — писал Райнис 13 апреля 1906 г.

Поэт работает над циклом из трех сборников, куда должны войти «острые песни» — «борьба, все: ум, культура, солнце», «песни эмигранта» («жалобы эмигранта, неопределенные чувства, невозможность найти место, звезды») и «Лунный сад» («подготовка к будущему, один, дальность, природа, луна»). После колебаний в определении различных внутренних акцентов поэт наконец останавливается на названии для первого из сборников — «Тихая книга». Работа над ним была практически закончена в ноябре 1908 г. Начались переговоры об издании сборника. Книга вышла в июне 1909 г.

Из стихотворений «Тихой книги» в настоящем издании помещены № 97, 103, 106, 109, 111, 113, 131—133, 135, 138, 139, 145, 151, 157, 161, 162, 164, 169, 177—179, 181, 182, 183, 188, 190, 191—195. В эти же годы написана также большая часть «Песен эмигранта», то есть стихотворения, вошедшие затем в сборник «Те, которые не забывают». Это стихотворения № 98, 101, 105, 107, 110, 136, 141, 142, 144, 147, 150, 152, 153—156, 159, 165, 175, 180. Интенсивно создаются также стихотворения для сборника песен «Лунный сад», который впоследствии получит название «Конец и начало»: № 99, 102, 104, 108, 140, 143, 158, 160, 163, 166, 167, 170—174, 176, 184, 185—187, 189. Воспоминаниями о родине и болью за свою судьбу эмигранта навеяны написанные в эти годы стихотворения, которые вошли затем в сборники «Addio bella!» (см. стих. 9, 13), «Слова змей» (см. стих. 4, 8), «Домой» (см. стих. 6, 10, 13, 17), впоследствии ставшие «тетрадами» Дагды. Не были включены ни в один из сборников помещаемые в данном разделе стихотворения № 100, 112, 129—130, 134, 137.

97. В предшествующих русских изданиях сочинений Райниса ошибочно печаталось под заглавием «Павший в битве» (его нет в оригинале) и с эпиграфом: «Светлых дней и наш народ дождется», который в действительности является эпиграфом к одному из разделов сборника «Тихая книга», куда вошло это стихотворение. В начале оно было задумано как часть «эпоса» «1905 год».

98. В авторской рукописи вариант заглавия — «Старое поколение».

105. В авторской рукописи заглавие — «Средство».

108. В авторских рукописях варианты заглавия — «Росток жизни», «Залог жизни».

114—128. Перевод стихотворений, вошедших в данный цикл, уточнен (частично осуществлен заново) по текстам выходящего в настоящее время научно подготовленного собрания сочинений Райниса на латышском языке (т. 6, Рига, 1979). В нем впервые стихотворения печатаются по авторским рукописям, а не по посмертным публикациям, как это делалось ранее. В связи с этим в нескольких уже печатавшихся переводах сделаны существенные исправления, сняты не принадлежащие автору названия и т. п. Первоначальный замысел цикла возник уже во время самой революции, на родине. Однако непосредственно к работе над ним поэт приступил только в эмиграции в мае 1906 г., когда поселился в Кастаньоле (Швейцария) и из газет и писем друзей до него стали доходить вести о происходящем в Латвии. Сохранились подробные планы содержания, заметки о событиях периода революции и последовавших затем карательных экспедициях, например: «Лесные митинги... Накануне манифеста... Генеральная забастовка... Железная дорога и почта в наших руках... Съезд учителей... Язык героев... Разлучают сына с матерью... Повешенный за окном... Жгут хутора... Извечная вражда... Ребенок защищает котенка... Январская бойня... Земля как символ народа... Даугава, полная дорогих жертв... Картина порки, господин фотографирует» и т. д. В заметках Райнис писал: «Изо дня в день приходилось слышать жалобы. Всюду боль, всюду подлость. Не видно выхода. Каждое известие было ударом, каждое оскорбление ранило мое сердце. Каждый вздох — седой волос на моей голове, каждое убийство — морщина на моем лице. Недостаточно своих страданий — нужно еще нести на своих плечах страдания всего народа, сливая свои стенания со стенаниями миллионов, пока не защемят в груди и не потемнеет в глазах, и все нервы как порванные струны. Вся боль народа запечатлена в моей душе и на моем теле, как же мне перенести ее на белую, холодную бумагу, как ее сфотографировать?» Всего задуманного поэту осуществить не удалось. При жизни поэта цикл не был опубликован полностью. В настоящем издании печатается 15 стихотворений.

8. *Курземе, Видземе, Малиене, Латгалия* — исторические области Латвии.

9. *Праздник Лиго* — см. примеч. 54.

10. *Орлов А.* — генерал царской армии, руководивший карательной экспедицией во время революции 1905 г.

12. 13 января 1905 г. в Риге происходила демонстрация протеста в связи с событиями Кровавого воскресенья в Петербурге. На берегу Даугавы по демонстрантам открыли огонь, было много убитых и раненых.

13. «*Лесные братья*» — отряды повстанцев, которые состояли в основном из крестьян, уходивших в леса при наступлении карательных экспедиций.

15. *Талсы* — небольшой город, где в 1905 г. произошло вооруженное столкновение восставших с царскими войсками. Стихотворение посвящено революционерам, казненным в Талсах 7 ноября 1906 г. Впервые оно было опубликовано в Бостоне в 1915 г. *Тукумс* — город в Латвии.

132. В одной из публикаций — под заглавием «Вторая ночь».

133. В заметках, относящихся ко времени написания стихотворения, Райнис писал: «Все ваши ужасы — это предрассудки; что же они могут отнять? То, что и так мы не можем удержать навсегда, но ведь наш дух они не могут отнять, это уже пережито нами. Выполнение долга — высшее наслаждение, наша любовь к свободе — тоже нечто такое, чего нельзя отнять, надежда на будущее — также, и будущее само тоже остается...» Далее поэт заметил: «Цифры. Убито 2000 героев. 10 000 брошены в тюрьмы, в зловонные ямы, 10 000 обречены на голодную смерть в глуши ссылок, 10 000 за рубежами родины, на чужбине — все же живые».

134. Заглавие стихотворения в одной из публикаций — «Власть имущих».

135. Заглавие стихотворения в оригинале означает: «не упоминаемая в разговоре, запрещенная к упоминанию». Восходит к древнему суеверному обычаю, известному и у славян, — не произносить вслух, например, слово «медведь», чтобы не накликать его. Райнис имеет в виду то обстоятельство, что о кровавых расправах над революционерами нельзя было упоминать в газетах.

139. Подзаголовок стихотворения («Романс») ориентирует читателя на испанскую традицию в восприятии романса как песни, прославляющей борцов за свободу.

140. Варианты заглавий в авторских рукописях — «Большое движение», «Стремительное движение».

144. При подготовке данного стихотворения к публикации в составе сборника «Тихая книга» Райнис, предвидя цензурные затруднения, заменил восемь строк в 3-й части прочерками. Стихотворение переведено по тексту другого автографа, где выпущенные строки восстановлены автором.

145. В публикации 1908 г. печаталось под заглавием «Мы — сталь».

146. В авторской рукописи вариант заглавия — «Твое сердце».

149. В газетной публикации 1909 г. имело заглавие «Вслед за солнцем».

151. «Лесные братья» — см. примеч. 114—128 (13).

157. *Овраг* и скала Гандрии — одно из самых любимых Райнисом мест в окрестностях Кастаньолы (Швейцария), где он имел обыкновение прогуливаться.

162. В авторских рукописях варианты заглавия — «Разочарование», «Самоубийцам». *Сенека* (ок. 4—65) — римский философ-стоик и политический деятель. Был приговорен императором Нероном к смертной казни и покончил жизнь самоубийством.

177. В публикации 1909 г. печаталось под заглавием «На берегу реки».

178. Стихотворение открывало сборник «Тихая книга» (см. о нем вступит. статью к наст. изд., с. 25—26).

183. В авторских рукописях варианты заглавия — «Язык героев», «Пафос».

189. В оригинале заглавие — «Ласковое пламя». Вариант заглавия в авторской рукописи — «Лунными ночами».

192. *Баркарола* — песня венецианских лодочников-гондольеров; в ее колеблющемся ритме отражаются всплески волн и равномерное движение весел.

194. В оригинале стихотворение называется «Северное сияние».

1909—1912

В этот период основным содержанием лирики Райниса становится осмысление закономерностей общественной жизни и человеческая жизнь, рассматриваемая в ее философском аспекте. Это подтверждается заметками Райниса, датированными 12 мая 1909 г.: «Моя поэзия изображает больше крупные отношения людей к миру и себе, чем самих людей. Изображение людей для нее — материал, из которого она делает заключения. Отображающий реализм для нее — только орудие достижения более значительных целей». И еще: «Если нет мира, построенного по моей правде, то такой мир надо создать в искусстве. Там создаю людей, которые меня понимают, и даю также правду. Это бегство от настоящей жизни, но если правда на моей стороне, то, может быть, она наступит позднее. Может быть, моя правда в будущем. Тогда она придет. Но тогда и я сам помогаю ей наступить. А тогда это уже не бегство от жизни, а создание новой жизни».

В рассматриваемые годы поэт заканчивает работу над двумя сборниками, в которых эти линии прослеживаются особенно отчетливо: «Те, которые не забывают» и «Конец и начало». Для первого из них именно в эти годы написано большинство программных стихотворений, в которых борьба пролетариата одного народа и борьба отдельного человека рассматриваются как часть мирового освободительного движения. Составление сборника было закончено в ноябре 1910 г., книга вышла в свет в январе 1911 г. В настоящем разделе из стихотворений сборника «Те, которые не забывают» помещены стихотворения № 201, 202, 211, 213, 217, 218, 240, 243, 245—261. Большая часть написанного в эти годы вошла в сборник «Конец и начало». Это стихотворения № 197—200, 203—210, 212, 214, 215, 216, 219—239, 242, 244, 262, 263, 266, 267, 269, 271—275, 277—280. Как показывает анализ рукописей, сборник компоновался с большой тщательностью, в течение нескольких лет, и уже в первых набросках его структура была продумана до мелочей. Входящие в него стихотво-

рения в своей последовательности должны были отразить путь человека через семь кругов переживаний (см. № 275), семь гамм звуков, красок и чувств, соответствующих прошлому, природе, любви, работе, страданиям, смерти, одиночеству, к утверждению единства личности с жизнью природы, общества и вселенной. «Конец и начало» — это тоже своего рода переключки со сборником «Дальние отзвуки в синем вечере». «Там, — писал Райнис 28 июля 1912 г., — личность ищет себя и находит в революции. Здесь — исходит из революции, социализма, свободы человечества, обособляет себя и находит себя и человечество в космосе и воле! Это убеждение — итог всей предшествующей жизни, ее вершины и ее конца. Но за ним виднеется опять начало». В то же время «Конец и начало» — это и дальнейшее углубление отразившегося в юношеских стихах мировосприятия. Но если в них были «только порыв без цели, стремление к ясности, к объективности», то теперь, замечает Райнис, «полностью объективен я сам, осознаю себя и мир. Развиваюсь как в драме: в начале еще стремлюсь себя обособить, из себя подняться над собой, отсюда страдания и пессимизм, затем все большая ясность. Понимаю себя, но как объект являю прообраз всего мира, мир в малом объеме, филогенетический. Держу себя в руке, я — микрокосм мира. Тогда: что дальше? Что мне с собой делать? Для чего это достигнуто? Для дальнейшего действия, для преобразования мира, чтобы иметь хорошее средство для работы по преобразованию мира. В самом себе нет цели, так как индивид есть часть мира, цель всегда во всеобщем: в виде биологическом, в массе, в человечестве» (около 1912 г.).

В эту пору Райнис задумывает целую серию стихотворных сборников, в которых должно отразиться дальнейшее развитие личности и динамика ее внутренних переживаний: сборник «Домой» с уже упоминавшейся темой возвращения и новой ссылки; «Песни души», где человек предстал бы в социально обновленном обществе, в эпоху расцвета науки и техники и т. д. Часть стихотворений, написанных в рассматриваемый период, позднее были включены в сборники «Домой» (см. стих. 19), «Addio bella!» (см. стих. 2, 7, 10), «Слова змеей» (см. стих. 5, 20, 25, 27), «Серебристый свет» (см. стих. 3—5, 10), а затем — в «тетради» Дагды, которые заключала «Месяцовна» (см. стих. 31—33). Вне сборников остались стихотворения № 241, 264, 266, 268.

203. Эпиграф, вероятно, из сочинения французского ученого, философа, писателя Б. Паскаля (1623—1662) «Мысли о религии и о некоторых других вопросах» (1669), известного под заглавием «Мысли». Впервые было опубликовано в сборнике «Конец и начало» (1912).

206. Варианты заглавия в авторских рукописях — «Добрая судьба», «Щедрая судьба».

213. В 1909 г. печаталось под заглавием «Вторая ссылка».

215. В наброске стихотворения примечание Райниса: «В одном существе повторишь все человечество и, вырастая быстрее, чем человечество, дашь ему прообраз будущего и будешь первопроходцем».

222. В авторских рукописях варианты заглавия — «Посланец утра», «Алмаз и жемчуг».

225. Посвящено сестре поэта Доре. Дора Плиекшане (1870—1950) — революционерка, общественная деятельница, жена видного революционера, друга Райниса П. Стучки (1865—1932).

236. В авторских рукописях варианты заглавия — «Весит больше всего», «Ядро».

238. В авторских рукописях варианты заглавия — «Тайная боль», «Улыбки запрета».

241. Посвящено выходу сотого номера нелегальной латышской социал-демократической газеты «Циня» («Борьба») и напечатано в этой газете в июне 1910 г.

245. В авторской рукописи варианты заглавия — «Путники», «Единственная дорога».

246. В авторской рукописи вариант заглавия — «Не забывающие о времени».

247. Впервые опубликовано в 1924 г. в газете «Дзиве» («Жизнь») под заглавием «Будущее народа».

249. Заглавие в оригинале «Не свыкшийся».

256. В «Календаре прогресса» на 1911 г. опубликовано с посвящением: «Посвящается тем, кто томится меж каменных стен». Варианты заглавия в авторских рукописях — «Они идут», «В замкнутой обители», «В глубоких обителях».

260. В 1911 г. печаталось под заглавием «Песня ушедших».

261. В публикации 1911 г. имело заглавие «Один и масса».

269. В наброске примечание Райниса: «Все вобрать в себя, своими силами расти во все стороны: единение двух сил: космоса и силы духа — последний шанс на спасение».

270. Поэт использует в данном стихотворении образ латышской мифологии: *Лайма* — вершительница человеческих судеб, которая в легендах рисуется плачущей оттого, что не в состоянии всех в должной мере оделить радостью и здоровьем.

275. В этом стихотворении нашла отражение творческая и философская концепция сборника «Конец и начало»: путь человеческой души через семь кругов переживаний. В каждой строфе-круге своя краска, свое звучание, свое чувство.

278. В авторских рукописях варианты заглавий — «Гигант», «Судьба».

279. В наброске Райнис сделал приписку: «Всюду вокруг тайна; ум и фантазия хотят ее понять. Наука достигла порога невидимого мира, и ее волнение еще усилилось. Там вожатый — фантазия, символы выражают предчувствие будущей истины. Будет построено обширное здание символов (понятий) философии и морали».

1913—1920

В этот период лирика отступает в деятельности Райниса на второй план. Большую часть творческой энергии поэт отдает драматургии. В некоторые годы (1914, 1917) не написано почти ни одного стихотворения. Начинается новый этап поисков в области выразительных средств в поэзии, о чем Райнис неоднократно пишет в дневниках. Например, 6 марта 1917 г.: «Мне нужна новая поэзия. Мне недостаточно новой французской, немецкой и русской. Вся их сила в нарочитой неясности и, самое большее, таинственности. Поэтичность состоит в туманности. Мне кажется, надо идти назад, к юношеской поэзии и к большей ясности. К фактам в поэзии. В фактах и отношениях должна заключаться поэзия, а не в форме (...). Нужна поэзия мудрого видения и действия. Ясности! Не нагромождать прилагательные, а искать главное!» Одновременно Райнис подчеркивает, что «поэтическая форма сама по себе — сила. Но, кажется, она (сила формы) властвует не только в поэзии или подобных ей искусствах: в речи и письме, но едва ли не во всех явлениях человеческой жизни» (запись от 15 апреля 1917 г.). Поэт ищет возможность раскрыть для читателя также и ту поэзию, которая кроется в самом процессе творчества. 1 июля 1917 г. он записывает: «Дать не только готовое стихотворение как результат чувства, но дать и само чувство и рождение стихотворения из этого чувства. Это обычно делают только историки литературы и только для ученых или избранной публики, т. е. для гурманов. Я хочу это рождение, само по себе поэтичное, дать как поэзию и хочу, чтобы этим новым видом поэзии наслаждались не только избранные, но и вся публика. Это возможно только тогда, когда становление поэзии раскрыто не научными, а художественными средствами».

Можно предположить, что реализацией этого принципа являются следующие три сборника, работу над которыми Райнис начал, как уже говорилось, в предшествующие годы, а подготовку их к публикации закончил по возвращении на родину в 1920 г. Речь идет о сборниках: «Addio bella!», для которого в этот период были написаны стихотворения № 3, 4, 6, 8, 12; «Слова змей» (№ 1, 2, 6, 9, 17, 19, 23, 24, 29—32); «Домой» (№ 1, 11, 12, 14, 15, 18, 20, 21); «Серебристый свет» (№ 2, 6—9, 12, 14, 15, 17, 22). Так, например, в сборнике «Addio bella!» стихотворения композиционно объединяются отдельными отрывочными предложениями, названиями мест, краткими прозаическими примечаниями, передающими реальную обстановку Швейцарии, сообщающими факты, послужившие толчком к возникновению поэтического настроения или драматического переживания. Одно из написанных в эти годы стихотворений (№ 283) вошло в сборник стихотворных посвящений «Муза дома». Вне сборников остались стихотворения № 281, 282, 284, 285.

282. А манифест, что в феврале «дарован» и т. д. 21 февраля 1913 г. в связи с трехсотлетием династии Романовых вышел манифест об амнистии.

283. Впервые опубликовано в газете «Яунас диенас лапа» («Новый ежедневный листок») за 30 августа 1913 г. Посвящено памяти выдающегося деятеля германского и международного рабочего движения А. Бебеля, похороны которого состоялись в Цюрихе 17 августа 1913 г. В похоронах участвовал и Райнис.

1921—1929

К этому периоду относится последнее обращение поэта к лирике. В эти годы были созданы лирические шедевры, вошедшие в сборник «Серебристый свет» и последнюю «тетрадь» Дагды — «Месяцовна». Поэт вновь обращается к теме гуманизма, «религии Солнца», тесно связывая их с образом женщины, так как «женщина — это поэзия в жизни, это благородство». В это время Райнис активно изучает культуру древних народов, мировое искусство, ищет новые подтверждения своей мысли о всеобъемлющей живительной силе искусства и единении человечества через культуру. «Мы чужды один другому — люди, народы, эпохи, — пишет он 16 декабря 1923 г., — каждый из нас чувствует, думает, понимает по-иному, и всё же мы можем быть близки, были и есть близки иногда и нечаянно. Индийские сказки стали арабскими и латышскими, а мы их ощущаем как свои и не знаем, что они у нас общие с далекими дальними. И там, где нет никакой связи, есть все же сходство. В России много тех же сказок, что и у нас. А глубокие темы о любви, побеждающей смерть, о самопожертвовании во имя идеи — разве не всемирные темы, ибо их чувствует и понимает сердце каждого человека всех эпох и рас. Также и в философской мысли много сходного и одинакового у всех разделенных. И глубокая поэзия во всех уголках мира будет глубокой и близкой. Все мы особые по расе и эпохе, но мы не настолько чужие, чтобы не могли найти друг друга и общаться все как люди. Мы не искали этого. Но будем искать».

Из написанных в эти годы стихотворений в сборник, а затем в одноименную «тетрадь» Дагды вошли стихотворения № 1, 3, 11, 16, 18—20, 23, 24, 26, 27. Для будущей «Месяцовны» были написаны стихотворения № 1—10, 14—20, 22—28, 30, 35—39. Вне сборников остались стихотворения № 287—289, 291, 292, 294—298.

286. Написано в связи с празднованием дней культуры, устроенным народным университетом в Риге в мае — июне 1922 г. *Спидола*. После выхода в свет драмы Райниса «Огонь и ночь» героиня драмы Спидола стала символом человечности, движения вперед, вечной диалектики.

ПЯТЬ ЧЕРНОВЫХ ТЕТРАДЕЙ ДАГДЫ

В предисловии к первому изданию «романа» Райнис писал «„Пять черновых тетрадей Дагды“ охватывают пять поэтических сборников: «Addio bella!», «Слова змей», «Домой», «Серебристый свет», «Месяцовна». Первые три книги выпущены в 1920 году... — порознь, и в одном томике под заглавием «Три круга» (...) «Серебристый свет» вышел как вторая часть «Пяти черновых тетрадей Дагды». Теперь, после объединения всех тетрадей и после добавления к ним сборника «Месяцовна», старое название больше не годится; все сборники вместе называются «Пять черновых тетрадей Дагды». Теперь единство всей книги подчеркивается — это роман Дагды.

Вначале оно ощущалось лишь как единство внутреннее, как судьба Дагды, которая совершается во взаимоотношениях его души с внешним миром. Форма романа сначала не предполагалась. Стихотворения возникали сами по себе, как вырастает трава — без искусственного подбора со стороны садовника. В стихотворениях, как на листках дневника, выражалась последовательность явлений и душевных переживаний. Порою, ненароком, они переплетались, расходились и развивали высказанное дальше. И когда можно было наконец оглянуться на весь пройденный путь, оказалось, что написан роман об одной жизни, создано органическое творение.

Автор должен принести свои извинения за подобную форму романа, потому что он совершенно отошел от всего обычного для такого рода произведений. «Пять черновых тетрадей Дагды» правильнее было бы назвать романом становления, так как читатель имеет возможность наблюдать все процессы этого становления. Если бы хоть можно было подогнать его под рубрику «роман в стихах»! Но и этого нельзя. Роман в стихах отображает обстоятельства места и времени событий эпически — совсем как роман в прозе; здесь же, напротив, душа выражает себя в стихотворениях, как в ощущениях, отбрасывая какую бы то ни было характеристику событий: роман не в стихах, а в стихотворениях, не медлительный и непрерывный эпический поток, а отдельные, выделенные моменты (...). Книга, продолжает Райнис, была задумана как «автобиографический роман Дагды, написанный им самим. Эта автобиографичность нередко сбивала с толку, так как она еще непривычна для нашего уровня развития. ... Время и место написания книги — 1918 и 1919 годы, Кастаньола — для первых трех тетрадей; в «Словах змей» имеются отдельные более ранние стихотворения, некоторые даже времен первой ссылки и ранее; создавались они в течение всех этих долгих лет, но воедино собраны только в последние годы второй ссылки. Сборник «Домой» — это отзвуки возвращения из первой ссылки (они были опубликованы тогда же, в 1903 году, дома); они переплетаются с последним этапом второй ссылки, как мечтания ссыльного на распутии. «Серебристый свет» создан после возвращения домой в 1920 году — в Торнякальне, на Взморье и в других уголках Латвии. Он полон приветствий, да и весь является одним большим приветствием новой родине. Но скорбные звуки очень скоро стали врываться в эти восторги, и великие радости обернулись феей — Фата-Морганой,

(...) Написан «Серебристый свет» в 1921 году, а издан год спустя... Стихотворная форма оказалась необычной; необычным было построение книги; быть может, необычны и радости и восторги, выраженные в ней; так была она и воспринята. «Месяцовна» создана в 1923 году; и в том же году могла появиться в свет, задержали ее появление чувства, о которых я говорю в предисловии к роману Дагды» (русский перевод цитируется по изд.: Ян Райнис, Собр. соч. в 3-х тт., т. 1, Рига, 1954, с. 635—636. Названия упоминаемых Райнисом произведений приведены в соответствии с переводом, принятым в настоящем издании).

· «Все попавшие мне в руки тетради...» Тичино — швейцарский кантон (Итальянская Швейцария), где у озера Лугано Райнис жил в эмиграции.

Три круга

Addio bella!

*Слова эмей
Домой*

299—313.

1. *Бодио* — поселок в Итальянской Швейцарии.

3. *Эти сторнели настоящие народные песни* — прозаическое примечание Дагды. Райнис имеет в виду риторнель — строфу средневековой поэзии, сначала итальянской, а затем французской, состоящую из трех стихов.

7. *Таксус* (тис) — хвойное вечнозеленое дерево. *Глициния* — вьющееся растение.

9. *Брола* — поселок в Итальянской Швейцарии.

14. *Мьеж* — поселок во Французской Швейцарии.

15. *Герберге* — поселок в Немецкой Швейцарии.

346—366.

1—5. Стихотворения написаны как воспоминания о возвращении на родину из ссылки в Слободском. Впервые они были опубликованы в 1903 г. в 12-м номере журнала «Маяс виеса менешракст» («Ежемесячник домашнего гостя»). Позднее, помещая стихотворения в сборник, а затем — в «роман» Дагды, поэт, вместо заголовков, прибавил к некоторым из них от одной до трех строк — своеобразный зачин, в котором конкретизируется место действия и передается атмосфера путешествия. Стих. 2 было первоначально опубликовано под заглавием «В феврале».

367—393.

6. *Кокле* — латышский народный струнный музыкальный инструмент.

15. Буквальный перевод названия оригинала — «Золотые крышки колодца души». Стихотворение весьма интересно с точки зрения его формы: название одновременно является первой строкой, задающей вторую рифму, терцины,

К с. 306. *Месяцовна* — сказочный персонаж, рожденный творческой фантазией Райниса. Имеет аналогии в русской фольклорной и литературной (П. П. Ершов, «Конек-Горбунок») традиции. В ранее существовавших русских переводах («Девушка Луны» или «Дочь Луны») этот важный для восприятия творческого замысла Райниса оттенок сказочности был утрачен. «Месяцовна» дала название пятой, заключительной, «тетради» Дагды. Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы, ок. 369—286 до н. э.) — китайский философ, один из основоположников даосизма, развивавший концепцию надмирного абсолюта, находящего свое выражение в мире вещей и явлений.

11. *Лельде* — героиня пьесы Райниса «Играл я, плясал», олицетворяющая Латвию. Чтобы оживить ее, герой пьесы музыкант Тот должен пройти все круги ада. В цитированном выше предисловии к «роману» Райнис замечает, что Дагда, так же как и Тот, «безуспешно искал и не нашел Лельде». *Синиара*. Образовано от фамилии Райниса, написанной в обратном порядке. *Адрастея* (греч. миф.) — эпитет богини кары и возмездия Немезиды.

«10.5. Есть! Есть! Нашел!..» Прозаическая дневниковая запись Дагды. *Синиара* — см. выше.

40. *Impravidum ferient ruinae!* — цитата из «Од» (кн. 3, III, 8) римского поэта Горация (65 до н. э. — 8 н. э.). Речь идет о том, что правого на его пути руины мира скорее сразили бы, нежели взволновали бы.

«Рукопись этой книги стихов...» *Конфуций* (Кун-цзы, 551—479 до н. э.) — древнекитайский философ.

ПОЭМЫ

436. Впервые издана в 1910 г. Работу над поэмой Райнис начал еще в Слободском, продолжил ее в то же время, когда создавался «Эпос „1905 год“», в 1906—1907 гг. Вначале поэма имела заглавие «Песнь о солнце». Фрагменты, опубликованные в 1907 и 1908 гг. в журнале «Аусеклис» («Утренняя звезда»), озаглавлены «Под лучами солнца». Окончательный вариант названия возник под впечатлением народного праздника в Кастаньоле, на котором, как писал сам поэт, ему напомнили о давно забытом римском приветствии — «Ave sol!».

Праздник цветов. *Фивы* — древнегреческое название древнеегипетского города Уасет, известного уже в середине 3-го тысячелетия до н. э. В «Илиаде» Гомера воспето богатство «стовратных» (от множества храмовых пилонов) Фив.

Поздний закат. Эпиграф из поэмы римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.) «Энеида» (кн. 1, ст. 207).

437. Лирическая поэма Райниса, или, как он сам ее называет, «эпос детства» «Годы солнца», написана в 1924—1925 гг, 1-я песнь

была опубликована в первом номере журнала «Яунибас текас» («Гропы юности») за 1925 г. Но мысль о написании большого художественного произведения на материале своей биографии поэт вынашивал очень давно, как и мотив солнца — олицетворения дней детства и воплощения глубочайшей сути собственной личности. Образ сына солнца, которого не могут сломить тяготы жизни, неправда, потери, который способен донести до нового бесклассового общества неискаженную цельную личность, также появляется уже очень рано в его творческих замыслах, прежде всего — в набросках «Илния», над которым Райнис работал в Слободском. 25 декабря 1918 г., когда мысли об объединении автобиографической темы с темой солнца, очевидно, получили более конкретные очертания, Райнис писал: «Что я помню сам о своем начале? Солнечный день, и я лежу у забора рядом с няней. Это мое самое первое воспоминание. Какой была моя няня, каким был я сам, было ли это утро или вечер — не знаю. Ничего больше не встает в моей памяти. Когда я напрягаю память и опираюсь на разум, мне кажется, что я вспоминаю няню как старушку, вблизи — лес, приятное теплое чувство, но, возможно, это только кажется моему старому уму при взгляде в прошлое.

Мне было тогда года два, но, может быть, и это говорит всего лишь ум. Только то я знаю несомненно, что на всем моем последующем пути мой дух всего охотнее возвращался к этой картине, из которой мое сознание появилось как из гнезда, делая первые взмахи крыльями, ибо дух (человека) любит возвращаться к картине, которую благословило само счастье, даря солнышко как (поэтический) образ; первым воспоминанием было солнце, так пусть же (оно) ведет на жизненном пути и останется мне таким последним воспоминанием о моей жизни для меня и в грядущем мире».

Точные сведения. *Волю курземским крестьянам* и т. д. Курземе — историческая область Латвии, в XIX в. — Курляндская губерния. Личная свобода крестьянам губернии была предоставлена 25 августа 1817 г. «*Был я воином свободы!*» Имеется в виду стих Г. Гейне «*Enfant perdu*» («Забывший часовой в войне свободы...» — пер. М. Михайлова). *Славных земгальских родов*. Земгалия — историческая область Латвии. *Элиза Плиекшане* (1854—1897) — старшая сестра Райниса.

Пастор и укушенный палец. *Калдабруня* — село вблизи Таденавы.

Бой с петухом. *Биркерт А. Я.* (1876—1971) — латышский советский литературовед, писатель. Основные работы посвящены жизни и творчеству Райниса, с которым автор был лично знаком. Его монография о Райнисе вышла в свет еще при жизни поэта.

Солнечная тепличка «Таденава». *Латгалия* — историческая область Латвии. *Тадеуш Костюшко* (1746—1817) — польский политический и военный деятель, руководитель национально-освободительного движения 1794 г. Имеется в виду поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834). *Муравьев М. Н.* (1796—1866) в качестве военного губернатора жестоко подавлял восстание в Литве и Белоруссии, за что получил от царя титул графа, а общественным мнением был заклеймен как вешатель. В 1863—1865 гг. был генерал-губернатором Северо-Западного края.

Народная песня в пяти действиях

438. Пьеса «Вей, ветерок!» написана в Кастаньоле в марте — сентябре 1913 г. после того, как Латышское благотворительное общество в Петербурге обратилось к Райнису с просьбой подготовить новое драматическое произведение для постановки к 35-летию юбилею общества. Народный писатель Латвии Андрей Упит в своем предисловии к трехтомному собранию сочинений Райниса на русском языке так характеризовал эту пьесу: «Райнис создал ряд драм по мотивам популярных народных песен. Это драматизированные народные песни, одухотворенные фантазией картинки латышской старины, символический смысл которых так глубоко вкраплен в образы живых людей и в рассказ об их похождениях, что только ощущается, но не схватывается... «Вей, ветерок!» Райнис так и назвал: «Народная песня в пяти актах». Звуки старинных песен... здесь не только одеты в слова, но звучат и в персонажах, и во всем ходе действия. Это песня-сказка о родных дочерях и сиротке и об их женихах. Едут женихи дочек сватать, а просватали сиротку... Пьеса отличается от остальных огромной концентрированностью всего разветвленного материала, который, к тому же, отвечает требованиям триединства классической поэтики — все действие происходит в течение одного дня в одной сельской усадьбе. Количество действующих лиц ограничено. Все это способствует драматизму пьесы и превращает ее в привлекательное и популярное сценическое произведение» (т. 1, Рига, 1954, с. 19).

Исходным мотивом пьесы послужила латышская песня:

Вей, ветерок, гони челнок,
 Неси меня в Курземе.
 Хозяйка там сулила мне
 Отдать дочку за меня.
 Сулила, да не отдала,—
 Мол, большой я пьяница.
 Мол, большой я пьяница,
 Коня хлещу, не жалею.
 Разве на чужие пью
 И чужих коней хлещу?
 На свои денежки пью,
 Своего коня хлещу,

В черновых заметках к пьесе, датированных 14 апреля 1913 г., Райнис пишет: «Основная мысль: Улдис — пролетарий, основа общества, не может с налету завоевать сиротку — нежность чувств. В столкновении она гибнет. Но он уносит ее с собой, он обретет ее, преобразясь... Здесь (в Прологе. — *Ред.*) властвует ощущение «Тех, которые не забывают». Это ощущение моих юных дней. Сама пьеса продолжает мысль Пролога: как подарить свободу родине, как сохранить ее благородство, как приумножить ее культуру».

Завершая работу над пьесой, Райнис записывает 27 августа 1913 г. в своем дневнике: «Мною владело одно лишь чувство — чувство жалости к обоим влюбленным: их почти ничто не разделяло, однажды встретясь, они так хорошо могли бы понять и почувство-

вать друг друга. Но все-таки это не могло кончиться добром. Ибо: чем больше сходство характеров, тем упорней борьба между ними, тем быстрее наступает трагическая развязка. Трагедия и счастье так близко соседствуют».

Курземе — историческая область Латвии. *Краслава* — город на берегу Даугавы; известен с конца X в. *Стабураг* — скала на берегу Даугавы, с которой связаны народно-поэтические легенды. *Лиго* — см. примеч. 54.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Ян Райнис в 1920-е годы.
2. *Между с. 64 и 65.* Ян Райнис. 1894 г.
3. *На обороте.* Ян Райнис в Слободском. Июнь 1899 — май 1903 г.
4. *Между с. 96 и 97.* Райнис и Аспазия. 1905 г.
5. *На обороте.* Ян Райнис. 1905 г.
6. *Между с. 288 и 289.* Ян Райнис в личной библиотеке. 1920-е годы.
7. *На обороте.* Ян Райнис. 1929 г. Последняя фотография поэта.
8. *Между с. 320 и 321.* Таденава. Родина Райниса. Дом-музей поэта.
9. *На обороте.* Памятник на могиле Яна Райниса в Риге.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Поэзия Яна Райниса. Вступительная статья Саулцерите Виесе. Перевод Жанны Эзит	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

* 1. Минутка выдастся — я сажусь... Перевод С. Ботвинника	41
2. Крестьянин. Перевод Ал. Ревича	41
* 3. Хватит уж спячки. Перевод С. Ботвинника	41
* 4. Не отчаиваться! Перевод А. Щербакова	42
* 5. «Духу ни вперед, ни ввысь...» Перевод С. Ботвинника	43
* 6. «Сердце изгрызла...» Перевод С. Ботвинника	43
* 7. «Снова и вечно то же, то же...» Перевод С. Ботвинника	43
8. Юношам. Перевод Вл. Невского	44
9. Он это знал. Перевод И. Ринка	44
** 10. Сердце холодное, сердце гордое... Перевод А. Щербакова	46
* 11. «„Господи боже...“» Перевод С. Ботвинника	46
* 12. Плоть и дух. Перевод С. Ботвинника	47
* 13. «Комнатка с железной...» Перевод С. Ботвинника	49
* 14. Рано утром. Перевод С. Ботвинника	50
15. Вечность, Перевод В. Шефнера	50

¹ Знаком * помечены стихотворения, переведенные на русский язык впервые; знаком ** — переведенные заново специально для данного сборника.

** 16.	Бывший друг. Перевод Ю. Абызова	52
** 17.	Люди и боль. Перевод А. Щербакова	52
18.	Глубочайшие думы. Перевод В. Брюсова	52
19.	Любящие отечество. Перевод И. Ричка	53
20.	Понемногу. Перевод Ал. Ревича	53
21.	На пороге вечности. Перевод Н. Манухиной	53
22.	Поздний вечер. Перевод Е. Полонской	54
23.	Слова. Перевод В. Третьякова	54
24.	Идущий в гору. Перевод Ал. Ревича	55
25.	Первые вестники. Перевод Вс. Рождественского	55
** 26.	Стоны моря. Перевод А. Щербакова	55
* 27.	Жаждающая земля. Перевод С. Ботвинника	56
28.	Королева. Перевод Ал. Ревича	56
29.	Теплая волна дыханья. Перевод Л. Хвостенко	57
** 30.	Светлое счастье. Перевод А. Щербакова	58
31.	Полевые лилии. Перевод С. Шервинского	58
** 32.	За ночь. Перевод А. Щербакова	59
** 33.	Дым паровоза (Детское воспоминание). Перевод А. Щербакова	59
** 34.	Сам. Перевод А. Щербакова	59
35.	Блудный сын. Перевод Ал. Ревича	60
36.	Размышления в ночь накануне нового века. Перевод В. Бугаевского	60
** 37.	Судный день. Перевод А. Щербакова	65
38.	Предгрозье. Перевод Ал. Ревича	67
39.	Вперед! Перевод Н. Асанова	68
40.	Сломанные сосны. Перевод Вс. Рождественского	68
41.	Руководство для бережливых. Перевод Ю. Абызова	69
** 42.	Пали росы. Перевод А. Щербакова	69
43.	Старые недуги. Перевод В. Брюсова	70
** 44.	Перед бурей. Перевод Г. Горского	70
** 45.	В сердце смута. Перевод М. Борисовой	71
** 46.	Вечерний покой. Перевод Ал. Ревича	71
47.	Элегия	
	1. «„Мне этого не вынести, отец.» Перевод В. Бугаевского	72
	2. «„Ну разве мог тебя я удержать?» Перевод Ал. Ревича	72
48.	Равнодушные. Перевод А. Островского	73
49.	Песня фабричной девушки. Перевод Н. Павлович	73
50.	Озаренные листья. Перевод Ал. Ревича	74
51.	Весенние дни. Перевод Ал. Ревича	75
** 52.	Fiat justitia! Перевод А. Островского	76
53.	Единственная звезда. Перевод А. Корчагина	79
54.	Былое. Перевод Ал. Ревича	79
55.	«Зимой ушел я» Перевод А. Глобы	80
56.	Большие глаза. Перевод Вс. Рождественского	81

57.	Зимние сумерки. Перевод Вс. Рождественского	83
58.	Клейменные смертью. Перевод Е. Великановой	83

59.	Печальная береза. Перевод Вс. Рождественского . . .	84
** 60.	Тягота. Перевод А. Щербакова	84
** 61.	Радости. Перевод А. Щербакова	84
62.	Первые жертвы. Перевод А. Глобы	85
** 63.	Шаги солнца. Перевод Д. Виноградова	86
64.	Что я знаю. Перевод Д. Самойлова	87
** 65.	У дерева в чистом поле. Перевод А. Щербакова	87
66.	Замок Свста. Перевод Вс. Рождественского	88
** 67.	Из окна вагона. Перевод А. Щербакова	88
** 68.	Закрытие врат. Перевод А. Щербакова	89
69.	«Солнце землю нашу. . .» Перевод Вл. Невского	89
70.	Мехи ветра. Перевод Т. Спендиаровой	90
** 71.	Зеленая власть весны. Перевод А. Щербакова	90
72.	Вестница-синичка. Перевод Ю. Абызова	91
73.	Выходите! Перевод А. Островского	92
74.	Дети сумерек. Перевод Е. Великановой	93
75.	К морю! Перевод Т. Спендиаровой	93
** 76.	Честный либерал. Перевод Д. Виноградова	94
** 77.	Что сеятелю тужить! . . . Перевод Ю. Абызова	94
78.	Время героев. Перевод Б. Томашевского	95
79.	Мелькающие огни. Перевод Е. Великановой	96
80.	Через край. Перевод Д. Виноградова	97
81.	Нарыв. Перевод Е. Великановой	97
82.	Что бы ни было. Перевод Е. Полонской	98
83.	В вечном созвучии. Перевод Вс. Рождественского	98
84.	Тюремные стены. Перевод Т. Спендиаровой	99
85.	Стань твердой, мысль! Перевод В. Брюсова	99
86.	Дурной сон. Перевод А. Андреева	100
87.	Красный сполох. Перевод Вл. Невского	102
** 88.	Так не останется. Перевод А. Щербакова	103
89.	Могилы наших героев. Перевод Вл. Невского	103
90.	Все-таки. Перевод Вл. Невского	104
** 91.	На песчаном взморье. Перевод А. Щербакова	105
** 92.	Маленький мальчик и солнечный зайчик. Перевод А. Щербакова	105
93.	Дальние отзвуки. Перевод Вс. Рождественского	106
94.	Первые плотники. Перевод В. Шефнера	107
95.	Великий покой. Перевод Г. Горского	107
** 96.	Жесткие руки. Перевод А. Щербакова	108

1906—1908

97.	«На гору меня вы отнесите. . .» Перевод Вл. Невского	109
98.	Сильное поколение. Перевод А. Ахматовой	111
** 99.	Дальние круги. Перевод А. Щербакова	112
100.	«Я сам себе творец и создатель. . .» Перевод А. Кор- чагина	112
101.	Песня уходящей девушки. Перевод Д. Самойлова	114
102.	Полдень. Перевод М. Голодного	114
103.	Хорошее поучение дорожке золота. Перевод Б. Тимофеева	115
104.	Три приметы. Перевод А. Ахматовой	115
105.	Первое и последнее слово. Перевод Ю. Абызова	115
106.	Пылинка и время. Перевод Ю. Нейман	116
107.	Упа бага. Перевод Д. Самойлова	116

** 108.	Залог вечности. Перевод М. Борисовой	116
109.	Восход. Перевод Ю. Нейман	117
** 110.	Поступь героев. Перевод М. Борисовой	117
111.	«Мать-земля потрясена виденьем...» Перевод Г. Горского	117
112.	Ужели места нет? Перевод Ю. Абызова	119
113.	Руки. Перевод С. Шервинского	120
114—128.	(Из цикла «Эпос „1905 год“»)	
** 1.	«Звери, звери, не отдам вам сына...» Перевод А. Щербакова	122
2.	Пасха. Перевод Л. Хаустова	123
3.	«Мой народ, грядущего создатель...» Перевод А. Островского	125
4.	«Тихо солнце осени спускалось...» Перевод Н. Манухиной	127
5.	«Дули день и ночь четыре ветра...» Перевод Вс. Рождественского	127
** 6.	«Слагаю песню о слезах и крови...» Перевод А. Щербакова	128
** 7.	«Вместо рощицы — пустырь унылый...» Перевод Вс. Рождественского	128
8.	«Ветры-духи ночью застопали...» Перевод Н. Павлович	130
** 9.	«Для чего свои ты прячешь раны...» Перевод Вс. Рождественского	130
** 10.	Упованья ворона. Перевод А. Щербакова	131
11.	«Бодро шел ты за победой светлой...» Перевод А. Ахматовой	132
12.	«Отчего сугробы стали таять...» Перевод Л. Хаустова	133
13.	По полям родины. Перевод Вс. Рождественского	134
14.	«Матери-земли душа пылает...» Перевод Вс. Рождественского	137
15.	Расправа в Талсах. Перевод Вс. Рождественского	140
** 129.	Чернила и кровь. Перевод А. Щербакова	144
** 130.	Средство от огня. Перевод А. Щербакова	145
131.	Ржавая цвель. Перевод Ю. Нейман	145
132.	Опять ночь. Перевод В. Брюсова	146
133.	Бедный брат. Перевод В. Брюсова	146
134.	Всесильным немецким баронам. Перевод Ю. Абызова	147
** 135.	Запретное слово. Перевод М. Борисовой	148
136.	Тает с запахом цветов. Перевод Л. Осиповой	148
137.	Неисчезающее виденье. Перевод М. Замаховской	149
138.	Умеренному. Перевод В. Брюсова	149
** 139.	Люди сказаний. Романс. Перевод С. Ботвинника	149
140.	Постоянство дней. Перевод Л. Осиповой	151
141.	Скиталец и гора. Перевод Д. Самойлова	152
142.	Пастушонок. Перевод Л. Осиповой	152
143.	Вишня и луг. Перевод Г. Шенгели	152
144.	Вьюнок. Перевод Вс. Рождественского	153
145.	Сталь. Перевод Ю. Нейман	154
146.	Алмаз. Перевод Г. Шенгели	155
147.	У яблони. Перевод М. Замаховской	155
148.	Дума горы. Перевод Д. Самойлова	155
149.	Животворный свет. Перевод Вл. Невского	156

150.	Далекие окна. Перевод Вс. Рождественского	156
151.	Соглашатели. Перевод Ю. Нейман	156
152.	«Горы, поля и долины...» Перевод Л. Осиповой	158
153.	Брат мой. Перевод Д. Самойлова	158
154.	Гвоздика. Перевод Д. Самойлова	158
155.	«Берег озера седого...» Перевод Л. Осиповой	159
** 156.	«Он затмил нам очи...» Перевод А. Щербакова	159
157.	Слова оврага. Перевод М. Зенкевича	160
158.	Ранний путь. Перевод Ю. Нейман	160
159.	Роса и ягоды. Перевод Г. Шенгели	161
160.	На высоте. Перевод М. Борисовой	161
161.	Пир и призрак. Перевод Ю. Нейман	161
162.	Patet janua, eхi! Перевод В. Брюсова	162
** 163.	Сухая сосна. Перевод А. Щербакова	162
** 164.	Красная нить. Перевод А. Щербакова	163
165.	Родине. Перевод Д. Самойлова	163
** 166.	Мои друзья. Перевод А. Щербакова	164
167.	Val ogva. Перевод В. Бугаевского	165
168.	Песня сестрицы. Перевод Ю. Нейман	165
169.	Старые истины. Перевод Г. Горского	166
170.	Полноценный человек. Перевод Вл. Невского	166
** 171.	Молодой рой. Перевод М. Борисовой	167
** 172.	Сумерки. Перевод Л. Осиповой	168
173.	Salvel Перевод А. Ахматовой	169
** 174.	Дай срок. Перевод М. Борисовой	169
175.	Пути песенки. Перевод Ю. Петрова	170
176.	Мои враги. Перевод В. Брюсова	171
177.	Берега Даугавы. Перевод Вас. Федорова	171
178.	«В книге с черными листами...» Перевод Г. Шенгели	171
179.	Партия порядка. Перевод Ю. Нейман	172
180.	Одиночка. Перевод Д. Самойлова	173
181.	Женское сердце. Перевод Н. Манухиной	173
182.	Детские уста. Перевод В. Шефнера	174
183.	Удивительный язык. Перевод Ю. Нейман	174
** 184.	Дорогой гость. Перевод М. Борисовой	176
** 185.	Творец. Перевод А. Щербакова	176
186.	Утешение. Перевод Н. Подгоричани	176
** 187.	Каждая боль. Перевод М. Борисовой	177
188.	О мелочах. Перевод Ю. Нейман	177
189.	Пламя привета. Перевод С. Шервинского	178
190.	Романс. Перевод Вас. Федорова	178
191.	Современная интеллигенция. Перевод Г. Горского	179
192.	Челн усопших. Баркарола Даугавы. Перевод Г. Горского	179
193.	Готовность. Перевод Вс. Рождественского	180
194.	Великий свет. Перевод В. Бугаевского	180
** 195.	Счастливые юноши. Перевод С. Ботвинника	181

1909—1912

196.	Наши дни. Перевод Л. Хвостенко	184
** 197.	«За чернотою этих строк...» Перевод М. Борисовой	185
** 198.	Одинокая скала. Перевод М. Борисовой	185
** 199.	Вселенское одиночество. Перевод А. Щербакова	185
** 200.	Атом. Перевод А. Щербакова	187

201.	Кукушка. Перевод Л. Осиповой	188
202.	Лесной голубь. Перевод Л. Осиповой	188
** 203.	Мир и душа. Перевод А. Щербакова	189
204.	Когда б... Перевод В. Тушиновой	190
205.	Несомкнутое кольцо. Перевод В. Тушиновой	191
206.	Щедрая рука. Перевод А. Ахматовой	191
** 207.	Травы утром. Перевод М. Борисовой	191
208.	Вопросы девушки. Перевод В. Брюсова	191
** 209.	Два торжества. Перевод М. Борисовой	192
210.	Когда ночь. Перевод В. Тушиновой	192
211.	Несущие гроб. Перевод Ю. Петрова	193
** 212.	Страх существа. Перевод М. Борисовой	193
213.	На старом месте. Перевод А. Островского	194
** 214.	Юному другу. Перевод А. Щербакова	194
** 215.	Росток. Перевод М. Борисовой	195
** 216.	В предвечерний час. Перевод М. Борисовой	195
217.	Боль и надежда. Перевод Д. Самойлова	195
218.	Памяти друзей. Перевод Вл. Невского	196
** 219.	Несправедливость. Перевод М. Борисовой	196
220.	Живая жизнь. Перевод Н. Манухиной	197
** 221.	Пролетарий-атлант. Перевод М. Борисовой	197
222.	Чаша с драгоценностями. Перевод А. Ахматовой	198
223.	Pietà! Перевод Н. Манухиной	198
** 224.	Подруга и Друг. Перевод М. Борисовой	198
** 225.	Солнечная долина. Перевод М. Борисовой	199
226.	Охалка зелени. Перевод С. Шервинского	199
** 227.	Сто желаний. Перевод М. Борисовой	201
** 228.	Налившееся яблоко. Перевод М. Борисовой	201
229.	Чир. Перевод В. Корнилова	202
230.	Волчье логово. Перевод Н. Манухиной	202
231.	Твоя рука. Перевод Вл. Невского	203
232.	Летняя пора. Перевод В. Шефнера	203
** 233.	Порог. Перевод М. Борисовой	203
234.	Дождь моросит... Перевод С. Шервинского	204
235.	Воплощающаяся душа. Перевод Вл. Невского	204
236.	Вопрос. Перевод Вл. Невского	204
** 237.	Моя радость. Перевод М. Борисовой	205
** 238.	Ночное озеро. Перевод М. Борисовой	205
** 239.	Радость и труд. Перевод М. Борисовой	206
240.	Ночные видения. Перевод Д. Виноградова	206
241.	Красная сотня. Перевод Е. Полонской	207
** 242.	Отчалившая лодка. Перевод М. Борисовой	208
243.	Текучая вода. Перевод Вл. Невского	208
** 244.	Всходы на поле. Перевод А. Щербакова	209
** 245.	Искатели. Перевод А. Щербакова	209
** 246.	Мы ковали, мы мололи... Перевод Ю. Абызова	210
247.	Смерть народа. Перевод Ю. Петрова	210
** 248.	Палый лист. Перевод А. Щербакова	211
249.	Нет сил терпеть. Перевод А. Ахматовой	211
250.	Затерявшийся в мире. Песня деревенского мальчика на чужбине. Перевод Д. Виноградова	212
251.	Чужестранная девушка. Перевод Д. Виноградова	213
252.	Прощание с товарищем, которого похоронили на чужбине. Перевод Д. Виноградова	214
253.	Юных дней моих земля. Перевод Н. Асанова	214

	254. Птица, листья и дождь. <i>Перевод Л. Осиповой</i>	215
**	255. «Носился ветерок — да сгинул. . .» <i>Перевод А. Щербакова</i>	215
	256. Из глубины. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	216
	257. Просторная родина. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	216
	258. Рыбари. <i>Перевод Н. Манухиной</i>	218
	259. Переключка. <i>Перевод А. Глобы</i>	218
	260. Жизнь в переплавку. <i>Перевод Ю. Абызова</i>	219
	261. Все и один. <i>Перевод Ю. Абызова</i>	221
**	262. Долгожданное письмо. <i>Перевод М. Борисовой</i>	223
**	263. Сорвусь нечаянно. <i>Перевод М. Борисовой</i>	223
	264. Великий Май. <i>Перевод Вл. Невского</i>	223
**	265. Змеиные ягоды. <i>Перевод М. Борисовой</i>	225
	266. Время! <i>Перевод А. Корчагина</i>	225
	267. Жажда. <i>Перевод Л. Осиповой</i>	226
	268. Долгие годы. <i>Перевод А. Корчагина</i>	227
**	269. Цели существа. <i>Перевод М. Борисовой</i>	228
	270. Поздний гость. <i>Перевод В. Корнилова</i>	228
**	271. Ленивый ученик. <i>Перевод М. Борисовой</i>	229
**	272. Две жизни существа. <i>Перевод М. Борисовой</i>	230
**	273. Всё притупилось. <i>Перевод М. Борисовой</i>	230
**	274. «Опомнюсь ото сна или работы. . .» <i>Перевод М. Борисовой</i>	231
**	275. «Лечу, лечу. . .» <i>Перевод А. Щербакова</i>	232
**	276. Ваши очи. <i>Перевод М. Борисовой</i>	232
	277. Класс основной, тебе! <i>Перевод Н. Манухиной</i>	233
**	278. Всесильный. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	233
	279. Конец и начало. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	237
	280. Странник. <i>Перевод Л. Осиповой</i>	241

1913—1920

*	281. «Изведал боль до самого конца я. . .» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	244
	282. Майский манифест. <i>Перевод А. Островского</i>	244
*	283. Уход огненной души. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	246
*	284. «Врага чужого мы одолеваем. . .» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	248
	285. Желанный май. <i>Перевод Г. Семенова</i>	248

1921—1929

**	286. Приветствие Детям Света. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	250
	287. Как столкнуться нам? <i>Перевод А. Корчагина</i>	251
	288. Любовь и благородство. <i>Перевод В. Корчагина</i>	251
	289. По примеру мая. <i>Перевод А. Гатова</i>	251
*	290. О себе. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	252
	291. Кузнец своего счастья. <i>Перевод В. Корчагина</i>	253
	292. Ищущему. <i>Перевод Ю. Абызова</i>	253
	293. «В миг один рождаются сотни мыслей. . .» <i>Перевод В. Корчагина</i>	253
	294. «О, как узок круг, доступный зренью! . . .» <i>Перевод В. Корчагина</i>	253

295. Наша культура. <i>Перевод</i> <i>Вл. Невского</i>	254
296. «Над землей простерлись дуги небосвода...» <i>Перевод</i> <i>В. Корчагина</i>	254
297. Слово художника. <i>Перевод</i> <i>В. Корчагина</i>	255
* 298. Немое море. <i>Перевод</i> <i>С. Ботвинника</i>	256

(ИЗ «РОМАНА В СТИХОТВОРЕНИЯХ»)

ПЯТЬ ЧЕРНОВЫХ ТЕТРАДЕЙ ДАГДЫ¹

** «Все попавшие мне в руки тетради и письма...» <i>Перевод</i> <i>А. Щербакова</i>	259
--	-----

ТРИ КРУГА

Addio bella!
Слова змей
Домой

299—313. Addio bella!

Тетрадь первая

* «От неизвестной мне итальянской дамы...» <i>Перевод</i> <i>А. Щербакова</i>	261
** 1. «Пусто в груди...» <i>Перевод</i> <i>А. Щербакова</i>	263
2. Fiore di maggio. <i>Перевод</i> <i>С. Шервинского</i>	264
3. О чем поют итальянские парни. <i>Перевод</i> <i>С. Шервинского</i>	264
** 4. «„Ты видишь, раде, вновь туманом даль объята...“» <i>Перевод</i> <i>О. Ивинской</i>	265
5. «„A givederçi!“ — губы дрожью сводит...» <i>Перевод</i> <i>О. Ивинской</i>	266
6. «По ночам тоскуют звезды...» <i>Перевод</i> <i>С. Шервинского</i>	266
7. «Как утро начинать с тяжелым сердцем нам...» <i>Перевод</i> <i>О. Ивинской</i>	267
** 8. «Давно бы жизни ношу сбросил я...» <i>Перевод</i> <i>О. Ивинской</i>	267
9. «Ночью ходит гром — где-то возле дома...» <i>Перевод</i> <i>О. Ивинской</i>	267
10. Monte Generoso. <i>Перевод</i> <i>С. Шервинского</i>	268

¹ Переводы стихотворных и прозаических эпиграфов к «тетрадам» Дагды выполнены А. Щербаковым.

11.	«Вчера я чувствовал: сержусь...»	Перевод С. Шервинского	268
* 12.	«Всей красоты источник — женщина...»	Перевод С. Шервинского	268
13.	«Так долго, медленно прядет свои волокна...»	Перевод О. Ивинской	269
* 14.	«И вот уходят все, кого любил я... Из горной тени, сизой и сырой... Топь, и кочка в ней бугрится...»	Перевод А. Щербакова	269
* 15.	«Часами, вяло тянутся облака. „Да будут здравы мои сестры в твоём краю!..“»	Перевод А. Щербакова	269
* «По некоторым названиям местностей...»	Перевод А. Щербакова		270

314—345. Слова змей

Тетрадь вторая

** 1.	«Тянулся к солнцу я и веровал душою...»	Перевод А. Щербакова	271
2.	«Верней товарища душа моя не знает...»	Перевод О. Ивинской	271
3.	Это было так давно.	Перевод А. Ахматовой	271
4.	Аромат поляны.	Перевод А. Ахматовой	272
5.	Друзья ребенка.	Перевод А. Ахматовой	272
6.	Детское горе.	Перевод А. Ахматовой	272
7.	Бегство.	Перевод А. Ахматовой	273
** 8.	Злая звезда.	Перевод О. Ивинской	273
9.	Старый ларь.	Перевод А. Ахматовой	273
** 10.	Глаза змея.	Перевод О. Ивинской	274
11.	Ненасытное сердце.	Перевод О. Ивинской	274
12.	Ворота.	Перевод О. Ивинской	274
13.	Сады.	Перевод О. Ивинской	275
** 14.	Милые улыбки.	Перевод О. Ивинской	275
15.	Внешний мир.	Перевод О. Ивинской	275
16.	Осень.	Перевод А. Ахматовой	276
17.	Холод мира.	Перевод О. Ивинской	276
18.	Защитник.	Перевод А. Ахматовой	276
19.	У преддверья земли.	Перевод А. Ахматовой	277
20.	Страж жизни.	Перевод В. Бугаевского	277
21.	Великие круги.	Перевод А. Ахматовой	278
** 22.	Самоотторжение духа.	Перевод О. Ивинской	278
** 23.	Жизнь есть движение...»	Перевод А. Щербакова	278
24.	С той стороны.	Перевод А. Ахматовой	279
** 25.	Перемол.	Перевод О. Ивинской	279
** 26.	Змея ужалит...»	Перевод О. Ивинской	279
** 27.	Тысячецвет.	Перевод М. Борисовой	280
** 28.	Которая это змея?»	Перевод О. Ивинской	280
29.	Отвратительное бремя.	Перевод О. Ивинской	280
30.	Слова.	Перевод О. Ивинской	281
31.	Не только жить.	Перевод А. Ахматовой	281
32.	«Сегодня я окошко не закрою...»	Перевод А. Ахматовой	281

МЕЧТЫ ССЫЛЬНОГО, ГРЕЗЫ ИЗГНАННИКА

Тетрадь третья

1. «Домой! Домой!..» *Перевод В. Бугаевского* . . . 282
2. «Облачко, тая..» *Перевод В. Бугаевского* . . . 282
3. «Глянь, красота какая..» *Перевод Ю. Абызова* . . . 283
4. «Глянь на Волгу!..» *Перевод Л. Осиповой* . . . 283
5. «Красота и даль, даль, даль!..» *Перевод В. Бугаевского* . . . 284
6. «Рассвет, рассвет!..» *Перевод В. Бугаевского* . . . 284
- ** 7. «От города до города..» *Перевод А. Щербакова* . . . 285

НЕПОВТОРИМАЯ КАРТИНА

8. «Неожиданно замерло сердце..» *Перевод Л. Осиповой* . . . 286
9. Озеро. *Перевод Л. Осиповой* . . . 286
- ** 10. Холм Фелькерзама. *Перевод Л. Осиповой* . . . 287
- ** 11. Месяцовна. *Перевод Л. Осиповой* . . . 288
- ** 12. Дом. *Перевод О. Ивинской* . . . 288
- ** 13. Чулан. *Перевод А. Щербакова* . . . 289

БАГРОВЫЕ СНЫ

- ** 14. «Навстречу мне черная туча..» *Перевод А. Щербакова* . . . 289

КРУЖА ВОКРУГ ДОМА

15. «Из стужи — в холод..» *Перевод Д. Виноградова* 290
16. Кружж вокруг. *Перевод Д. Виноградова* . . . 290
17. Обездолители нас. *Перевод Д. Виноградова* . . . 291

В ПОГОНЕ

18. Где покой? *Перевод В. Бугаевского* . . . 292
19. «Вспыхнул ты, и это значит..» *Перевод Д. Виноградова* . . . 293
20. Обновление. *Перевод Д. Виноградова* . . . 293
21. Мечта. *Перевод В. Бугаевского* . . . 294

367—393. Серебристый свет

ГОД МИРАЖА НА РОДИНЕ

Тетрадь четвертая

1. «Вы — родина и жизнь, земных симфоний..» *Перевод К. Арсеновой* . . . 295
- ** 2. «И тайны прежние остались тайнами..» *Перевод А. Щербакова* . . . 295

** 3.	«И вот уже цветы...»	Перевод А. Щербакова	296
4.	«В долине всё...»	Перевод Л. Осиповой	296
5.	«Окутан солнца...»	Перевод Л. Осиповой	297
6.	«Смешься ты...»	Перевод Л. Осиповой	297
7.	«Как за лесом, за горою...»	Перевод Л. Осиповой	297
8.	«Летает ворон с чайкой белой...»	Перевод Л. Осиповой	298
** 9.	«Одна звезда...»	Перевод Л. Осиповой	298
** 10.	«Две звезды...»	Перевод А. Щербакова	298
11.	«Так робко сыплет редкий снег...»	Перевод М. Зенкевича	299
12.	«Мотылек золотой, как тебя не любить?..»	Перевод Л. Осиповой	299
13.	«Волны плещутся бурливо...»	Перевод Л. Осиповой	299
14.	«Не чудо ль на столе мсем цветет?..»	Перевод В. Алатырцева	300
15.	Златые створки на очах твоих.	Перевод Л. Осиповой	300
16.	«Лишь боль мне юным сердце сохранила...»	Перевод Л. Хвостенко	300
17.	Ты снова в бой пойдешь.	Перевод М. Замаховской	301
18.	«Я всех любил вас равною любовью...»	Перевод А. Штейнберга	301
19.	«Я голубем вернулся раньше срока...»	Перевод Д. Виноградова	301
20.	«Сегодня воздух с морем перемешан. На ветерке висит рубаха, сохни. Уйду, смеясь! Кто скажет мне хоть слово!..»	Перевод Д. Виноградова	302
21.	«Осыпались цветы в одно мгновение...»	Перевод Д. Виноградова	302
22.	«Ходят люди мимо дома...»	Перевод Д. Виноградова	303
23.	«Целуй меня, как я тебя целую...»	Перевод Д. Виноградова	303
24.	«Я ужожу... Какое испытанье!..»	Перевод К. Арсеньевой	303
25.	«Всё счастье в жизни женщины мне дали...»	Перевод Д. Виноградова	304
26.	«Смети весь мир, развежь без сожаленья...»	Перевод Д. Виноградова	304
27.	«Сквозь смертный сон я голос твой услышу...»	Перевод Д. Виноградова	304
■	«Нынешней осенью...»	Перевод А. Щербакова	305

394—435. Месяцовна

Н О В Е Л Л А

Тетрадь пятая

** 1.	Ночь, луна и две звезды. Зеленые зеркальца. Зов во сне.	Перевод А. Щербакова	306
** 2.	Пена над волною.	Перевод А. Щербакова	307
3.	Тонкий волосок.	Перевод А. Тарковского	307
** 4.	«Прочны мои объятия, как броня... „Куда же ты? — «В могилу!» — Ох и слово!»	Перевод А. Щербакова	307

** 5.	Сердцевинка и сердце. Не стесняйся. <i>Перевод А. Щербакова</i>	308
	6. Первое письмо. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	309
** 7.	Воск в руке. <i>Перевод А. Щербакова</i>	309
** 8.	Я ведь не вечна. <i>Перевод А. Щербакова</i>	309
** 9.	Колючая чаша. <i>Перевод А. Щербакова</i>	310
** 10.	Но вечна память. Огонек костра. На новолунье. <i>Перевод А. Щербакова</i>	310
** 11.	Оливия. Адрастея. <i>Перевод А. Щербакова</i>	311
** 12.	Странствие месяцовны. <i>Перевод А. Щербакова</i>	311
** 13.	Завеса тьмы. Душа увядает. <i>Перевод А. Щербакова</i>	312
*	«10.5. Есть! Есть! Нашел!..» <i>Перевод А. Щербакова</i>	312
** 14.	Есть! Любимая моя сирень. <i>Перевод А. Щербакова</i>	313
** 15.	Месяц-лодочка. <i>Перевод А. Щербакова</i>	313
** 16.	Пути-дороги к счастью. <i>Перевод А. Щербакова</i>	314
** 17.	Астры. <i>Перевод А. Щербакова</i>	315
** 18.	Миг. <i>Перевод А. Щербакова</i>	315
** 19.	Тень на цветке. <i>Перевод А. Щербакова</i>	316
** 20.	Негожий любовник. <i>Перевод А. Щербакова</i>	316
	21. Внезапное лето. <i>Перевод А. Тарковского</i>	316
** 22.	Ответь на любовь. <i>Перевод А. Щербакова</i>	317
** 23.	В серебряных блестках. <i>Перевод А. Щербакова</i>	317
** 24.	Вьсь. <i>Перевод А. Щербакова</i>	317
*	«9.10. Приходит осень — душа переполнена..» <i>Перевод А. Щербакова</i>	318
** 25.	Приходит осень. <i>Перевод А. Щербакова</i>	318
** 26.	Отлет журавлей. <i>Перевод А. Щербакова</i>	319
** 27.	Отрешенная красота природы. <i>Перевод А. Щербакова</i>	319
	28. Улыбки месяца. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	319
** 29.	Темные глаза и наливной румянец. Стреножить время. <i>Перевод А. Щербакова</i>	320
	30. Отражение. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	321
** 31.	Порванные муки. <i>Перевод А. Щербакова</i>	321
** 32.	Немолчные муки. <i>Перевод А. Щербакова</i>	322
	33. Ломается судьба. <i>Перевод А. Тарковского</i>	322
** 34.	Ухожу сам к себе. <i>Перевод А. Щербакова</i>	322
	35. Где ты сам? <i>Перевод Ю. Петрова</i>	323
	36. Ночь об этом молчит. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	324
	37. Что такое ночь? <i>Перевод Ю. Петрова</i>	324
	38. Беседа. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	325
** 39.	Плач. <i>Перевод А. Щербакова</i>	326
	40. Прощание. <i>Перевод Е. Великановой</i>	326
	41. Рука с перстнем. <i>Перевод А. Тарковского</i>	327
*	«Рукопись этой книги стихов..» <i>Перевод А. Щербакова</i>	327

ПОЭМЫ

	436. Ave soll <i>Перевод Н. Манухиной</i>	331
*	437. Годы солнца. Эпос детства. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	354

ВЕЙ, ВЕТЕРОК!

Народная песня в пяти действиях

438. «Вей, ветерок, гони челнок...»	Перевод Н. Асеева	369
Примечания.	Перевод Л. Тюриной	507
К иллюстрациям		529

Ян Райнис

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1981. 544 стр. План выпуска 1981 г. № 435
Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *М. А. Ульянова* и
Э. Г. Игнатова
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 2599

Сдано в набор 7.06.81. Подписано к печати 5.10.81. М 44718. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 29,08. Уч.-изд. л. 24,09. Тираж 40 000 экз. Заказ № 493. Цена 2 р. 20 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

